

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Алейников О. Ю.</i> СЕМАНТИКА ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»	5
<i>Ахметова Г. А.</i> ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО В ПРОЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО	9
<i>Бобрицких Л. Я.</i> ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (Н. ЯЗЫКОВ «ЕВПАТИЙ», Л. МЕЙ «ПЕСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА», С. ЕСЕНИН «ПЕСНЬ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ»)	14
<i>Вальтер Н. В.</i> СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС?	19
<i>Васильева М. А.</i> «ВЗАИМНО ИСКАЖАЯ ОТРАЖЕНИЯ»: МОТИВ ДВОЙНИКА В ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА	22
<i>Гусаков В. Л.</i> МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РОМАНЕ ИОНА ДРУЦЭ «БРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ»	28
<i>Кольцова Л. М., Эль-Мсафер Х. А.</i> СЛОВА «ДЖИНН» И «ШАЙТАН» ГЛАЗАМИ РУССКИХ И АРАБОВ	32
<i>Королева А. Н.</i> ТЕМА ДОРОГИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И М. И. ЦВЕТАЕВОЙ («ПРО ОДНУ СТАРУХУ» И «ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД»)	37
<i>Кривцова М. А.</i> И. Н. КРАМСКОЙ КАК ПУБЛИЦИСТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ	42
<i>Кувшинов Ф. В.</i> ТЕМА АФРИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА	45
<i>Лу Бо.</i> ЧАСТНЫЕ ВИДЫ СОГЛАСИЯ, ВЫРАЖЕННОГО КОММУНИКАТИВАМИ	50
<i>Малишевский И. А.</i> ОБРАЗ КАПИТАНА В «МОРСКИХ» ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА	52
<i>Недосейкин М. Н.</i> НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В РОМАНЕ Г. ФЛОБЕРА «БУВАР И ПЕКЮШЕ»	57
<i>Никитина Е. М.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»	61
<i>Розенфельд М. Я.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПИСАТЕЛЯ	64
<i>Русанова С. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК НА СЛОМЕ ТРЕХ ЭПОХ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ	68
<i>Савельева О. С.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОДКЛАССА КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	71
<i>Стернин И. А.</i> ЗНАЧЕНИЕ И СХОДНЫЕ ТЕРМИНЫ	74
<i>Страхов И. И.</i> РЕКА ПИНЕГА И ЕЕ ПРИТОКИ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТВОРЧЕСТВА М. ПРИШВИНА	78
<i>Черкунова Е. В., Пинаева Д. А.</i> А. Н. БОРАТЫНСКИЙ: ВНУК ПОЭТА И ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА	80
<i>Шелева А. А.</i> АНЕКДОТ У Н. С. ЛЕСКОВА И М. А. БУЛГАКОВА	86

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Золотухин А. А., Мажарина Ю. Н.</i> ЛОНГРИД, СНОУФолл, мультимедийная история – как новые вершины журнализма?	93
<i>Качанов Д. Г., Шестерина А. М.</i> Понятие спортивного телевизионного дискурса	97
<i>Козлова Н. Н.</i> Российская провинция в журнале «Вестник Европы» 1880-х гг.	100
<i>Колобов В. В.</i> Поэт Анатолий Жигулин – об Александре Твардовском и журнале «Новый мир» (по материалам писательского архива А. В. Жигулина)	107
<i>Мухин О. В.</i> К вопросу об использовании средств информационной войны в российской прессе в XXI веке (на примере событий на Украине)	116
<i>Коровченко И. И.</i> К вопросу о функциях медианоминации	119
<i>Курганова Е. Б.</i> Игровые технологии в стимулировании персонала	123
<i>Перевалова Е. В.</i> Программа русского либерализма в первые годы правления Александра II (по материалам журнала М. Н. Каткова «Русский вестник»)	125
<i>Перцев С. С.</i> Особенности воронежского телевидения в период его становления (50-е годы XX века)	133
<i>Пинчук О. В.</i> Информационные потребности и запросы детской аудитории	135
<i>Сабирова В. К.</i> Жанр путевых очерков в творчестве А. Алаева	144
<i>Сидоров В. А.</i> Медиантерпретации смыслов «культурно побуждающей среды»	148
<i>Сундуков А. С., Яковлев М. Н.</i> Композиционно-графическая модель журнала «Нива»	153
<i>Черванева В. А.</i> Мифологические рассказы как феномен коммуникации	155
<i>Юмашев Д. О.</i> Анимация в системе массмедиа: коммуникативный потенциал	159
Правила для авторов	163

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2015. № 2. April – June

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Aleinikov O. Yu.</i> SEMANTICS OF THE CHARACTER'S NAMES IN ANDREI PLATONOV'S STORY «DZHAN».....	5
<i>Akhmetova G. A.</i> VISUAL REPRESENTATION OF METAPHYSICAL IN THE PROSE OF LEO TOLSTOY.....	9
<i>Bobritskikh L. Ya.</i> EVPATY KOLOVRAT IN HISTORY OF RUSSIAN POETRY.....	14
<i>Valter N. V.</i> DOES ADVERTISING DISCOURSE EXIST?.....	19
<i>Vasilieva M. A.</i> MOTIVE EVOLUTION IN GEORGY IVANOV'S LYRICS.....	22
<i>Gusakov V. L.</i> THE MOLDOVAN NATIONAL CHARACTER IN THE NOVEL BY ION DRUTSE («BREMIA NASHEI DOBROTY»).....	28
<i>Koltsova L. M., Al-Msafer K. A.</i> THE WORD «JINN» AND «SHAITAN» THROUGH THE EYES OF RUSSIAN AND ARABS.....	32
<i>Koroleva A. N.</i> THE THEME OF THE ROAD IN WORKS OF I. S. SHMELEV AND M. I. TSVETAeva «THE STORY OF A WOMAN» AND «FREE RIDE».....	37
<i>Krivtsova M. A. I. N.</i> KRAMSKOY AS PUBLICIST AND PUBLIC FIGURE.....	42
<i>Kuvshinov F. V.</i> THE TOPIC OF AFRICA IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST THIRD OF THE XX-TH CENTURY.....	45
<i>Lu Bo.</i> PARTICULAR TYPES OF CONSENT EXPRESSED COMMUNICATIVES.....	50
<i>Malishevskiy I. A.</i> IMAGE OF CAPTAIN IN "SEA" TEXTS OF I. A. BUNIN.....	52
<i>Nedoseykin M. N.</i> SCIENTIFIC OUTLOOK NOVEL OF GUSTAVE FLAUBERT «BOUVARD AND PECUCHET».....	57
<i>Nikitina E. M.</i> ARTISTIC PARALLELISM OF ANIMALISTIC IMAGES AND HUMAN LIFE IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL «TIKHIY DON».....	61
<i>Rozenfeld M. Ya.</i> THE EXPERIMENTAL RESEARCH OF THE WRITER'S INDIVIDUAL LEXICON.....	64
<i>Rusanova S. V.</i> THE RUSSIAN LANGUAGE AT THE TURN OF THREE ERAS: FEATURES OF THE LANGUAGE SITUATION.....	68
<i>Savelyeva O. S.</i> SEMANTIC STRUCTURE OF CONCRETE NOUNS OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	71
<i>Sternin I. A.</i> MEANING AND SIMILAR TERMS.....	74
<i>Strakhov I. I.</i> PINEGA AND ITS TRIBUTARIES IN THE NAMES SPACE OF M. M. PRISHVIN'S WORKS.....	78
<i>Cherkunova E. V., Pinaeva D. A. A. N.</i> BORATYNSKY: GRANDSON OF A POET AND A TRUE SON OF THE FATHERLAND.....	80
<i>Shelaeva A. A.</i> THE ANECDOTE IN WORKS OF N. S. LESKOV AND M. A. BULGAKOV.....	86

JOURNALISM

<i>Zolotukhin A. A. Mazharina Y. N.</i> LONGRIDGE, SNOWFALL, A MULTIMEDIA STORY AS A NEW VERTEX OF JOURNALISM?	93
<i>Kachanov D. G., Shesterina A. M.</i> THE CONCEPT OF SPORTS TELEVISION DISCOURSE.....	97
<i>Kozlova N. N.</i> THE RUSSIAN PROVINCE IN THE JOURNAL «HERALD OF EUROPE» OF THE 1880S.....	100
<i>Kolobov V. V.</i> THE POET ANATOLII ZHIGULIN - ABOUT ALEXANDER TVARDOVSKY AND THE MAGAZINE «NEW WORLD» (ON MATERIALS OF THE LITERARY ARCHIVE, A. C. JIGULINA)	107
<i>Mukhin O. V.</i> TO THE QUESTION ABOUT THE USE OF INFORMATION WARFARE IN THE RUSSIAN PRESS IN THE TWENTY-FIRST CENTURY (ON THE EXAMPLE OF EVENTS IN UKRAINE).....	116
<i>Korovchenko I. I.</i> TO THE QUESTION OF MEDIANOMALY	119
<i>Kurganova E. B.</i> GAME TECHNOLOGIES IN THE STAFF INCENTIVES	123
<i>Perevalova E. V.</i> THE PROGRAM OF RUSSIAN LIBERALISM IN THE EARLY YEARS OF THE REIGN OF ALEXANDER II (ACCORDING TO THE MAGAZINE M. KATKOV «RUSSIAN GAZETTE»)	125
<i>Pertsev S.S.</i> FEATURES VORONEZH TELEVISION IN ITS INFANCY PERIOD (50-IES OF XX CENTURY).....	133
<i>Pinchuk O. V.</i> INFORMATION NEEDS AND QUERIES OF THE AUDIENCE OF CHILDREN	135
<i>Sabirova V. K.</i> THE GENRE OF TRAVEL ESSAYS IN ART A. ALAEVA.....	144
<i>Sidorov V. A.</i> MEDIAINTERFACE MEANINGS CULTURALLY STIMULATING ENVIRONMENT	148
<i>Sundukov A. S., Yakovlev M. N.</i> COMPOSITE AND GRAPHICAL MODEL OF THE MAGAZINE «NIVA»	153
<i>Chervaneva V. A.</i> MYTHOLOGICAL NARRATIVES AS A PHENOMENON OF COMMUNICATION.....	155
<i>Yumashev D. O.</i> THE ANIMATION IN THE MEDIA: COMMUNICATION POTENTIAL.....	159
SUBMISSION GUIDELINES	146

СЕМАНТИКА ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена изучению семантики имён персонажей в повести А. Платонова «Джан». Выясняется, какую роль играют ориентализмы в структуре произведения. Отмечается системность отбора антропонимической лексики арабо-мусульманского происхождения. Иносказательные смыслы, реализованные в художественном тексте, выявляются также в свете значений персидских и тюркских личных имён.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, художественный текст, имя персонажа, ориентализмы, иносказания.

Abstract: the article is devoted the study to the semantics of the character's names in Andrei Platonov's story «Dzhan». Turns out, what role is played by orientalism in the structure of work. It is noted that the consistency of the selection anthropological vocabulary of Arab-Muslim origin. Allegorical senses, realized in fiction text, are also identified in the light of the values Persian and Turkic personal names.

Key words: A. Platonov's works, fictional text, the character's name, allegorical senses.

Разработке антропонимических значений в романах «Чевенгур», «Счастливая Москва», повестях «Епифанские шлюзы», «Котлован», «Ювенильное море», «военных рассказах» А. Платонова посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей¹ [1].

Вместе с тем известны трудности, возникающие при изучении личных имен персонажей из повести «Джан». Очевидная причина тому – разночтения в установлении культурных кодов, реализованных в тексте этого произведения. В круг несовпадающих ассоциаций, порожденных различными эпизодами сюжета, вовлекаются имена и события из античной, ветхозаветной, новозаветной мифологии. В научно-критической литературе Назара Чагатаева сравнивают то с Прометеем, то с Моисеем, то с Христом (в последние годы чаще, чем прежде). Существует мнение, что в имени героя Назар (с древнееврейского: «посвященный Богу») «откликается» новозаветная трагедия [2, 682].

Однако анализ записей, сделанных А. Платоновым в Туркмении, позволяет утверждать, что в ходе среднеазиатских поездок писателя почти не интересовали библейские (в том числе древнееврейские) имена, зато явно привлекала восточная ономастика, прежде всего имена тюркского, персидского и арабского происхождения – их этимология, принадлеж-

ность к мужскому и/или женскому роду, приближенный перевод.

Характерны примеры из записных книжек А. Платонова: «Ай-Султан – лунная царица» [7, 129], «Курбан-Нияз, Эмир Баба», «Сеид Мухаммед – аристокр<атическое> (?) имя туркм<енское>», «Чары Великов, чары – четвертый», «Дурды-Векиль – имя мужское», «Кочмат, имя муж<ское>», «Казанбай – имя» [7, 131], «Имена: Атах-Баба, Назар-Шакир, Ода-Кара», «Ак-Мурад-Джанар, м<ужское> имя» [7, 133], «М<ужские> имена: Ораз Бабаджан, Чекиров, Якубджанов», «Жен<ское> имя: [Джумаль] Джима-Гуль», «Жен<ские> имена: Айдым, Гюн, Огуль» [7, 138], а также др.

Многие из только что приведённых имен использованы в рассказе «Такыр» и в повести «Джан». И сделано это с избирательной последовательностью: в распределении сюжетных ролей, смысловых параллелей, задающих иносказательные проекции, писателем учитывается значение имён персонажей, поданных как минимум двумя восточными традициями – тюркской и арабо-мусульманской, пришедшей в Среднюю Азию с распространением ислама.

В повествовании о народе джан уже в имени и фамилии Назар Чагатаев очевидна соотнесённость указанных влияний. В «говорящем» личном имени Назар – «дальновидный», «видящий», образованном от арабского глагола *назар* – глядеть, смотреть, видеть, закреплена характерная для героя способность различать истинное и мнимое. Дополненная фамилией Чагатаев (от тюркского *чагатай* – честный, чистосердечный), семантика именования

¹ См. труды Е. Толстой, А. Харитоновой, других исследователей.

главного героя повести обнаруживает следующее значение: «искреннее», «честное» зрение.

Способность «узнавать» потаенную суть имён, вещей, явлений, скрытую от взгляда человека, живущего машинально, коренным образом отличает Чагатаева от большинства персонажей повести, в том числе от его соплеменников, оказавшихся дезориентированными в пространстве и времени.

Говоря об «распознающем», изначально честном зрении Назара, отметим особую природу его дара, обусловленную не профессией, но созвучием судеб Чагатаева и его народа. В рассказе «Такыр» проблема «зрения» героя решалась иначе: бывший австрийский солдат с «церемониальным» именем *Стефан* (от греч. «венки», «корона») и «фатально» звучащей фамилией *Катигроб*, когда-то работал в Вене оптиком. Довоенная профессия героя предусматривала хорошее знание секретов визуальных образов, но в бесплодной пустыне он наблюдает лишь непонятные «миражи, исчезающие эфемеры света и жизни» [6, 305].

Чагатаеву же его дар подсказывает скрытый от окружающих смысл имен и названий в городе, далёком от места рождения героя. Волнующие звуки музыки, например, помогают Назару вспомнить, как звали его мать в почти забытом детстве: «– *Гюльчатай!* – сказал он вслух.

– Что такое? – спросила его соседка, технолог.

– Ничего не значит, – объяснил Чагатаев. – *Гюльчатай* – моя мать, горный цветок. Людей называют, когда они маленькие и похожи на всё хорошее...» [6, 144–115].

Отбор антропонимической лексики арабо-мусульманского происхождения для повести «Джан» также весьма показателен. В упомянутой выше записной книжке А. Платонова значится «Сеид Мухаммед» с пометой «аристократическое» (?) имя туркменское» [7, 131].

В арабских странах *сейид* – уважительное обращение к мужчине; в дословном переводе на русский язык это слово означает «господин». Но необходимо уточнить: в мусульманском (шиитском) мире *сейид* – один из потомков пророка Мухаммеда. Судя по записным книжкам, указанное значение слова интересовало А. Платонова.

Показательно, что в повести «Джан» писатель называет уполномоченного райисполкома Нур-Мухаммедом, заменяя найденную вначале лексему «Сеид» на «Нур» и таким образом отказываясь от указания на родословно-«аристократическую» семантику имени в пользу символическо-метафорического значения. Если учесть, что составная часть личного имени *Нур*, вошедшая в языки многих мусульманских стран, в переводе с арабского означает «свет», «луч», «сияние», то замена, найденная писателем в процессе работы над повестью, задает существенный ракурс восприятия персонажа, идейно и сюжетно противостоящего Назару Чагатаеву.

Имя *Нур-Мухаммед*, воспроизводимое нейтральным рассказчиком в полной и в сокращенных формах (*Мухаммед*, *Нур*), вызывает устойчивые ассоциации с мусульманской мифологией и религиозно-гуманистическими установками ислама, важнейшими из которых являются верность данному слову, помощь бедным, надежда на счастье и справедливость уже в земной жизни [5, 3].

Освященные именем Пророка, эти морально-ценностные понятия абсолютно чужды корыстолюбцу, ведущему по пустыне малочисленный народ, ослабший от лишений, голода и болезней. Взяв на себя труд хоронить тех, кто оказался в его власти, спаситель-самозванец, носящий такое значимое для правоверных мусульман имя, как Нур-Мухаммед, на деле обманывает всех, кто ему поверил, тайно вынашивая планы «продать в рабство старым ханам» остатки вымирающего народа, чтобы найти в Афганистане счастливую жизнь без «профсоюзов, кооперации», в собственной богато убранной «курганче».

Эгоизм, соединенный с ненавистью к беднякам, оказывается сильнее корысти. Лживый поводырь с «удовлетворением» [6, 169], а затем и «с наслаждением» [6, 179] ежедневно ведёт счёт умершим, решив, что лично ему будет «полезно» ускорить гибель ослабших путников, доверивших ему свои жизни. Несмотря на своё «лучезарное» имя, Нур-Мухаммед является сторонником тьмы и смерти, а не света: он даже «пошевеливался в некотором танце, видя в людях их последний песчаный сон. Он ценил теперь себя дороже, выше, – ему больше достанется добра в пустыне и на всей земле, потому что живых становится меньше» [6, 179–180].

Смерть – «великая разлучница людей» [6, 303]. Эти слова, приписываемые пророку Мухаммеду, приносят в минуту печали один из героев рассказа «Такыр», имея, правда, в виду не высокие материи, а понесённые убытки. «Оправдать хоть немного свои убытки от работы в Советском Союзе» [6, 180] надеется и уполномоченный райисполкома из повести «Джан», но прямые отсылки к изречениям посланца Аллаха в тексте произведения отсутствуют: сюжетная функция этого персонажа актуализирует вопрос о несоответствии «внутренней формы» имени истинным мотивам его поступков, идеалам, ценностным ориентирам.

Как известно, образ Пророка дорог мусульманам тем, что тот был избран Всевышним для идеализации осмысленной, наполненной благими делами жизни, а не для оправдания машинного существования, ведущего к никчёмной смерти. Избран не для осуждения, а для спасительного увещевания.

Далёкий от высоких устремлений, Нур-Мухаммед предаётся человеконенавистнической философии, но пытается выступать в роли оракула. Предсказывая судьбу обездоленных жителей пустыни, он соединяет существующее в разных религиях по-

нятие «покой» с бездушными, почти канцелярскими формулировками: «Нур-Мухаммед ответил Назару, что сердце народа выболело в нужде, ум его стал глуп и поэтому своё счастье ему чувствовать нечем; лучше будет дать покой этому народу, забыть его навсегда или увести куда-нибудь в пустыню, в степи и горы, чтоб он заблудился, и затем посчитать его несуществующим» [6, 155].

Следует отметить, что приведённые умозаключения, как и реакции на них Чагатаева, других персонажей повести, основаны на различных значениях слова *джан*, не совпадающих в персидском, тюркских и арабском языках. Рассказчик уточняет географический и социально-исторический ареал значений слова, послужившего названием произведения, только в 19 главе повести, ссылаясь на пояснения самих пустынножителей: «Мы – джан, ответил старик, и по его словам оказалось, что все мелкие племена, семейства и просто группы постепенно умирающих людей <...> в нелюдимых местах пустыни, Аму-Дарьи и Усть-Урта, называют себя одинаково – джан. Это их общее прозвище, данное им когда-то богатыми баями, потому что джан есть душа, а у погибающих бедняков ничего нет, кроме души, то есть способности чувствовать и мучиться. Следовательно, слово «джан» означает насмешку богатых над бедными. Баи думали, что душа лишь отчаяние, но сами они от джана и погибли, – своего джана, своей способности чувствовать, мучиться, мыслить и бороться у них было мало, это богатство бедных...» [6, 230].

Напомним, что в переводе с туркменского и персидского *джан* – «душа», «жизнь». Тогда как для арабов *джан* – собирательное наименование духов из потустороннего мира [3, 140].

Именно с последним из перечисленных значений слова, широко известного на мусульманском Востоке, идентифицирует идущих за ним измученных людей Нур-Мухаммед: «Мертвых должны хоронить живые, а здесь живых нет, есть не умершие, доживающие свое время во сне, – ты им не сделаешь счастья, и даже своего горя они уже не знают, они больше не мучаются, они отмучились» [6, 156].

Аксиологическая альтернатива сказанному – поиск смысла существования народа джан, содержавшегося в словах с непреходящей ценностью – «душа» и «жизнь». Однако истинный «смысл всеобщего и личного существования» доступен не всем. Оказавшись на границе между жизнью и смертью, бредущие по пустыне старики готовы поверить Нур-Мухаммеду. Суфьян притворяется мертвым, оправдывая свой выбор тем, что «душа занемела от жизни <...> кости ссохлись и согнулись, жилы сморщились: они потянуться захотели, пускай их дождь помочит, ветер посушит, черви пожуют, а то я им мешаю...» [6, 170]. Считает «себя умершим» и Ораз Бабаев, бывший ферганский раб: «Нам не живется, – сообщил он вслух, – мы каждый день пробовали» [6, 170].

Назар Чагатаев пробуждает стариков к жизни и тем самым восстанавливает забытый смысл их имен, означающих на Востоке надежду на лучшую долю: *Суфьян* в переводе с арабского означает «ветер»; *Ораз* (Ураз) в тюркских языках – «удачливый», «счастливый».

Ищущий путь, спасительный для погибающих соплеменников, Чагатаев замечает, что власть поводыря-самозванца с почти мессианским именем Нур-Мухаммед основывается на вялом воображении обессилевших людей. Привычные молитвы заменяют им полноценное зрение: «Нур-Мухаммед вёл за руку слепого Моллу Черкезова; позади их шла мать Чагатаева и перебирала маленькими ногами Айдым. Далее были другие люди, и среди них старый Суфьян, бормочущий Назар-Шакир, его жена, которую он любил, как единственный дар своей жизни, затем Дурды рядом с женой, всего человек четырнадцать, может быть, восемнадцать. Остальной народ, наверное, не мог проснуться или потерял силу и желание передвигаться. <...> Молла Черкезов левой рукой держался за Мухаммеда, а правой искал что-то в воздухе, – у всех глаза были закрыты, они шли дремлющими, некоторые шептали или бормотали свои слова, привыкнув жить воображением. Один только Нур-Мухаммед глядел вперед открытыми глазами, созная ясно весь мир» [6, 161].

Драматическое развитие сюжета ускоряет разоблачение поводыря-самозванца. И происходит это не только событийно, но и символически. Назар Чагатаев и Нур-Мухаммед сошлись в непримиримом споре о судьбе девочки *Айдым*, в имени которой откликаются значения, почерпнутые в туркменском языке («народная песня») и в других тюркских языках (составная часть *Ай* – указывает на связь со светом Луны).

Спасённая от смерти, предсказанной оракулом-поводырем, Айдым ведёт себя, как в героической народной песне, отбиваясь от насилия и рабства, и сдирает родинку с шеи Нур-Мухаммеда, служившую тому фальшивым знаком избранничества (согласно мусульманской мифологии, у посланца Аллаха Мухаммеда на спине была родинка, «печать пророчества»). Избегая на этот счёт недоговорённости, повествователь называет кровотокающую отметину на шее Нур-Мухаммеда обычной «болячкой».

Но этим эпизодом вопрос о том, как под коростой суеверий и лживых примет может открыться истинная цена каждому, отнюдь не исчерпывается.

В системе иносказательных проекций сюжета, сформированных «ориентальной семантикой», существенная роль отведена Суфьяну, имя которого также вызывает историко-культурные ассоциации, значимые для раскрытия художественной концепции произведения. Напомним, что Абу Суфьян – правитель Мекки, вошедший в мусульманскую мифологию как человек, враждовавший

с пророком, а затем признавший его поборником дарованных Всевышним истин, считается упорным сторонником доисламских верований, прозревшим не сразу.

В повести «Джан» именно Суфьян рассказывает древнее зороастрийское предание о вечной борьбе Аримана и Ормузда, а затем, приняв историческую и нравственную правоту посланника советской власти – Чагатаева, становится председателем избранного бедняками совета. Его переход от старой веры, суеверий и заблуждений на новый путь поэтому глубоко символичен.

Как отмечалось выше, существует многолетняя исследовательская традиция считать Чагатаева «пре-емником» Прометея, Моисея, а с недавнего времени и Христа. Но повесть «Джан» явно соотносится с мусульманскими мифологическими сюжетами. «Необычная биография» Чагатаева, «еще мальчиком отторгнутого от своего народа» [4, 99], воспитанного вдали от него, однако неведомым образом предчувствующего приближение «большого звёздного времени» [6, 159], отчасти напоминает о сохранённых в айатах и хадисах (преданиях) подробностях жизни Пророка, вскоре после рождения отданного на воспитание в чужое племя. Как известно, Мухаммеду, не обученному чтению, великие истины открывались в ночном небе как горящие письма. Громовой голос озвучивал ему небесные пророчества.

В повести «Джан» душеспасительные письма, не подвластные времени, открываются Чагатаеву в исторически конкретном измерении: слова, глубоко вырезанные штыками в «тридцатом или тридцать первом году» на глиняной стене заброшенной крепости, убеждают героя в том, что «непрожитая жизнь» тех, кто пожертвовал собой ради общего блага в борьбе с войсками рабовладельцев, «будет дожита другими...» [6, 157]. О метафизическом смысле происходящего напоминает надпись *Ораз Голоманов*, сделанная химическим карандашом на внутренней стороне шлема погибшего бойца. Понимающий скрытое значение слов, Назар передаёт своей

матери полуистлевшую буденовку как реликвию, завещанную его народу красноармейцем с символическим именем «Ораз» (т. е. «счастливый» по-тюркски).

Все сказанное не означает, что Назара следует считать новоиспеченным Пророком и/или Мессией, а старого Суфьяна, как и других персонажей повести, – участниками священной истории мусульман, переосмысленной и приспособленной к советским реалиям.

Семантика и соотнесённость личных имён в повести «Джан», актуализация в структуре сюжета закреплённых за ними иносказательных значений являются важным способом выражения авторской мысли о том, что самые губительные обстоятельства преодолимы, если сохранено объединяющее людей стремление к счастливой жизни, к ценностям, не подвластным расчётам лживых поводырей, казуистическим подменам, историческому забвению.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. труды Е. Толстой, А. Харитонова, других исследователей.
2. Жунтурова-Фишерман О. Культурные традиции в повести «Джан» / О. Жунтурова-Фишерман // «Страна философов» А. Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. – СПб. : Наука, 2000. – С. 677–687.
3. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М. : Русский язык, 1977. – 942 с.
4. Бороздина П. А. Повесть А. Платонова «Джан» / П. А. Бороздина // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1970. – С. 92–106.
5. Коран. Предметно-именной указатель аятов. – СПб. : Издательство «Диля», 2012. – 224 с.
6. Платонов А. П. Джан. Такыр // Андрей Платонов. Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов. Собрание. – М. : Время, 2010. – 624 с.
7. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / А. П. Платонов. – М. : ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – 421 с.

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Voronezh State University

Aleinikov O. U., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Literature of the XX and XXI Centuries, the Theory of the Literature and Folklore Department

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО В ПРОЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Г. А. Ахметова

Башкирский государственный университет

Поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Аннотация: условный, «беспредметный» образ в творчестве Л. Н. Толстого рассматривается как способ визуального воплощения метафизического. Символика прозы Толстого поставлена в связь с традицией православной иконописи, искусством зримого воплощения незримого. В стремлении приоткрыть завесу «непостижимого» Толстой порой достигает предельной экономии художественных средств. Условно-знаковая живопись писателя внутренне связана с его необычными вербальными экспериментами. Можно предположить, что «беспредметная» живопись Толстого, как и логически не оформленная речь его персонажей, приближают писателя к искусству XX века – модернизму, с которым он так гневно полемизировал в трактате «Что такое искусство?».

Ключевые слова: «беспредметный» образ, символ, метафизическое, икона, «снятие покровов».

Abstract: conditional, «pointless» image in the works of Tolstoy seen as a way visual embodiment of the metaphysical. The symbolism of Tolstoy's prose is supplied in connection with the tradition of Orthodox iconography, the art of the visible incarnation of the invisible. In an effort to lift the veil of «incomprehensible» Tolstoy sometimes reaches the limit of economy of artistic means. Conditionally sign painting of writer intimately connected with its unusual verbal experiments. We can assume that «aimless» painting Tolstoy as logically modern speech of his characters, closer the writer to the art of the twentieth century – modernism, which he angrily argued in his treatise «What is art?»

Key words: «pointless» image, symbol, metaphysical, icon, «removing the covers».

В стремлении узреть незримое Л. Н. Толстой нередко обращается к репрезентации метафизического, сверхчувственного мира в виде «беспредметных» визуальных образов. Эти образы близки к условному знаку, символу. Они могут иметь цвет и форму, но при этом лишены конкретно-предметного содержания, крайне субъективны и экспрессивны.

Рассказ «Записки сумасшедшего» (1884–1887) имеет автобиографическую основу. В письме к Софье Андреевне от 6 сентября 1869 года Толстой рассказал о случае, произошедшем с ним в Арзамасе: «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай бог испытать» [1, 683]. Эти переживания писателя нашли отражение в незаконченном рассказе «Записки сумасшедшего».

Герой рассказа отправляется в Пензенскую губернию с тем, чтобы купить новое имение. В дороге он начинает дремать, но вдруг просыпается от вне-

запно охватившего его беспокойства. Подъезжая к Арзамасу, он решает сделать остановку, в надежде, что «станция, самовар и отдых» помогут развеять тоску. Но вид комнатки, в которую Федора поместили, рождает в нем жуткую, смертельную тоску: «Чисто выбеленная квадратная комнатка. Как, я помню, мучительно мне было, что комнатка эта была именно квадратная. Окно было одно, с гардиной, – красной» [2, 47].

Герой Толстого пытается уснуть, но тоска не только не исчезает, а постепенно перерастает в ужас: «Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще раз пошел посмотреть на спящих, еще раз попытался заснуть, все тот же ужас красный, белый, квадратный» [2, 48].

«Арзамасский ужас» имеет в рассказе визуальный образ, цвет и форму, но образ условный, «беспредметный». Героя Толстого болезненно угнетает вид красной гардины на белой стене. Он начинает читать молитвы, креститься, оглядываясь и боясь, что его увидят. При этом молитва его обращена не к иконе, которой как будто вообще нет в комнате. Взгляд героя настойчиво притягивает другой образ – красная гардина на белом фоне. «Гардинка» как будто занавешивает вход в иной мир. Это знак смерти, пустоты.

Существует глубинная связь между символизмом «беспредметной» живописи Толстого и искусством православной иконописи. Икона призвана узреть незримое, обнажить идеальный лик под материальной оболочкой. По словам П. А. Флоренского, автора «Иконостаса», лики святых на храмовом иконостасе – «видимые свидетели мира невидимого, – живые символы соединения того и другого (...)» [3, 542]. «Иконостас есть граница между миром видимым и невидимым (...) Иконостас есть сами святые» [3, 543]. «(...) икона напоминает о некотором первообразе, т.е. пробуждает в сознании духовное видение (...)» [3, 550].

Важнейшая особенность поэтики Толстого – дар духовного видения, то, что сам писатель определял как «снятие покровов». Выражение это характеризует живопись религиозного художника Михайлова в романе «Анна Каренина»: «Но делая эти поправки, он (Михайлов. – Г. А.) не изменял фигуры, а только откидывал то, что скрывало фигуру. Он как бы снимал с нее те покровы, из-за которых она не вся была видна; каждая новая черта только больше выказывала всю фигуру во всей ее энергической силе, такую, какую она явилась ему вдруг от произведенного стеарином пятна» [4, 42].

Подобное же выражение «снятие покровов» Толстой употребляет в романе еще раз, описывая роды Кити: «Как ни мало было неестественности и условности в общем характере Кити, Левин был все-таки поражен тем, что обнажалось теперь перед ним, когда вдруг все покровы были сняты и самое ядро ее души светилось в ее глазах. И в этой простоте и обнаженности она, та самая, которую он любил, была еще виднее» [4, 298].

По мысли Толстого, искусство призвано обнажить «ядро» души человека, проникнуть сквозь видимые «покровы» в незримый, умопостигаемый мир. Как верно заметил исследователь, цель искусства, согласно художественно-философским взглядам Толстого, «(...) не в показе красоты, а в предугадывании истины (...) Явление истины – *эпифания*, то есть зримое или слышимое проявление некоей силы, прежде всего божественной или сверхъестественной, внезапное озарение, когда в ставшем несущественном бытии засверкает что-то существенное (...)» [5, 376].

Так, описывая смерть князя Андрея, Толстой сравнивает его уход из жизни с пробуждением от сна, дающим возможностью заглянуть за таинственную «завесу»: «Но в то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся.

«Да, это была смерть. Я умер – я проснулся. Да, смерть – пробуждение!» – вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята перед его душевным взором. Он

почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» [6, 70].

Условно-визуальные образы Толстого предстают как символы «бесконечного» и «неведомого» – метафизической сущности, не поддающейся логическому осмыслению и вербальному оформлению.

Толстой говорил, что в восприятии живописи цвет для него не играет решающей роли: «(...) для меня яркость красок не способствует, а мешает силе впечатления. Особенно я замечаю это на картинах. Я помню, я давно знал и любил «Тайную вечерю» Ге, а когда увидел ее на выставке, впечатление было значительно меньше. Яркие цвета мне просто мешали» (запись от 25 августа 1905 года) [7, 139]. Однако цвет и форма глубоко символичны в его описаниях, в особенности в живописании «непостижимого»

В романе «Война и мир» Петя Ростов накануне сражения зачарованно созерцает два пятна – красное и черное: «Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова, (...) что большое черное пятно направо – караулка, и красное яркое пятно внизу налево – догоравший костер, (...) но он ничего не знал и не хотел знать этого. Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое черное пятно, может быть, точно была караулка, а может быть, была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно, может быть, был огонь, а может быть – глаз огромного чудовища. Может быть, он точно сидит на фуре, а очень может быть, что он сидит не на фуре, а на страшно высокой башне, с которой ежели упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц – все лететь и никогда не долетишь» [6, 156–157].

Экспрессивно воспринятые цвета и формы таят страшный намек – предсказание или предчувствие. Красное пятно костра, на которое Петя смотрит ночью, оказывается роковым – именно в этом месте очень скоро Петя будет сражен пулей и упадет замертво на черную землю: «Лошадь, набежав на тлевший в утреннем свете костер, уперлась, и Петя тяжело упал на мокрую землю» [6, 161].

В романе «Война и мир» Толстой дает несколько символических портретов, увиденных как будто внутренним зрением персонажа. Наташа, объясняя своей матери, старой графине, что Борис Друбецкой ей не интересен, рисует необычный портрет молодого человека в цвете и геометрической форме: «Он узкий такой, как часы столовые... Вы не понимаете?... Узкий, знаете, серый, светлый (...)»

Графиня не понимает дочь, но Наташа в такой же манере характеризует Пьера: «Неужели вы не понимаете? Николенька бы понял. Безухов – тот синий, темно-синий, с красным, и он четверугольный». И вновь повторяет: «Он славный, темно-синий с красным, как вам растолковать (...)» [8, 201].

Экспрессивно-символическое восприятие Наташей Пьера Безухова имеет глубокий, едва ли не вещий смысл. «Темно-синий с красным» «четвероугольник» становится своего рода визуальным образом суженого Наташи, символом ее будущего замужества. Уже обрученная с Андреем Болконским, она в святочную ночь гадает по зеркалам, желая «в последнем, сливающемся, смутном квадрате» зеркала увидеть своего жениха. Однако ничего не видит. Соня тоже садится за зеркала и тоже не видит князя Андрея, но зато в «последнем квадрате» зеркала она замечает «(...) что-то синее и красное» – визуальный знак Пьера Безухова [8, 301].

Пьеру, как и Наташе, дано интуитивно воспринимать сущность человека через его «цвет» и «геометрию». Об этом свидетельствует встреча Пьера с Платоном Каратаевым. Уже не раз было отмечено, что «круглость» Каратаева символизирует гармонию его души и мудрую причастность общей жизни. Меньше внимания обращают на то, что «круглость» Платона Пьер первоначально воспринимает не визуально, непосредственно, но внутренним зрением.

Встреча с Каратаевым происходит в темноте, Пьер не видит его, однако ощущает что-то «круглое» в движениях Каратаева, даже в его запахе: «Пьеру чувствовалось что-то приятное, успокоительное и круглое в этих спорых движениях, в этом благоустроенном в углу его хозяйстве, в запахе даже этого человека (...)» [6, 50]. Утром Пьер убедился в том, что «первое впечатление чего-то круглого подтвердилось вполне: вся фигура Платона (...) была круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые, приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые» [6, 54].

Логически не постигаемый смысл заключен в странном образе подвижного круглого шара, который Пьер видит во сне после смерти Каратаева. В этом сне «старичок-учитель» показывает Пьеру глобус – живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Платон, умерев, уподобляется капле, которая сливается с шаром: «Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

– Вот жизнь, – сказал старичок учитель.

«Как это просто и ясно, – подумал Пьер. – Как я мог не знать этого прежде» [6, 169].

В шаре, поглотившем Каратаева, есть что-то иррациональное, о чем говорит «старичок-учитель»: «В середине бог, и каждая капля стремится расширяться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, сливается, и сжимается, и уничтожается на

поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез» [6, 170].

«Круглость» Каратаева – визуальный знак его гармоничной причастности к «роевой» жизни, «шар» же символизирует мистический первоисточник, к которому возвращается человек после смерти.

Живопись Толстого, как правило, становится условно-символической, когда речь идет о «бесконечном» и рационально не постигаемом. В романе «Анна Каренина» в эпизодах смерти Николая Левина и родов Кити Толстой уподобляет тайны смерти и рождения «отверстиям», в которые дано заглянуть человеку только в редкие, исключительные моменты жизни: «Он (Левин – Г. А.) знал и чувствовал только, что то, что совершалось, было подобно тому, что совершалось год тому назад в гостинице губернского города на одре смерти брата Николая. Но то было горе, – это была радость. Но и то горе и эта радость одинаково были вне всех обычных условий жизни, были в этой обычной жизни как будто отверстия, сквозь которые показывалось что-то высшее (...) одинаково непостижимо при созерцании этого высшего поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда рассудок уже не поспевал за нею» [4, 304].

С тайной рождения в романе «Анна Каренина» связан еще один визуальный символ: рисунок облаков в виде раковины, который Константин Левин наблюдает после сенокоса, на стогу, перед новой встречей с Кити. Белые, подвижные облака в небе образуют в небе причудливую картину: ««Как красиво! – подумал он, глядя на странную, точно перламутровую раковину из белых барашков-облачков, остановившуюся над самою головой его на середине неба. – Как все прелестно в эту прелестную ночь! И когда успела образоваться эта раковина? Недавно я смотрел на небо, и на нем ничего не было – только две белые полосы»» [9, 305].

Изменчивая «раковина» – таинственный знак, предвещающий соединение героев и рождение новой жизни. Метафизический смысл этого образа становится очевиден, когда Левин, проводив глазами коляску Кити, вторично посмотрел в небо: «На небе не было более ничего похожего на раковину. Там, в недостигаемой вышине, совершилась уже таинственная перемена. Не было и следа раковины, и был ровный, расстилавшийся по целой половине неба ковер все уменьшающихся и уменьшающихся барашков. Небо поглубело и просияло и с тою же нежностью, но и с тою же недостигаемостью отвечало на его вопрошающий взгляд» [9, 306].

В стремлении приоткрыть завесу «бесконечного» и «недостигаемого» Толстой достигает порой предельной экономии художественных средств. В эпизоде решающего объяснения Левина с Кити Толстой, как будто не доверяя словам, использует прием, напоминающий криптограмму, своеобразный

рисунок из начальных букв слов любовного объяснения. Полный текст объяснения закрыт для внешнего восприятия, «иероглифы» понятны только влюбленным, угадываются их духовным зрением: «– Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: «когда вы мне ответили: *этого не может быть*, значило ли это, что никогда, или тогда?» Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; по он посмотрел на нее с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймет ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потом оперла нахмуренный лоб на руку и стала читать. Изредка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядом: «То ли это, что я думаю?»

– Я поняла, – сказала она, покраснев» [9, 436].

В эпилоге романа «Война и мир» Толстой демонстрирует прием обнажения идеальной сущности человека через полное сокрытие его внешних физических черт. Визуальный образ создается при отсутствии материальности – формы и цвета. Николенька Болконский во сне видит отца, князя Андрея: «(...) отец не имел образа и формы, но он был, и, видя его, Николенька почувствовал слабость любви: он почувствовал себя бессильным, бескостным и жидким. Отец ласкал и жалел его». Отсутствие зримых черт образа подчеркивается: «Отец, – думал он. – Отец (несмотря на то, что в доме было два похожих портрета, Николенька никогда не воображал князя Андрея в человеческом образе), отец был со мною и ласкал меня» [6, 308].

Невидимый, бестелесный образ князя Андрея возникает как бы помимо двух его «похожих портретов», находящихся в доме. Лик отца угадывается воображением подростка в полной темноте, ночью, когда единственным источником света оказывается лампада, освещающая икону. По словам автора, в спальне Николеньки, «как всегда, горела лампадка (мальчик боялся темноты, и его не могли отучить от этого недостатка)» [6, 309]. Икона не упоминается, она закрыта для визуального восприятия, лик же князя Андрея интуитивно уподобляется святому образу.

Экономия художественных средств, доходящая до полной беспредметности, абсолютно мотивирована в эпизоде смерти князя Андрея. В сонном видении Болконскому представляется «оно», нечто бесформенное и страшное. «Оно» ломится в дверь, и князь Андрей пытается бороться с ним, понимая тщетность этой борьбы: «(...) за дверью стоит оно. Но в то же время как он бессильно-неловко подползает к двери, это что-то ужасное, с другой стороны уже, надавливая, ломится в нее. Что-то не человеческое – смерть – ломится в дверь, и надо удержать ее. Он ухватывается за дверь, напрягает последние усилия – запереть уже нельзя – хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки, и, надавливаемая ужасным, дверь отворяется и опять за-

творяется» [6, 70]. «Оно» – зримая и беспредметная репрезентация смерти.

В романе «Анна Каренина» таким визуальным образом «непостижимого» становится «лохматый мужик» из навязчивого кошмара главной героини. «Мужик» этот навеян реальными «железнодорожными» впечатлениями Анны. Казалось бы, вполне реален истопник с недостающей пуговицей на пальто, наблюдающий за топкой и температурой в вагоне во время возвращения Анны из Москвы в Петербург. Но в ее странном сновидении истопник теряет свои реальные очертания: «Мужик этот с длинной талией принялся грызть что-то в стене (...) потом что-то страшно заскрипело и застучало, как будто раздирали кого-то; потом красный огонь ослепил глаза, и потом все закрылось стеной. Анна почувствовала, что она провалилась» [4, 112].

Станный «мужик» с мешком в руках, приговаривающий непонятные французские слова и что-то делающий в углу над железом, рационально непостижим. Бессмысленны, казалось бы, его французские слова: «Надо ковать железо, толочь его, мять» [4, 387]. Но «лохматый мужик» обладает сверхъестественной, нечеловеческой силой, и Анна всегда чувствует, что свое страшное дело с железом он делает над нею. Это сам дьявол, терзающий не то железо, не то живую плоть Анны, проводник ее в царство смерти.

Условно-знаковая живопись Толстого внутренне связана с его необычными вербальными экспериментами. Эта связь очевидна, например, в эпизодах болезненного бреда Болконского. Таинственные тонкие иголки или лучинки воздвигаются в шаткое здание над лицом умирающего князя Андрея. Он хочет и не может сохранить их хрупкое равновесие, и при этом все время слышит тихий, шепчущий голос: «И вдруг ход мыслей этих оборвался, и князь Андрей услышал (не зная, в бреду или в действительности он слышит это), услышал какой-то тихий, шепчущий голос, неумолкаемо в такт твердивший: «И пити-пити-пити» и потом «и ти-ти» и опять «и пити-пити-пити» и опять «и ти-ти». Вместе с этим, под звук этой шепчущей музыки, князь Андрей чувствовал, что над лицом его, над самой серединой воздвигалось какое-то странное воздушное здание из тонких иголок или лучинок. Он чувствовал (хотя это и тяжело ему было), что ему надо было старательно держать равновесие, для того чтобы воздвигавшееся здание это не завалилось; но оно все-таки заваливалось и опять медленно воздвигалось при звуках равномерно шепчущей музыки» [10, 398].

Можно вспомнить Наташино слово «Мадагаскар», логически не мотивированное и ни с чем предыдущим и последующим не связанное: «– Остров Мадагаскар, – проговорила она, – Мадагаскар, – повторила она отчетливо каждый слог и, не отвечая на вопросы m-me Schoss о том, что она говорит, вышла из комнаты.

Петя, брат ее, был тоже наверху: он с своим дядькой устраивал фейерверк, который намеревался пустить ночью.

– Петя! Петька! – закричала она ему. – Вези меня вниз. – Петя подбежал к ней и подставил спину. Она вскочила на него, обхватив его шею руками, и он, подпрыгивая, побежал с ней. – Нет, не надо... остров Мадагаскар, – проговорила она и, соскочив с него, пошла вниз [8, 284-285].

В. Б. Шкловский назвал «Мадагаскар» Наташи «заумью». Между тем, толстовский персонаж, подобно героям чеховских пьес, вкладывает в это внешне ничем не мотивированное слово сокровенный, только ей понятный смысл.

Слову «Мадагаскар» созвучно слово «сопрягать», которое чудится Пьеру во сне. В этом сне какой-то голос странно и настойчиво повторяет ему: «Сопрягать надо»: « – Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!* – с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос» [10, 304].

Вербально не организованную речь персонажей Толстого можно рассматривать в качестве внутреннего монолога, призванного, как и условно-символическая живопись писателя, выразить «невыразимое». Можно предположить, что «беспредметная» живопись Толстого, как и логически не оформленная

речь его персонажей, приближают писателя к искусству XX века – модернизму, с которым он так гневно полемизировал в трактате «Что такое искусство?» (1897).

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 18. – М.: Худож. лит., 1984. – 610 с.
2. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 12. – М.: Худож. лит., 1982. – 460 с.
3. Флоренский П. Иконостас // П. Флоренский. Христианство и культура. – М.: Фолио, 2001. – 667 с.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 9. – М.: Худож. лит., 1982. – 462 с.
5. Хайнади З. Живописание словом. О поэтической функции визуального изображения в творчестве Л. Толстого / З. Хайнади // Вопросы литературы. 2010, ноябрь-декабрь. – С. 359–377.
6. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 7. – М.: Худож. лит., 1981. – 431 с.
7. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. Воспоминания / А. Б. Гольденвейзер. – М.: Захаров, 2002. – 652 с.
8. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 5. – М.: Худож. лит., 1980. – 429 с.
9. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 8. – М.: Худож. лит., 1981. 495 с.
10. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 томах / Л. Н. Толстой. – Т. 6. – М.: Худож. лит., 1980. 447 с.

Башкирский государственный университет
Ахметова Г. А., доцент кафедры русской литературы
и издательского дела
E-mail: toha230@rambler.ru

Bashkir State University
Akhmetova G. A., Associate Professor of the Russian
Literature and Publishing Department
E-mail: toha230@rambler.ru

ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (Н. ЯЗЫКОВ «ЕВПАТИЙ», Л. МЕЙ «ПЕСНЯ ПРО БОЯРИНА ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА», С. ЕСЕНИН «ПЕСНЬ О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ»)

Л. Я. Бобрицких

Воронежский государственный университет

Аннотация: Предметом рассмотрения в статье является поэтическая транскрипция образа Евпатия Коловрата в произведениях Н. Языкова, Л. Мей, С. Есенина. Трансформации образа героя Древней Руси связаны с мировосприятием поэтов, их литературными устремлениями, философско-эстетическими взглядами.

Ключевые слова: образ, баллада, поэма, Евпатий Коловрат, Н. Языков, Л. Мей, С. Есенин.

Abstract: The subject of the article is a poetic way of transcription Evpatiy Kolovrat's image in the works of N. Yazikov, L. Mey, S. Esenin. Image transformation of the Ancient Russian hero is related to the poet's perception of the world, their literary aspirations, philosophical and aesthetic views.

Key words: image, ballad, poem, Yevpatiy Kolovrat, N. Yazikov, L. Mey, S. Esenin.

В 1237 г. основные силы Золотой Орды во главе с Бату-ханом (Батыем) подошли к границам северо-восточной Руси. Первый удар степные кочевники нанесли по Рязани. В неравном бою рязанская дружина была разбита, а сам город до основания разрушен.

Один из героических эпизодов борьбы русского народа с татаро-монгольским нашествием связан с подвигом рязанского вельможи Евпатия Коловрата. Получив широкое отражение в народной поэзии (предания, сказания, исторические песни) и памятниках древнерусской литературы («Повесть о разорении Рязани Батыем»), подвиг Евпатия нашел свое воплощение и в литературе Нового времени, в частности в поэзии. Обратимся к конкретным именам.

Н. М. Языков известен не только как автор замечательных стихов, но и как собиратель русского фольклора. Начиная с 1831 года вместе с П. Киреевским он записывает народные песни в Подмосковье. «Поэтическая душа Языкова радостно и живо откликалась на песни неизвестных поэтов из народа, долетавшие до его чуткого слуха» [1, 103]. Фольклорно-собираТЕЛЬская деятельность продолжилась и в Симбирске, в родовом имении Языковых. Поэт погрузился в стихию народных песен, преданий, столь им любимую с детства. Во многом благодаря Языкову и его семье сохранились поволжские былины, рассказывающие о борьбе с монголо-татарами.

«Русская старина представляла перед Языковым как эпоха, “когда люди сражались за свободу и отличались собственным характером”...» [2, 9], поэтому его так привлекали образы героических защитников Русской земли.

В 1824 году Языков пишет романтическую балладу «Евпатий». Начинается произведение с того, что гонец сообщает Евпатию «ужасную весть» о трагедии, разыгравшейся в Рязанской земле. Из его рассказа герой, а вместе с ним и читатель, узнает о приходе Батыя на Русь, о «злой сече» между дружиной князя Юрия Ингоровича и татарами. Рязанское воинство сражалось храбро и мужественно, однако силы были неравными. Картину битвы воссоздают такие средства художественной выразительности, как эпитет «смертельный бой», метафора «...долго сражалась с насилием честь...», метонимия «...сильные долго сшибались удары...» [3, 51] и др. Как видим, Языков использует здесь лексику разных стилей – от высоких слов до разговорных, что является характерной особенностью его поэтики.

Разгромив русскую дружину, ордынцы двинулись на Рязань и после пятидневной осады ворвались в город. Они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей: «И крики последних молитв и проклятий В дыму заглушали звенящий булат – Все пало...» [3, 51–52] (Ср. в «Повести о разорении Рязани Батыем»: «И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша» [4, 190]).

Для усиления переживаний рассказчика поэт использует яркие, образные эпитеты («багровое пламя», «звенящий булат»), нагнетает сравнения (пламя, «как башня, спрямилось, как буря, завывало...»), использует анафорические обороты («Там сильные долго сшибались удары, Там долго сражалась с насилием честь...» [3, 51], периодическое построение речи («Период – в риторике пространное сложно-подчиненное предложение, отличающееся полнотой развертывания мысли и законченностью интонации» [5, 267]). Как писал Гоголь, «имя Языков пришлось ему недаром: владеет он языком, как араб

диким конем своим <...> Откуда ни начнет период, с головы ли, с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный» [6, 160].

Рассказ гонца, как показывают приведенные примеры, отличается образностью и эмоциональностью, чему также способствуют архаизмы («град», «рати», «витязь») и риторические восклицания («Наш град – пепелище, и князь наш убит!» [3, 51], «...и небо стерпело сей ад!» [3, 52]. Состояние Евпатия передает последний стих в первых двух строфах, в котором меняется только эпитет, приобретая более яркую окраску:

И, страшно бледнея, внимает Евпатий. [3, 51]

Ужасно бледнея, внимает Евпатий. [3, 52]

Действие баллады разворачивается стремительно (динамику стихотворению придает и четырехстопный амфибрахий). Поэт переносит нас в «широкую долину», где «грозная рать победителя хана покоится» [3, 52]. Однако беспокойно на душе у врага: «Черной тревожимый грезой, Татарин... то, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит, То схватит свое боевое железо» [3, 52]. Появление русских витязей посеяло страшную панику в стане Батыя, что выражается риторическими вопросами: «Откуда ж свершитель отчаянной кары?», «Не все ли погибло в крови и в огне?» [3, 52].

Баллада пронизана возвышенно-романтическим пафосом. В осознании прошлого как эпохи борьбы за свободу Языков был близок к декабристам. Отсюда эмоционально-экспрессивная лексика, выражающая патриотические чувства поэта («Отчизна», «под латами чести», «с последним ударом решительной мести», «долина убийства и славы», «воитель свободы»).

Вместе с тем эпитеты, сравнения, параллелизмы, встречающиеся в стихотворении, связаны с народной песенной традицией: «Не синее море кипит и шумит <...> Шумят и волнуются ратники хана...» [3, 52], «Толпы за толпами, как тучи густые...» [3, 52]. Одним из основных приемов в описании битвы является гипербола: «Сто копий сражаются с русским копьем...» [3, 52] (Ср. в «Повести...»: «...един бьяшеся с тысящей, а два с тмою» [4, 188]).

Последние строки баллады полны элегических раздумий. На фоне ночного пейзажа («Редает ночного тумана покров, Утихла долина убийства и славы...» [3, 52]) изображается погибший богатырь:

Кто сей на долине убийства и славы

Лежит, окруженный телами врагов? [3, 52]

Здесь явная отсылка к народной солдатской песне. Ср.:

Как под кустиком под ракитовым

Что лежит убит добрый молодец,

Избит, изранен и исколот весь. [7, 279]

Само описание подвига Евпатия в стихотворении отсутствует, но финальные строки: «Уста уж не кличут бестрепетных братий <...> А длань еще держит

кровавый булат...» [3, 52] – красноречиво говорят о том, что герой сражался стойко и мужественно, до конца исполнив свой воинский долг.

Л. Мея также привлекали характеры сильные, героические («Песня про боярина Евпатия Коловрата», «Александр Невский» и др.). Удаливость и богатырский размах в русском характере связаны у него с патриотическим подвигом: его с «помощью божией» совершают «благотворные» и «благочестивые» русские витязи, поборники не только свободы родины, но и православной веры.

Мей берет эпизоды из далекого прошлого, близкие легендам, перелагает их стихами с минимальным домислом, приводя и сами источники: все эти «старины» документированы примечаниями с соответствующими обширными цитатами из историков. Для произведений Мея характерна идеализация «старого доброго времени». Они отражают постоянный, напряженный интерес поэта к страницам героической борьбы народа за свою свободу и независимость.

«Песня про боярина Евпатия Коловрата» своего рода «Повесть о разорении Рязани Батыем» в стихах. Однако, в отличие от древнерусского памятника, поэма Мея включает в себя несколько эпизодов, которых нет в «Повести...»: свадьба князя Федора Юрьевича с византийской царевной Евпраксией (в древнерусском тексте только упоминается, что Федор Юрьевич «имѣет у собе княгиню от царьска рода» [4, 186]), влюбленность в нее Евпатия, предательство «княжеческого тысяцкого» Нездильы (в «Повести...» – «нѣкий от велмож резанских» [4, 186]).

Евпатий изображается как человек честный, благородный. Беззаветно влюбленный в Евпраксию, он просит князя Юрия отпустить его в Чернигов к князю Игорю: «Может, вместе сходил бы на половцев...» [8, 138]. Автор нарушает факты: Игорь княжил в Чернигове до 1202 года. Видимо, здесь сказались отголоски «Слова о полку Игореве», над поэтическим переложением которого работал Мей. На просьбу князя Юрия остаться на свадьбу его сына, княжича Федора, Евпатий отвечает:

...Не прогневайся:

Я зарок себе дал перед образом

Самому не жениться, не бабиться,

Да и вчуже на свадьбе не праздновать... [8, 138]

Сцену прощания «крестовых братьев» поэт рисует с помощью постоянных эпитетов («другу милому», «удалого витязя»), тавтологического оборота «обнял... крепко-накрепко».

В дальнейшем события в поэме совпадают с содержанием древнерусского памятника: приход к границам Рязанской земли несметных полчищ Батыя, рязанское посольство к нему во главе с Федором Юрьевичем и его гибель, смерть Евпраксии с сыном Иваном Постником, сражение дружины Юрия Ингоревиича с татарами и взятие Рязани. Обо

всем Мей рассказывает эмоционально, образно, используя различные средства русского фольклора, например постоянные эпитеты («*красное солнышко*», «*в синем море*», «*красные девицы*», «*стольному городу*», «*слезами горючими*»); из народной поэзии поэт черпает и отдельные метафоры, сравнения («...*заря занималась на небе*...» [8, 154], «...сыр-бор зашатался...» [8, 152]; «*молодые... будто солнышко с зорькой вечернею*» [8, 137]); тавтологические обороты («*хлебом-солью*», «*ковыль-травой*», «*утомились-умаялись*»).

С народной поэтической традицией связана в поэме песенная символика. Так, княжич Федор с Евпраксией что «*сизый голубь с голубкою ласковой*», а Евпатий – «*ясный сокол*», для которого главное – «вольный простор вокруг да около». Мей использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами («*зорюшка*», «*казнобушка*», «*молодушкой*», «*голубушку*» и др.), что придает тексту особый лиризм. Поэт также употребляет размеры и обороты народного песенного репертуара, имитирует былинный стих.

После разорения Рязани автор переносит нас в Чернигов, где гостит Евпатий Коловрат. Ничто не радует молодца: ни «приволье раздольное, Молодецкая ширь необъездная» [8, 148], ни «река», ни «лесок».

Едет по степи витязь Евпатий, да невесел...

На руке дремлет крик остроженный <...>

Только, знать, самому затуманила

Очи зоркие греза налетная... [8, 149].

И только рассказ Ополоницы возвращает героя к действительности.

Сражение Евпатиева полка с татарскими ордами в поэме, как и в древнерусском памятнике, является кульминацией произведения. Картина битвы рисуется Меем с помощью приемов, характерных для народной поэзии: параллелизма («...сыр-бор зашатался вот словно бурю <...> ломятся ставки и валяются» [8, 152]), метафоры («...стон поднялся вдоль по стану ордынскому», «От брони и кольчуг искры сыплются...» [8, 153]), гиперболы («Полилася рекой кровь горячая...» [8, 153]). Суматоху в стане врага передают сравнения: «...ордынцы совсем обеспамятели, Точно пьяные или безумные», «...ордынки развылились волчихами...» [8, 153]. Нападение русичей было столь неожиданным, что враги «вопили» в «страхе и ужасе»: «Мертвецы, мертвецы встали русские, Встали с поля рязанцы убитые!» [8, 153] (Ср. в «Повести...»: «Татарове мяша, яко мертви восташа» [4, 190]).

Особое место в этой части поэмы занимает рассказ о поединке Евпатия с шурином Батыя Хоздоврулом. Похвалялся перед царем татарин: «Живьем возьму, За седлом приведу к тебе русского витязя» [8, 154]. «Барсом» налетел он на Евпатия, «только не в пору: Исполин был Евпатий от младости силою – И мечом раскроил Хоздоврула он на-полю До седла...» [8, 155].

То, как герой со своей малой дружиной («Всея дружины-то было ль две тысячи...» [8, 154]) громит ряды ордынцев, что «шли черною тучею»; похвалба Хоздоврула привести Евпатия к Батыю живым, которого рязанский удалец, как киевские богатыри, рассекает «на-полю до седла», – все это эпические черты, хорошо известные былинам. Сам Евпатий под стать богатырям русских былин. Он наделен гиперболической силой, мужеством и отвагой. Он живое олицетворение героического подвига всего русского народа, который не может мириться с поработителями и стремится отомстить за поруганную землю.

Евпатий наказывает предателя Нездиду («...разбил его о землю вдребезги...» [8, 155]), нещадно бьет татар, преследуя их «до самой до ставки Батыевой», чем вызывает уважение и восхищение врагов. Когда принесли «перед очи Батыевы» тело «усопшего витязя», одолеть которого смогли только с помощью «пороков, орудий... стенобитных», изумился хан «красоте его, силе и крепости» и отдал тело рязанским дружинникам, что были взяты в плен татарами, отпустив их со словами:

Погребите вы батыря вашего с честью,

По законам своим и обычаям,

Чтоб и внуки могиле его поклонялися. [8, 156]

«Песнь о Евпатии Коловрате» С. Есенина имеет две редакции. Первоначальная редакция, датированная 1912 годом, была напечатана в 1918 году в газете «Голос трудового крестьянства» под названием «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, о цвете троеручице, о черном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе». В 1925 году для «Собрания стихотворений» Есенин создал новую редакцию, значительно отличающуюся от первой не только меньшим объемом (35 строф вместо 56), заглавием, но и содержанием. В окончательной редакции поэт освобождает свою «Песнь...» от религиозных образов и церковной лексики. «Он стремится сделать поэму более реалистической, приблизив ее форму и содержание к народно-поэтическим памятникам о борьбе русского народа с татарским нашествием» [9, 128].

В поэме Есенин «воспевает “смелую доблесть” своих предков-рязанцев, вставших на защиту земли Русской от орд Батыя» [9, 127]:

От Ольшан до Швивой Заводи

Знают песни про Евпатия.

Их поют от белой вызнати

До холопного сермяжника.

Хоть и много песен сложено,

Да ни слову не уважено,

Не сочесть похвал той удали,

Не ославить смелой доблести. [10, 325]

Сюжет «Песни...» Есенина во многом отличается от той части «Повести о разорении Рязани Батыем», где рассказывается о подвиге Евпатия Коловрата.

Как справедливо заметила Л. Бельская, поэт стремился «запечатлеть не картины воинских столкновений, а детали быта, создать психологический портрет главного героя, вплоть до его привычек и занятий», пытался «объяснить причины поражения Руси и гибели Евпатия» [11, 207]. Есенин демократизирует его образ (в отличие от «Повести...», где Евпатий является рязанским вельможей, в поэме Есенина он кузнец-силач, выразитель патриотических настроений народа), противопоставив его «лютому ханищу» Батыю, издевающемуся над мертвым врагом.

Произведение Есенина тесно связано с устной народной поэзией. Так, облик Евпатия нарисован в былинном стиле: герой «пешнёвые угорины Двумя пальцами вытягивал» [10, 325]. Поэт наделил его чертами доброго хозяина («Много лонешнего смолота В закромах его затулено» [10, 325]), завидного жениха («Не один рукав молодухек, Утираясь, продырявился» [10, 325]) и удалого молодца с «ножиком сеченым за голенищем». И зовут-то его «боярове» на помощь («Ой ты, лазушновыи баторе, Выручай ты Русь от лихости!» [10, 326]), как звали в древности богатырей. Ср. в былинке «Илья Муромец и Калин-царь»:

И говорил-то он (Владимир. – Л. Б.) Илье да таковы слова:

— Ай же старыи казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нын в полону стоит <...>
А постой-ко ты за веру за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой-ко за матушки Божьи церкви...

[12, 118]

Герою Есенина присущи не только храбрость и удалство, но и мудрость. Он предостерегает своих товарищей о губительном действии «зелена вина»:

*Зелено вино – мыслям пагуба,
Телесам оно – что коса траве,
Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!* [10, 327]

Но не вняли «бразники» речам «батыря», что привело к трагическому исходу:

*А рязанцам стать –
Только спяну спать;
Не в бою бы быть,
А в снопах лежать.* [10, 327]

В отличие от былинных богатырей, доблестно сражающихся с «вражьей силой», Евпатий у Есенина – миротворец: во время схватки с Батыем не меч он «вытянул», а «свеча в руках затеплилась».

Евпатий противопоставлен жестокому и немилосердному царю Батыю. Образ последнего поэт создает в соответствии с былинной традицией (см. былины «Илья Муромец и Идолище», «Алеша Попович и Тугарин» и др.): на коне он сидит «на выпячи», «...жуе, слюнявя бороду, Кус подохлой кобылятины», говорит «псиным голосом» [10, 325], «с губ бежит

слюна капучая» [10, 327]. В финале поэмы Батый глумится над русским воинством: велит из черепа Евпатия сделать себе чашу для вина («чашу... сивушную») и похваляется, что вся сила русская сгодилась только на то, чтобы тын городить. Здесь явная перекличка с «Повестью временных лет», где описывается гибель князя Святослава в бою с печенегами: «И нападе на нь Куря, князь печенѣжский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху из него» [13, 88].

Связь «Песни...» Есенина с фольклором заметна и в ее структуре, «лишенной книжности и впитавшей различные элементы устной речи» [14, 84].

Из традиционно-фольклорных конструкций Есенин наиболее часто использует параллелизм:

*Ой, не зымы лузга-заманница
Запоршила переточины,—
Подымались злы татаровья
На Зарайскую сторонушку.* [10, 324]

Наряду с параллелизмом в его отрицательной форме, в «Песни...» встречается и такой характерный для фольклора тип анафорического образа: «*Не заря течет за Коломною, Не пожар стоит над путиною...*» [10, 327], «*Не сочестъ похвал той удали, Не ославить смелой доблести*» [10, 325].

В обилии представленных в поэме характерные для устного творчества речевые обороты: «*Ой, текут кровя сугорами...*» [10, 325], «*Ой, не колоб в поле катится...*» [10, 326]; «*Ой ты, лазушновыи баторе...*» [10, 326]. Из устной речи заимствует поэт и такое соединение слов: «кузню-крыницу», «путь-дороженьку», «пира-пображни» и т. п.

Местный характер использованных Есениным источников подтверждается и обилием областных слов и выражений. Прав был П. Юшин, утверждавший, что «многие из них были хорошо известны на его (поэта. – Л. Б.) родине, и в пору создания “Сказания...” он мог не ощущать их как диалектизмы» [14, 85]. Исследователь приводит ряд таких слов, как, например, *вентерь* – рыболовный снаряд из ниток. В отличие от верши, имеет сделанные из таких же ниток крылья. В «Песни...»: «За поемами Улыбыша Кружат облачные вентери» [10, 324].

Лузгой в Рязанской губернии называется мякина, получаемая при переработке проса в пшено. В поэме она уподоблена пороше: «Ой, не зымы лузга-заманница Запоршила переточины» [10, 324]. В процессе переработки проса в пшено облако лузги, как пороша, оседало вокруг мельницы.

Итак, как показал анализ, образ Евпатия Коловрата нашел яркое отражение в русской поэзии, причем воплощается он авторами по-разному, в зависимости от их художественных задач. Так, в балладе Языкова образ Евпатия предельно обобщен, лишен каких-либо индивидуальных черт, так как для поэта-романтика важнее было передать общий дух патриотизма русского народа в борьбе с татарским нашествием.

ствием, нежели изобразить подвиг одного конкретного человека (хотя имя героя вынесено в заглавие стихотворения). Мей, опираясь на фольклорные и книжные традиции, создает целостный образ защитника Руси, честного, благородного в любви и дружбе, беспощадного к врагам и изменникам родины. Есенин же, в отличие от своих предшественников, оригинально трактует исторические события, придавая им общенациональный масштаб, одновременно углубляя психологический подтекст произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языкова Е. В. Творчество Н. М. Языкова: Книга для учителя / Е. В. Языкова. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.
2. Кошелев В. А. Блаженная страна Николая Языкова / В. А. Кошелев // Литература в школе. – 1992. – № 3-4. – С. 4–14.
3. Языков Н. М. Сочинения / Н. М. Языков; [сост., вступ. ст., примеч. А. А. Карпова]. – Л.: Худож. лит., 1982. – 448 с.
4. Повесть о разорении Рязани Батыем / [подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева] // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. – С. 184–199, 554–559.
5. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Провинция, 1974. – 509 с.
6. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 т. / Н. В. Гоголь. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. – Т. 6. Избранные статьи и письма. – 456 с.
7. Русское народное поэтическое творчество: хрестоматия: учеб. пособие для пед. ин-тов / сост. М. А. Вавилова, В. А. Василенко, В. И. Игнатов и др.; под ред. А. М. Новиковой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 511 с.
8. Мей Л. А. Стихотворения / Л. А. Мей; [сост., вступ. ст. и примеч. К. К. Бухмейер]. – М.: Сов. Россия, 1985. – 256 с.
9. Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин: Образ. Стихи. Эпоха / Ю. Л. Прокушев. – 5-е изд., дораб. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 349 с.
10. Есенин С. А. Собр. соч.: в 2 т. / С. А. Есенин; [сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Л. Прокушева]. – М.: Сов. Россия: Современник, 1990. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – 480 с.
11. Бельская Л. К вопросу о первой поэме Сергея Есенина / Л. Бельская // Рус. лит.-ра. – 1966. – № 3. – С. 207–209.
12. Былины / вступ. ст. В. Калугина. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 512 с.
13. Повесть временных лет / подгот. текста О. В. Творогова, пер. и коммент. Д. С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М.: Худож. лит., 1978. – С. 22–227, 418–451.
14. Юшин П. Ф. Поэзия Сергея Есенина 1910 – 1923 годов / П. Ф. Юшин. – Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 319 с.

*Воронежский государственный университет
Бобрицких Л. Я., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы
E-mail: kafruslit@gmail.com*

*Voronezh State University
Bobritskikh L.Ya., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Literature Department
E-mail: kafruslit@gmail.com*

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС?

Н. В. Вальтер

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2014 г.

Аннотация: в данной статье особое внимание уделено проблеме толкования понятия «дискурс». Проанализирован ряд подходов к его изучению, рассмотрены основные точки зрения на выделение в его структуре такого понятия, как «рекламный дискурс».

Ключевые слова: дискурс, рекламный дискурс, прагматика, коммуникативный процесс.

Abstract: the article focuses on the problem of defining the term «discourse». Several approaches are analyzed. Special attention is paid to the problem of determining the «advertising discourse» as a specific type of discourse.

Key words: discourse, advertising discourse, pragmatics, communication process.

Термин дискурс (фр. discours, англ. discourse) начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка). Причина того, что при «живом» термине «функциональный стиль» потребовался другой — «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в самом предмете.

Семантическая неоднозначность данного термина прослеживается с момента его использования в целях языковедческого анализа [3, 179]. Так, во французском языке слово «discours» означает динамическую речь. Словарь немецкого языка Якоба и Вильгельма Гримма «Deutsches Wörterbuch» 1860 г. дает следующее толкование данного слова: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция [6, 9]. Ни одно такое определение, казалось бы, не подходит применительно к рекламе.

В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой «дискурс» характеризуется как многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связанный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная» [8, 127]. По пункту пять рекламный текст — это дискурс.

В.С. Григорьева считает, что можно выделить три основных употребления термина дискурс: 1) собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию (ср. определение Н.Д. Арутюновой «Дискурс — это речь, погруженная в жизнь» [1, 137]), как вид рече-

вой коммуникации, как единица общения; 2) дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам и, прежде всего, к М. Фуко; 3) дискурс, используемый в формальной лингвистике, пытающейся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (Т. Райнхарт, Х. Камп).

В первом, собственно лингвистическом значении употребление термина «дискурс» само по себе весьма разнообразно, но в целом здесь просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий языковых и речевых единиц. Так, по определению В.В. Богданова, две неравнозначные стороны дискурса представляют речь и текст. Дискурс понимается как все, что нами говорится и пишется. «Термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» [2, 5].

По определению Т.А. ван Дейка, «дискурс — это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная». Учитывая такое понимание дискурса с ещё большей степенью уверенности можно рекламный текст называть дискурсом.

По мнению П.В. Зернецкого, пространство дискурса четырехмерно. «Его воздействие строится по осям одномоментно действующих семантической и прагматической координат, а также по оси действующей протяженно во времени и речевом пространстве координате синтаксической. Каждая последующая единица речевой деятельности, в особенности тематическая (топикальная), соз-

дает свое микропространство. Речедеятельностное пространство конкретного дискурса языковой личности рассматривается как соответственно развернутая по данным координатам интеграция элементарных речевоздействующих сил: аргументирующей (семантика), мотивирующей (сигматика), прагматической (прагматика) и аккумулирующей (накопляющей) – синтактика» [5, 62]. Таким образом, в дискурсе воплощается пространство социального взаимодействия, опосредуемое средствами того или иного языка. Оно порождается и оформляется на основе динамического взаимодействия разноуровневых категорий – понятийных, прагматических, семантических, грамматических и т.д.

Во втором значении слово дискурс употребляется для обозначения текущей речевой деятельности в какой-либо сфере (например, политический дискурс). Сравните: «...дискурс – это первоначально особое использование языка, в данном случае русского, для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии». Вышедший за рамки науки и ставший популярным в публицистике «дискурс» в этом случае восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и, прежде всего, к М. Фуко. За употреблением термина «дискурс» здесь просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» описывает способ говорения и обязательно имеет определение какой или чей дискурс. В нашем случае, применительно к рекламе, мы имеем дело с рекламным дискурсом – дискурсом рекламодателя.

Исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, чисто языковые отличительные черты, стилистическая специфика. Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас предложил для изучения социальных практик такие термины, как практический дискурс, критический дискурс, этический дискурс. Первостепенной задачей в исследовании дискурса этого направления является изучение коммуникативного своеобразия субъекта социального действия. Сравните: «политический дискурс», «дискурс в сфере производственного направления», «терапевтический дискурс», «религиозный дискурс», «педагогический дискурс», «юридический дискурс», «военный дискурс», «критический дискурс», «научный дискурс», «патриотический дискурс», «родительский дискурс», «спортивный дискурс». Мы можем продолжить этот список, дополнив его понятием «рекламный дискурс». В этом мы не одиноки.

Е.Л. Доценко определяет рекламный дискурс как «завершённое сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к предмету рекламы), сочетающее

дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических средств» [4, 115].

Стилистические средства рекламного дискурса имеют прагматическую направленность. Содержание рекламного текста зависит от цели и характера воздействия на потребителя, ведь реклама – это не только информация, но и способ «зомбирования» общества. Р.И. Мокшанцев выделяет некоторые уровни психологического воздействия рекламы:

- когнитивный (передача информации, сообщения);
- аффективный (эмоциональный аспект, формирование отношения);
- суггестивный (внушение);
- конативный (определение поведения)[7, 129].

На когнитивном уровне сообщается информация о товаре, о его новых привлекательных качествах. На аффективном уровне создается отношение потенциального потребителя к рекламируемому товару или услуге путем повторения аргументов в пользу данного товара, демонстрации доказательств необходимости его приобретения, формирования благоприятных впечатлений. На суггестивном уровне происходит внушение, убеждение адресата в необходимости покупки данного товара. Эффективным внушение будет в том случае, если оно соответствует интересам покупателя или если источником информации выступает авторитетный человек.

Существенную роль при этом играет многократное повторение рекламного сообщения. Коннотативный уровень предполагает алгоритм действий адресата для получения предлагаемой продукции.

Таким образом, цель воздействия – убедить покупателя сделать выбор в пользу рекламодателя. Важно отметить, что глобальная цель коммуникации – взаимодействие рекламодателя с потенциальным покупателем.

Основная функция рекламного дискурса – прагматическая функция, которая заключается в привлечении внимания покупателя к рекламируемому товару. Для эффективной реализации данной функции используются различные лексические, синтаксические, стилистические средства. У рекламных сообщений свой особый стиль изложения. Рекламный дискурс можно рассматривать не только как результат коммуникации, но и как сам коммуникативный процесс, поскольку благодаря особым синтаксическим и фонетическим, а также грамматическим средствам создается иллюзия диалога с адресатом. Для наибольшей эффективности необходимо соблюдать не только основные принципы рекламы, но и соблюдать структуру рекламного сообщения. Таким образом, рекламный текст обладает всеми критериями (параметрами), которые присущи дискурсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – С. 136–137.
2. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993. – 68 с.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Текст]/Демьянков В.З./Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/ под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект, 2008. – С. 374-393.
4. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Л.Е. Доценко. – 3-е изд. – М.: Речь, 2003. – 304 с.
5. Зернецкий, П.В. Четырехмерное пространство речевой деятельности / П.В. Зернецкий // Язык, дискурс, личность; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1990. – С. 60 – 68.
6. Миронова, Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М.: Тезаурус, 1998. – 158 с.
7. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы / Р.И. Мокшанцев. – М.: Инфра_М, 2009. – 230 с.
8. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста; сост, общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 467 – 472.

*Воронежский государственный университет
Вальтер Н. В., аспирант кафедры общего языкознания
и стилистики филологического факультета
E-mail: valtner.91@mail.ru*

*Voronezh state University
Valter N. V. Post-graduate Student of the General Linguistics
and Stylistics Department
E-mail: valter.91@mail.ru*

«ВЗАИМНО ИСКАЖАЯ ОТРАЖЕНЬЯ»: МОТИВ ДВОЙНИКА В ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

М. А. Васильева

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Поступила в редакцию 6 октября 2014 г.

Аннотация: Статья рассматривает лирику выдающегося поэта первой волны русской эмиграции Георгия Иванова в контексте проблемы двойника. Особое внимание уделяется послевоенным сборникам поэта с их сквозным мотивом зеркального отражения и распыления. Обозначенная поэтом тема раздвоения вписывается в культурно-историческую парадигму, где двойник – символ темного начала – служит признаком разрушения цельности, внутреннего этико-онтологического единства субъекта. Между тем Георгий Иванов стоит у истоков радикального переосмысления темы двойничества в русской литературе.

Ключевые слова: послевоенная лирика Георгия Иванова, мотив зеркального отражения и распыления, проблема двойника.

Abstract: Article considers G. Ivanov's lyrics – the outstanding poet of the first wave of the Russian emigration – in a context of a problem of the double. The special attention is paid to post-war collections of the poet with their through motive of a specular reflection and dispersion. The subject of bifurcation designated by the poet fits into a cultural and historical paradigm where the double – the symbol of the dark beginning – is a sign of destruction of integrity, internal ethic and ontologic unity of the subject. Meanwhile Georgy Ivanov stands at the origins of radical updating of a double discourse in the Russian literature.

Key words: Georgy Ivanov's post-war lyrics, motive of a specular image and dispersion, problem of the double.

Зеркало и зеркальное отражение – один из главных мотивов лирики Георгия Иванова. Уже в первом поэтическом сборнике «Отплытие на о. Цитеру» (1911) тема зеркала заявлена как центральная – первый раздел книги назван «Любовное зеркало», а эпиграфом к нему служит строка из пушкинского стихотворения «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»: «Вот зеркало мое – прими его, Киприда!». И далее мотив зеркала проходит сквозной нитью через всю лирику поэта вплоть до последнего прижизненного сборника «Портрет без сходства» (1950). В 50-е годы в эмигрантской печати появляются знаменитые «зеркальные» вариации с переходящей из стихотворения в стихотворение автоцитатой-рефреном «друг друга отражают зеркала» из «Портрета...». Все они потом войдут в посмертный сборник «1943–1958. Стихи» (1958):

*Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.*

*Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения.*

*Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья [1, 321].*

*Игра судьбы. Игра добра и зла.
Игра ума. Игра воображенья.
«Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья...»*

*Мне говорят – ты выиграл игру!
Но все равно. Я больше не играю.
Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю [Там же].*

*«Желтофиоль» – похоже на виолу,
На меланхолию, на канифоль.
Иллюзия относится к Эолу,
Как к белизне – безмолвие и боль.
И, подчиняясь рифмы произволу,
Мне все равно – пароль или король.*

*Поэзия – точнейшая наука:
Друг друга отражают зеркала,
Срывается с натянутого лука
Отравленная музыкой стрела
И в пустоту летит, быстрее звука.*

*«...Оставь меня. Мне ложе стелет скука»!
[1, с. 375]*

Эти вариации, создавая многомерное пространство, словно под разным углом отражают судьбу лирического героя, – перед нами поэт, человек и, собственно, само творчество, помещенные в обманчивый лабиринт зеркал.

В современном литературоведении мотиву отражения в лирике Г. Иванова посвящены отдельные статьи, главы диссертаций и фрагменты книг¹, в которых мы находим множественные рецепции зеркальной тематики – от статьи Н. А. Богомолова «Талант двойного зренья: Творческий путь Г. Иванова»² – одной из первых глубоких разработок двоemiрия ивановской поэтики – до рассуждений в статье Т. С. Соколовой о «дихотомии реального/фиктивного пространства, лежащего в основе структуры художественного универсума Иванова» [3, 71].

Нам бы хотелось посмотреть на мотив зеркального отражения через отдельную и вместе с тем масштабную проблему двойника, на которую в той или иной степени обращали внимание некоторые исследователи. Однако, как нам кажется, двойничеству в художественной системе поэта до сих пор не было уделено должного внимания. Глубинно связанная своими истоками с концепцией романтического двоemiрия поэтики символизма, проблема двойника в творчестве Георгия Иванова получила в то же время совершенно новую разработку благодаря абсолютно новому для русской литературы эмигрантскому литературно-философскому опыту.

Несомненно, зеркальный мотив лирики Георгия Иванова, особенно поздних его стихотворений, гармонично вписывается в литературную традицию сюжета о двойнике. Порожденный отражающими друг друга зеркалами «портрет без сходства» вполне соответствует образу двойника, созданному мировой и русской классической литературой. В свою очередь, двойники Н. В. Гоголя («Нос», «Портрет»), Ф. М. Достоевского («Двойник», «Братья Карамазовы», «Бесы»), Э. Т. А. Гофмана («Двойник», «Песочный человек», «Эликсиры сатаны»), А. Шамиссо («Удиви-

¹ Укажем лишь на некоторые исследования: Кузнецова Н. А. Творчество Георгия Иванова в контексте русской поэзии первой трети XX века ; дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск. 1999; Якунова Е. А. своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова ; дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004; Трушкина А. В. особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50-х годов ; дис. канд. филол. наук. М., 2004; Несынова Ю. В. Эволюция поэтической системы Г.В. Иванова ; дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007; Соколова Т. С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова ; дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

² Богомолов Н. А. Талант двойного зренья: Творческий путь Г.Иванова. // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 116–142 [2]. Название статьи отсылает к строке «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья» из стихотворения Георгия Иванова «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...» из сборника «1943–1958. Стихи» (1958).

тельная история Петера Шлемиля»), Г. Х. Андерсена («Тень»), О. Уайльда («Портрет Дориана Грея») могут быть обобщены поэтической формулой Георгия Иванова: «Игра судьбы. Игра добра и зла. / Игра ума. Игра воображенья». Эмигрантская «зеркальная» лирика Георгия Иванова, исполненная отчаяния и безысходности, пробитая метафизическими пустотами, попадает в то литературное резонантное пространство, где инфернальный «подобный», порожденный как правило одномерной первоосновой (тень, портрет, отражение в зеркале), традиционно берет на себя функцию отрицательной величины и где появление двойника служит признаком распада личности, потери цельности, разрушения внутреннего этического-онтологического единства. Именно в таком традиционно-устойчивом понимании проблемы двойничества в основном и рассматриваются зеркальные вариации посмертного ивановского сборника «1943–1958. Стихи» большинством современных литературоведов. «Действительно, в обнажении последних глубин жизни поэзию Иванова трудно превзойти, оставаясь в рамках традиции русской поэзии, – замечает Н. А. Богомолов. – И в этом обнажении все чаще становится справедливой формула: “Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья”. В этом взаимном искажении двоится и троится образ автора. <...> Но ведь в этом несовмещении, в “двойном зреньи” так часто бывает заключена душа современного человека, оторванного от своего прошлого и стоящего перед страшным будущим, в которое невозможно вглядываться, чтобы не увидеть там беспредельной пустоты» [2, 164]. Похожей точки зрения придерживается А. В. Трушкина: «Бесконечный зеркальный коридор все дальше уводит от приоритетов прежней жизни, и смысл ее все более теряется, ускользает, уступая место вечной, бесцельной и пустой в конечном счете “постмодернистской” игре и постоянной спутнице поэта – тоске» [4]. С. Н. Колосова, справедливо замечая, что стихотворение «Друг друга отражают зеркала...» является программным не только для «Портрета без сходства», но и для всего позднего творчества поэта, заключает: «Мотив отражения – одна из ипостасей разрушающего начала в творчестве Г. Иванова. <...> Отраженные друг в друге зеркала – это метафорическое представление Георгия Иванова о реальном мире как о бесконечном коридоре искажений, раскладывающихся на микрочастицы гармонию, единство, одухотворенный мир человека» [5, 20].

В то же время мотив раздвоения-отражения в лирике Георгия Иванова далеко не статичен и переживает внутри себя значительную смысловую эволюцию, что и было отмечено некоторыми литературоведами. «Романтическое двоemiрие раннего Иванова сменяется всемирным разложением», – пишет С. Н. Колосова [5, 18]. На иную проблему – все

большую проницаемость и условность границ дихотомии художественного мира Георгия Иванова в послевоенных стихах – указывает Т. С. Соколова: «В 1940–50-е гг. картина мира Иванова меняется в сторону постепенного стирания грани между противопоставленными друг другу пространственно-временными системами. С тенденцией к нейтрализации противоположностей связано выстраивание художественного мира по принципу зеркального отражения. По принципу бесконечно множасьихся отражений в обращенных друг к другу зеркалах выстраивается реальность, окружающая лирическое “я”, – посткатастрофический мир, в котором происходит искажение, смещение, утрата традиционных ценностных ориентиров» [6]. Замечено очень верно. Так, например, априорно заявленная антитеза, которой начинается известное стихотворение из довоенного сборника «Розы» (1931): «Я слышу – история и человечество, / Я слышу – изгнание или отечество. / Я в книгах читаю – добро, лицемерие, / Надежда, отчаянье, вера, неверие», – помещенная в кавычки, испытывается скрытой иронией, а к финалу полностью растворяется в пространстве «вне времени и расстояния». В послевоенном «Портрете без сходства» оппозиция «добра и зла» истончается до предела: «Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность поражения. / Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья». Заявленное «противопоставление» выглядит весьма условно и зыбко, так как водораздел проведен, в сущности, между отражением и отражением, между небытием и небытием. Поэтому вывод исследователей об «утрате традиционных ценностных ориентиров» или доминирующей теме «всемирного разложения» в эмигрантском зеркальном тексте Георгия Иванова звучит более чем убедительно.

Между тем мотив зеркала, отражения, раздвоения претерпевает значительную эволюцию не только в длительный период между ранней лирикой поэта и его послевоенными стихами, но и внутри отдельного временного отрезка послевоенного творчества между «Портретом без сходства» (1950) и «Посмертным дневником» (1958). Вариации на тему «Друг друга отражают зеркала» в посмертном сборнике органично вплетены в более сложный зеркальный контекст. Именно на эту эволюцию и именно на этот контекст нам и хотелось бы обратить внимание. С одной стороны, в стихотворении «“Желтофиоль” – похоже на фиолетовую...» поэзия оказывается в бесконечном обманчивом коридоре зеркал и отравленная музыкой стрела «в пустоту летит, быстрее звука». С другой, – созданный эмигрантским зазеркальем ландшафт в поздней лирике Иванова не всегда оборачивается небытием. Одна из характерных черт лирики Иванова 1950-х гг. – уже отмеченное исследователями смещение ментальной границы, которая отделяет реальный мир и его от-

ражение. В этом поэтическом зеркальном мире бесконечных перевоплощений, нарушений метафизической «демаркационной линии» вопросы – где явь, а где мираж? где настоящий герой, а где его двойник? где прототип, а где протагонист? – остаются неизменно открытыми. Во всяком случае, семантическая перспектива стиха рисует далеко не пустоту и не мертвую точку.

Идеально иллюстрирует это смещение и взаимопроникновение двух реальностей письмо Георгия Иванова к Владимиру Маркову от 18 января 1956 г.: «У нас слишком соблазнительная погода — 15° тепла и полное солнце. И декорации соблазнительные. Нуёрес — городок окруженный — т. е. с трех сторон — четвертая море — тремя цепями гор. На первой стоят 7 замков, отсюда Людовик Святой уходил в крестовый поход. Вторая цепь вся в соснах и дубах. Третья покрыта снегом. Видны, отовсюду, сразу все три. Внизу все желто от цветущих мимоз и розово-бело от миндаля. Кроме этого во время королевы Виктории, здесь каждую зиму жил двор и большинство зданий, в оно время, служили под Королеву и ее свиту. Это дает оттенок вроде Павловска или Петергофа. Гранитные тротуары шириной в добрую улицу, а главная из них совсем в Невский. Это ласкает мой старорежимный глаз» [7, 334–335]. Письмо фиксирует почти мгновенное перевоплощение, перестраивание «соблазнительных декораций» Йера в декорации Павловска – Петергофа – Петербурга. Поэтической иллюстрацией такого особенного «двойного зренья», перехода из объективной реальности в пространство, существующее «вне времени и расстояния», служит написанное в те же годы и вошедшее в «Посмертный дневник» стихотворение «Ликование вечной, блаженной весны...». В трех его строфах запечатлено последовательное «виртуальное» движение мысли: от эмигрантской действительности – через разрушение ментальной границы – в другой, несуществующий мир дореволюционного Петербурга, причем на вопрос – где настоящий мир и где настоящее «я» лирического героя – сам поэт отвечает недвусмысленно:

*Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.*

*Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной, царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская была мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.*

*...Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты [1, 586].*

Вспомним зеркально-противоположную идею героя Достоевского перевоплотиться в поддельное «я», «прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною» существует в реальном времени и пространстве и даже более – его желание «даже совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [8; 113, 139]. В то же время *настоящее «я»* в ивановском стихотворении прочно связано с миром, объективно переставшим быть *настоящим*.

Безусловно, воспоминания о России – центральный мотив всей эмигрантской лирики Георгия Иванова, и «Ликование вечной, блаженной весны...» тематически стоит в ряду большинства его стихотворений, написанных в изгнании. Между тем сам процесс воспоминания не одинаков в довоенные и послевоенные годы. В довоенных «Розах» Россия предстает как место, утраченное навсегда:

Над широкой Невой догорал закат.

Цепенели дворцы, чернели мосты –

Это было тысячу лет назад,

Так давно, что забыла ты.

(«Черная кровь из открытых жил...») [1, 265]

И нет ни России, ни мира,

И нет ни любви, ни обид –

По синему царству эфира

Свободное сердце летит.

(«Закроешь глаза на мгновенье...») [1, 275]

Хорошо, что нет России.

Хорошо, что Бога нет.

(«Хорошо, что нет Царя...») [1, 276]

Россия – это «мир, что навсегда потерян» [1, 277], а «все, кто блистал в тринадцатом году – лишь призраки на петербургском льду» [1, 287]. В «Отплытии на остров Цитеру» (1937): «Россия тишина, Россия прах» [1, 299].

Атмосфере бездомности и безвоздушного пространства, тотальной душевной катастрофы в лирике Г. Иванова есть и прозаическое объяснение. Сборнику «Розы» в жизни поэта предшествует знаменательный исторический отрезок, – с 1922 года, когда он эмигрировал из России, и до 1931-го, когда книга вышла в свет. В эти годы за русскими эмигрантами закрепляется статус беженца. В 1922 г. Лигой Наций вводится знаменитый нансеновский паспорт, от которого Георгий Иванов не отказался на протяжении всей своей жизни, так и не взяв французского гражданства. В свою очередь, в советской России один за другим выходят постановления, обрывающие связи русских эмигрантов с родиной: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г.; Положение о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г. ЦИК СССР; Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г. и т. д. Благодаря этим по-

следовательным действиям советской власти эмигрантам был заказан путь назад, они становились апатридами – лицами без гражданства, без устойчивого социального, исторического и географического «своего места».

Знаменательно, что в те же годы в достоевсковедении русской эмиграции совершается значительный прорыв в интерпретации повести «Двойник» и проблемы двойника в целом с постановкой вопроса о значении «своего места» в философской системе Достоевского. Особая роль здесь принадлежит работе Д.И. Чижевского «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)» (1929), вызвавшей большой резонанс в литературоведческих и философских кругах и в значительной мере повлиявшей на достоевсковедение П. М. Бицилли, В. В. Зеньковского, А. Л. Бема, Н. Е. Осипова. Именно потеря героем повести «своего места», с точки зрения Чижевского, неминуемо вела Голядкина к душевной катастрофе двойничества: «Появление двойника и вытеснение им Голядкина из его “места” обнаруживает только иллюзорность этого “места”. <...> Реальность человеческой личности не обуславливается простым ее “существованием” в эмпирическом плане бытия, но требует каких-то иных (внеэмпирических) условий и предпосылок. <...> Между тем онтологическая неустойчивость личности отнюдь не связана с психологической (“слабохарактерность”) или социальной (“зависимость”). <...> Живое, конкретное бытие человека, – продолжает Чижевский, – всякое его “место” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием» [9; 58–59, 63]. Осмысление *утери своего места* как некоей новой формы бытия в лирике Георгия Иванова было во многом созвучно новым идеям достоевсковедения русской эмиграции. Масштаб этой утери – от исчезновения на карте целой страны до тектонического религиозного провала – поэт лапидарно констатирует в известных строках: «Хорошо, что нет Царя. / Хорошо, что нет России. / Хорошо, что Бога нет. / Только желтая заря, / Только звезды ледяные, / Только миллионы лет».

Можно было бы сказать, что горечь потери родины Георгий Иванов как человек и как поэт разделил с русской эмиграцией сполна. Однако в статусе бездомности, то есть человека «без места», Георгий Иванов занимает особое положение. Пожалуй, трудно привести пример из числа первых писателей русского зарубежья, схожий с примером Иванова. Бездомность его преследует и в военные, и в послевоенные годы. В 1943 г. немецкие власти отбирают его дом в Биаритце, вскоре тот же дом будет разрушен при бомбардировке американской авиацией. Это событие найдет отражение в известном ивановском стихотворении:

Отвратительнейший шум на свете –
Грохот авиона на рассвете...

*И зачем тебя, наш дом, разбили?
Ты был маленький, волшебный дом,
Как ребенка, мы тебя любили,
Строили тебя с таким трудом [1, 340].*

Георгий Иванов с Ириной Одоевцевой сначала живут в гостиницах, потом в Русском доме в Жуанле-Пене (1947–1948), в 1951-м перебираются в Русский дом Монморанси, где живут до 1953-го, после чего возвращаются в Париж, в 1955-м они поселяются в международном «Доме пенсионеров» для политэмигрантов «Beausejour» в Йере на юге Франции. Комментируя эту кочевую жизнь, их давний друг Георгий Адамович, с которым во время войны отношения были практически непоправимо испорчены, пишет Иванову из Манчестера: «Как Вам живется в Вашем доме? Вы ничего не сообщили. Я мечтаю, когда отсюда выберусь, тоже устроиться в нечто вроде богадельни, вопреки людям, которые ужасаются этому»³ [10, 465]. Трудно сказать, насколько искренен в письме был Адамович, благополучный преподаватель русской литературы в Манчестерском университете, и насколько он «мечтал» о статусе обитателя богадельни. Насколько тотальная потеря дома отразилась на строе мыслей и на творчестве Георгия Иванова, можно судить по частотности появления слова «дом» (в значении родного дома и пристанища) в поздней лирике поэта. Образ дома в послевоенные годы появляется в его стихах в два раз чаще, чем за все прошлые творческие годы. Причем традиционный мотив исчезновения России и абсолютной потери своего пристанища, проникающий из довоенной поэзии в позднюю лирику «Никому ни о чем не расскажем, / Никогда не вернемся домой» [1, 336] начинает сменяться мотивом ирреального возвращения домой: «Я хотел бы улыбнуться, / Отдохнуть, домой вернуться» [1, 388], «Замученное сердце радо / Тому, что я домой бреду» [1, 403]. Иллюстрацией мгновенной смены душевного состояния, перевоплощения бездомности в иллюзорное обретение дома служит стихотворение из «Посмертного дневника»:

*За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.*

*– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой [1, 578].*

В эти годы в лирике Георгия Иванова все более дает о себе знать разрушение ментальной границы между эмпирическим эмигрантским миром и мифическим миром исчезнувшей навсегда дореволюционной России. В немалой степени это проявляется

в «Портрете без сходства» («Что-то сбудется, что-то не сбудется...», «Отражая волны голубого света...», «Голубизна чужого моря...») и особенно – в цикле «Дневник», вошедшем в сборник «1943–1958. Стихи» («Торжественно кончается весна...», «Свободен путь под Фермопилами...», «Четверть века прошло за границей...», «Белая лошадь бредет без упряжки...», «Нечего тебе тревожиться...», «Бредет старик на рыбный рынок...», «Я люблю безнадежный покой...», «Здесь в лесах даже розы цветут...», «Все представляю в блаженном тумане я...» и т. д.).

Бесконечный зеркальный коридор, создающий «портрет без сходства», делающий мифом эмигрантскую действительность и реальностью – российский-петербургский миф, оказывается более сложной системой, чем просто последовательная логическая цепочка «раздвоение» – «искажение» – «разрушение» – «небытие». Такая цепочка вполне соответствовала бы традиционному подходу к теме двойничества и душевного распыления, однако в художественном мире Георгия Иванова она неизменно усложняется драматичным эмигрантским опытом. То, чем у предшественников Иванова завершалось двойничество, – пустота, небытие, разрушение – в эмигрантском мире было не только априорной данностью, но и начальной точкой отсчета, с которой начиналось созидание нового мифа, своей истории. В коридоре зеркал ивановского мифа опознавательные знаки эмигрантского опыта – пустота и отчаяние – могли перевоплощаться в свои отражения «без сходства». Поэтому слова исследователя о том, что Георгий Иванов «с отчетливостью описал нам состояние человека, находящегося у самой последней черты, нарисовал пейзаж той местности, за которой начинается небытие», – нам кажутся верными лишь отчасти [2, 167]. Пейзаж местности поздней ивановской лирики исполнен сложных линий и траекторий, семантическое пространство его поэзии раздвигает границы, выстраивает вторую реальность и новые миры и определяет лирическому герою «свое место» в этих мирах. Распыление не всегда заканчивается небытием, а порой переходит в совершенно новое качество. Выход поздней поэзии Иванова на иной метауровень не снимает трагизма и не решает неразрешимых дилемм, однако по-своему дает возможность преодолеть небытие. Подобный парадоксальный сплав распыления и творчества, способности зеркально раздвоиться, чтобы сохранить себя, демонстрирует знаменитое стихотворение, посвященное Ирине Одоевцевой, из цикла «Дневник»:

И. О.

*Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.*

³ Г. В. Адамович – Г. В. Иванову. 23 марта 1955.

*И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.*

В новом эмигрантском дискурсе раздвоения как самосохранения поэзия Георгия Иванова занимает особое место. В обновлении проблематики двойничества литература русского зарубежья сделала очевидный прорыв уже в довоенный период. Двойники ранней прозы Набокова еще существуют в лоне русской литературной традиции, однако раздвоенные миры Бориса Поплавского в «Аполлоне Безобразов» (1926–1932) или смещение отражения и воспоминания в стихотворении Владислава Ходасевича «Перед зеркалом» (1924) знаменуют собой совершенно новый взгляд на проблему двойника.

Кардинальное переосмысление концепции двойника в литературе русской эмиграции «первой волны» происходит в послевоенные годы. Так, например, традиционное понимание двойника-отражения как явления одномерного, механистично-«подобного» сменяется оправданием типичного «среднего человека», представителя сонма «подобных» в философском романе-притче Гайто Газданова «Пробуждение» (1965), сюжет которого подчеркнуто усложнен вопросом о раздвоении личности главного героя. Лирика же Георгия Иванова послевоенных лет совершает абсолютный прорыв в литературном сюжете о двойнике. Отражение-раздвоение оборачивается в ряде его стихотворений не пустотой и распадом, а последней возможностью сохранить свою цельность, свое настоящее «я». В перспективе этот вектор намечал совершенно новую философскую проблему, поднятую в повести

Саши Соколова «Школа для дураков».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Стихотворения / Г. В. Иванов. – М., 1993. – 656 с.
2. Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания / Н. А. Богомолов. – Томск, 1999. – 640 с.
3. Соколова Т.С. Семантическая граница в ранней лирике Георгия Иванова / Т. С. Соколова // *Вестник ТГПУ*. – 2007. – Выпуск 8 (71). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 70–75.
4. Трушкина А.В. Особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50-х годов; автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Трушкина. – М., 2004.
5. Колосова С. Н. Игра Георгия Иванова в стихотворении «Друг друга отражают зеркала...» / С. Н. Колосова // *Русская речь*. – 2010. – № 6. – С. 17–20.
6. Соколова Т.С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова; автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Соколова. – СПб., 2009.
7. Марков В.Ф. О русском «Чучеле совы»: Статьи, эссе, разное / В. Ф. Марков. – Новосибирск, 2012. – 444 с.
8. Достоевский Ф.М. Двойник. Петербургская поэма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1972. – Т. 1. – С. 109–229.
9. Чижевский Д. И. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) / Д. И. Чижевский // *Вокруг Достоевского*: В 2 т. – Т. 1. : О Достоевском: Сб. статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент М. Магидовой. – М., 2007. – С. 54–73.
10. «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. – М., 2008. – 816 с.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Васильева М. А., кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: marijavid@mail.ru

The House of the Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn

Vasilieva M. A., Candidate of Philology, Scientific Secretary of the House of the Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn

E-mail: marijavid@mail.ru

МОЛДАВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РОМАНЕ ИОНА ДРУЦЭ «БРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ»

В. Л. Гусаков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2014 г.

Аннотация: В статье анализируются особенности отражения молдавского национального характера в известном романе писателя-билингва Иона Друцэ «Бремя нашей доброты». Автор статьи также рассматривает сложный вопрос отражения христианского мировосприятия в художественной литературе. Статья позволяет обозначить художественные, психологические и онтологические аспекты указанной темы.

Ключевые слова: Ион Друцэ, Молдавия, национальная история, билингвизм, проза, фольклор, нравственный идеал, христианство, Православие.

Abstract: The article analyzes the features of the reflection of the Moldovan national character in the famous novel writer-Bilingua by Ion Drutse «The Burden of our kindness» ("Bremya nashei dobroty"). The author also considers the difficult question reflect a Christian world view in fiction. The article allows us to identify the artistic, psychological, and ontological aspects of this subject.

Key words: Ion Drutse, Moldova, National history, bilingualism, prose, folklore, moral ideal, Christianity, Orthodoxy.

Известный художественной практике на протяжении многих веков, билингвизм в национальных литературах Советского Союза во второй половине XX века дал весьма впечатляющие результаты, открыв русскому и затем европейскому читателю ряд уникальных художников слова (Ч. Айтматов, Т. Пулатов, Ч. Амиреджигби, Ф. Искандер, Ю. Рытхэу, В. Санги и др.). Молдаванин Ион Пантелеевич Друцэ (род. 1928) не сразу стал русскоязычным писателем, но позже его книги оценили и полюбили, прежде всего, в России. Средствами русского языка автор открывает нам красоту бескрайних степей, духовное богатство жизни братского нам по культуре и вере народа.

Роман «Бремя нашей доброты», очевидно, для самого автора стал важным моментом в собственном творчестве, поскольку, будучи начатым в 1963 г. (первая часть – «Степные баллады»), свою законченную форму произведение приобрело в 1982 г., то есть спустя почти двадцать лет. За это время его молдавский и русский варианты неоднократно перерабатывались. В связи с этим мы анализируем произведение по последнему варианту, созданному автором на русском языке.

Роман И. Друцэ охватывает почти пятидесятилетнюю историю Молдавии в XX веке – с 900-х годов до конца 1950-х. Драматизм национальной истории раскрыт автором через жизнь самого не приметного крестьянина из Богом забытой деревушки Чутуры – Онакия Карабуша. Именно в отношениях Онакия

с родной Чутурой и раскрывается сущность национального характера героя. Чутура изначально недоверчива к Карабушу. Не случайно уже в начале повествования автор подчеркивает, что приятеля главного героя «Харалампия Чутура прозвала Умным. Онакия она никак не прозвала, хотя любому было ясно, что только чувство такта помешало ему произнести то, что уже вертится на языке...» [3; 279] Онакий Карабуш и в самом деле может показаться близким родственником и Кола Брюньону из одноименного романа Ромена Роллана, и bravому солдату Швейку Ярослава Гашека, но при этом за его внешним балагурством скрывается народная мудрость и – самое главное – сострадание к ближнему. Таким образом, становится понятным: почему легендарная собака (образ души Молдавии в романе И. Друцэ) выбирает для своего жилья немудрящую временку Онакия: «собачья верность такому неверному человеческому племени, и это бескорыстие, эта ее скромность!» [3, 276]

Карабуш возвращает Чутуру к жизни после страшного опустошительного пожара, когда односельчане не узнают его после долгого отсутствия в селе, спасает их, казалось бы, совершенно безумной идеей: «А ну, ребята, кто пойдет со мной в лес? Я знаю там одно гнездышко с маленьким в крапинку яичком. В жизни еще не видели такого крошечного яичка. Считаю до трех. Ну, значит, раз!» [3, 299] Возвращение Чутуры к жизни произошло не только в духовном, но и в телесном плане – через девять месяцев после этой вылазки в лес в Чутуре родилось сразу одиннадцать ребятишек, это был, как пишет

Друцэ, «урожай небывалый для такой маленькой деревушки» [3, 302].

Онакий на страницах романа предстает как нравственный идеал, при том, что герой не лишен недостатков и страстей: «Человек мягкий, податливый по натуре, он отличался большой влюбчивостью, был постоянен в своих привязанностях, но буквально сатанел, когда ему приходилось в ком-либо разочаровываться. А разочаровывался он тоже часто, потому что, эмоциональный, как все молдаване, он влюблялся во все, что его окружало: в людей, в посевы, в домашнюю скотину» [3, 458].

Нравственная характеристика молдавского крестьянина определяется и его отношением к земле. Земля – главная человеческая забота Карабуша. Он принимает все, что дает земля (здесь следует сделать оговорку: кроме маков – последние связаны в сюжете романа И. Друцэ с проблемой румынского национализма, а в судьбе самого Карабуша – с войной и гибелью сыновей), включая пырей, с которыми он боролся многие годы, но который ему всё равно жаль. Земля у И. Друцэ, конечно же, часть национального мира, но при этом земля и объединяет людей близких народов (эпизод с русским солдатом Николаем, который улыбается земле). Земля требует любовного отношения, максимума заботы, но тяжким бременем она становится тогда, когда пути людей и земля расходятся, когда урожай остается необработанным: «Без земли чутурянин себя не мыслит. Земля – это его способ жить, его умения, его фантазия. Из земли чутурянин может сотворить все, что душе угодно. Из этих тяжелых чугунных борозд он может вычеканить себе друзей, с которыми хорошо провести один вечер, и друзей, которыми он дорожит всю жизнь. Земля для него – это упругая сила, дремлющая в плечах и просыпающаяся, когда нужно защищать честь чутурянина. Землю можно обратить в хорошее настроение, а еще земля нагоняет на чутурянина сладкую, туманную усталость, располагающую к самой буйной фантазии. Земля есть закон сам по себе, и больше не применимы никакие законы, если речь идет о земле» [3, 317-318].

Противостоит живительной силе земли бездушное железо, из которого сделан трактор, силой которого покорен зять Онакия – Мирча Морару. Мирча буквально влюблен во все железное с самого детства, мечтает стать кузнецом, и когда, спустя несколько лет, ему в руки попадает трактор, он отдается «железному коню» без остатка. И мертвое, хотя и движущееся железо, в буквальном смысле высасывает жизнь из некогда цветущего здоровьем Мирчи. Спасает Морару его родной тесть. Именно после беседы с Карабушем в поле в нем снова пробуждается жажда жизни: «Мера – вот что было им утеряно и что ему принес Карабуш в своей кошелке. Две тысячи оборотов в минуту – это хорошо для трактора. Для человека это плохо» [3, 475].

Земля для Карабуша – святыня. Она для него самое родное, что дает природа, и в то же время так до конца и не постигаемое чудо. Отношение к земле у Онакия напоминает некий языческий обряд, который в художественной системе романа, тем не менее, не находит диссонанса с христианской верой: «Всякий раз, когда он выходил в поле и ему предстояло притронуться к ее стихии, облить ее потом, одухотворить, проклясть или прославить, Карабуш, засучив рукава, брал комок сыроватой земли, долго мят в ладонях, превращая в упругий серо-черный шар, и потом, подбросив его высоко в небо, старался изловчиться и схватить его круглым, нерассыпанным, и загадывал всегда одинаково: если шар вернется целым – значит, удача» [3, 370].

В советское время критика, обращаясь к романам И. Друцэ, его повестям, рассказам, пьесам, как правило, стыдливо обходила вниманием наиболее уязвимые, с точки зрения официальной идеологии государственного атеизма, места, где текст соотносился с христианским сознанием молдаван. Что касается непосредственно романа «Бремя нашей доброты», то за него в те годы немало досталось автору (главным образом, со стороны молдавских критиков) именно за аполитичность сознания главного героя и за излишний лиризм повествования, который на практике выливался в потрясающе искреннее сопереживание крестьянской жизни, которая в Молдавии неотделима по своей сути от Православия – молдавская земля, как и русская, исповедует Христа уже более тысячи лет.

Камнем преткновения в романе И. Друцэ стало описание празднования крэчуна – так молдаване называют праздник Рождества Христова. Исследователь фольклорных мотивов В.М. Гацак почти сорок лет назад настоятельно подчеркивал, что «едва ли крэчун в молдавских народных традициях значительнее, чем Новый год» [2, 34]. Ссылаясь на довольно солидный список имен молдавских этнографов, В.М. Гацак пытался доказать, что крэчун в Молдавии не более чем видоизмененный языческий народный праздник, а колядки, которые пелись в этот праздник, явно вторичное явление по сравнению с так называемыми «мирскими» колядами, которые, по мнению исследователя, и олицетворяют подлинную традицию молдавского народа. Христианские коляды, конечно же, жестко насаждались самой Церковью. В.М. Гацак твердо и уверенно указывает писателю на его явный «промах»: обычаи празднования Нового года «не попадают в поле зрения автора», а именно они-то и были «наиболее жизнеспособными» [2, 37]. К слову сказать, сам авторский текст в определенном смысле не спорит с мнением критика. И. Друцэ действительно признает, что «Рождество почти перестало быть религиозным праздником» [3, 515]. Но внимание к сюжетным линиям главных героев, прежде всего, Онакия и его дочери

Нуцы, говорит об обратном. Последний ребенок Нуцы появляется на свет именно под Рождество, и, оставшись в роддоме совершенно одна, счастливая и тихая мать совершенно по-иному воспринимает, казалось бы, полностью забытый и оставшийся в ее детстве праздник: «Нуца была убеждена, что все колядки, которые она знала, давно перезабыла, но теперь, лежа в роддоме, она начала их перебирать и сама удивилась той легкости, той плавности, с которой они к ней возвращались. Стоило вспомнить только одну строчку, или мотив, или хотя бы одно слово, хотя бы отрывок мотива, а уж следом бежала целиком вся колядка, и вместе с нею приходил тот удивительный мир, которому имя Рождество» [Там же]. Оनाкий Карабуш всегда любил только два праздника – Рождество и Пасху, причем обладал интересной особенностью: он всегда знал, когда в наступившем году будет пасхальная неделя. Эта особенность со временем стала все больше поражать Чутуру (намек на вхождение Молдавии в состав Советского Союза): «К удивлению всей Чутуры, хотя церковных календарей не было и в помине, он по-прежнему знал, на какой день приходится Пасха, на какой будет Рождество» [3, 519].

Категория «христианское» по отношению к художественной литературе, с нашей точки зрения, не может быть определена исключительно через прямое или косвенное цитирование Священного Писания или путем включения в произведение эпизодов жизни благочестивых мирян, священников, монахов. Современный русский писатель А. Варламов обозначил в одном из своих интервью историческую сложность отношений русской литературы и религии: «Отношения русской литературы и христианства всегда были сложными и, я бы даже сказал, загадочными. Вот посмотрите, в русской литературе XIX века, литературе глубоко христианской по своему смыслу, по своему наполнению, вы найдете очень мало образов не только священников или монахов, но и просто православных воцерковленных христиан. <...> В отличие, например, от Франции, где сложилось понятие «католическая литература», мы не можем сказать, что у нас есть особое направление – «православная литература». Наша литература православна сама по себе. Самое христианское произведение русской литературы – это «Капитанская дочка». В ней нет никакой явной проповеди христианства, но там все дышит и т [разрядка автора. – В. Г.] христианством – так эта вещь написана. И это, мне кажется, должно быть образцом для нас» [1, 91–92].

По мысли А. Варламова, в русской литературе определяющим становится прежде всего не внешний мир, а внутренний смысл произведения, отношение к человеку, бытию в целом. Поэтому рассматривать литературу под углом христианского взгляда, следует, опираясь на вышеуказанные категории. В связи с этим нельзя не отметить, что и та

советская литература, которая сохраняла глубинное родство с русской классикой, так же тяготела к христианскому мироощущению. По более поздним наблюдениям А. М. Любомудрова, она вовсе не так далеко отстояла от христианства, как это могло показаться, если принять во внимание ту эпоху, которая была за окном в момент создания того или иного произведения. На это же указывает филолог-переводчик Н. Л. Трауберг: «Советской эпохе, начиная со второй половины 50-х годов, стал присущ такой «эзопов гуманизм», когда тихой сапой протаскивались традиционные нравственные ценности. Очень ярко это проявлялось, к примеру, в кино. То есть из картины мира как бы вынимается Бог, в художественном произведении Он как бы [выделено Н. Л. Трауберг. – В. Г.] предполагается, присутствует на дальнем плане» [4, 21]. Нравственная позиция автора как личности в данном случае является определяющей.

В связи с этим не внешние детали позволяют нам говорить о христианском сознании главного героя. В романе И. Друцэ христианское мироощущение проявляется именно в отношении человека к самой жизни и к своему ближнему. В самые страшные голодные годы на помощь Онакию приходит его тетушка и всегда приносит с собой кукурузу – спасение от голода для молдаванина. В скупых фразах тетка точно определяет принципы человеческой жизни: «Сейте кукурузу из года в год и берегите ее. Она – наша святая бедность, а бедность свою надо уметь беречь. Богатство – все равно что роса, тут она есть, тут уже нету ее, а бедность – это то, что нас держало из года в год, из века в век...» [3, 291].

Урок тетушки, оставившей зерно «за помин всех наших», Онакий Карабуш выучил на всю жизнь, и спустя много лет о том же говорит теперь уже своей дочери: «Народ наш выжил благодаря кукурузе и мечте о справедливости. Не дай Бог забросить стезю своей старой бедности и поддаться соблазну сытой и богатой жизни. Ничто так не опустошает дух человеческий, как нажитый им достаток, и, если все время высчитывать и выгадывать, как бы нам не променять своих ангелов-хранителей на быструю езду в собственном автомобиле» (подчеркнуто нами. – В. Г.) [3, 534].

Карабуш никогда не был богат, но при этом ни разу не отказал односельчанам в помощи и, самое главное, приходил на выручку, не дожидаясь просьбы.

Христианское смирение к жизни органично переносится у героев романа и на восприятие смерти. В первый раз мы видим это у Тинкуцы, жены Онакия. Ее уход – это, безусловно, подготовка к продолжению жизни уже в Вечности, и нет даже намека на какой-либо разлад в ее душе: «Всю жизнь покорная судьбе, она и на этот раз всё приняла как должное. Раз надо, так и надо. И теперь уходила из родной Чутуры легкой, бесшумной походкой матери, вставшей чуть свет

и боявшейся встревожить сон своих сыновей. <...> Уходила низенькая, молчаливая, с покорностью ребенка, которого взрослые впервые послали с каким-то поручением, и он идет, счастливый, и невдомек ему, что с этим можно и повременить» [3, 437].

С таким же смирением умирает и Онакий. Он уходит с чувством выполненного долга, ибо всю жизнь посвятил земле и людям. Карабуш всегда осознавал свою ответственность за всё, что есть на земле, и в этом смысле особым евангельским светом просвечивает название романа: за добро, как и за свою жизнь, человек несет персональную ответственность перед Богом, но сила доброты Онакия всегда соизмерима с его совестью, и поэтому предлагаемая читательскому вниманию жизнь простого молдаванина в полной мере соотнесена с одной из главных заповедей, которую Господь завещал людям: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»

[Мк. 12, 31]. И тогда Христос пойдет рядом: «...возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящите покой душам вашим: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть» [Мф. 11, 29–30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А. Мыслью человеческими судьбами / А. Варламов // Фома. – 2006. – № 6. – С. 89–94.
2. Гацак В. М. Роман и фольклор: Ион Друцэ «Бремя нашей доброты» / В. М. Гацак // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР: сб. ст. – М.: Наука, 1975. – С. 16–38.
3. Друцэ И. П. Белая Церковь. Бремя нашей доброты: Романы. / И. П. Друцэ. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 573 с.
4. Трауберг Н. Путь в пространство красоты / Н. Трауберг // Фома. – 2007. – № 8. – С. 20–24.

Воронежский государственный университет

*Гусаков В. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора*

E-mail: van-bok@mail.ru

Voronezh State University

*Gusakov V. L., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Russian Literature of the XX-XXI-st Centuries, Theoretical
Literature and Folklore Department*

E-mail: van-bok@mail.ru

СЛОВА «ДЖИНН» И «ШАЙТАН» ГЛАЗАМИ РУССКИХ И АРАБОВ

Л. М. Кольцова, Х. А. Эль-Мсафер

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2014 г.

Аннотация: в статье анализируются слова «джинн» и «шайтан», рассматривается их функционирование в современном русском языке, определяется адекватность использования слов в русском дискурсе с позиций современного лингвокультурологического знания.

Ключевые слова: арабизмы, ислам, исламизмы, Бог, злые духи, иноязычная лексика, адаптация, дискурс, образ, уточнение.

Abstract: The article analyses the words *jinn* and *shaitan*, highlights their functioning in contemporary Russian language, the approximation of using words has been determined in the Russian discourse from the standpoint of the contemporary lingua cultural knowledge.

Key words: arabisms, Islam, islamisms, God, evil spirits, foreign lexic, clarification.

Человечество всегда интересовало вопросы, связанные с миром духовным, мистическим. И в языческих, и в монотеистических религиях существовало свое представление о невидимых существах. «Духи – мифологические существа, связываемые обычно с человеком, его телом и жизненной средой, в том числе природной. В отличие от божеств духи относятся к более низким уровням мифологической системы; они находятся в постоянном взаимодействии с человеком, ежедневно определяя особенности его душевного и психического состояния» [1]. У язычников не было деления на злых и добрых духов, как правило, их роль зависела от конкретной ситуации. Значительные изменения в представлениях о невидимом мире произошли в монотеистических религиях (иудаизме, христианстве, исламе) с их четким представлением о добре и зле, Боге и дьяволе. В последнее время появляются лингвокультурологические работы, посвященные проблемам этимологии и семантики названий мистических существ в разных религиях.

Для мусульманской традиции такими важными и в чем-то близкими понятиями выступают слова *джинн* и *шайтан*. Во многих словарях современного русского языка они представлены как синонимы, однако не являются таковыми в арабском языке, откуда пришли в русский и другие языки мира.

От арабского корня ج ن (džinn) – *джинн* – происходят многие слова, имеющие иногда различное значение. Прежде всего следует сказать, что этимон в основном означает: **скрытое от зрения и слуха** [2].

Слово ج ن в арабском языке имеет форму множественного числа существительного دَجَن (džinni) или دَجَان (džánn) [оба мужского рода].

В литературном языке эта лексема может выступать в качестве омонимов, например: «أَرَأَيْتَ أَكْأَصَعَ قُلُوبًا» («А ты брось свой посох!») Когда Муса ((Моисей)) [бросил и] увидел, что посох извивается, словно змея, он бросился назад без оглядки). (Муравьи-10) «رَأَى نَمٌ لَبَقَى نَمٌ فَإِنْ قُلْخُ نَأْجِلًا» («А до того [Мы сотворили] джиннов из палящего огня (Аль-Хиджр-27) [3].

Паронимами являются многие такие обороты как, например: فَوَخَلَا قَدْشَ نَمٌ نَجْ (настала ночь), (с ума сошел от страха), عَوَامِلًا فَنَجْ (Рай) и др.

При вхождении в русский язык слово пережило определенную адаптацию.

Обратимся к арабским словарям и посмотрим, что значит слово *джинн* в арабском языке:

– **противоположное, противопоставленное понятию «человек»: он остался с джиннами – то есть в пустом скучном месте** [4].

– **джинны называются так потому, что они вне поля видимости людей** [5].

Слово «джинн» использовалось ещё в доисламский период на Аравийском полуострове, оно означало невидимых существ, которые творят злые дела и которых надо бояться. Тогда арабы считали, что джинны живут в пустынях, горах и колодцах, а также в любых грязных местах. Эти представления были основаны на мифах предков, учениях древних религий [6].

Существовало убеждение, что джинны могут посылать людям разные болезни, вызывать психические отклонения. Следует заметить, что арабы не убивали змей, боясь мщения с их стороны и считая, что джинны принимают их образ [7].

О том, что мистические существа занимают значительное место в воображении человека, в его представлениях о мире невидимого свидетельствует наличие у этого слова в арабском языке нескольких синонимов, например, *ифрит*, *гул*, *шайтан*, *марид*, *амир* и др.

В мусульманской культуре джинн – нечто невидимое, созданное Всевышним из огня, имеющее сверхъестественные качества, живущее, как и человек, на Земле, однако разумное, сильное, злое, подозрительное. Эти представления были вызваны тем, что джинны в некоторых текстах Корана описываются как невидимые существа, которые могут ввести человека в заблуждение: «О сыны Адама! Да не совратит вас шайтан, подобно тому, как он [совратил и] изгнал из рая ваших родителей, лишив их одежд, чтобы представить им воочию их срамные части. Воистину, шайтан и его приспешники видят вас, тогда как вы их не видите. Воистину, Мы сделали шайтанов покровителями неверующих» (Коран – Преграды 26) [3].

Джинны в исламе – духи, подобные шайтану, его последователи, они составляют общество, противоположное человеческому. Для лучшего понимания этого образа в исламской культуре нужно обратиться к Корану: «[Вспомни], как Мы направили к тебе нескольких джиннов, чтобы они послушали [чтение] Корана. Когда они явились, сказали [друг другу]: «Слушайте!» Когда же [чтение] было окончено, они вернулись к своему народу и стали увещевать» (Пески-29); «Скажи, [Мухаммад]: «Если бы объединили усилия люди и джинны, чтобы сочинить нечто, подобное Корану, это им бы не удалось, если бы даже они и помогали друг другу»» (Ночной перенос-88) [3].

Слово *джинн* упоминается в Коране 17 раз в разных сурах. В некоторых текстах слово имеет негативный оттенок, поскольку в Коране говорится, что Иблис (Сатана) ослушался Бога и не стал поклоняться Адаму.

Следует отметить, что и слово *шайтан* имеет такую же оценку, что и *джинн*, потому что в Коране он предстает как главный джинн: «[Вспомни, Мухаммад], как Мы сказали ангелам: «Падите ниц перед Адамом!» Все поклонились, кроме Иблиса. Он был из джиннов и ослушался воли своего Господа» (Пещера-50) [3]. В данном тексте джинном называется *шайтан* (Иблис) (к раскрытию значения этого понятия обратимся чуть позже).

В арабской классической литературе джинны – постоянно присутствующие герои. Сказки «Тысяча и одна ночь» являются ярким тому подтверждением.

Обратимся к русским толковым словарям, чтобы посмотреть, насколько идентичны эти понятия в русском и арабском представлении:

– Джинны (ар. дух) 1– в доисламской аравийской мифологии духи природы; 2) в исламе огненные или воздушные, наделённые разумом тела, созданные Аллахом из бездымного огня; различают три класса Д. – гулы, ифриты, силаты; приобретая любую форму и выполняя любые приказы, они могут служить как добрым, так и злым делам [8; 9].

– (ар.) в арабских сказаниях – демон, злой дух. Считалось, что Аллах сотворил Д. из бездымного

огня. Д. представляли в виде существ, состоящих из воздуха или огня и потому способных приобрести любую форму. В мусульманских преданиях упоминаются три вида: ифрит, гул и силат [10].

Рассматривая эти толкования, можно заметить следующие неточности, которые нуждаются в объяснении и поправке:

1. в исламе джинны созданы из огня, и поэтому определение «воздушные» не соответствует этимологии и семантике слова, как указывалось выше.

2. ифриты (ар. *تيراف عتيرف*) и гулы (ар. *لوع ناليغ*) в арабских толковых словарях – виды джиннов, однако, слово *силаты* (ар. *طيلس طالس*) не означает джинна и не несет в себе значение духа, а является прилагательным мн. числа муж. р. и переводится как «красноречивый» (Словарь современного арабского языка с.1094).

– одуш. (араб. *džinn*), многоликий дух огня в мифологии и фольклоре мусульманских народов. ♦ Выпустить джинна из бутылки – дать свободу злым силам [11].

– (ар. *Džinn*) – дух, демон в арабских и персидских сказках [12].

– (ар. *genius*) – в мусульманской мифологии и фольклоре – дух огня, демон [13].

Данная дефиниция идентична арабскому толкованию, однако автор приводит неправильную исходную форму, поскольку слово *genius* является латинским.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка для того, чтобы посмотреть, в каких контекстах в современной речи используется слово.

«Ала адДин пошел в свою комнату, взял светильник и потер его, и **джинн** тотчас же появился перед ним и сказал: «К твоим услугам!»

[Григорий Тарасевич. Размазать лампочку по стенке // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011.

Я раздал сто невыполнимых обещаний и растаял в воздухе, как джинн. [Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева (2010)].

Их руками был выпущен из бутылки ядерный джинн, но они же показывали пример социальной ответственности. [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004).]

Он запечатал оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имен аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, — апчи, апчи! [Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч (1955)].

Интернет дает возможность наколдовать любую вещь, если вы знаете правильное слово. Интернет как джинн. Если вы назовете вещь правильно, она появится. [Глеб Павловский и др. Агитпроп или самиздат // «Отечественные записки», 2003].

И весел и спокоен

Взгляд быстрых глаз. Легка, как горный джинн.

Под шелковым бешметом детски строен

Высокий стан...

[И.А.Бунин. Дия (1907)].

И едва стемнеет, смеркнет, где-то между скал,

*Как дитя, как **джинн** пустыни, плачется шакал...*

[И.А.Бунин. К востоку (1903-1096)].

8– Фески, чалмы, дворцы, опала, **джинны**, балдахины, узоры тахты и шелест тафты, подушки, ковры и кальяны, фонтаны и ванны, где слуги не от вина пьяны, где правит султан, где гремит барабан, сгоня челядь в мечеть, под крылья шаха и знамя Аллаха [М.Гиглашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко (2006)// «Нева», 2008)].

Рассмотрев данные примеры, мы видим, что слово *джинн* используется в разных стилях. В-первых, слово «джинн» используется как наименование действующего лица, персонажа, героя какого-либо сюжета, как проявление какой-то силы (доброй или злой); во-вторых, слово употребляется в составе тропа, чаще всего – метафоры или сравнения; в-третьих, для создания восточного колорита. Понимание слова неоднозначно, а порой и противоречиво, противоположно. Все это требует дополнительного лингвокультурологического анализа и соответствующего комментария, особенно при переводе.

Другим не менее значимым понятием в исламском религиозном миропонимании является слово *шайтан* (араб. ناطيش). Это слово имеет большое значение в культуре мусульманских народов не только потому, что является символом злых дел и желаний в монотеистических религиях, а потому, что слово *шайтан* называет духовное существо прямо противоположное Богу. Необходимо пролить свет на сходства и различия в его понимании и использовании в арабском и русском языках.

В арабском языке слово является синонимом имени собственного *Иблис* {Сатана}. *Шайтан* (jeitan) в арабском языке образуется от корня نطش, который означает противиться, удаляться, быть противником. Слово имеет форму множественного числа ناطيش. Слово очень древнее, оно существовало еще в доисламскую эру. Арабский поэт А'аша Кайс писал про *шайтана*:

ناطيشا دمحت الوى حضل او تايش عل نىح ىل ع حبسو
ادمح اف ملال (Помни [Бога] и днем и ночью, и не хвали **шайтана**, а Его самого хвали) [6].

Рассмотрим значение слова в толковых словарях арабского языка:

– злой и соблазнительный дух; каждый соблазнитель (человек); ядовитая змея. Иногда используется для выражения сильного безобразия ◊ У него лицо как у Ш.; в Коране описывается дерево в аду: ناطيشا سوز من أك ادخلط (Плоды его ветвей подобны дьявольским главам). Говорится: в него вселился

свой Ш. – разозлился и забыл про ответственность. Снял от себя Ш. – сдержался. Ш. Пустыни – жажда. В доисламскую эпоху у древних арабов: Ш. поэта – джинн, которого считали вдохновителем поэта. Один поэт писал: ناطيشا ريمى (мой шайтан – глава джиннов) [5].

Исходя из вышеприведенных примеров, *шайтан* – главный джинн. Это существо называется в Коране ещё *Иблисом*, Коран рассказывает нам, кто такой *Иблис* и какой он совершил грех:

يأى سىلبأ الا اودجس فمادل اودجسأ قكئالملى انلق ذأو
«И вот Мы ангелам сказали: ■ «Адаму низко поклонитесь», ■ И те поклон ему отдали, ■ Кроме (надменного) Иблиса, ■ Кто, возгордившись, отказался ■ И стал одним из нечестивых» (Корова, 34) [3].

Главный шайтан (Иблис) отказался поклониться Адаму, после этого непростительного греха Бог сказал ему: « Ты проклят». И с тех пор начал *Иблис* искушать людей, став символом злых дел и мыслей.

Шайтан в арабской исламской культуре считается провокатором грехов, подстрекателем.

Имя главного *шайтана* в исламе (Иблис) упоминается в Коране 11 раз, где оно имеет исключительно негативную оценку как противника Бога. Слово *Иблис* является противоположным слову Бог, Аллах, Всевышний, Всемогущий и т.п. *Шайтан* упоминается в Коране 75 раз в единственном и множественном числах. Во множественном числе семантика меняется: это «люди, которые вводят в соблазны других людей на грех». Коран называет *шайтанами* тех людей и *джиннов*, которые распространяют зло, так как джинны тоже являются жителями нашего мира: اودع يبن لىل انل عك لىل ذكف
لوقل افرخزض غب لىل امض غب يحوى نجل او سن الا نىطيش
«И так установили Мы для каждого пророка ■ Врагов – шайтанов среди людей и джиннов, ■ И те внушают обольщение друг другу ■ Красой пустых, незначащих речей» (Скот, 112) [3].

Семантически близкими по отношению к этому понятию выступают такие слова, как *зло*, *обман*, *соблазнитель*, *тьма*, *ад*, *противник Бога*, *отступник от истинного пути* и др.

По мнению большинства теоретиков и богословов ислама, *шайтаном* называется любое создание из людей и джиннов, которое стоит против Божьей воли и творит зло. Анализируя коранические тексты, которые представляют *шайтана* как негативную силу на нашем свете, мы понимаем, что этим словом Коран символизирует все мучения человека, его бесконечные искушения, которые не позволяют ему строить свой внутренний духовный мир по требованиям Творца. Рассмотрим некоторые примеры: اولخ اذا وانا ولاق اونم نىذلا اوار اذاو
«Когда они встречаются тех, кто верует (в Аллаха), ■ «Мы веруем», – им говорят они, ■ Но, находясь наедине с шайтанами своими, ■ Говорят: «Мы всей душою с вами, ■ А там лишь насмехались мы»» (Корова, 14) [3].

رَفَكَ أَمْوَنَ أَيْلَسَ لِكُلِّ عُنَيْطَايْشَلَا وَلْتَتَّ أَمْوَعَبَتَاو
رَحْسَلَا سَأَلَا نَوْمَلْ غِي أَوْ رَفَكَ نَيْطَايْشَلَا نَكَلَاوْ أَيْلَسَ

«(Прельстили их и) повели их за собой шайтаны, ■ Измыслившие (ложь) о царстве Сулеймана, — ■ Но нечестивым не был Сулейман, ■ А нечестивыми шайтаны были, Которые людей учили колдовству» (Корова, 102) [3].

Шайтан в исламе является традиционным врагом мусульманина. Он его соблазняет и постоянно вводит в грех. Он также вселяет в него внутреннее сомнение, подозрение к себе и к другим, недоверие. Поэтому **шайтан** является также умным существом.

Мусульмане используют известную фразу: *لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ* (Прибегаю к Аллаху от проклятого Сатаны) перед тем, как начинают Коран, а также во время напряженных разговоров как успокоительное слово. Это означает, что человек просит у Аллаха терпения, спокойствия. Пророк Мухаммед не раз предупреждал верующих от неприятных и злых желаний и мыслей. В хадисе говорится, что пророк сказал: «*دَسَّحَ لِي*» «Зависть (со злыми намерениями) — это шайтан, и ярость тоже» [7].

Шайтан является главной причиной греха Адама и Евы и их изгнания из Рая: «*أَفْرَأَيْتَ إِنْ أَطَايْشَلَا أَمْ لَزَأَفَ*» (Но Сатана увлек их в грех и вывел (из блаженства), В котором находились они) (Корова, 36). Однако в исламе **шайтан** понимается как слабое существо, которое не может заставить людей впасть в грех, а лишь склоняет в мыслях к греху, соблазняет, украшает грех: «*أَرَوْعُ أَلَا إِنْ أَطَايْشَلَا أَمْ دَرَعِي أَمْ تَمْدِيْنْ مَدْرَعِي*» «Он обещаниями (их тешит) ■ И возбуждает в них (порочные) желанья, ■ Но обещанья Сатаны — обман, и только!» (Женщины, 120) [3].

Слово **шайтан** в арабском языке часто сочетается с глаголом *سوس* «вносить смуту». Это объясняет, почему **шайтан** называется в Коране *سَانْخَلَا* (дьявол-искуситель). Принято считать, что **шайтан** боится имени Аллаха и убегает от человека, упомянувшего Его.

Это понятие в арабском языке объединяет вокруг себя целый ряд семантически близких слов и выражений, например: *شَيْطَانِي* или *شَيْطَانِي* уподобляться **шайтану**; *شَيْطَانِي* = хитрость, обман и т. д.

Рассмотрим значение слова в словарях русского языка:

Шайтан – (ар.) в исламе злой дух, черт, дьявол, сатана, вместе с ангелом сопровождающий по жизни каждого человека; мусульмане верили, что слова, произносимые поэтами и прорицателями, внушены им Ш. [8; 9].

Данное толкование совпадает с исходным значением слова, за исключением того, что **шайтан** поэта означает одаренность, так как арабы ещё до принятия ислама считали, что существуют невидимые духи, которые вдохновляют поэта говорить и писать красивыми словами. В исламе утверждается лишь то, что поэты могут говорить ложь, если они не верят в Бога и его ниспослание: «Таковыми (могут быть безумные) поэты — ■ За

ними следуют заблудшие (в невежестве своем... Помимо тех, ■ Кто (в Господа) уверовал, и делает благое» (Поэты, 224–227) [3].

– [тюрк.] – черт, дьявол [12].

В данной словарной статье указывается на тюркское происхождение слова. Действительно, тюркские языки стали посредниками для многочисленных заимствований в русском языке, но это слово все-таки арабское по происхождению. Словарная статья, на наш взгляд, нуждается в расширении синонимического ряда словом «сатана».

– [тюрк. *Şaitan* > араб. *Šaitân* черт]. 1. В исламской мифологии: злой дух, дьявол (в 1-м значении); 2. Употребляется как бранное слово. *Уйди, ш!*

Антихрист (во 2-м значении), дьявол (во 2-м значении), сатана (во 2-м значении) [11].

Данное определение раскрывает истинное значение слова, синонимы идентичны арабским. Слово **шайтан** как бранное используется в русском и арабском языке, хотя иногда эти высказывания имеют шуточный характер.

Наиболее точное определение слова «**шайтан**» мы находим в Арабско-русском словаре Х. Баранова:

– черт, сатана, дьявол, бес, демон; *سَاوَسُوْلَا* Коран. Дьявол-искуситель (отсутствующий при упоминании имени Аллаха); *دِيْشَلَا* дьяволёнок-пострелёнок; *اِشَلَا* одержимый (о человеке); *بَدِيْلَا* с привидениями (о доме); *بَدِيْلَا* пусть убирается к черту!; *سَاوَسُوْلَا* как будто бес в него вселился [14].

Это определение раскрывает все особенности понимания и использования слова «**шайтан**». Оно соответствует значению слова в арабском языке. Рассмотрим некоторые примеры из Национального корпуса, чтобы понять, как слово используется в русском языке.

Я понял. — **Шайтан** меня возьми! Мы не провели инструктаж на случай

артиллерийского или ракетно-бомбового удара по школе! [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010].

— Не собирается ли мой юный повелитель учить старого джина Гассан Абдуррахмана ибн Хоттаба, что такое шайтан? [Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч (1955)]

А тут живешь рядом с большой трубой, а когда газификацию садов

сделают — один **шайтан** знает. [Сергей Эйгенсон. *Deja Vu* (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.07.21]

Примеры показывают, что слово **шайтан** в русском литературном языке употребляется в значении демон, сатана, черт в разных стилях (публицистический, художественный, разговорный).

Таким образом, из проведенного выше анализа следует, что слова **джинн** и **шайтан** не являются синонимами. В современных словарях русского языка не всегда встречается корректное и точное тол-

кование исследуемых арабских слов (особенно это касается слова *джинн*), связано это может быть с общекультурными причинами, в частности, с отсутствием глубоких богословских и религиоведческих знаний. Слово *шайтан* выступает более общим понятием по отношению к слову *джинн*, так называется предводитель духов, а также любое существо из мира людей и духов, противостоящее Богу и творящее зло. В первом своем значении *шайтан* выступает синонимом к слову *сатана* в христианском его понимании. Понятие *джинн* в исламском толковании близко к понятию *бес* у христиан, и, хотя в большинстве случаев *джинн* – это злой дух, все же в исламе встречается и положительное восприятие его действий, чего мы никогда не обнаружим в ветхо- и новозаветной традиции.

Более глубокое, основательное, всестороннее исследование слов, важных для арабской культуры, выявление особенностей их функционирования в современном русском языке, несомненно, важно для преодоления культурной дистанции и более осмысленного использования слов, несущих сокровенные знания народа о многообразии мира и его непостижимых тайнах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Режим доступа: www.mifinarodov.com/d/duhi.html
2. Режим доступа: <http://www.hodaalquran.com/>

Воронежский государственный университет

Кольцова Л. М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка

E-mail: kolzowa@mail.ru

Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф, аспирант кафедры русского языка

E-mail: black_moon22@mail.ru

details.php?id=299&t=ff50d47a3d9cd3d75c748be49d7b16d0

3. Коран / Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. — М., 1991. Коран / Пер. с араб. и коммент. М. Н. Османова. — М., 1995.

4. 4.Группа арабских лингвистов. Аль-Му'джам Аль-Васит. Издание 4-е, 2004. — 1067 с.

5. Ахмед Мухтар Омар. Аль-Му'джам Аль-Му'асир. — 2008. — 3367 с.

6. 311 с. ديشر دلخ دم يلح — يلها جل ر عشل ا يف ن ج ل

7. 658 с. مال سال لابق ب ر عل خيرات يف لصفم ل

8. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М.: АСТ, Харвест, 2007. — 976 с.

9. Адамчик В. В. Новый словарь иностранных слов / В. В. Адамчик. — М.: АСТ, 2009. — 1152 с.

10. Ситникова М. А. Новый словарь иностранных слов / М. А. Ситникова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. — 299 с.

11. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. — М.: ЭКСМО, 2011. — 864 с.

12. Лехин И. В. Словарь иностранных слов / И. В. Лехин, Ф. Н. Петров. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. — 805 с.

13. Петрова М. В. Словарь иностранных слов / М. В. Петрова. — М.: Рипол-классик, 2011. — 640 с.

14. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. — М., 2007. — 944 с.

15. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.

Voronezh State University

Koltsova L. M., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department

E-mail: kolzowa@mail.ru

Al-Msafer Khaldoon Aryan Khalaf, Post-graduate Student of the Russian Language Department

E-mail: black_moon22@mail.ru

ТЕМА ДОРОГИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА И М. И. ЦВЕТАЕВОЙ («ПРО ОДНУ СТАРУХУ» И «ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД»)

А. Н. Королева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2015 г.

Аннотация: в статье сопоставляются особенности изображения темы дороги в произведениях, посвященных описанию революционной действительности. Анализу подвергаются рассказы «Про одну старуху» И. С. Шмелева и «Вольный проезд» М. И. Цветаевой. Раскрывается общность ряда нравственно-эстетических оценок происходящим событиям.

Ключевые слова: Шмелев, Цветаева, дорога, революция.

Abstract: the article compares the features of the image of the theme of the road in works devoted to the description of the revolutionary reality. The analysis focuses on the stories "the story of a woman" Shmelev and "Free ride" Tsvetaeva. Reveals the commonality of a number of moral and aesthetic assessments of current events.

Key words: Shmelev, Tsvetaeva, road, revolution.

Тема пути, дороги достаточно традиционна для русской культуры, что объясняется, прежде всего, географическими особенностями России, протяженной от Европы в Азию. Путь (дорога) – основной сюжетно-образующий мотив многих произведений русской литературы и фольклора, в полной мере выражающих национальное сознание. Эти концептуальные образы имеют четкие характеристики и в христианской традиции, всегда востребованной литературой.

Российский «катаклизм 1917 года» стал для русской литературы 1917–1920 х годов, по точному замечанию М. Цветаевой, «заказом времени». При этом тема дороги явилась одной из тех основных тем, где реальность «бессмысленного и беспощадного русского бунта» (А. С. Пушкин) раскрывается объемно – в мелких деталях и глубинных метафизических образах. Следует учитывать особый характер творческого и жизненного пути И. Шмелева и М. Цветаевой, во многом по-разному оценивших причины и суть произошедших событий, но в чем-то их оценки и совпали.

И в «Вольном проезде» Цветаевой, и в рассказе Шмелева «Про одну старуху» перед читателем со всеми подробностями раскрывается быт «мешочников»: в годы революции и гражданской войны миллионы русских людей, преимущественно из центральной России, отправлялись на юг или в глубь страны, чтобы раздобыть хлеб для себя и своих родных. Они обменивали свои вещи, драгоценности, мыло и тому подобное на муку, пшено, которое грузили в огромные, пудовые мешки. Помимо обычных трудностей пути – физической нагрузки (пудовые мешки вынуждены были тащить на себе иногда несколько километров, причем в большинстве своем это были женщи-

ны), невероятной тесноты и неудобства в вагонах (несколько суток приходилось иногда не просто простаивать, но стоять вплотную друг к другу), испытывая голод и жажду, холод, жару, духоту, от которых многие умирали в дороге, несчастных ждало еще более страшное испытание – заградительные отряды красноармейцев. В результате, добытое невероятными усилиями, потом и кровью, телесными и душевными муками, безжалостно отбиралось, что лишало людей последней надежды. Кроме Шмелева и Цветаевой, к дорожной тематике обращались тогда многие писатели, характерной приметой времени становятся переполненные людьми самого разного звания, сословия, достатка вагоны, вокзалы.

Описание путевых впечатлений и в этой связи упоминания о мешочниках – неперенный атрибут мемуарных текстов И. Одоевцевой, В. Шкловского, В. Кривошеина и др. Но именно И. Шмелев и М. Цветаева делают мешочника главным героем своего произведения, причем у Шмелева – это крестьянка, тогда как героиня Цветаевой – представительница интеллигенции.

Дорожные перипетии, страхи, лишения и унижения главных героинь – в центре внимания Шмелева и Цветаевой. В судьбе каждой из них отражается общенациональная, историческая трагедия народа. И в очерке Цветаевой, и в рассказе Шмелева личная трагедия, человеческая беда – тот фон, на котором разворачиваются эпохальные катастрофические потрясения. Страдания «маленького человека» – беззащитной женщины, матери – обретают у обоих писателей метафизический образ страдающей матери-родины, России. И у Шмелева, и у Цветаевой в авторском повествовании обнаруживаются исторические бытовые реалии, призванные запечатлеть

очертания нового бытия. В изображении революционной действительности через образы и мотивы дороги каждый из писателей идет своим, характерным именно для него, путем.

Обратившись непосредственно к тексту произведений, попробуем определить особенности личного переживания Шмелевым и Цветаевой совершающихся событий.

В основе произведений обоих писателей лежат документы. «Вольный проезд», созданный М. Цветаевой в 1918 г. параллельно с поэтическим циклом «Лебединый стан», относится к самым первым прозаическим мемуарным произведениям, выросшим из дневниковых записей, которые она вела в Москве в годы революции и гражданской войны. По своему жанру эти записи, рассматриваемые исследователями как художественное произведение, относятся к автобиографической (или мемуарной) прозе. Подобная тенденция характерна для времени Цветаевой: ряд писателей, ее современников, обращаются к написанию воспоминаний, автобиографий, широкое распространение получает культура дневниковых записей. Этот период изобилует мемуарно-автобиографическими произведениями: И. Бунин «Окаянные дни» (1925), А. Белый «На рубеже двух столетий» (1929), Б. Зайцев «Москва» (1939). Особое значение приобретают в эти годы дневники: В. Брюсов «Дневники», «Из моей жизни» (оп. 1927), М. Волошин «История моей души» (оп. 1991), З. Гиппиус «Петербургский дневник» (1929).

«Вольный проезд» – это дорожные зарисовки М. Цветаевой во время ее путешествия в Тамбовскую губернию с целью выменять муку на ситец и мыло. «Основа цветаевской мемуарной прозы: сочетание документальности и открытого лиризма, сплав жизненных фактов и размышлений, возникающих как бы наедине с собой, как раздумье о произошедшем» [1; 4]. Зарисовки имеют характер отрывочных заметок от первого лица в виде впечатлений, мыслей, размышлений, ощущений, чаще не связанных между собой, но расположенных хронологически, по ходу пути героини. В центре изображения – прежде всего жизнь души героини. Все события преломляются через индивидуальность поэта, через личность самой М. Цветаевой. О. Седакова говорит о прозе Цветаевой как о «вызывающе индивидуалистической» [2; 106].

Автобиографическое начало свойственно и многим произведениям И. Шмелева, созданным им за границей, например эпопее «Солнце мертвых». Многие его рассказы основаны на реальных случаях, свидетелем которых он становился сам или о которых ему рассказывали другие люди. Документальную основу имеет и рассказ «Про одну старуху». Вот что пишет по этому поводу в письме Шмелев: «Никогда я не БРАЛ с «рассказов»: только вот разве – в двух словах, – как старуха прокляла сына, ездила за хлебом и умерла... Я создал «Про одну старуху». И тут – тоже, в двух скупых словах – «случаи»...» [3; 203].

Но если «Вольный проезд» Цветаевой – документ глубоко личностный, индивидуальный, то рассказ Шмелева – документ общенациональный, исторический, метафизический. Судьба старухи, ее мытарства – судьба и трагедия всего народа. Интересно, что ее имя мы узнаем почти в самом конце рассказа. Между тем само заглавие рассказа заключает в себе этот внутренний, скрытый смысл произведения. И. Ильин писал: «Заглавия Шмелева всегда символически существенны и центральны: они выражают главное содержание художественного предмета. Таково, например, заглавие «Про одну старуху», где под «старухой» разумеется не только «эта старуха», но ещё Россия — Родина-мать, брошенная своим сыном и погибельно борющаяся за своих внуков, за грядущие поколения: это нигде не выговорено в рассказе, символ не раскрывается в виде научения, напротив, эта символика таится поддонно, молчаливо, но она зрела в душе автора и медленно зреет в душе читателя, который в конце рассказа переживает весь ужас этого прозрения» [4; 168]. Выполненное в излюбленной манере писателя – в форме сказа – повествование о злоключениях старухи ведется от лица рассказчика. Это человек из народа, из зажиточных крестьян или купцов, с деловой хваткой, семейный, сам потерпевший много горя, но не ожесточенный, умеющий сострадать, рассудительный, житейски мудрый. В замечаниях, комментариях рассказчика передаются автором основные идеи. В его словах мы слышим глас народа, в его сопереживании страданиям старухи – сочувствие к страданиям всего народа.

Внешняя сюжетная линия в обоих произведениях в основных своих вехах сходна: дорога за хлебом в Тамбовскую губернию, мытарства поисков хлеба и обмена и обратный путь. Страдания и унижения «маленького человека», незащитной женщины, вынужденной терпеть все ради своих детей, – основа внутреннего сюжета. Но в силу именно дневникового характера «Вольного проезда», дорожные перипетии героини Цветаевой более индивидуально-конкретны, переживания – более индивидуально-личностны.

Так, она вынужденно живет на реквизиционном пункте, что для нее составляет дополнительное мучение: «Трагически начинаю уяснять себе, что едем мы на реквизиционный пункт и... почти что в роли реквизируемых» [5; 276]. В доме хозяйки («хамки», как ее называет Цветаева), где они останавливаются, героине приходится мыть посуду, полы. В деревне ее презирают как городского жителя, интеллигентку. Рефреном через всю книгу проходит ощущение тотального одиночества героини: «Всячески пария: для хамки — “бедная” (грошовые чулки, нет бриллиантов), для хама — “буржуйка”, для тещи — “бывшие люди”, для красноармейцев — гордая стриженная барышня», «подозрительные угрюмые мужики, чужой хлеб» [5; 278]. Одиночество автора-повествователя

в очерке Цветаевой хотя и усугубляется в пути, тем не менее, для нее одиночество – не вне, а внутри нее, это свойство ее души. Об этом писала Елена Айзенштейн: «Трагедия разворачивается не вне Цветаевой, а внутри нее» [6;143].

В рассказе Шмелева мы видим одиночество другого плана, это, если так можно выразиться, одиночество всеобщее. Революция разобщила людей, а в дороге людская отчужденность проявляется с особенной силой. Перед читателем предстают человеческие судьбы, и становится понятным, что одиночество людей – вынужденное. У каждого – свое горе: «... а теперь, один как перст, гнездо разорено... По России теперь таких!», каждый сам за себя, потому что так легче выжить: «Стонала там, а кто услышит... всякому до себя только!» [7;158].

Дорожная тема дает возможность писателю ввести в повествование различные жизненные ситуации, человеческие характеры, помогающие передать атмосферу того времени – атмосферу хаоса и беззакония. На страницах книги появляются спекулянты-перекупщики, калеки, разбойники, матросы: «Одни отымают, другие охраняют, – одна шайка. А народ промежду тычется» [7;163].

Хаос проникает и в человеческие души: «Какие превращения видал... – не поверишь, что у человека в душе быть может: и на добро, и на зло. А то все закрыто было. Большое превращение... на край взошли!» [7;138]. Страшные, вопиющие злодеяния перемежаются случаями людской взаимопомощи. Люди добрые, попутчики, кто «не вовсе душу потерял», кто – «сочувственный», кто – «проникся в ее положение». Упомянутые мимоходом, они попадают на всем протяжении дороги: одни помогли добраться до села, чему-то научили, другие – предупредили об опасности. Среди них попадают, например, матросы, защитившие ее на вокзале и помогшие сесть в поезд. Из беспристрастного, честного отображения действительности рождается осознанный, своим умом постигнутый вывод: «Ну, а где правда-то настоящая, в каких государствах, я вас спрошу?! Не в законе правда, а в человеке» [7;160]. Страдающие носители правды – те самые праведники Шмелева, которые в разных лицах представлены в его творчестве. В данном случае к ним, помимо, конечно, главной героини, относится и рассказчик, и, на первый взгляд, совершенно незначительные персонажи, встречающиеся старухе по пути.

В попутчиках Цветаевой мы также встречаем самых разных людей: обитатели реквизиционного пункта, красноармейцы, деляги-евреи, хозяйка и ее муж. Автор не только отличный психолог, но и точный портретист: чтобы обрисовать характер, Цветаевой порой необходим один меткий образ, слово, единая фраза. Красноармейцы – «опричники», один – «еврей, со слитком золота на шее», другой – «за гривенник зарежет мать». Лаконичное «хам» или

«хамка» – про хозяев. О хозяйках чайной – «раболепство и ненависть». Отрицательные персонажи – все те, кто, как паразиты, питаются за счет страждущего народа. Их портреты лишены человеческого облика, личностного: «Приходят усталые: красные, бледные, потные, злые» [5;148], «Сын: чичиковское лицо, васильковые свиные прорези глаз. Кожу под волосами чувствуешь ярко-розовой. Смесь голландского сыра и ветчины» [5;144].

Простые солдаты, крестьянские бабы, среди которых есть и презирающие, и просто пренебрегающие нашей героиней («Ты, вишь, москowska, невнятная тебе наша жизнь»), тем не менее, объективно воспринимаются ею самой без ответной, взаимной неприязни. Что характерно, именование «опричники» Цветаева применяет не ко всем красноармейцам. Некоторые солдаты, встречающиеся на страницах книги, предстают перед читателем живыми и человеческими. Их редкие реплики, внешне не особенно содержательные, вместе с тем дают ощутить в их носителе множество таких глубинных качеств, как простота, прямота, честность, где-то усталость, и почти всегда – чувство справедливости.

Манера изложения событий и мыслей у Шмелева и Цветаевой хотя и различна, но словесное мастерство этого изложения в обоих случаях помогает нам почти физически ощутить эпоху. Записи, имеющие характер отдельных заметок, фиксируют то, что значимо, в первую очередь, для самого автора, вызвало в нем какие-то чувства, мысли, какие-то характерные ситуации, слова, лица. «Обращение Цветаевой к прозе не превратило ее в прозаика, напротив, подчеркнуло поэтичность дарования, ведь и в прозе она продолжала реализовывать авторский «набор» стиховых приемов: ослабленную сюжетность, ассоциативность повествования, субъективность видения мира, мелодичку речи, внимание к фонетической стороне слова» [8;44]. Посадка – «точно ад разверзся: лязг, визг» [5;136], «весь вагон — как гроб» [5;136].

Все вместе и каждая фраза в отдельности подчинены единой цели – «раскрытию момента». Вот что по этому поводу писал М. Л. Гаспаров: «День лирического дневника сжимается до момента, впечатление – до образа, мысль – до символа, и этот центральный образ начинает разворачиваться не динамически, а статически, не развиваться, а уточняться» [6;141].

Подтверждение верности слов ученого мы находим в описании торгов героини и крестьянок: «Щупанье, нюханье, дерганье, глаженье, того и гляди — на зуб возьмут» [5;148]; или – сцена обыска: «Крики, плач, звон золота, простоволосые старухи, вспоротые перины, штыки» [5;152].

В стремлении осмыслить пережитое, зафиксировать его, автором вводятся характерные моменты, встречи, разговоры, реплики, пословицы:

– «Ненависть солдат к иконам и любовь к Богу» [5;142]

– «Мужики озлоблены, бывает, что поджигают вагоны» [5;142]

– «Обыск длится до свету: который раз ни просыпаюсь — все то же» [5;137]

– «имение кн. Вяземского: пруды, сады... (Знаменитая, по зверскости, расправа)» [5;138]

– «“Господи! Убить того до смерти — у кого есть сахар и сало!” (Местная поговорка)» [5;148]

– «Какие же дети, когда кушать нечего» [5;139]

Некоторые записи отдельно обозначены, как бы озаглавлены: «Из вагонных разговоров», «Ночной спор о Боге», «Крестьяне». Так вырисовывается картина эпохи, атмосфера тогдашней России, типичные характеры переходного, беспокойного времени.

Для Шмелева образ рассказчика, использование несобственно-прямой речи помогают осмыслить и передать ужасы пути главной героини, именно сквозь призму мировосприятия простого русского человека – трагедию всего народа. Устами людей из народа судится революция и ее вершители: «А жизнь прямо каторжная пошла... Грабежи да поборы... Только уж под жабры когда прихватило, тогда поняли... – жуликам пошло счастье!» [7;161]. Или вот: «А чего окаянным будет, которые эти порядки удумали?! Народу сколько загублено через их...» [7;164]. Часто в словах людей слышится позднее раскаяние: «Во как хлебушек-то теперь дается! Прежде вон, за монетку, и в бумажку завернут, дураки-то вот когда были... а как все умные стали...» [7;169].

Народные поговорки, актуальные для того времени: «Как крыса на лабазе» [7;172], «Нужда по нужде стегает» [7;163] рисуют перед нами эпоху людского ожесточения.

«Мешок» – центральный образ в произведении. Так, этот образ помогает раскрыть глубинную проблему самого явления «мешочников»: «человека из-за мешков не видно» [7;172], «Не люди с мешками, — мешки на людях» [5;149]. Непосильный труд порой лишает человека человеческого облика, изнуряет и опустошает не только внешне, но, что несравненно страшнее, изнутри. И кто-то падает под тяжестью своего. Да и сами эти труды в итоге подобны тщетным и бессмысленным мучениям Сизифа.

Цветаева использует для этого иной образ – образ дырявого мешка: «Быт, это мешок: дырявый. И все равно несешь» [5;149]. Героиня Цветаевой, как видим, вопреки всему несет его. Что ей помогает? Ирония. В дневниковых записях М. Цветаевой мы находим такие слова: «Победить старость – как сейчас – молодость мне поможет – Ирония» [5;12]. Несомненно, эти слова можно отнести и к испытаниям дороги. Это доказывает и присутствующая в «Вольном проезде» горькая ирония, помогающая героине преодолевать окружающую враждебность, собственный страх: «За возглас: “курочки ня нясутся!” готова передуть не только всех их кур, но их самих — всех! — до десятого колена» [5;142]. Но есть еще одно качество в ав-

торе-повествователе, которое не обозначено в рассказе, но о котором мы узнаем из дневниковых записей: «Я не боюсь старости, не боюсь быть смешной, не боюсь нищеты — вражды — злословия. Я, под моей веселой, огненной оболочкой, — камень, т. е. неуязвима. — Вот только Аля. Сережа» [5;9].

Атмосфера в произведении Шмелева оставляет более тягостное впечатление. Перед читателем с беспощадной реалистичностью предстает страшная реальность революционного времени: мужчина-удавленник, у которого украли все деньги, извозчик с опухолью во всю грудь, «бабы-девки», вынужденные гулять с солдатами, чтобы только не отобрали хлеб, придавленный мешками старик в поезде. Центральным образом, в котором раскрывается бессмысленность и беспощадность русского бунта, кульминацией дорожных мытарств главной героини становится сцена борьбы между ней и собственным сыном, солдатом реквизиционного отряда, не узнавшим собственную мать и пытающимся отнять у нее мешок с мукой. Последние ее слова, сказанные сыну, и его самоубийство – как грозное предупреждение писателя повинным в страданиях народа, Родины: «"Во-он ты где?! с ими?!.. у родных детей хлеб отымаешь?!.. Мы погибам-мучимся: а ты по дорогам грабишь?!.. родную кровь пьешь?!.. да будь ты... проклят, анафематес!!.. про-клят!!!"» [7;173]. Но, несмотря на такое безрадостное окончание рассказа, в самом произведении звучат обнадеживающие мысли. Спасение русского народа Шмелев связывает с верой в Бога, в Божий Промысел: «...либо народу гибель, либо, если выбьется из этой заразы, должен обязательно просветлеть: всех посетил Господь гневом» [7;135]. Залог же будущего просветления мы находим в тех самых персонажах, которых встречаем на страницах книги: это, прежде всего, главная героиня и сам рассказчик.

Подводя итоги, отметим, что дорожная тематика в этих произведениях теснейшим образом связана с темой странничества. Но в том новом миропорядке, в условиях которого живут герои Шмелева и Цветаевой, странничество приобретает иное значение. Это не прежнее добровольное Христа ради странствие по просторам родной земли, устремленность к горнему, благодатное единение с миром и людьми. Здесь странничество вынужденное, в отчаянных попытках раздобыть пропитание, скитание бесприютных разьединенных душ. В художественном мире этих произведений отсутствует понятие дома, или какого бы то ни было крова. Не случайно, что ни одна из героинь не возвращается домой. Путь главных героев становится замкнутым кругом, дорогой в никуда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой / Д. А. Бога-

тырева // Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Богатырева. – М. 2009. – 32 с.

2. Седакова О. Апология разума / О. Седакова. – М. : Русский путь, 2013. – 160 с.

3. Осьминина Е. А. «Крушение кумиров» // Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания / Е. А. Осьминина – М. : Сибирская Благозвонница, 2009. – 256 с.

4. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики / И. А. Ильин – М. : Книга по требованию, 2013. – 202 с.

5. Цветаева М. Проза / М. Цветаева – Кишинев :

Лумина, 1986. – 544 с.

6. Айзенштейн Е. Шекспировские мотивы в творчестве Цветаевой / Е. Айзенштейн // Марина Цветаева и Франция. Новое и неизданное. – М. : Русский путь. – 2002. – 268 с.

7. Шмелев И. С. Собрание сочинений: В 5 т. / И. С. Шмелев. – М. : Известия, 1998. – Т. 2.

8. Зубова Л. «Небо» Марины Цветаевой: слово в контексте творчества / Л. Зубова // Марина Цветаева и Франция. Новое и неизданное. – М. : Русский путь. – 2002. – 268 с.

*Воронежский государственный университет
Королева А. Н., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: netochkakor@rambler.ru*

*Voronezh State University
Koroleva A. N., Post-graduate Student of the Russian
Literature of the XX–XXI-st Centuries, Theoretical Literature and
Folklore Department
E-mail: netochkakor@rambler.ru*

И. Н. КРАМСКОЙ КАК ПУБЛИЦИСТ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

М. А. Кривцова

*Воронежский государственный педагогический университет
Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 29 октября 2014 г.

Аннотация: В работе рассматриваются взгляды И. Н. Крамского на условия развития русского изобразительного искусства. Автор анализирует статьи и письма И. Н. Крамского, обращает особое внимание на предложение Крамского открыть специализированные художественные школы в российской провинции.

Ключевые слова: Ключевые слова: Крамской И. Н., изобразительное искусство, Академия художеств, художественная школа, провинция.

Abstract: The paper examines I. N. Kramskoy views on the Russian art development conditions. The author analyzes I. N. Kramskoy articles and letters, and pays a particular attention to his proposal of opening specialized art schools in the Russian provinces.

Key words: Kramskoy I. N, Fine Arts, Academy of Arts, the art school, the province.

Иван Николаевич Крамской (1837–1887) вошел в русскую культуру не только как художник, но и как общественный деятель, публицист, художественный критик. Воздействие его взглядов и идей на современников неоспоримо.

Первая публикация Крамского в периодике относится к 1877 году, но сохранились черновики его статей конца 1850-х – второй половины 1860-х годов, которые показывают отношение Крамского к современному художественному процессу. Взгляды, изложенные в статьях «К школе рисования» [1], «Записка по поводу пересмотра Устава Академии художеств» [2], «С.-Петербургская Академия Художеств в 1867 году» [3] были известны, несомненно, художественной общественности Петербурга. Они являются откликом на работу по пересмотру Устава Академии художеств в 1860-х годах. Ее инициировал Г. Г. Гагарин, вице-президент Академии художеств, и продолжила специальная комиссия под председательством Г. С. Строганова, созданная в 1867 году. Возможно, Крамской изложил свое мнение и отношение к Уставу Академии художеств по просьбе Гагарина или Строганова.

Наряду с замечаниями о роли искусства в общественной жизни, в этих статьях Крамской обратил особое внимание на организационные условия развития изобразительного искусства в России. Он писал: «Прежде всего, для поправления дела, по нашему мнению, надобно начать со специальных школ рисования в провинциях людных и в тоже время наиболее удаленных от художественных центров Петербурга и Москвы» [2, 285]. В начальных

художественных школах в провинции, он видел не только ступень в подготовке к будущему поступлению в Академию художеств, но институт художественного воспитания провинциального жителя: «устройством годичных выставок она повлияет и на развитие вкуса в обществе» [2, 287]. По его мнению, школа может и должна стать центром притяжения всех художественных сил провинции. Выпускник Академии художеств, вернувшись в провинцию, найдет применение своим знаниям: «При устройстве школ, живая связь с искусством для него не прекращается: он не один находится при деле и, поддерживаемый небольшим жалованьем, будет иметь возможность даже совершенствоваться» [2, 287].

Впервые развитие русского изобразительного искусства ставилось в прямую зависимость от распространения художественного образования в российской провинции. Но предложения Крамского не нашли отражения в двух редакциях Устава Академии художеств, составленных в комитете Строганова.

Хорошо известно критическое отношение Крамского к Академии художеств, но он понимал, какую роль играет Академия художеств в искусстве России. «Нигде в Европе искусство, – писал он в 1877 году, – не находится в такой тесной зависимости от академии, как у нас, и нигде академии не имеют возможности направлять его сообразно своим традиционным наклонностям» [4, 304]. Осознавая свою ответственность за судьбу русского искусства, с 1872 года он работал в комиссии Академии художеств по проведению конкурса по рисованию и черчению в средних и низших учебных заведениях. В программе, разработанной комиссией, отражены многие

положения Крамского, высказанные им в статьях 1860-х годов [5, 8–21].

В том же 1872 году Иван Николаевич Крамской вошел в состав комиссии по пересмотру Устава Академии художеств. Проект составлен при самом активном участии Крамского. Предлагалось вменить в обязанность Академии художеств содействовать открытию в России художественных школ, музеев и обществ; следить за успехами рисования во всех учебных заведениях; поощрять художественную деятельность приобретением от художников лучших из их произведений [6, 341].

Крамской понимал, что разработанный проект Устава с широким демократическим содержанием вряд ли будет принят, но идея служения искусству заставляла отбросить сомнения и сотрудничать с Академией художеств. «<...> я хотя и не жду особенного добра от всего этого дела, – писал Крамской 30 ноября 1872 года Ф. А. Васильеву, – но все-таки как будто считаю обязанностью сделать все, что мне кажется нужным. Нужно написать чуть не целое сочинение по поводу некоторых вопросов, относительно которых особенно много предрассудков; и вот Ге и я работаем, и много и долго» [7, 136–137]. Месяц спустя, он замечал: «Из всей комиссии по пересмотру Устава, я вместе с Вами полагаю, что толку будет немного. Но на алтарь отечества лепту положим, пусть ее уляжется в архив» [8, 149]. Проект Устава Академии художеств 1872 года – это свидетельство общественной деятельности Крамского, его вклад в реформирование Академии художеств.

В первой опубликованной статье «Судьбы русского искусства» И. Н. Крамской вновь возвращается к вопросу открытия провинциальных художественных школ: «<...> что действительно необходимо, так это школы рисования. В настоящее время, т. е. в последний десяток лет, образовались почтенными усилиями лиц, совершенно частным образом несколько школ: в Харькове, Киеве, Одессе, Вильно, но все это без деятельной поддержки центрального учреждения – Академии, или если и была оказана поддержка, то после большого ходатайства, в виде снабжения ненужными Академией рисунками. Развитие любви к искусству в народе – одна из главных целей Академии по Уставу Екатерины – до сих пор ею вовсе не исполнялась» [5, 334–335]. Крамской видит залог развития русского искусства в становлении системы художественного образования, разделении подготовки художников на ступени, «периоды»: «Прогресс нашего времени в том, что мы можем с большим удобством и пользой разделить развитие художника на два больших периода: первоначальный – рисовальные школы, и окончательный – мастерские художников. Все второстепенные художественные силы, которые теперь томятся и гибнут в Петербурге и Москве, составляя обузу государства и общества, найдут себе исход; они есть

готовый уже контингент учителей и директоров рисовальных школ и с успехом могут вести дело преподавания с натуры, неподвижной и живой. Они знают перспективу, знают анатомию, по крайней мере, должны знать. При каждой школе должны быть библиотеки по истории искусств» [4, 336].

Крамской предлагал членам Товарищества передвижных художественных выставок устроить собственное помещение для выставок, где будут и мастерские художников, и школа. Он образно изложил свой проект П. М. Третьякову: «Товарищество передвижных художественных выставок, исполняя свое дело, может только поддерживать свое собственное существование, но для продолжения рода у него нет условий. Чтобы были дети, надо жениться. Желание естественное и самое законное, и если Товарищество не женится, т. е. не устроит школы, курсов, мастерских, оно умрет старым холостяком, самым противным типом человеческой породы. Оно будет безнравственным. А к тому идет» [9, 457].

Определенное влияние идей Крамского постепенно начала испытывать и Академия художеств. В отчете Академии за 1880/1881 год отмечалось: «<...> существует слишком мало рисовальных школ. Совет находил полезным и необходимым помощью правительственных субсидий дать возможность расширить круг деятельности тех рисовальных школ, ученики которых показали своими занятиями в Академии хорошую подготовку к дальнейшему развитию своего таланта и техники под ее руководством» [10, 3]. Академия взяла курс на финансовую поддержку провинциальных школ.

В 1882 году И. Н. Крамской предложил провести Художественный съезд. Он разработал предварительную программу съезда, на первое место поставил вопрос «О способах развития любви к искусству в России и о привлечении симпатий Общества к судьбам русского искусства». По мнению Крамского это можно осуществить «<...> путем: а) устройства художественных выставок, б) устройства провинциальных музеев, в) устройства рисовальных школ» [11, 72].

Если Товарищество не смогло организовать школы, курсы, мастерские, о которых говорил Крамской, не состоялся и Художественный съезд, то Академия художеств в начале 1883 года разработала концепцию провинциального художественного музейно-образовательного учреждения. По этому проекту школа и художественный музей неразрывно связаны и являются фундаментом художественной среды провинциального города. Академия художеств не только разработала проект, но и взяла на себя ответственность за создание музеев, которые поддерживала денежными субсидиями, снабжала картинами, рисунками, слепками.

Крамской увидел в новом курсе Академии художеств действительную заботу о русском искусстве. Он рассматривал возможность объединения

выставок Академии художеств и Товарищества передвижных художественных выставок: «Товарищество входит всем своим составом целиком на выставки общие и, оставаясь пока при своем уставе и, количественно, в том составе, как есть теперь, сепаратно не действует, т. е. на время (неопределенное) прекращает свою личную деятельность, а готово помогать Академии всеми своими силами» [12, 233].

Вся деятельность Ивана Николаевича Крамского, его статьи и письма пронизаны заботой о развитии русского национального искусства. Взгляды и идеи Крамского намного опередили свое время, но не были забыты. Они стали фундаментом нового Устава Академии художеств, утвержденного в 1893 году. Деятельность Академии художеств в соответствии с Уставом, способствовала созданию провинциальных художественных школ, училищ. Они стали, как и предсказывал И. Н. Крамской, центрами развития изобразительного искусства в российской провинции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крамской И. Н. К школе рисования // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 2. – С. 275–281.
2. Крамской И. Н. Зска по поводу пересмотра Устава Академии художеств // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 2. – С. 281–295.
3. Крамской И. Н. С.-Петербургская Академия художеств в 1867 году // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. –

М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 2. – С. 295–298.

4. Крамской И. Н. Судьбы русского искусства // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 2. – С. 304–343.

5. Конкурсы по рисованию и черчению в средних и низших учебных заведениях, бывшие при императорской Академии художеств в 1872, 1875, 1878, 1882 и 1883 гг. – Оренбург, 1884. – 73 с.

6. Сборник постановлений Совета Императорской Академии Художеств по художественной и учебной части с 1859 по 1890 год. С приложением Устава Академии 1859 года и двух проектов нового Устава 1872 и 1889. – СПб., 1890. – 403 с.

7. Крамской И. Н. Письмо Ф. А. Васильеву от 30 ноября 1872 года // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 1. – С. 107–113.

8. Крамской И. Н. Письмо Ф. А. Васильеву от 1 января 1873 года // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 1. – С. 144–149.

9. Крамской И. Н. Письмо П. М. Третьякову от 15 апреля 1878 г. // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 1. – С. 456–459.

10. Отчет Императорской Академии художеств с 4 ноября 1880 года по 4 ноября 1881 года. – СПб.: Типография братьев Шумахер, 1884. – 75 с.

11. Письмо И. Н. Крамского П. М. Третьякову от 9 июня 1882 года // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 2. – С. 70–73.

12. Крамской И. Н. Письмо А. П. Боголюбову от 21 февраля 1886 года // Крамской И. Н. Письма, статьи: в 2 т. – М.: Искусство, 1965–1966. – Т. 2. – С. 231–233.

Воронежский государственный педагогический университет

Воронежский государственный университет

Кривцова М. А., кандидат искусствоведения, доцент кафедры изобразительного искусства, доцент кафедры гуманитарных наук и искусств

E-mail: marina_krivtsova@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Voronezh State University

Krivtsova M. A., Candidate of Art History, Associate Professor of the Fine Arts Department; associate professor of the Humanities and Arts Department

E-mail: marina_krivtsova@mail.ru

ТЕМА АФРИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Ф. В. Кувшинов

Липецкий институт кооперации

Поступила в редакцию 26 января 2015 г.

Аннотация: в статье на материале русской литературы периода первой трети XX века рассматривается тема Африки в рамках анализа структуры основных мотивов. Показывается дихотомический характер этой темы (свобода/угнетение, рай/ад, экзотичное/банальное, мечта/реальность), ее преемственность, зависимость от стереотипов. Популярность этой темы объясняется ее схематичностью и шаблонностью, благодаря которым стала возможной декларация любых идеологических установок без доказательной базы. В таком случае Африка понималась как локус, где может происходить все что угодно, и с которым возможно связывать различного рода девиации повседневной жизни России.

Ключевые слова: Африка, мотив, травелог, повседневность.

Abstract: in the article the topic of Africa is analysed on the material of the Russian literature of the first third of the twentieth century, in the frame of the analysis of the structure of the main motives. It shows the dichotomous nature of the topic (freedom/oppression, heaven/hell, exotic/banal, the dream/reality), its continuity, dependence on stereotypes. The popularity of this subject can be explained by its sketchiness and stereotypiness. The declaration of any ideological attitudes without any evidence has become possible thanks to them. In this case, Africa was understood as the locus, where anything could happen and it is possible to connect different kinds of deviation of daily life in Russia with it.

Key words: Africa, motive, travelogue, everydayness.

Традиционно тема Африки в русской литературе рассматривается в контексте творчества Н. С. Гумилева. Однако опыт обращения к ней связан не только с именем родоначальника акмеизма. Впервые в русской литературе Африка мельком появляется в «Хождении за три моря» (конец XV в.) Афанасия Никитина [1, 88]. В дальнейшем литература об Африке исчерпывается иностранными картографическими трудами [2, 5; 3, 12], исключая художественный элемент.

Лишь в творчестве А. С. Пушкина тема Африки начинает получать свою художественную трактовку, давая почву для оформления устойчивого концепта, впоследствии обозначающего нечто далекое, романтическое, свободное, экзотическое, недостижимое, иногда пугающее, часто чудесное, но, как правило, всегда дихотомическое¹.

Именно Пушкин кладет начало той традиции, согласно которой Африка предстает далеким романтическим локусом, ассоциирующимся со свободой и противопоставляемым России:

«Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,

Вздыхать о сумрачной России...» [4, т. 6, 26].

А. С. Пушкин создает топографическую и смысловую дихотомию, вписывающуюся в общую романтическую традицию противопоставления мира желанного и мира профанного. И в данном случае поэту не так уж важны реалии африканского мира, ему важен тот статус, который придает философия романтизма африканскому локусу, с которым можно связать различные романтические легенды, не требующие подтверждений.

Африка упоминается и в творчестве М. Ю. Лермонтова, но именно упоминается. Несмотря на то, что поэт был окружен исследовательскими материалами об этом континенте², Африка встречается (да и то только в форме парафраза) всего лишь несколько раз. В стихотворении «Последнее новоселье» (1841) перед нами предстают «степи египетские» [5, 183] (рассказ идет о походе Наполеона в Африку), а в стихотворении «Спор» (1841) разливаются «вечно чуждый тени <...> желтый Нил» [5, 194]. Африка не стала объектом поэтического внимания поэта, уступив место Кавказу.

¹ Все эти сложные коннотации в полной мере обнаружат себя в русской литературе 1900—1930-х гг.

© Кувшинов Ф. В., 2015

² Имеется в виду тот факт, что в «Отечественных записках», где публиковался М. Ю. Лермонтов, также печатался ряд этнографических материалов, посвященных Востоку и Африке. См. об этом: Гроссман Л. П. Лермонтов и культуры Востока // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М.: Изд-во АН СССР, 1941. — Кн. I. — С. 673—744. — (Лит. наследство; Т. 43/44).

Только благодаря «Фрегату “Палладе”» (1855) И. А. Гончарова Африка становится не просто ближе русскому читателю: с нее наконец-то снимается покров таинственности и неизвестности. Сам писатель в «Предисловии» к третьему изданию (1879) определяет жанровое своеобразие своего произведения следующим образом: «летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи — словом, очерки» [6, 6]. Таким образом, И. А. Гончаров пытается «снять» со своего произведения любые идеологические наслоения и, в сущности, отрешивается от любых претензий на художественность, создавая классический образец травелога со всеми присущими ему признаками: ему более важно запечатлеть увиденное, нежели анализировать его (хотя не всегда ему это и удается).

Гончаровскую традицию в изображении Африки продолжают затем И. А. Бунин и Н. С. Гумилев. Первый в рассказе «Дельта» и примыкающем к нему «Свете Зодиака» (1907) детально описывает свое знакомство с Африкой. Его интересует все: комната, в которой он остановился, пища, которую он ест, ощущение от каирского поезда и проч. Второй также будет придерживаться ровного описательного стиля в неопубликованном «Африканском дневнике» (1913).

Появление «Фрегата “Паллады”» совпало с началом роста интереса общественности к Африке: во второй половине XIX века в России появляется ряд работ, посвященных этому континенту, как переводных, среди которых, конечно же, в первую очередь стоит указать сочинения Дэвида и Чарльза Ливингстона «Путешествие по Замбези и ее притокам» (1867) и Генри М. Стэнли «В дебрях Африки» (1892), так и отечественных, например «Путешествие во внутреннюю Африку» (1849) Е. П. Ковалевского, «Алжирия» (1877) А. Н. Куропаткина, «Путешествие в Северную Африку» (1880) Л. Ф. Костенко и «С войсками Менелика II» (1900) А. К. Булатовича. Все эти исследования, казалось бы, должны были заполнить информационные лакуны относительно и дать полноценный материал для литераторов. Однако, этого не произошло. И дело здесь даже не в том, что Африканский континент не входил в сферу политических интересов и амбиций России: просто Африка была слишком далека и недоступна большинству русских людей вообще и писателей, в частности, — вместо Африки и Индии у русских писателей был Кавказ и Ближний Восток: «Экзотика в России не выходила за пределы Кавказа, Крыма и Лазурного берега» [7, 84]. И все же именно на рубеже XIX—XX и в течение первой трети XX века тема Африки в русской литературе получает свою разработку через ряд мотивов, основные из которых хотелось бы рассмотреть.

1. «АФРИКА КАК МЕСТО СТОЛКНОВЕНИЯ СИЛ ДОБРА И СИЛ ЗЛА».

Этот мотив наиболее полно разработан К. М. Станюковичем в рассказе «Максимка» (1896), где

развенчивается миф (мотив) о «недочеловечности» жителей Африки, об их отсталости (об этом мотиве ниже), с помощью утверждения совершенно иного мифа (мотива) — о нравственной пустоте и дикости колонизаторов-поработителей, в данном случае, американцев (хотя на их месте могли быть и англичане, и немцы и т. д., т. е. вообще — «чужие»).

Обозначается этот мотив через позицию капитанского вестового Сойкина, который, характеризуя Максимку, разом совмещает в двух предложениях несколько устойчивых стереотипов: «Да и что с им делать, с черномазой нехристью? Вовсе даже дикие люди» [8, 91]. Здесь можно выделить сразу три стереотипа: а) определение коренного жителя Африка через негативное и ругательное «черномазый»; б) отказ в принятии его в свое общество — «нехристь» и в) дикость, отсталость. Все три стереотипа последовательно разрушаются: «черномазый» Максимка оказывается милым мальчиком, которого принимают не только все матросы, но и комсостав вместе с капитаном; «нехристь» оказывается жертвой работорговцев (сам по себе искупающий все «грехи» мотив) и спасает матроса Лучкина; дикими же в большей степени предстают американцы, у которых до сих пор есть свои «крепостные».

В советской художественной литературе об Африке рассматриваемый мотив стал центральным, но получил дополнительные звучания.

Вырабатывается позиция, согласно которой Африка — это место будущего боя между империализмом и капитализмом, с одной стороны, и коммунизмом и пролетарской справедливостью, с другой. В наиболее яркой форме эта идея получила развитие в поэме Б. П. Корнилова «Моя Африка» (1935). А годом позже вышла брошюра И. Д. Левина «Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы» (1936), где с первых строк заявляется об отказе от этнографической литературы прошлого: «Значительная часть этой литературы состоит либо из поверхностных записей буржуазных туристов, либо из сообщений агентов империализма, заведомо искажающих действительность, либо <...> из некритического пересказа старинных и новых абиссинских хроник» [9, 3]. Как бы там ни было — поэма Корнилова, вопреки пожеланиям Левина, является перечнем уже избитых штампов, которых можно пересчитать по пальцам: песок, караван, жара, рабы и работорговцы («белокурые ковбои»). Автор сам указывает источник знаний о жизни «негров» (правда, американских!) — «Хижину Дяди Тома» Г. Бичер-Стоу [10, 435].

Штампом выглядит и описание африканца: «Он был черён, // с опухшими губами» [10, 445]; «И руки у него по-обезьяньи // висели, доставая до колен» [10, 427]; «<...> губа // отпеченная, // жирная, // большая <...>» [10, 428].

Подобным штампам следовал и Н. А. Заболоцкий, автор литературной обработки «Писем из Африки» Беюл (1928) [11]. Книга представляет собой довольно подробное описание быта и нравов населения Африки в достаточном объеме, чтобы удовлетворить жажду знаний «детей среднего и старшего возраста». Эта же ориентация на определенный уровень читателя обусловила схематичное и даже каноничное изображение местного населения: «Курчавые головы, большие оттопыренные губы и огромные белки глаз так и мелькают вокруг меня» [12, 15].

Интерес к Африке был не случаен: СССР важно было удержать контроль над Коммунистической партией Южной Африки [3, 213—223], поэтому боевой настрой по отношению к Африке получил свое развитие даже в детской литературе, которая без прикрас рисовала ужасы, творящиеся на этом континенте, и также связывала надежды на их прекращение с гостями с северного континента. Речь идет, конечно же, о «Айболите» (1922), «Бармалее» (1925) и «Докторе Айболите» (1929) К. И. Чуковского.

2. «АФРИКА КАК БАНАЛЬЩИНА»

Заштампованность темы Африки и связанных с ней реалий стали ощущаться писателями почти сразу же. Обывательское восприятие Африки в жизни было тут же перенесено в литературу.

У А. П. Чехова в «Дяде Ване» (1897) в четвертом действии в комнате Войницкого висит «карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [13, т. 13, 105]. К ней обращаются в самом конце пьесы, где она выступает как символ чего-то далекого, ничего не значащего в жизни персонажей, «немотивированного» [5, 146].

Вообще у Чехова Африка «проступает» именно в качестве банальных штампов (что соответствует основной для писателя теме критики пошлости): в «Драме на охоте» (1884) разговор о любовной коллизии неизменно ассоциируется с «африканскими страстями»³ (не случайно повествователь делает оговорку: «Автор питает слабость к эффектам и сильным фразам» [13, т. 3, 246]).

Знак равенства между Африкой и банальщиной ставится и Н. А. Тэффи. Пожалуй, самым примечательным примером является рассказ «Карьера Сципиона Африканского» (1910). Ловкая находка репортера, придумавшего обходящую цензурные ограничения тему о путешествии четырех жирафов, прак-

тически не может быть разоблаченной (несмотря на комический эпизод с публикацией фотографий растений из Ботанического сада, выдаваемых за настоящие фотографии из Калькутты) — Африка слишком далека. О том, что в Африке возможны любые несутрастности [15, 309], свидетельствует и «Всеобщая история, обработанная Сатириконом» (1910), первый раздел которой написан как раз Тэффи. В нем Африка описывается с помощью трюизмов: «Египет находится в Африке и славится издавна пирамидами, сфинксами, разлитием Нила и царицей Клеопатрой» [15, 307].

3. «АФРИКА КАК ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ И ЭКЗОТИКА»

Именно в творчестве Н. С. Гумилева Африка получает статус экзотического локуса, который по степени необычности, загадочности и проч. может уже сопоставляться, например, с Индией. Африка, которой Гумилев посвятил значительнейшую часть своего творчества, получает черты потерянного рая, однако рая в какой-то степени заштампованного⁴. Это тем более интересно, что в первой главе неоконченного «Африканского дневника» (1913) поэт сокращался, правда, не без некоторого кокетства, по поводу стереотипного восприятия Африки публикой: «Гораздо больше интересовались моим путешествием, задавая обычные в таких случаях вопросы: много ли там львов, очень ли опасны гиены, как поступают путешественники в случае нападения абиссинцев. И как я ни уверял, что львов надо искать неделями, что гиены трусливее зайцев, что абиссинцы страшные законники и никогда ни на кого не нападают, я видел, что мне почти не верят. Разрушать легенды оказалось труднее, чем их создавать» [16, 70]. И все же сам Гумилев в своем творчестве опирался если не в большей, то в равной степени на африканские образы, уже созданные литературой [17, 41].

Мотив «Африка как потерянный рай» довольно часто звучит в творчестве А. Т. Аверченко. В «Шутке Мецената» (1923) пятно засохшей дождевой кляксы сравнивается с Африкой и является символом несбывшихся надежд. В «Смерти африканского охот-

³ Несомненно, это связано с образом Отелло. Вместе с тем стереотип о буйности, страстности африканцев прочно вошел в обывательское сознание и не избежал своего художественного воплощения даже у такого борца с пошлостью, как Маяковский, который в «Юбилейном» (1924), «разговаривая» с Пушкиным, подчеркивает его взрывной характер шаблоном «Африканец!» См: Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961.

⁴ Несмотря на то, что Н. Гумилев четыре раза путешествовал по Африке, он придерживается литературной традиции вымысла и следования общим стереотипам в вопросе изображения зарубежного мира. (Куликова Е. Ю. Африканские «Картинки из книжки старинной» Н. Гумилева // Сибирский филологический журнал. — Барнаул — Иркутск — Кемерово — Новосибирск — Томск, 2010. — № 4. — С. 76—83). Это, конечно, связано с общей модернистской идеей идеализации иного мира, традиции, идущей от романтиков. У Гумилева же эта идея принимает отчетливое оформление. См: Чевтаев А. А. Стихотворение Н. Гумилева «Старый конквистадор»: поэтика и контекст // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2013). — Ижевск, 2013. Вып. 12. — С. 176—187..

ника» (1914) маленький персонаж наивно восклицает: «Мои родители жили в Севастополе, чего я никак не мог понять в то время: как можно было жить в Севастополе, когда существуют <...> южный берег Африки, <...>, мыс Доброй Надежды, реки Оранжевая <...> и Замбези» [18, т. 3, 372].

Африка становится неким маяком надежды, раем, который существует и в который можно добраться. В высокохудожественной форме этот мотив раскрыл Е. Н. Замятин в повести «Африка» (1916): «Хлеб такой в Африке этой, что ни камни не надо ворочать, ни палы пускать, ни бить колодь земляную копорюгою: растет себе хлеб на деревьях, сам по себе, без призору, рви, коли надо. <...> А в тех странах цветы цветут — вот такие вот, в сажень. Раз нюхнуть — и не оторвешься: потуда нюхать будешь, покуда не помрешь, вот дух какой...» [19, 331]. Однако это всего лишь мечта — и мечта несбыточная. Не случайно Федор Волков умирает не просто далеко от Африки — а в *северном* море (здесь опять мы видим заданную А. С. Пушкиным парадигму противопоставления «сумрачной» России и солнечной Африки).

Если для крестьянина Федора Волкова Африка это что-то лубочно-волшебное, то для интеллигенции это экзотика, иногда с эротическим подтекстом.

Как символ экзотики Африка предстает у К. К. Вагинова в «Козлиной песни» (1927), где Троицин, делая «неумеренный» комплимент Мише Котикову, говорит: «В ваших стихах дышит Африка» [20, 135], и у Ф. К. Сологуба в «Мелком бесе» (1905), который, описывая эротическое томление героини, обращается именно к африканским образам: «Всю ночь Людмиле снились такие знойные, африканские сны!» [21, 138].

4. «АФРИКА КАК СИМВОЛ ДИКОСТИ/ОТСТАЛОСТИ/БЕДНОСТИ»

Африка не только предстает неким раем, но вместе с тем и адом, символом отсталости и дикости (по вполне понятным и реальным причинам). При этом сопоставление с Россией может проходить как со знаком «минус» (Россия такая же отсталая глухомань, как и Африка), так и со знаком «плюс» (Африка безнадёжно дикая страна по сравнению с Россией).

В первом случае на путь подобного противопоставления встают Л. Н. Андреев («На станции» (1903)) и М. А. Булгаков («Тьма египетская» (1925)), описывая российскую глубинку с помощью «африканизмов».

Во втором достается и самим африканцам. Так, Г. В. Иванов вспоминал о приезде В. И. Нарбута: «<...> из рассказов его выходило, что “страна титанов золотая Африка” — что-то вроде русского захолустья: грязь, скука, пьянство» [22, 116—117].

В комичной, именно буффонной форме представляет неразборчивого в еде негуса В. В. Маяковский в «Мистерии-Буфф» (1918):

«Негус

Что это?

Должно быть, вкусная собачка?

Рыбак

Я те дам — собачка!

Это морж, а не собачка» [23, т. 2, 177].

М. П. Арцыбашев в повести «Миллионы» (1912) использует Африку как символ каких-то невероятных слухов или ужасов. Так, Подгурский говорит о младшем Пархоменко: «Он где-то прочел, что германские офицеры в Африке распинали негритянок и стреляли в них из револьверов на пари... Так у него ведь это — мечта!.. Распять женщину...» [24, 180].

В рассказе «Пернатое» (1910), осмеивая всезнайство журналиста, А. Т. Аверченко довольно в грубой форме изображает быт и нравы африканских туземцев, «тупых дикарей», страдающих «и от отсутствия вечерней газеты, и от своей собственной тупости и невежества...» [18, т. 1, 91—92].

У М. Горького во второй части «Жизни Клима Самгина» (1928) Митрофанов, характеризуя сумятицу в России, обращается за примером к Африке: «Это уж, знаете, похоже на Африку: негры, носороги, вообще — дикая сторона!» [25, т. 20, 410]. А в ранней повести «Исповедь» (1908) Африка у героев Горького вообще прямо ассоциируется с адским огнем, с местом, где обязаны страдать еретики: «<...> А вообще вас бы, еретиков, в Абиссинию надо ссылать, в Африку, ко эфиопам, да! Там бы вы живо от жары передохли!» [25, т. 8, 314].

К сожалению, за пределами нашего синопсиса остается такой значительный мотив, как «Африка и мистика», который объединяет В. Хлебникова, Д. С. Мережковского, Д. И. Хармса и ряд других писателей, живо и глубоко интересовавшихся Древним Египтом.

И все же на основании выше изложенного можно сделать определенные выводы. Тема Африки не случайно получила свое развитие в русской литературе первой трети XX века. Эта тема была удобна своей схематичностью, шаблонностью, когда необходимо было декларировать какие-то идеологические установки без доказательной базы. Сама эта шаблонность объясняется географической и культурной отдаленностью Африки от России, что лишь способствовало ее символизации и мифологизации. В таком случае Африка становилась местом, где могло происходить все что угодно, и с которым возможно связывать различного рода девиации повседневной жизни России. При этом Африка могла быть зеркалом этих искажений, а могла — символом чего-то далекого, где в совокупности находят свое место романтические образы, тайные желания, мистические искания, революционные надежды и политические убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хожение за три моря Афанасия Никитина. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. — 299 с.
2. Русская Африка / Автор-сост. Н. Н. Николаев. — М. : Вече, 2009. — 400 с.
3. Давидсон А.Б. Россия и Южная Африка. Три века связей / А.Б. Давидсон, И. И. Филатова. — М. : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. — 330 с.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1959.
5. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1954—1957. — Т. 2. Стихотворения, 1832—1841. — 1954. — 386 с.
6. Гончаров И. А. Собрание сочинений: В 8 т. / И. А. Гончаров. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955. Т. 2. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах. Т. 1. — 1952. — 579 с.
7. Оцуп Н. А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество / Н. А. Оцуп — СПб. : Издательство «Logos», 1995. — 200 с.
8. Станюкович К. М. Собрание сочинений в десяти томах / К. М. Станюкович. — М. : Правда, 1977. — Т. VII. — Рассказы и повести 1895—1897. — 438 с.
9. Левин И. Д. Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические реформы / И. Д. Левин. — М.—Л., 1936. — 159 с.
10. Корнилов Б. П. Стихотворения и поэмы / Б. П. Корнилов. — М., Л. : Советский писатель, 1966. — 544 с.
11. Лощилов И. Е. Заболоцкий и Африка / И. Е. Лощилов // Slavic Almanac: The South African Journal for Slavic, Central and Eastern European Studies. — 2011. — Vol.17. — № 2. — Pretoria: University of South Africa: Unisa Press. — P. 170—174.
12. Беюл. Письма из Африки. Обработал Н. Заболоцкий. Рисунки Н. Лапшина. — М.—Л. : ГИЗ, 1928. — 79 с.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. / А. П. Чехов. — М. : Наука, 1974—1982.
14. Бочаров С. Г. Чехов и философия / С. Г. Бочаров // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Собрание; Наука, 2005. — С.146—159.
15. Тэффи Н. А. Юмористические рассказы; Из «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”». / Н. А. Тэффи. — М. : Художественная литература, 1990. — 415 с.
16. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. / Н. С. Гумилев. — Т. 6. — Художественная проза. — М. : Воскресенье, 2005. — 544 с.
17. Давидсон А. Б. Муза странствий Николая Гумилёва / А. Б. Давидсон. — М. : Наука, 1992. — 319 с.
18. Аверченко А. Т. Собрание сочинений: В 6 т. / А. Т. Аверченко. — М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 2006—2007.
19. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1: Уездное / Е. И. Замятин. — М. : Русская книга, 2003. — 608 с.
20. Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / К. К. Вагинов. — М. : Современник, 1991. — 592 с.
21. Сологуб Ф. Собрание сочинений: В 6 т. / Ф. Сологуб. — Т. 2. — Мелкий бес. Роман. Рассказы. Сказочки. Статьи. — М. : НПК «Интелвак», 2001. — 624 с.
22. Иванов Г. В. Собрание сочинений. В 3-х т. / Г. В. Иванов. — Т. 3. : Мемуары. Литературная критика. — М. : Согласие, 1993. — 720 с.
23. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. В. Маяковский / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961.
24. Арцыбашев М. П. Собр. соч.: В 3 т. / М. П. Арцыбашев. — Т. 3. : Женщина, стоящая посреди. Повести и рассказы. Записки писателя. — М., 1994. — 780 с.
25. Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. / М. Горький. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1949—1955.

Липецкий институт кооперации

Кувшинов Ф. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарно-социальных дисциплин, докторант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
E-mail: f.kuv@yandex.ru

Lipetsk Institute of Cooperation

Kuvshinov F. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Humanities and Social Sciences Department, Doctoral Candidate of the State Pedagogical University named after A. I. Herzen
E-mail: f.kuv@yandex.ru

ЧАСТНЫЕ ВИДЫ СОГЛАСИЯ, ВЫРАЖЕННОГО КОММУНИКАТИВАМИ

Лу Бо

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 февраля 2015 г.

Аннотация: В статье анализируются разновидности частных значений согласия, их способы выражения с помощью коммуникативов в русских разговорных диалогах.

Ключевые слова: коммуникатив, модусное значение, живая разговорная речь.

Abstract: The article analyzes a variety of particular meanings of consent, their ways of expression using communicatives in Russian spoken dialogue.

Key words: communicatives, modus value, spoken language.

Коммуникативы способны передавать разнообразные модусные значения, связанные с субъективной сферой говорящего и со специфическим интонационным оформлением.

Большую роль в реализации согласия, подтверждения и разрешения играют следующие коммуникативы: *А как же! Ещё бы (Да, ну) ладно!* и их синонимы: *А то! А то нет! Ещё бы нет! Не вопрос! По рукам! Само собой! Не то слово!* и др.

Коммуникатив **Как же!** может функционировать в качестве подтверждения информации. В. Н. Шаронов отмечает, что этот коммуникатив «обычно является реакцией на вопрос или сообщение собеседника, истинность которого говорящий поддерживает на основе личного опыта. Произносится коммуникатив, говорящий как бы «кивает наоборот», то есть слегка откидывает голову назад и затем возвращает её в исходное положение» [1, 56]. Мои наблюдения за общением русских людей подтверждают слова учёного.

Обычно коммуникативы согласия представляют собой непосредственную реакцию на любой вопрос.

В русском общении чрезвычайно широко используются модификации рассматриваемого коммуникатива. Его вариант **А как же!** начинает реализовывать значение согласия в тех случаях, когда реплика-стимул представляет собой косвенный речевой акт побуждения и имеет форму вопросительного высказывания. Так, косвенное предложение иллокутивно вынуждает согласие: – *Ты хотел бы поехать в Сочи на олимпиаду?* – *А как же! Конечно, хотел бы (Из разг. речи).*

В этом примере коммуникатив передаёт значение уверенного согласия. Интересен заголовок в форме диалога в журнале «Огонёк», № 52 за 2008 год: – *Будет ли глобальное наводнение?* – *А как же!*

В данном случае коммуникатив **А как же!** свидетельствует о достоверности события, возможного

в будущем, то есть является подтверждением того, о чём был запрос информации.

Модифицированный коммуникатив *А то как же!* используется при желании говорящего рассеять сомнение при подтверждении содержания предшествующего вопроса или ранее высказанной мысли: – *Ты читала Булгакова?* – *А то как же! (Из разг. речи).*

Коммуникатив *Ещё бы!* тоже выражает положительный ответ, то есть согласие, с разной степенью категоричности: – *Она выйдет за него замуж?* – *Ещё бы! (Из разг. речи).*

В данном контексте реплика-реакция возникает на вопросительную реплику-стимул. Коммуникатив реализует интенцию подтверждения содержания информации реплики-стимула. Вариантом рассмотренного коммуникатива является коммуникатив **Ещё как!** Он выражает согласие-подтверждение более интенсивно – *Неужели ты можешь быть злой!* – *Ещё как! (Из разг. речи)*, то есть да, я могу быть очень злой.

Некоторые модификации коммуникативов, представляющих согласие разных видов, представляют собой в большей степени разговорно-сниженные и просторечные образования, к ним относятся: *А то нет, Таки-да!* Все они выражают утвердительный ответ на вопрос, содержащийся в реплике-стимуле, или подчеркивают невозможность, недопустимость никакого другого действия, кроме того, которое содержится в реплике-стимуле. – *Ты сегодня ел?* – *А то нет? (Из разг. речи).*

Для подчеркнутого согласия в рамках утвердительного ответа используется коммуникатив **Ну да!** – *Ты заходил к нему провести?* – *Ну да! (Из разг. речи).*

Коммуникатив **Ну что ж!** выражает одобрение или согласие с совершением какого-либо действия собеседника, однако после раздумий, взвешивания всех «за» и «против». На наш взгляд, такое согласие подобно разрешению и аналогично книжному лите-

ратурному выражению разрешения: «не возражаю». Следующий пример демонстрирует выражение семантики согласия, однако с некоторым условием, содержание которого раскрывается в последующем за коммуникативом *Ну что ж* высказывании: – *Марья Филипповна собирается к нам в гости. – Ну что ж! Будем очень рады, только чтоб не случилось так, что она приедет, когда меня дома нет*

(Русская разговорная речь. Тексты: 33)

Что касается коммуникатива *Да уж!* то в слове В. Ю. Меликяна «Эмоционально-экспрессивные обороты речи» (2001) он фиксируется и подается как «выражение разочарования, досады, неодобрения и негативной оценки» [2, 82]. В нашем материале обнаружены контексты, в которых указанный коммуникатив реализует интенцию согласия-подтверждения как реакцию на реплику-стимул, содержащую негативную или неприемлемую для слушающего ситуацию: – *Много вашего брата полегло. – Да уж!* (Из разг. речи)

В диалоге ведущих программу «Романтика романа» от 11 января 2014 года (канал «Культура») М. Максаковой и В. Бэлзы проскользнула легкая ирония, поскольку информация, содержащаяся в реплике-стимуле, воспринимается с долей юмора по поводу типичного поведения одесситов: М. Максакова: *Если вы спросите коренного одессита, где находится какой-то дом, он вам долго будет рассказывать: «вот это дом Бабеля, а это... В. Белза: Да уж!»* (программа «Романтика Романа» от 11 января 2014, телеканал «Культура»).

Коммуникатив *Да уж!* делает возможным выведение двух импликатур: – *Хороший денек сегодня выдался! – Да уж!* (Из разг. речи).

Возможны две импликатуры: а) действительно, замечательный денек;

б) денёк ненастный, плохой.

Появление коммуникатива с тем или иным коммуникативным имплицитным смыслом зависит от многих факторов, в том числе от физического, психологического состояния говорящих. Ведь и адресат

может или положительно, или негативно оценивать денек. В случае негативной оценки коммуникатив *Да уж!* однозначно выражает согласие с информацией, заключённой в реплике-стимуле, и диалог становится гармонизирующим. Можно сказать, что этот коммуникатив выражает согласие с негативной оценкой ситуации, данной адресантом в реплике-стимуле: – *Замечательный автомобиль, вот только пыхтит*

– *Да уж!* (Из разг. речи).

В последнее время все большей популярностью пользуется коммуникатив *А мо!* Возможно, это обусловлено тем, что данный коммуникатив позволяет говорящему снять официальность разговора, неловкость, которая могла бы иметь место в данной коммуникативной ситуации: А. Малахов: *Можно войти?* – А. Нетребко: *А мо!*

(Из документального к/ф об А. Нетребко, телеканал «Культура»)

Функционально-семантический и прагматический анализ коммуникативов, выражающих коммуникативную функцию согласия, позволил выявить частные разновидности этого значения в ответных репликах-реакциях русских разговорных диалогов. К ним относятся следующие разновидности: 1) согласие-подтверждение; 2) согласие-удивление; 3) уверенное согласие; 4) категорическое согласие; 5) ироническое согласие; 6) подчёркнутое согласие; 7) согласие-разрешение; 8) вынужденное согласие; 9) согласие-уступка; 10) согласие-сочувствие; 11) согласие-оценка; 12) согласие-шутка; 13) горделивое согласие; 14) согласие-солидарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания / И. А. Шаронов // Русистика сегодня. – М., 1996. – № 2. – С. 89–111.
2. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. Словарь. М. : Флинта : Наука, 2001. – 140 с.

Воронежский государственный университет

Лу Бо, аспирант кафедры общего языкознания и стилистики

Voronezh State University

Lu Bo, Post-graduate Student of the General Linguistics and Stylistics Department

ОБРАЗ КАПИТАНА В «МОРСКИХ» ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА

И. А. Малишевский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2015 г.

Аннотация: в статье исследуется образ капитана в произведениях И. А. Бунина, посвященных морской тематике – как прозаических, так и лирических. Помимо изучения внутренней структуры данной группы текстов и места образа капитана в них, проводится анализ интертекстуальных связей, отношения творчества Бунина к контексту Серебряного века и современной ему художественной и философской литературы. Статья позволяет судить о специфическом осмыслении образа капитана в текстах Бунина.

Ключевые слова: Бунин, море, капитан, Серебряный век, поэзия, проза, интертекстуальность.

Abstract: This article concerns artistic image of captain in the texts of Ivan Bunin, which include sea theme – both prose and lyrical. In addition to studying the internal structure of this group of texts and place the image of captain in them, we have analyzed intertextual relations, connections of Bunin's creative work to the context of the Silver Age and contemporary artistic-term and philosophical literature. Article gives an indication of the specific way of thinking about the captain in the Bunin's texts.

Key words: Bunin, sea, captain, Silver age, poetry, prose, intertextuality.

Изучение «морского» в творчестве того или иного автора, по-видимому, не сводится лишь к перечислению обращений к морской тематике либо к анализу «образа моря». Вернее говорить, на наш взгляд, о том, что В. Н. Топоров в статье «О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах» называет «морским комплексом». Такой термин подчеркивает многоаспектность, сложный состав «морского» в контексте европейской литературы, по меньшей мере, последних двух веков. Топоров изучает, в первую очередь, всеобщее, универсальное в «морском комплексе»: «встреча моря и суши как... переживание границы, порога между бесконечным и конечным», «пренатальное сознание», «идея рождения, независимо от того, реализуется ли она в биологическом или в духовном плане», «переход в новое пространство» [12, 579–585], однако возможно говорить и о аналогичном сочетании элементов в творчестве конкретного автора.

В данной статье мы не ставим своей целью проследить интертекстуальные связи исследуемого нами «морского комплекса» И. А. Бунина или описать его в терминах совпадения-отклонения относительно базовых, «мифологических», «психофизиологических» смыслов, предложенных Топоровым и другими авторами сходных по направлению мысли исследований (см. А. И. Иваницкий: «мифологизация» моря – систематического олицетворения в качестве субъекта бытия и со-бытия человеку» [7, 193–194]). Полагая, что для целостного понимания сложного

явления можно изучать отдельные его аспекты, мы анализируем конкретно одно из проявлений, одну из составных частей «морского» в текстах Бунина – образ (символ) капитана корабля.

Отметим, что, если область «морского» в буниноведении остается относительно малоизученной, но все-таки затронутой в ряде исследований, то выбранный нами ее элемент едва ли изучен вовсе. Корабль, с которым неизбежно, генетически связан капитан (даже отношениями отсутствия, внеположности – капитан без корабля, капитан, разбивший корабль, как в «Снах Чанга») иногда становится объектом научного интереса. Так, Е. Ю. Куликова пишет о «корабле-призраке, корабле-гробе... в ранних стихотворениях поэта (Бунина – И. .)», отмечает «излюбленный бунинский сюжет плавания навстречу смерти», «восприятие моря, судьбы моряков и их кораблей как иного мира» [8, 454, 456]. Однако Е. Ю. Куликова касается сугубо танатологического содержания «морского», и собственно образ капитана никак не затрагивается.

Исключением из сказанного выше является монография О. А. Бердниковой «Так сладок сердцу Божий мир...», в которой раскрывается христианское содержание произведений Бунина, их православная интенциональность, освоение автором библейских образов и библейских смыслов. Бердникова не просто упоминает образ капитана, а встраивает его в систему «морского» как репрезентации христианских значений: «Именно символика моря как «вод многих» подсказала Бунину образ Бога сил как Капитана, во власти которого находится и бытие мира,

и жизнь человека» [2, 54].

Следует отметить, что количество текстов Бунина, в которых появляется капитан, не столь уж велико (в отличие от морских текстов в целом, которых, включая лирику, насчитывается порядка двухсот). Наиболее репрезентативны стихотворение «Зов» (1911), рассказы 1914–1916 гг.: «Братья», «Господин из Сан-Франциско», «Сны Чанга», а также «Воды многие» (1911–1926). Добавим поздний рассказ «Бернар», в котором собственно капитан не упоминается, но есть совпадение с рассматриваемой тематикой.

На наш взгляд, образ капитана для Бунина не является объектом рассмотрения в русле реалистической, психологической романной традиции либо традиции романтической. Под этими терминами мы подразумеваем не связь с конкретными значительными произведениями авторов, принадлежавших к данным направлениям (О. В. Зырянов, например, констатирует достаточно ясную мысль о *«синтетической природе большинства литературных феноменов, отмеченных повышенной эстетической ценностью»* [6, 33]), а воспроизведение самых «общих», вычленяемых признаков того или иного метода. Капитан у Бунина – не герой романа (даже свернутого романа, как герои А. П. Чехова), он не дается психологически, нет истории его личности относительно общества. Исключение составляет, возможно, капитан из «Снов Чанга», но и там не выстраивается последовательного реалистического нарратива, в который бы капитан был включен. История капитана-хозяина Чанга подчеркнута раздроблена, лишена целостности, биографизма, как раздроблены и означаемые персонажа, его функции: рефлексия по поводу восточных учений, частое у Бунина подчеркнута мужское отношение к женщине, встроенность в иерархию хозяев Чанга (капитан-художник-третий, истинный хозяин). Ни один из бунинских капитанов не есть герой реалистического повествования.

То же можно сказать про утрированный, приключенческий романтизм. История капитана, плавание часто ассоциируется с культурой с приключенческим дискурсом (Стивенсон, Верн, Дефо и т. д.). Эта традиция по-своему актуальна и для Серебряного века, что видно, например, в стихотворении Гумилева «Капитаны»: *«Быстрокрылых ведут капитаны – / Открыватели новых земель, / Для кого не страшны ураганы, / Кто изведал мальстремы и мель... Солью моря пропитана грудь, / Кто изгой на разорванной карте / Отмечает свой дерзостный путь»* [9, 221]. Нельзя такое описание капитана называть лишенным содержания, смыслов: это очень значимая репрезентация плавание по морю как борьбы со стихией, одного из извечных «морских» сюжетов, впервые явленных еще в «Одиссее». Однако у Бунина подобная поэтическая стратегия отсутствует или подвергается снятию как не релевантная.

Даже если элементы подобного романтико-приключенческого описания проникают в текст, то в небольшом количестве; их снятие, разложение не есть основание произведения, в отличие от, допустим, «Повелителя мух» У. Голдинга, где авторская установка тоже состоит в отрицании, разложении прецедентного романтико-приключенческого и одновременно идеологически ангажированного текста.

В собственно бунинском представлении о капитане, видимо, следует начать с указания двух фактов. Во-первых, корабль, плывущий по морю, конструируется в большинстве названных текстов как некое сложное пространство, модель мира, часто иерархически выстроенная. В этот хронотоп (или, по удачному выражению Н. В. Пращерук касательно бунинского пространства-времени – «топохрон») [10] и встроены капитан в качестве одного из элементов. Во-вторых, капитан чаще всего не центральный герой, он – «другой» относительно центрального героя, дан в речи другого.

Сознание повествователя или героя избегает определенной позиции: эта тенденция прослеживается у Бунина даже в лирике, где лирический субъект часто наблюдает корабль извне, со стороны, и гораздо реже – изнутри, от лица «я» или «мы» на корабле. Чаще всего эта тенденция находит выражение в позиции героя-пассажира, причем пассажира «неправильного», «незаконного». Так, в «Братьях» англичанин оказывается единственным пассажиром, попадает на него исключительно путем (*«пароход грузовой, агент уже уехал...»* [4, 22]); в «Водах многих» герой-повествователь тоже оказывается единственным пассажиром (*«все каюты, кроме двух наших, пусты, – «вы будете как на собственной яхте», пошутил капитан»* [4, 449]); Можно сказать, что «неправильность» статуса, невключенность в корабль как модель мира, сообщает герою определенную свободу, дистанцию. Авторское сознание, авторская точка зрения в «Господине из Сан-Франциско» тоже, по большому счету, вне корабля: «Атлантида» показана наиболее аналитически развернутой и пространственно обозначенной, репрезентативной моделью корабля как модели иерархии общественной, но перерастающей в метафизическую, историософскую. Герой же, заключенный внутри этой системы, занимающий в ней определенное место (значит, наделенный строгим, ограниченным смыслом) обречен на гибель. Характеристика Е. Ю. Куликовой «плавание навстречу смерти» в качестве «излюбленного бунинского сюжета» [8, 452] оказывается весьма основательной. Корабль-система, корабль, моделирующий мир, действительно сталкивается с постоянной, непрерывной угрозой гибели (наиболее наглядно это высказано в «Братьях» и «Господине из Сан-Франциско»); угроза эта исходит, как правило, от собственно морской стихии, «бездны бездн», «до-

временного хаоса» [4, 23], «бешеной вьюги» [4, 70] – примеров можно отыскать много.

Капитан, соответственно, есть прежде всего часть корабля-мира, корабля-системы, по логике вещей он занимает верховную позицию в сложившейся иерархии. Капитан управляет кораблем, направляет его – это очевидная функция. Корабль моделирует ту или иную картину мира. Следовательно, капитан, как бы по-разному он ни описывался, всегда помещается в позицию некоего божества, владыки. Божественный статус – вот точка общности, совпадения, из нее же выводится дальнейшая система сопоставлений, гетерология капитанов из различных текстов.

В связи с божественностью отметим, что репрезентация капитана, его целостный образ оказывается неизбежным, предельным выражением, квинтэссенцией качеств того мира, над которым он властвует. Капитан соответствует подчиненному ему миру, является своего рода «идеалом» такого мира – т. е. «божеством» в том смысле, в котором его трактует Ф. Ницше.

В качестве означающего для христианского Бога фигура капитана явлена лишь в стихотворении «Зов» и в имплицитной, вычленяемой из контекста авторского творчества форме в «Бернаре». Безусловно, оба этих текста относятся к ключевым для понимания бунинского мировоззрения, христианская моральная интенция здесь не подвергается операциям иронии, снятия и т. п. и выражена исключительно чисто, беспримесно (современник Бунина, критик Ю. Айхенвальд отметил в «Зове» «*предельные высоты религиозной красоты*» [1, 427]). В них иначе мыслит себя и субъект речи, «я» ассоциируется с «моряком» («*Как старым моряком, живущим на покое...*» [3, 256], «*думаю, что я был хороший моряк*» [5, 554]), то есть с рядовым участником корабельной иерархии, с подчиненным капитану. В мире-корабле христианского, православного Бога субъект готов быть «моряком», готов к соучастию, что контрастирует с описанной выше ситуацией внеположности, исключенности из всякой иерархии. Однако в других анализируемых текстах образы капитанов лишены даже коннотативной семантики христианского, сохраняя при этом божественный статус. Поэтому упоминание ницшеанского представления о богах представляется нам уместным.

С наибольшей наглядностью, чистотой репрезентации мы наблюдаем подобный образ капитана, разумеется, в «Господине из Сан-Франциско». Властвующий над «Атлантидой» «*командир, рыжий человек чудовищной величины и грузности...*» прямо сравнивается с «*огромным идолом*», «*очень редко появляющимся из своих таинственных покоев*» [4, 55]. Помимо чисто внешних признаков, помимо встроенности в строгую, напоминающую дантовский ад с его кругами, иерархию, которая в рассказе

дана исключительно подробно, так сказать, в разрезе, капитан здесь наделен еще одной типичной для языческого божества функцией – охранительной. Он теоретически защищает корабль-мир от внешней и враждебной стихии «океана» [4, 55]. Он же отвечает за работу «*подводной утробы парохода*», которая «*была подобна... мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу*» [4, 56]. Обратим внимание, что вера обитателей «Атлантиды» в своего защитника-командира, вопреки, казалось бы, рациональности европейской мысли и цивилизации начала XX века, не имеет никаких интеллигибельных, умопостигаемых оснований («*не думали, твердо веря во власть... командира*» [4, 55]). Это тоже сближает капитана с верховным языческим божеством, которого сопровождают «младшие боги» развернутого Буниним мира: «*всевестная красавица*», «*изящная влюбленная пара*», «*некий великий богач*», «*знаменитый испанский писатель*» [4, 56]; не напоминает ли это отдаленно пантеон, скажем, греческих богов – искусства (Аполлон), любви (Афродита), богатства (Гермес), пусть в сниженном виде? Наконец, обратим внимание, что существование на «Атлантиде» стагнантно, зациклено, повторяется изо дня в день – также характерная черта языческого мифа. Выпадая из этого существования во внешний мир Италии, по большому счету, непонятный и мучительно-недоступный, герой, господин из Сан-Франциско, гибнет; рискнем предположить, что в рамках хронотопа «Атлантиды» смерть была бы едва ли допустима – там вообще не происходит событий, это абсолютно замкнутый на себе, защищенный от всего мирок.

В целом, можно сказать, что рассказ «Господин из Сан-Франциско» в создании образа капитана и его корабля более прочих мифопоэтичен. Бунин прочитывает ницшеанско-фаустианский, европейский проект цивилизации, «*созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем*» [4, 70], через художественные средства мифа и мифологизированной истории (в частности, апелляции к римскому императору Тиберию).

Рассказы «Братья» и «Воды многие» похожи по иерархической роли капитана и по тому факту, что капитан здесь остается периферийным персонажем, но в плане поэтики их решение иное – отсылающее к колониальному дискурсу. В «Водах многих», помимо метафизических и религиозных размышлений рассказчика, есть социокультурный план, который раскрывается через команду парохода «Юнан», всех персонажей, помимо «единственного пассажира». Культура, которую они воплощают и с которой автор ведет на протяжении текста имплицитный диалог – это культура французская. В этом смысле и спор-продолжение с книгой «На воде» Мопассана (книгу повествователь в итоге выбрасывает в воду), и национальность капитана вполне показательны. В об-

разе последнего подчеркнуты исключительная, настоящая власть над командой (сцена спора с механиком и вторым помощником, «эти социалисты побаиваются его», «как только он раскрывал рот, речи обрывались, и он, не спеша, бросал короткие настоятельные фразы» [4, 458]. В социальном споре капитан оказывается в позиции правого, консерватора, и по этой политической линии изображен с некоторой симпатией. Если учитывать, что итоговая редакция рассказа происходила в 20-е годы, в начале эмиграции, симпатия к буржуазному консерватизму, властности (особенно если они сочетаются с физической силой, полноценностью), прочитываемая в «Водах многих», совпадает с политическими взглядами И. А. Бунина. Известная речь «Миссия русской эмиграции» была произнесена Буниным 16 февраля 1924 года, а окончательная редакция «Вод многих», выросших из дневников, приходится на 1926 год. Тем не менее, отметим, что диалог с французской культурой в тексте достаточно сложный и неоднозначный, и такая репрезентация образа капитана – лишь одна из его граней.

В «Братьях» же мы наблюдаем чисто колониальный хронотоп, а русский капитан корабля, на который, словно спасаясь, с трудом попадает герой-англичанин, изрекает общие положения колониальной европейской мысли («А звери, дикари – думают?», «Это на вас Цейлон так подействовал» [4; 24, 26]. Пароход во власти этого капитана также можно прочесть как модель европейской цивилизации, пусть и данную в очень скупой живописи, в отличие от красочной и подробной мифологизированной поэтики «Господина из Сан-Франциско»; ключевой деталью в данном контексте оказывается то, что англичанину отводится «свободная докторская каюта» [4, 22], то есть герой должен (и пытается) заменить отсутствующего врача, исцелить европейскую цивилизацию, прежде всего «от нашей тупости», от того, что «мы думаем, не чувствуем и не можем, разучились чувствовать, как это страшно» [4, 23–24]. Притупление чувств, примитивная и неадекватная реальности схематизация – вот что, по Бунину, скрывается за внешней рационально-успешной европейской мыслью. Национальность же капитана (русский, а не англичанин, француз, словом, не представитель крупных колониальных держав) придает его высказываниям оттенок неуверенности, что снимает в дискурсе то, что Барт называет «доксой» («невыносимая докса (расхожее мнение)» [11, 37]). Изрекай то же капитан-англичанин, речь и ее субъект художественно совпадали бы, в устах же русского капитана колониальный дискурс уже ставится под вопрос, особенно в контексте того, что его оппонент в споре – как раз уроженец Великобритании и располагает значительным колониальным опытом.

В «Снах Чанга», в отличие от рассмотренных выше текстов, капитан является одним из двух цен-

тральных персонажей. Этот рассказ примечателен особенно подробной проработкой образа, его многогранной экспликацией. Однако в разворачивании данного образа мы наблюдаем аналогии с капитанами «Атлантиды», безмянного парохода из «Братьев»: колониально-морской хронотоп (даже суша – Одесса, из российских городов, пожалуй, наиболее адекватная данному хронотопу), позиция повествователя-Чанга, для которого капитан – «хозяин», т. е. властная сила. Претензия на власть над миром («целый мир в его власти, потому что весь мир был в его душе в эту минуту» [4, 116] тут же характерно профанируется Буниным: «и потому еще, что и тогда уже пахло вином от него...»). Схожее авторское решение обращает европейски-благоустроенную жизнь капитана в катастрофу: днем у него вполне рационально-социальная схема семейно-бытового устройства («во-первых, квартира, во-вторых, красавица жена и, в-третьих, чудесная дочка», «дочка эта самая, Чанг, девочка резвая, любопытная, настойчивая – плохо тебе будет временами, особенно твоему хвосту!» [4, 113]); ночью же капитан мучительно страдает от невозможности вполне обладать собственной женой («Не будет, Чанг, любить нас с тобой эта женщина!» [4, 117]). По большому счету, сексуальность у Бунина почти всегда напрямую коррелирует с мировосприятием героя, женщина – центр и символ мира. Изменчивость, протезизм, неподатливость женщины для рационального проекта была частой темой в литературе начала XX века («Пол и характер» Вейнингера, знаменитая глава «Пенелопа» в «Улиссе» Джойса и т. д.) совпадают с аналогичными качествами мира. Жизнь капитана из «Снов Чанга» можно прочесть как закончившуюся катастрофой попытку европейского, фаустианского рационального разума загнать реальность в рамки, свести к проекту, покорить, обрести власть. Обратим внимание, что «две правды», диалектическое восприятие мира – тоже черта европейского мышления, впрочем, более близкая самому Бунину. Диалектическим же снятием и кончается текст: что, как не снятие, есть обещание «только одной правды, – третьей» и «последнего Хозяина» [4, 120]? Шаг к истинному, более глубинному, чем рассудочные схемы, основанию мира, тем не менее, лишь намечен, обещан за пределами произведения. Капитан же в таком контексте оказывается в позиции земного, временного и, в общем, неистинного и неуспешного хозяина. Такие многочисленные переключки содержательно сближают «Сны Чанга» с «Господином из Сан-Франциско». Различие в форме и суггестивном эффекте: победительно-жуткая языческая яркость «командира» не предполагает читательского сопереживания, в то время как хозяин Чанга описан средствами бунинского психологизма, а судьба его трагична (поражение в читательских глазах может служить некоторым оправданием).

Проанализировав образ капитана в основных текстах И. А. Бунина, мы можем сделать некоторые выводы. Образ капитана включает значения власти над миром-кораблем, вершины иерархии, максимальной концентрации, сгущения черт данного мира. Если в лирике такой капитан – христианский Бог, появляется позитивная коннотация, то в прозаических текстах это «Новый Человек со старым сердцем» [70, 4], человек, претендующий на рационально обоснованную власть над миром, человек нищезанского, фаустовского склада, характерный представитель европейского мужского начала, покоритель (что нередко сочетается с колониальным хронотопом). Но претензия на подобное покорение мира у Бунина оборачивается крахом, жизненной катастрофой, неудачей – потенциальной или уже происходящей. Зыбко будущее «Атлантиды» (и в «Господине из Сан-Франциско» прочитывается, кстати, историческая бесперспективность подобного отношения к миру), очевидно неадекватны реальности высказывания капитана из «Братьев», наконец, разложением личности и гибелью заканчивается бытие хозяина Чанга. Бунинское отношение тем самым контрастирует с отношением уже упомянутого в статье Н. С. Гумилева, для которого капитан – символ мужественного покорения мира, непреклонной воли человека в борьбе с реальностью, символ вполне нищезанский – несет положительный смысл, совпадает с общей авторской установкой. Лишь в «Водах многих» можно обнаружить некоторую симпатию повествователя к капитану, наделенному подобными чертами, но фигура эта не выходит, в целом, из чисто социальной плоскости.

Говоря шире, образ капитана в прозе включает-ся в контекст размышлений Бунина о судьбе европейского человека и европейской цивилизации, рефлексии по поводу значительных для Серебряного века историософских и философских идей. Размышления эти наполнены даже не скепсисом, а сознанием гибельности и бесперспективности, «за-

ката» Европы, что может быть продиктовано не только историческим фоном (Первая мировая война, затем революция), но и собственно бунинским мировоззрением, в котором любая попытка именно обладать, властвовать – над людьми, над любимой женщиной, над миром – как правило, ведет к поражению, к гибели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. – М., 1991.
2. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир...». Творчество И. Бунина в контексте христианской духовной традиции / О. А. Бердникова. – Воронеж, 2009.
3. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1 / И. А. Бунин. – М., 1987.
4. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 4 / И. А. Бунин. – М., 1987.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 5 / И. А. Бунин. – М., 1987.
6. Зырянов О. В. Романтизм vs реализм в литературной классике XIX в. (круговорот понятий и подходов) / О. В. Зырянов // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. статей. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
7. Иваницкий А. И. Море / А. И. Иваницкий // Русские литературные универсалии (типология, семантика, динамика) / отв. ред. А. А. Фаустов, ВГУ. – Воронеж : КППЦ «Научная книга», 2011.
8. Куликова Е. Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов / Е. Ю. Куликова. – Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2011.
9. Поэзия Серебряного века // Сост. Акаткин В. М. – Воронеж, 2003.
10. Пращерук Н. В. Художественный мир прозы И.А. Бунина: язык пространства / Н. В. Пращерук. – Екатеринбург, 1999.
11. Ролан Барт о Ролане Барте. – М. : Ad Marginem / Сталкер, 2002.
12. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ / В. Н. Топоров – М., изд. группа «Прогресс», 1995.

Воронежский государственный университет
Малишевский И. А., аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: www.imalishevskiy@mail.ru

Voronezh State University
Malishevskiy I. A., Post-graduate Student of the Russian Literature of the XX–XXI Centuries, Literature Theory and Folklore Department
E-mail: www.imalishevskiy@mail.ru

НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В РОМАНЕ Г. ФЛОБЕРА «БУВАР И ПЕКЮШЕ»

М. Н. Недосейкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2014 г.

Аннотация: статья посвящена последнему роману Гюстава Флобера «Бувар и Пекюше» (1881), который считается одним из самых сложных и неоднозначных произведений классика французской литературы XIX столетия.

Ключевые слова: французская литература; Флобер; научное мировоззрение; поэтика реализма; книга.

Abstract: The last novel of Gustave Flaubert «Bouvard and Pecuchet» (1881) has been considered to be one of the most complicated and ambiguous works of literature of this world-famous French writer of the 19th century.

Key words: French literature; Flaubert; scientific view of the world; poetics of realism; book.

Последний, незаконченный роман Гюстава Флобера (1821–1880) «Бувар и Пекюше» (1881) занимает одно из примечательнейших мест во французской словесности XIX столетия. Можно смело утверждать, что он оказался на пересечении наиболее важных линий развития литературы. В творчестве Флобера данное произведение, во-первых, представляет собой своеобразное подведение итогов, очерчивает познавательные и художественно-изобразительные границы реалистического способа изображения действительности. Недаром, несмотря на очевидную связь «Бувара и Пекюше» с традицией философской повести XVIII в. [5, 502–504], французский писатель продолжал придерживаться привычных для него реалистических установок [9, 57–88]. Симптоматично, что даже в своих письмах, описывая чуть ли не бесконечную работу над произведением, Флобер упоминал главных персонажей как реально существующих людей. Например, в письмах середины 1870-х гг. он часто высказывался следующим образом: «У меня тоже были всякие неприятности этой зимой. К тому же Бувар и Пекюше тянут меня тихом, а вернее, силком прямо на тот свет. Из-за них я протяну ноги» [8, 151]. Или в письме к И. С. Тургеневу (8 ноября 1879 г.): «Бувар и Пекюше, кои имеют честь засвидетельствовать вам свое почтение, ныне переживают взрыв богомольных чувств» [8, 246].

Присутствуют и традиционные уже для Флобера сетования на необходимость работы без вдохновения, понимание писательства как долга, постоянная проработка реалистических деталей и фундаментальная теоретическая подготовка по любому вопросу. «Что касается «Бувара и Пекюше», я просто в отчаянии, что они идут так медленно. Ну и книга! Я уже полностью исчерпал все обороты, все слова, все приемы. Меня поддерживает только мысль, что

близок уже конец, но бывают дни, когда я просто плачу (буквально так!) от усталости, а потом все же собираюсь с силами, и тут же вновь сваливаюсь, словно старая загнанная кляча» [8, 271].

Здесь, конечно же, бросается в глаза удивительная уверенность Флобера в исчерпанности художественных возможностей выбранного им подхода. Объект описания оказался настолько многогранным, что вынудил писателя использовать весь существующий литературный арсенал. В результате Флобер обозначил один из любопытнейших эффектов реалистической эстетики: чем обычнее и проще материал, тем сложнее его адекватно выразить с помощью художественного слова.

Во-вторых, в романе подводится итог тому всемирному увлечению наукой, которое охватило практически все европейское образованное общество. Хорошо известно, что и сам Флобер не избежал этой действительно эпохальной веры в силу научного знания, в ее абсолютную непогрешимость. Ведь именно отсюда его манера подготовки к написанию романа, постоянные сравнения писателя с ученым, исследователем, врачом, стремление понять место научного мышления в западноевропейской культуре (о чем, между прочим, совершенно однозначно сигнализируют все редакции такого художественного проекта, как «Искушение св. Антония»). Научные высказывания возникают в его письмах по самым неожиданным поводам, включая, например, политику: «Чтобы оправиться, Франции надо перейти от вдохновения к науке, оставить в стороне метафизику и заняться критикой, то есть изучением сути вещей» [10, 74]. И еще: «Дело не в мечтаниях о том, какая форма правления лучше, поскольку все они стоят друг друга, а в преобладании науки. Вот наиболее спешное дело <...> Политика до тех пор будет сущим вздором, пока не окажется в полной зависимости от науки» [10, 389].

Такое стремление к точному знанию не было, конечно же, исключительно флоберовской чертой. Хорошо известно, например, что различные научные дисциплины занимали в стихийно складывающейся эпохе реализма ведущее положение. Сама тяга к правдивому, адекватному, объективному описанию зачастую приравнивалась именно к научному подходу. Недаром в известном «Предисловии к "Человеческой комедии"» (1842) Бальзак в качестве образца для подражания берет работы французского зоолога Ж. Сент-Илера, а Стендаль всерьез опасался, что его роман «Красное и черное» (1830) может быть воспринят только как научно-психологический трактат, а не как художественное произведение. Думается, что именно в силу этих установок в сознании широкой читательской публики, равно как и в представлениях многих писателей XIX века наука и реализм выглядели смежными явлениями, находящимися в постоянном взаимодействии.

Обе выделенные здесь причины, обозначающие специфическое место последнего романа Флобера, явно обладают одной общей чертой: они предполагают некое «подведение итогов». Сама по себе такая писательская позиция обладает целым рядом довольно многозначных характеристик, прекрасно обозначенных Р. Бартом в эссе «Разделение языков» (1973). При этом, по мнению ученого, наиболее важное флоберовское достижение в «Буваре и Пекюше» стоит связывать с созданием особой области неопределенности, под влияние которой попадает и сам автор произведения. Флобер «нигде не показывает своей окончательной внеположности» [1, 522] по отношению к персонажам и их интеллектуальной деятельности, авторскую точку зрения предельно трудно обозначить и четко пересказать.

Такая, думается, во многом сознательная, писательская стратегия дала о себе знать сразу после выхода романа в свет. Очень быстро сформировались основные исследовательские позиции, сопровождающие этот текст вот уже более ста пятидесяти лет. Их всего три: в соответствии с первой точкой зрения, считается, что Флобер изобразил познавательный тупик науки, науки как таковой в ее целостности. Вторая традиция придерживается того взгляда, что писатель скорее критикует ту популярную форму научного знания, которая стала модной в европейской культуре. Третья группа исследователей считает, что главным объектом «Бувара и Пекюше» является буржуа, который все оглупляет вокруг себя, включая даже и науку [5, 499–501; 2, 231–235].

Каждая из этих интерпретаций опирается на флоберовский текст, каждая действительно подходит для объяснения удивительного сюжета романа, который здесь, думается, стоит кратко напомнить. Два случайно познакомившихся переписчика, Бувар и Пекюше, выйдя на пенсию, решают поселиться в деревне. Их жизнь с этого момента представляет собой удивитель-

ную череду разного рода увлечений: от садоводства до философии. К сожалению, их преследует череда постоянных разочарований, так как осваиваемая научным методом та или иная область человеческой жизнедеятельности всякий раз оказывается слишком противоречивым и сложным объектом. Идеальная жизнь на природе в соответствии с достижениями современной научной мысли никак не дается им. В концовке первого тома (Флобер так и не успел его дописать, но сохранился хорошо прописанный план) оба персонажа возвращаются к своему самому любимому делу – переписыванию уже существующих документов.

Второй том должен был состоять только из выписок главных персонажей из тех книг, которые они прочитали. Именно поэтому, между прочим, писатель был абсолютно уверен, что эта часть произведения будет создана в очень короткие сроки. Характер этих выписок известен: это собрание глупостей выдающихся деятелей истории, явно корреспондирующих с еще одной незаконченной работой Флобера – «Лексиконом прописных истин». Вот несколько характерных примеров: «Женщины в Египте публично совокуплялись с крокодилами» (Прудон, О праздновании воскресенья, 1850); «Собаки бывают обычно двух противоположных окрасок: светлой и более темной. Это устроено для того, чтобы мы могли разглядеть собаку на фоне мебели, в каком бы месте дома она не находилась, иначе ее окраска слилась бы с окраской мебели» (Бернарден де Сен-Пьер, Соответствия в природе); «Никогда не существовало царствующей семьи плебейского происхождения. Если бы такой феномен появился, это составило бы эпоху в истории мира (де Местр, Санкт-Петербургские вечера)» [Цит. по: 3, 218, 221]. В первом же томе подобного рода глупостей не меньше, просто их авторство не всегда эксплицировано.

Повторим еще раз: ярко выраженная полисемантность текста, его готовность соответствовать самым различным интерпретациям до сих пор вызывает некоторое смущение в исследовательских кругах. Пожалуй, по отношению к «Бувару и Пекюше» можно говорить о включенности любого аналитического усилия (в том числе и авторского дискурса) в логику развития романного повествования. Текст словно бы уничтожает дистанцию, необходимую для его критического понимания, предлагая вместо этого уже готовые интеллектуальные клише.

Впрочем, думается, что такая исследовательская ситуация все-таки не снимает окончательно вопроса, о чем этот роман написан и что думал о науке и ученых Флобер. По крайней мере, стоит попробовать разобраться в источниках означенной полисемантности. Другими словами, можно охарактеризовать и проанализировать те образы и мотивы, которые отвечают за многозначность внутри самого художественного текста, проследить логику их взаимодействия и попробовать дать ей объяснение.

Отправной точкой в изучении этого вопроса может стать выяснение причин постоянных неудач главных персонажей. В одном случае это связано с их попытками перенести сугубо теоретические знания в реальность. Каждый раз речь идет о том, что этот перевод должен иметь однозначный характер, то есть обязан осуществляться без малейших потерь. Выражаясь иначе, связь между теорией и практикой воспринимается ими как абсолютно прямая и прозрачная. К примеру, занявшись сельским хозяйством и садоводством, Бувар и Пекюше ничего не добились, так как книги, по которым они работали, противоречили друг другу. Реального результата нет по причине отсутствия единой, непротиворечивой теории. В другой раз, увлекшись медициной, они пришли к выводу, что «болезни чересчур многочисленны, средства сомнительны, и в книгах нельзя найти ни одного разумного определения здоровья, недуга, диатеза, ни даже гноя» [7, 205].

Несомненно, что имплицитное понимание науки как чего-то абсолютно устойчивого, надежного, неизменного и приводит главных персонажей к неудовлетворительным результатам. Теория и практика оказываются сложными образованиями, находящимися в противоречивых, запутанных отношениях, которые не укладываются в мировоззрение приезжих парижан. Они просто верят в науку, следовательно, очень слабо разбираются в ней. Более того, проводя эту логическую линию, Бувар и Пекюше приходят к максимально радикальной идее: они верят в науку, следовательно, ее почти что не существует. Недаром их изыскания часто заканчиваются подобными сентенциями: «– Возможно, что плодородство – чушь!». – «Как и агрономия! – ответил Бувар» [7, 183]. Если попробовать обобщить этот тип ошибок, то можно увидеть их источник в неосознанном наложении друг на друга двух мыслительных оппозиций: простое/сложное и устойчивое/неустойчивое.

Иной вид неудач, сопряженный с первым, связан с нарушением обычной последовательности действий. Бувар и Пекюше словно специально идут против традиционного порядка, делают все наоборот. Так, собираясь стать художниками слова, они решают сначала изучить эстетику, поэтику, грамматику, а уже потом приступить к написанию гениальных художественных произведений. Но, изучая грамматику, персонажи понимают, что «составители грамматик не согласны между собой. Одни видят красоту в том, что другие считают ошибкой. Соглашаются с принципами, отвергая следствие, допускают следствие, отрицая принципы, опираются на традицию, отбрасывают мастеров и пускаются в необыкновенные тонкости. Литре доконал Бувара и Пекюше своим утверждением, что орфография никогда не была и не будет неоспоримой. Из этого они заключили, что синтаксис – фантазия, а грамматика – иллюзия» [7, 258–259].

Понятно, что писателями главные персонажи не стали. Цель и средство здесь словно меняются местами, подменяют друг друга. Очевидно, что такое методически практикуемое переворачивание всякий раз блокирует возможность вообще что-либо сделать. Бувар и Пекюше сами выстраивают мир, в котором затруднено какое-либо поступательное движение к той или иной цели. Чего-нибудь добиться в этом случае просто не представляется возможным. Переворачивание создает изначальный семантический тупик. Потому и результат примерно тот же самый, что и при первом типе неудач: «Они начали строить рассуждения на прочной основе; она рушилась; и идея сразу исчезала, как улетает муха, когда готовишься ее поймать» [7, 319].

В романе существует еще одна разновидность ошибок, из-за которых оба персонажа так и не состоялись как настоящие ученые. Например, чтобы разобраться в относительно близкой для них эпохе – времени революции 1789 г. и царствования Наполеона – «нужно было бы прочесть все исторические книги, все мемуары, все газеты и все рукописные документы. Ибо малейший пропуск может породить ошибку, которая повлечет за собою другие. И так без конца. Они от этого отказались» [7, 240].

В данном случае, как представляется, причина неудачи кроется в особом понимании научного метода, в данном конкретном случае применяемого к историческому прошлому Франции. Деятельность ученого, конечно же, предполагает такие категории, как «открытость» и «бесконечность», которые связываются в сознании главных персонажей с интеллектуальной невозможностью что-либо довести до конца. Местоимение «все» является своеобразным воплощением подобной установки. Здесь же стоит отметить еще одну немаловажную черту. Для Бувара и Пекюше знание – это сумма всех фактов, следовательно, исключительно количественное понятие, границы которого никогда не будут четко очерчены. В результате создается полное впечатление, что любая наука словно подтачивает себя изнутри, опираясь во многом на случайный и всегда неполный набор фактов. Как заметил Ж. П. Сартр, правда, по отношению уже к писательским установкам самого Флобера: «...Наука чуть позже замечает, что представляет собой всего лишь имя для неведения...» [6, 549].

Выделенные типы ошибок, удивительным образом соответствующие трем обозначенным выше исследовательским позициям, позволяют сделать вывод, что в своем последнем романе французский писатель постарался охватить предельно широкую область человеческой жизни, которая в совершенно разной степени связана с наукой. Она включает в себя и собственно науку, и ее популярную форму, и людей, стремящихся во что бы то ни было приобщиться к ученому миру. Думается, что область эта имеет вполне четкое наименование – научное мировоззрение. Именно оно объединяет все рассмотренные варианты существо-

вания науки в обществе, а потому и является основной мишенью романа. Действительно, как раз научное мировоззрение становится в XIX в. важнейшей составляющей французской – и шире, конечно же, европейской – культуры. Только с учетом его появления (как массового феномена) можно понять повсеместно поддерживаемую экспансию научного метода в различные области человеческой жизни.

Любопытно, что при этом обычно ускользает от внимания тот факт, что как раз никакого научного мировоззрения быть не может, что в этом словосочетании изначально содержится противоречие. Ведь понятие мировоззрения предполагает возможность «дать ответы на все вопросы, которыми оно занимается» [4, 116], тогда как наука не может себе такого позволить. Глупость, постоянно притягивающая флюберовское внимание, здесь заявляет о себе уже самим фактом соединения науки и мировоззрения в одно целое. Ошибка, можно сказать, заложена, вписана в этот проект изначально.

Безусловно, наука страдает от этого союза в большей степени, так как «научное мировоззрение», по художественной логике Флюбера, вообще может обходиться без внятной научной базы. В этом отношении нельзя не вспомнить о таком известном флюберовском персонаже, каким является аптекарь Омэ из романа «Госпожа Бовари» (1857). Напомним, что он не имел ни медицинского образования, ни какого-либо другого, что не мешало ему давать советы больным и писать, к примеру, довольно солидную работу – сочинение на семидесяти двух страницах с лишком, озаглавленное «О сидре, его производстве и действии, с некоторыми новыми рассуждениями по этому предмету».

Материальным же носителем научного мировоззрения, поддерживающим общую уверенность в легкой доступности научных знаний, у Флюбера явно выступает книга. Именно она является основным семантическим архивом, из которого Бувар и Пекюше черпают все свои научные проекты. Думается, что в силу как раз этого положения книга для главных персонажей постепенно превращается в некоторый амбивалентный объект, одновременно и снабжающий знаниями, и запутывающий, сбивающий с толку. Ведь большинство ошибок в романе совершаются именно по причине излишнего доверия книжной информации, а не реальности (последняя, между прочим, ведет себя в произведении максимально мирно, нейтрально). Пространство же книги легко усваивает, принимает в себя и необычную последовательность действий, и разного рода иллюзии, и создает ощущение вечной неполноты человеческого знания об

окружающей действительности. Другими словами, книга подспудно отсылает к другой книге, создавая своеобразный смысловой лабиринт, выбраться из которого весьма и весьма затруднительно.

В этом контексте чрезвычайно характерно, что книга у французского писателя обладает и некоторой самостоятельной волей, активностью. Она словно атакует персонажей, увлекает их в собственное чрезвычайно сложное и противоречивое пространство, подменяя реальную жизнь исключительно книжной. Можно смело утверждать, что судьбы многих персонажей Флюбера часто напрямую зависят от того, как они смогут преодолеть это искушение книгой. Так, Бувар и Пекюше, вернувшись к переписыванию, то есть к систематическому превращению печатного слова обратно в рукописное, попадают в иную область, область, предшествующую книге, а потому напоминающую спасительное творчество. Тогда как аптекарь Омэ, к примеру, явно отдает предпочтение книжному существованию, которое продолжает подпитывать его научное мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Разделение языков / пер. С.Н.Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р.Барт. – М.: Изд-ая группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С.519-534.
2. Зенкин С. Н. Французский романтизм и идея культуры / С. Н. Зенкин. – М.: РГГУ, 2002. – 288 с.
3. Мопассан Г. де. Гюстав Флюбер (II) / пер. с фр. М. П. Столярова // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч.: в 12 т. / де Г. Мопассан. – М.: Правда, 1958. – Т.11. – С.199-247.
4. Пятигорский А. М. О психоанализе из современной России // Пятигорский А.М. Избранные труды / А. М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.116-133.
5. Реизов Б. Г. Творчество Флюбера / Б. Г. Реизов. – М.: Худож. лит., 1955. – 524 с.
6. Сартр Ж.-П. Идиот в семье. Гюстав Флюбер с 1821 до 1857 года / пер. с фр. Е.Плеханова / Ж.-П. Сартр. – СПб.: Алетея, 1998. – 648 с.
7. Флюбер Г. Бувар и Пекюше / пер. с фр. И. Мандельштама // Собр. соч.: в 5 т. / Г. Флюбер. – М.: Правда, 1956. – Т. 4. – 408 с.
8. Флюбер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи. В 2-х т. / пер. с фр. под ред. А. Андрес / Г. Флюбер. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 503 с.
9. Descharmes R. Autour de Bouvard et Pécuchet: études documentaires et critiques / R. Descharmes. – P.: Librairie de France, 1921. – 302 p.
10. Flaubert G. Correspondance / G. Flaubert. – P.: Bibliothèque Charpentier, 1893. – 398 p.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Е. М. Никитина

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Поступила в редакцию 15 января 2015 г.

Аннотация: рассмотрены формы соотнесения анималистических образов и феноменов человеческого существования в художественной структуре романа. Обозначен композиционно-функциональный спектр различных видов художественного параллелизма на уровне образов-персонажей и авторской картины мира в динамике естественно-природных и социокультурных слагаемых.

Ключевые слова: анималистические образы, художественный параллелизм, ассоциативное сходство, прием контраста, авторская картина мира.

Abstract: the article considers correlation forms between animalistic images and human life phenomena in the artistic structure of the novel. Composition-functional spectrum of various kinds of artistic parallelism at the level of literary characters and the author's picture of the world in the dynamics of naturally and sociocultural components is identified.

Key words: animalistic images, artistic parallelism, associative likeness, device of contrast, author's picture of the world.

В истории изучения шолоховского романа накоплен немалый опыт соотнесения реалий естественно-природного мира с социокультурными явлениями, процессами и образами-персонажами антропоморфного плана. [1, 95–118; 2, 200, 207, 211; 3; 4; 5, 180–236; 6]. Здесь, как представляется, может быть выделен конкретный аспект (анимализм-человек), не отрефлексируемый на уровне специальных обобщающих исследований, и вместе с тем актуальный, на наш взгляд, для систематизации по художественным функциям.

Нередко анималистические образы, появляясь в тексте «Тихого Дона» при изображении естественно-природной картины мира, несут в себе не только функции ее непосредственной характеристики. Показывая людей и животных в едином пространстве бытия живых существ, писатель создает ощущение неразрывной связи между ними. Здесь можно выделить последовательно проводимый прием художественного параллелизма, функциональные значения которого могут быть достаточно многообразны.

В ряде случаев непосредственные наблюдения за жизнью живых существ порождают у человека сравнения и параллели, открывают перед ним дополнительные эмоционально-оценочные акценты в осмыслении общей картины бытия: «Где-то далеко стрекотала сорока. Она пролетела над дорогой, косо избочив хвост <...> Христоня, завистливо глядя на вольный

полет сороки... в мыслях сравнил бездумно-счастливую птичью жизнь с людской». [7, II, 217].

По-своему показательным в этом плане предстает и описание видения, возникшего перед умирающей Ильиничной: «Глухую тишину нарушал лишь монотонный, усыпляющий звон кузнечиков. <...> Ильинична прислушалась к их неумолчному звону, уловила проникший в горницу запах нагретой солнцем травы, и перед глазами ее на миг, как видение, возникла опаленная солнцем августовская степь, золотистая пшеничная стерня, задернутое сизой мглой жгучее синее небо». [7, IV, 307–308].

Таким образом, в финале жизненного пути Ильинична начинает особо остро ощущать свою органическую причастность к природному миру. Здесь анималистические образы выступают не просто как неотделимые компоненты донского пейзажа, но и как своеобразные «катализаторы» процессов рефлексии смысловых проблем человеческого бытия.

В ином случае Аксинья после тяжелой болезни начинает по-иному смотреть на окружающий ее мир, а песня жаворонка обостряет психологическую динамику ее внутреннего состояния: «Туманным утром Аксинья впервые после выздоровления вышла на крыльцо и долго стояла, опьяненная бражной сладостью свежего весеннего воздуха... Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир <...> незамысловатая песенка жаворонка, донесшаяся откуда-то из туманной степи, разбудила в ней неосознанную грусть. Это она – услышанная на чужбине песенка – заставила учащенно забиться

Аксиньино сердце и выжала из глаз две скупые слезинки...». [7, IV, 278].

Похожие чувства испытывает и Григорий Мелехов в конце книги, живя в банде Фомина: «На минуточку он закрывал глаза и слышал близкое и далекое пение жаворонков, легкую поступь и фыркание пахнувших лошадей, звяканье удил и шелест ветра в молодой траве... Странное чувство отрешения и успокоенности испытывал он, прижимаясь всем телом к жесткой земле. Это было давно знакомое ему чувство. Оно всегда приходило после пережитой тревоги, и тогда Григорий как бы заново видел все окружающее». [7, IV, 430–431].

В ряде сюжетных эпизодов романа картины жизни животных, развернутые в конкретных деталях, нередко порождают у героев романа ассоциации с динамикой человеческих взаимоотношений: «За два месяца службы в атарщиках Кошевой внимательно изучил жизнь лошадей на отводе; изучил и проникся глубоким уважением к их уму и нелюдскому благородству. На его глазах покрывались матки; и этот извечный акт, совершаемый в первобытных условиях, был так естественно-целомудрен и прост, что невольно рождал в уме Кошевого противопоставления не в пользу людей. Но много было в отношениях лошадей и людского». [7, III, 61].

Можно выделить и иной ряд художественно-функциональных моментов повествования, где анималистические образы не выступают предметом рефлексии героев, а наделяются определенным символическим значением на уровне авторского видения мира, порождая здесь определенные параллели и ассоциации. По-своему показательны в этом плане эпизоды ловли насекомых предводителями «белого» и «красного» лагерей. Генерал Корнилов, «суетливо выкидывая руку, пытался поймать порхавшую над ним крохотную лиловую бабочку. Пальцы его сжимались, на лице было слегка напряженное, ожидающее выражение. Бабочка, колеблемая рывками воздуха, спускаясь, планировала крыльями, стремилась к открытому окну. Корнилову все же удалось поймать ее, и он облегчающе задышал, откинулся на спинку кресла». [7, II, 143].

В свою очередь, Кудинов «с серьезным и задумчивым видом обрывал ножки у пойманной большой изумрудно-зеленой мухи. Оторвет, зажмет в сухом кулаке и, поднося его к уху, сосредоточенно склонив голову, слушает, как муха то басовито, то тонко брунжит. Увидев Григория, с отвращением и досадой кинул муху под стол, вытер о штанину ладонь, устало привалился к обтертой до глянца спинке кресла». [7, III, 348]. При этом «суетливость» «напряженность» Корнилова в определенной мере порождает ассоциации с трагической обреченностью «белого движения». Бессмысленная жестокость Кудинова, в свою очередь, по-своему оттеняет социально-историческую трагедию братоубийства в гражданской войне,

вызывающую «досаду», «отвращение» и «усталость» даже у будущих победителей.

Продуктивно рассмотрение в подобном аспекте и более обобщенных характеристик исторических и социокультурных реалий в романе. Так, например, в одном эпизоде романа птица выступает для человеческого сообщества нарушителем спокойствия и предвестником беды: «По ночам на колокольне ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч с колокольни перелетал на кладбище, ископыченное телятами, стонал над бурными затравившими могилами.

– Худому быть, – пророчили старики, заслышав с кладбища сычиные выголоски» [7, I, 229].

Для воплощения трагической эпохи в романе примечательными становятся эпизоды, где анималистические образы несут функцию контраста: «Мира и тишины хотелось, – поэтому-то застенчивую радость и берег в суровых глазах Григорий, глядя вокруг: на лошадей, на крутую, обтянутую тулупом спину отца. Все напоминало ему полузабытую прежнюю жизнь: и запах овчин от тулупа, и домашний вид нечищенных лошадей, и какой-нибудь петух в слободе, горланящий с погребницы». [7, II, 255].

Размеренная, прекрасная в своей гармонии и ритме жизнь животных, не знающих человеческих бесчинств и самоистребительных безумств, в романе часто как бы «устыжает» мир людей, утративший «нерушимый порядок жизни».

Воспоминание об утраченной гармонии бытия, по-своему маркированной анималистическими образами, возникает у героев, как правило, в моменты острых переживаний, напряженности чувств и мыслей. В наибольшей степени это характерно для центрального героя романа. При известии о смерти брата «нечаянно вспомнилось Григорию, как вместе с Петром в детстве пасли они в степи индюшат...» [7, III, 209]. В других случаях: «Память направляла луч воспоминаний на давно забытый, когда-то виденный пейзаж, и вдруг ослепительно возникали перед Григорием – степной простор, летний шлях, арба, отец на передке, быки, пашня в золотистой щетине скошенных хлебов, черная россыпь грачей на дороге...» [7, III, 261]. «Запах дыма разбудил в Григории грустные воспоминания: когда-то и он, Григорий, пахал зябь в глухой осенней степи, смотрел по ночам на мерцающее звездами черное небо, слушал переклики летевших в вышине гусиных станиц...». [7, IV, 331–332]. «Удрученный воспоминаниями Григорий прилег на траву неподалеку от этого маленького дорогого сердцу кладбища и долго глядел на величаво распростертое над ним голубое небо <...>, а на земле ... все так же жаростно кипела жизнь: в степи, зеленым разливом подступившей к самому саду, в зарослях дикой конопли возле прясел старого гумна неумолчно звучала гремучая дробь перепелиного боя, свистели суслики, жужжали шмели, шелестела обласканная ветром

трава, пели в струистом мареве жаворонки, и, утверждая в природе человеческое величие, где-то далеко-далеко по суходолу настойчиво, злобно и глухо стучал пулемет». [7, IV, 47–48].

На фоне радостного, кипучего биения природной жизни, автор с горькой иронией отмечает «утвержденное в природе человеческое величие». Здесь пулемет маркирует процессы человеческого «вторжения», разрушения гармонии естественно-природного мира.

Сделанные выше наблюдения позволяют заключить, что формы художественного параллелизма, соотносящие анималистические образы и феномены человеческого существования, являют достаточно устойчивый, разветвленный и продуктивный спектр художественных функций. Композиционно указанные формы носят по преимуществу традиционный дву-частный характер. Связующим началом при этом выступает либо ассоциативное сходство, либо прием контраста. На уровне сознания человеческого образа-персонажа здесь раскрываются глубинные смыслопорождающие процессы. На уровне авторского мировосприятия указанные параллелизмы возвышаются порой до символического значения, где художественная картина мира предстает в сложной динамике естественно-природных и социокультурных слагаемых.

Воронежский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Никитина Е.М., методист музея истории народного образования Воронежской области при ВОИПКУПРО

E-mail: belousova15@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолаев Г. С. Михаил Шолохов и его творчество [Пер. с англ. Н. Кузнецовой, В. Кондратенко] / Г. С. Ермолаев. — СПб. : Академ. проект, 2000. — 448 с.
2. Муравьева Н. М. Проза М. А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика. Монография / Н. М. Муравьева. — Борисоглебск : БГПИ, 2007. — 381 с.
3. Ничипоров И. Б. Человек и природа в новеллистике М. А. Шолохова 1920 х гг // Литература и культура в контексте Христианства. Образы, символы, лики России: материалы V Междунар. науч. конф. г. Ульяновск. 22–25 сентября, 2008 г. / Ч. 1. / сост., отв. ред. проф. А. А. Дырдин. — УлГТУ Ульяновск, 2008. — С. 270–274.
4. Сатарова Л. Г. Человек и природа в романе М. Шолохова «Тихий Дон»: учебное пособие по спецкурсу / Л. Г. Сатарова. — Воронеж. : ВГПИ, 1989. — 84 с.
5. Стюфляева Н. В. Соборный идеал жизни «по совести» и его художественная реализация в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: монография / Н. В. Стюфляева. — Липецк : ЛГПУ, 2008. — 258 с.
6. Ширина Е. А. Художественное осмысление природы в романе – эпопее: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. А. Ширина. — М., 2001. — 20 с.
7. Шолохов М. А. Собр. соч.: В 8 т. / М. А. Шолохов. — М. : Правда, 1975. — Т. I. — 384 с.; Т. II. — 376 с.; Т. III. — 408 с.; Т. IV. — 464 с.

Voronezh Regional Institute of Teachers Training and Retraining (VRITTR)

Nikitina E.M., Methodologist of the Museum of History and Public Education of Voronezh Region of VRITTR

E-mail: belousova15@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ПИСАТЕЛЯ

М. Я. Розенфельд

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 ноября 2014 г.

Аннотация: цель данного исследования – разработка методики описания индивидуального лексикона писателя в опоре на данные психолингвистических экспериментов. Полученные результаты в перспективе должны быть соотнесены с литературоведческой интерпретацией художественного текста. Источником для исследования послужил итоговый сборник стихотворений воронежского поэта Галины Митрофановны Умывакиной «Родительская суббота» (Воронеж, 2010).

Ключевые слова: индивидуальный лексикон, ключевые слова, психолингвистический эксперимент, ассоциативно-вербальная сеть.

Abstract: the purpose of the study is to develop the method of the writer's individual lexicon description on the basis of psycholinguistic experimental findings. In prospect the obtained results should be compared with literary interpretation of the text. The final collection of poems *Soul Saturday* (Voronezh, 2010) by Galina Umyvakina served as a source for the study.

Key words: individual lexicon, key-words, psycholinguistic experiment, associative-verbal network.

Классический литературоведческий анализ по своей природе текстоцентричен. Попытки выхода за пределы текста, т. е. включения «биографического» автора в поле исследования, обычно сводятся к тому, что для выявления смыслов художественного произведения обращаются к так называемым нефикциональным текстам – дневниковым записям автора, его мемуарам, интервью. Давняя задача, стоявшая перед филологией и приобретающая сейчас повышенную остроту, – обретение автора именно как субъекта дискурсивной практики, не сводимого ни к биографическому лицу, ни к текстуальным индексам, но и неотрывного от них.

Установление «прямого» контакта с автором предполагает изучение его индивидуального сознания, главным образом – индивидуального лексикона. Методологической базой такого исследования может стать серия психолингвистических экспериментов, направленных на выявление семантики и структурных связей ключевых слов авторского лексикона. Такое исследование имеет междисциплинарный характер и преследует несколько целей. Во-первых, экспериментально выявленные смыслы могут быть сопоставлены с контекстуальными значениями слов, обнаруживаемыми в художественном тексте изучаемого автора. Таким образом, данные психолингвистических экспериментов оказываются востребованными в литературоведческом анализе текста. Во-вторых, исследование обладает собственной психолингвистической ценностью: здесь пред-

принимается попытка описания и в дальнейшем моделирования индивидуального лексикона.

Само изучение художественного текста посредством описания парадигматики и синтагматики ключевых слов авторского лексикона имеет прецеденты в современном литературоведении (широкомасштабное изучение ключевых имен нарицательных отдельных русских писателей и различных литературных эпох XVIII – начала XXI веков [1], а также изучение авторской концептосферы и идиостилии в опоре на ключевые слова [2]). Однако наложение методов маркемного анализа текста и психолингвистических методов исследования авторского лексикона ранее не осуществлялось.

При формировании корпуса ключевых слов мы опирались на существующие в современной компьютерной лингвистике наработки, в частности, на механизмы определения ключевых имён нарицательных – маркем¹. Текстовым источником исследования послужил итоговый сборник стихотворений

1 В основе выделения маркем лежит индекс тематический маркированности (ИнТеМа). Алгоритм вычисления ИнТеМа базируется на трех постулатах: 1) частота словоформы – это равнодействующая языковых и текстовых закономерностей; 2) языковая закономерность состоит в большей частоте коротких слов по сравнению с длинными; 3) для получения текстовой закономерности из общей частотной закономерности надо вычесть языковую составляющую (см.: Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник ВГУ. Серия Системный анализ и информационные технологии. 2007. № 1. С. 81 – 90).

известного воронежского поэта Галины Митрофановны Умывакиной «Родительская суббота» (Воронеж, 2010). Участником экспериментов стала сама Г. М. Умывакина.

В экспериментальные списки было включено 50 маркем Г.М. Умывакиной и 50 «фоновых» лексем, являющихся маркемами других авторов. О принципе отбора слов, а также о целях исследования реципиенту не сообщалось. Исследование включало следующие эксперименты.

1. Свободный ассоциативный эксперимент :

«Прочитайте слово и напишите напротив него через запятую не менее трех слов, которые Вам первыми приходят в голову. Чем больше слов Вы напишете, тем лучше. Любые Ваши ответы будут правильными. Если ни одно слово не приходит в голову, поставьте прочерк. Если приходит в голову только одно или два слова, напишите их и поставьте дальше прочерк».

Экспериментальный список – 100 слов.

2. Направленный ассоциативный эксперимент:

«Составьте словосочетание, ответив на вопросы «какой?» и «что делает?». Если затрудняетесь ответить – поставьте прочерк». Экспериментальный список – 100 слов.

3. Эксперимент на свободные дефиниции, где испытуемая должна была дать определение предложенным словам. В последнем эксперименте – в силу его трудоемкости – экспериментальный список не включали «фоновых» слов: Г. М. Умывакиной предлагались лишь её ключевые слова.

4. Серия экспериментов на группировки (экспериментальный список – 100 слов). Сначала испытуемая должна была объединить предложенные слова в тематические группы и дать название каждой из них. На следующем этапе следовало разбить все исходные слова на пары по признаку близости значения – эксперимент на симилары, а слова, не вошедшие в пары, поместить в отдельную группу. Затем аналогичным образом нужно было поступить с лексемами, противоположными по значению, – эксперимент на оппозиции.

Указанные психолингвистические эксперименты позволяют провести разноаспектный анализ исследуемых слов: во-первых, выяснить степень их актуальности для реципиента; во-вторых, выявить семантику этих лексем; в-третьих, установить их связи в индивидуальном лексиконе испытуемой. Следовательно, интерпретационная работа над экспериментальными данными может вестись в различных направлениях. Это семантизация ответов реципиента, количественный анализ результатов эксперимента и моделирование ассоциативно-вербальной сети. В данной статье мы лишь рассмотрим технику работы с экспериментальным материалом в двух из заявленных аспектов, остановившись для этого на нескольких показательных примерах. Более

подробно результаты исследования представлены в работах: [3], [4], [5].

Проиллюстрируем механизм семантической интерпретации слов (по принципу «разматывания» ассоциативной цепочки) на примере авторского ключевого слова *воспоминание*.

Воспоминание

Направленный ассоциативный эксперимент: *горькое, мучает. Свободный ассоциативный эксперимент: закат, пейзаж, музыка. Свободные дефиниции: музыка. Группировки:* Симилары: *воспоминание / улыбка*; Оппозиты: не имеет.

Как несложно убедиться, и в эксперименте на дефиниции, и в свободном ассоциативном эксперименте возникает слово *музыка*, также являющееся для Г. М. Умывакиной ключевым. Поэтому для семантизации *воспоминания* обратимся к материалу, полученному в связи с *музыкой*. Направленный ассоциативный эксперимент: *классическая возносит. Свободный ассоциативный эксперимент: Бог, гармония, высота. Свободные дефиниции: божественная гармония. Группировки:* входит в группу «Творчество» (вместе со словами *благодарность, разговор, озарение, молчание, вдохновение, голос, слово, музыка, песня*); Симилары: *музыка / свобода*; Оппозиты: *музыка / распутица. Музыка*, следовательно, – это нечто, данное свыше, Богом (результаты свободного ассоциативного эксперимента и эксперимента на свободные дефиниции). Также *музыка* – это *творчество* (маркема входит в соответствующую тематическую группу), подразумевающее некое упорядочивание, гармонизацию мира (в направленном ассоциативном эксперименте – *классическая, возносит*, в эксперименте на свободные дефиниции – *божественная гармония*). Наличие таких смыслов подтверждается в эксперименте на симилары и оппозиции, где появляются еще два слова – *свобода* и *распутица*.

Располагая экспериментальным материалом по поводу последних слов, обнаруживаем, что *свобода* – это *воздух для духа* (эксперимент на свободные дефиниции), и она же – *творческая, рождает* (направленный ассоциативный эксперимент). Здесь снова реализуются значения «творчество», «дух», «духовное», «высокое». Обращаясь к лексеме *распутица*, находим смыслы иного полюса. По данным свободного ассоциативного эксперимента, *распутица* – *чернозем, грязь*, направленного – *осенняя, тянется*. Если *свобода* ассоциируется у испытуемой с небом, небесным, то *распутица* – с землей, земным. Следовательно, *музыка*, синонимичная *свободе*, оказывается в оппозиции *распутице* по семам «небесное» / «земное».

Возвращаясь к исходному для нас слову *воспоминание*, можно выстроить вполне отчетливый смысловой ряд: *воспоминание* – *музыка* – *свобода*, *творчество* – *божественная гармония, Бог*. Таким образом, ключевое слово *воспоминание* имеет следующее семантическое наполнение: *воспоминание* –

это обращение к тому, что субъекту не принадлежит, отчуждено от него; произвольный процесс, оно приходит извне, кем-то дается. *Воспоминание* является упорядочиванием, гармонизацией – действием, подобным музыке; возможно, пересозданием – процессом, родственным творчеству. Упорядочивание, гармонизация, однако, плохо удаются реципиенту. *Воспоминание* предполагает обращение к прошлому, причем скорее – к счастливому прошлому: в эксперименте на симиляры *воспоминание* отождествляется с *улыбкой* (Подробнее о семантизации ключевых слов см.: [3]).

При реконструкции ассоциативного поля используются ответы реципиента, полученные в пяти психолингвистических экспериментах – на свободные дефиниции (ДЕФ), на свободные ассоциации (СА), на направленные ассоциации (НА), на симиляры (СИМ) и на оппозиции (ОП). Проиллюстрируем механизм построения ассоциативно-вербальной

сети на примере ключевого слова *разлука*.

Разлука

ДЕФ повод для творчества. СИМ смерть. НА последняя приближается. ОП счастье. СА потеря, утрата.

Ассоциативное поле лексемы может быть представлено в таблице, выстраивающейся по принципу наращивания ассоциативно-вербальной цепи (термин Ю. Н. Караулова). В первом столбце располагается исходное слово-стимул, во втором – слова-реакции на него, причем результаты разных экспериментов помещаются в разных строках. Среди слов-реакций могут быть такие, которые, в свою очередь, вызывают – уже в качестве стимулов – появление других реакций. Наращивание цепи прекращается в двух случаях: если появляется слово, уже встречавшееся в ассоциативном поле, или если цепь завершается отказом. Подробно о принципе построения ассоциативных полей задействованных в эксперименте слов см.: [5].

Таблица 1

разлука	ДЕФ повод для творчества				1
	СИМ смерть	ОП жизнь	СИМ благодарность		2
			СА (смерть, время), дорога	СА пространство и время	3
			НА детей продолжается		4
		ДЕФ (конец твоего) времени	СИМ память	СА невозвратность, время, боль	5
			ДЕФ убывающая жизнь		6
			СА (память), детство, (смерть)	СИМ гнездо	7
		СА (конец, уход), прощание	СИМ безрадостность	СА привычка	8
			ОП праздник	СА Новый год, внуки	9
			ДЕФ печаль	СА стихи, песня, разлука	10
	ОП счастье	СИМ милость	ОП страдание	СА безучастность, потеря, молчание	11
			СА талант, дар		12
		ДЕФ внуки			13
	СА потеря, утрата				14
1	2	3	4	5	

На наш взгляд, при анализе ассоциативного поля целесообразно учитывать следующие параметры: 1) замыкается или не замыкается поле на исходное слово-стимул; 2) количество шагов и ступеней в таблице; 3) количество слов, использованных в качестве «переключателей» (слов, дающих продолжение цепи) и «замыкателей» (слов, на которых цепь замыкается); 4) доли ключевых слов среди «переключателей» и «замыкателей»; 5) количество тематических групп, к которым принадлежат «переключатели» и «замыкатели».

Перспективами проводимого нами исследования являются: семантическое описание всех задействованных в эксперименте 50-ти ключевых слов и сопоставление их значений с контекстуальными; по-

строение на базе экспериментальных данных ассоциативно-вербальной сети, т.е. попытка реконструирования индивидуального лексикона испытуемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Универсалии русской литературы : сборник статей. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2011. – 441 с.
2. Грачёва Ж. В. Другие берега» набоковской потусторонности: «ужас» и «благодать»/ Грачева Ж. В. // Универсалии русской литературы. 5 / Воронежский государственный университет. – Воронеж : ООО ИПЦ «Научная книга», 2013. – С. 362–372.
3. Фаустов А. А. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод I. / А. Фаустов, М. Я. Розен-

фельд // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 31. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга»; Воронежский государственный университет, 2012–2013. – С. 287–309.

4. Фаустов А. А. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод 2. Маркеры в индивидуальном лексиконе Г. М. Умывакиной: общий обзор / А. Фаустов, М. Я. Розенфельд // Вестник Воронежского государствен-

ного университета – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 95–100.

5. Фаустов А. А. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод 2.2. Поведение маркера в индивидуальном лексиконе Г. М. Умывакиной / А. А. Фаустов, М. Я. Розенфельд // Универсалии русской литературы. 5 / Воронежский государственный университет. – Воронеж : ООО ИПЦ «Научная книга», 2013. – С. 577–591.

Воронежский государственный университет

*Розенфельд М. Я., старший преподаватель кафедры
общего языкознания и стилистики филологического фа-
культета*

E-mail: maryanka.08@mail.ru

Voronezh State University

*Rozenfeld M. Ya., Senior Teacher of the General Linguistics
and Stylistics Department*

E-mail: maryanka.08@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СЛОМЕ ТРЕХ ЭПОХ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

С. В. Русанова

Новосибирский государственный технический университет

Поступила в редакцию 16 июля 2014 г.

Аннотация: в результате сопоставительного исследования процессов функционирования русского языка в переломные периоды его развития выявляются некоторые общие и отличительные черты, характеризующие русский дискурс в данное время.

Ключевые слова: история русского языка; языковая ситуация; дискурс.

Abstract: some common and distinctive features which can define Russian discourse of that time are found out to exist as a result of comparative study of the Russian language functioning of watershed period of its development.

Key words: the Russian language history; language situation; discourse.

Любой живой язык находится в постоянном развитии, причем в разные периоды его существования темпы этого развития отличаются. Тесная связь изменений в языке с социально-экономическими и культурно-историческими условиями его существования позволяет ученым выделить три вида языкового развития: слабое (в период стабильного социально-экономического развития общества), интенсивное (в период крупных социально-политических и экономических перемен, интенсивного культурного развития, общественного подъема), бурное (в период смены общественно-экономических формаций) [1]. Особый интерес представляют периоды на сломе эпох, когда радикальные политические, социально-экономические и культурно-идеологические преобразования влекут за собой глубокие изменения в общественном сознании, в языке и условиях его функционирования.

Сопоставительный анализ языковых ситуаций, связанных с тремя переломными эпохами в истории российского общества и русского языка (первая треть XVIII в.; первая треть XIX в.; конец XX – первые десятилетия XXI в.), обнаруживает одну общую закономерность: на первый план выдвигается тот или иной дискурс, в рамках которого обостряется борьба присущих языку антиномий¹, обуславливающих его внутреннее развитие, активно осваиваются новые явления, рождаются новые жанры, меняется ситуация общения. Так, в конце XX – начале XXI в., когда началась «гигантская перестройка ... языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений» [3, 16], такой «опытной площадкой» становится публицистиче-

ский дискурс, и в частности дискурс СМИ, отражающий новую общественно-политическую, экономическую и культурную ситуацию в России. Именно здесь в первую очередь обнаруживается смена коммуникативной парадигмы общения, в частности, вытеснение монологической коммуникативной парадигмы тоталитарного общества диалогической парадигмой плюралистического общества [1].

Для дискурса СМИ характерно появление многих новых жанров и их перераспределение на шкале значимости и употребительности. Именно он питает все остальные сферы общения. В. Г. Костомаров называет журналистов одними из основных инициаторов более свободного обращения с языком, именно здесь ярко проявляется «карнавальное пренебрежение» нормой, мода употреблять варианты колеблющихся форм [4, 11]. Через язык СМИ в языковой обиход носителей литературного языка проникают иноязычные слова, активизация употребления которых является одним из социально значимых процессов современной русской речи. Именно здесь, начиная с конца XX в., обнаруживается актуализация одних лексических ресурсов и деактуализация других [5, 67–88]; стремление к анализу в морфологии и, шире, в грамматике, самом глубинном языковом ярусе, отличающемся выдающейся непроницаемостью для внешних воздействий [5, 326–344; 237–304]. В газетные тексты свободно включаются просторечные и жаргонные элементы, которые становятся привычным средством публичного общения, что обуславливает полистилизм языка СМИ, контаминацию всех приемов и способов употребления [6, 568–569]. Преобразование претерпевают и интертекстуальные связи, актуализирующиеся в языке СМИ: при общей тенденции к открытости текста, его включенности

¹ О языковых антиномиях: [2, 24].

в социально-культурный опыт человечества массовые издания обычно пользуются доступными прецедентами, «отсылающими» читателя к общеизвестным образам, «к клише массовой культуры» [6, 569]. Интертекстуальный фонд, представленный в СМИ, с его установками на редукцию культурной памяти и сосредоточению вокруг параметров «здесь» и «сейчас» вытесняет из сферы воздействия на социум художественный дискурс. На наших глазах он утрачивает «свое бесценное значение интертекстуального донора» [7, 138].

Похожей по степени активизации языковых процессов и их обусловленности изменениями в разных сферах жизнедеятельности общества была языковая ситуация в конце XVII – первой трети XVIII в., связанная с революционными преобразованиями Петра I, необходимым атрибутом которых стало создание нового культурно-языкового пространства.

Дискурсом, стремительно приобретающим новый вид в период правления Петра I, становится прежде всего дискурс административно-государственного управления и делопроизводства, уходящий корнями в приказную традицию и стремящийся ее преодолеть. Именно здесь в первую очередь проявляется стремление выработать новые средства выражения, новые жанры, новый речевой этикет. В деловом дискурсе происходит закрепление и адаптация огромного количества лексических заимствований, активно вторгавшихся в этот период в русский язык. Словарное единообразие языка документов нарушается широким использованием славянизмов, причем в несвойственных им до сих пор жанрово-стилистических и этикетных функциях. Так, например, в роли актуализаторов предписания выступают союзы *дабы*, *егда*, *понеже* и др.

В связи с расширением территории функционирования деловой язык демонстрирует в рамках одного стиля перспективы взаимодействия элементов не только приказной традиции и книжного языка, но и разговорной речи в ее региональном и диалектном многообразии, в результате чего происходит функционально-семантическое переосмысление гетерогенных средств и создание нового языкового пространства текста.

Благодаря активным преобразованиям, происходящим в деловом дискурсе, именно он становится одним из основных доноров, питающих все остальные разновидности русского дискурса. Причем влияние «подъячего» языка, ставшее особенно сильным в литературном обиходе начиная с Петровской эпохи, оценивалось филологической общественностью того времени негативно, как нарушающее нормы литературного языка. Так, А. П. Сумароков в Эпистоле о русском языке 1748 г. приписывает подъячему языку не особые подъяческие выражения, а общее пристрастие к «неправильному» языку [8, 302–304].

В ряду переломных эпох особое место занимает период конца XVIII в. – первых десятилетий XIX века, выдвинувший на первый план художественный дискурс, в котором наиболее ярко отразились актуальные когнитивные, языковые и коммуникативные процессы. Именно здесь реализуется огромный семантико-стилистический и социально-культурологический потенциал наличного гетерогенного языкового материала, унаследованного из русского дискурса предшествующего столетия, и заканчивается формирование синтетического русского литературного языка и принципов стилистического выбора. Г. О. Винокур пишет: «на конечном пути движения русского языка к общенациональной норме решающая роль выпала на долю русской художественной речи» [9, 99].

Писатели выступают инициаторами нового обращения с языком: с одной стороны, более свободного, с другой – направленного на стабилизацию употребления разнородных языковых средств. За предельно короткий срок развиваются и сменяют друг друга такие литературные направления, как сентиментализм, романтизм и реализм, появляются новые поэтические и прозаические жанры. Проблемы развития русского языка становятся объектом писательских споров, полемик [10].

Начало этому процессу, как известно, положил Н. М. Карамзин с его «новым» слогом и установкой на речь «хорошего общества». Карамзинисты вводят моду на «и д е а л ь н у ю разговорную речь, апробированную критерием вкуса» [11, 152]. В произведениях Н. М. Карамзина и его последователей находят отражение новые явления в лексическом составе и синтаксическом строе языка: неологизмы, заимствования и кальки, расширение семантической структуры слов, новые приемы словоупотребления, перестройка порядка слов русского предложения по модели французского языка. Особого внимания заслуживают славянизмы, которым «была сообщена экспрессия «сладостности», нежности, пластичности и музыкальности» [9, 337]. Все эти преобразования вызвали неприятие и острую критику защитников традиционной культуры художественного слова с присущей ей стилистической дифференцированностью.

В первые десятилетия XIX в. в условиях роста идей о национальной самобытности русского литературного языка, дискурс художественной литературы обогащается народно-разговорными словами и выражениями, пословицами и поговорками, междометиями и частицами. Все это расширяет и углубляет концептуальное пространство художественного дискурса.

Обобщение всего накопленного языкового опыта связано с литературно-языковой практикой А. С. Пушкина, его соратников и последователей. Причем, как отмечают исследователи, у стихотворного и проза-

ического языка были свое место и своя роль в процессе освоения и распространения новой речевой культуры. Если преобразование стихотворного языка связано с преодолением поэтической традиции, созданной в XVIII в., то «стилистические нормы, отражавшиеся в прозаическом языке XVIII века, никогда не были для Пушкина живым фактом языковой культуры». Поэтому к преобразованию прозаического языка Пушкин приступает только после того, как приобрел богатый и длительный опыт «в области разрушения старых и создания новых стилистических норм» [12, 232–233]. Следует отметить, что «простонародность» стихотворного языка Пушкина также первоначально благоприятно воспринималась не всей читающей публикой. Его обвиняли в пристрастии к «мужицкой рифме», к соединению высоких славянских слов с простонародными. Очевидно одно, что выработанный Пушкиным сначала интуитивно, а затем и сознательно новый принцип употребления языка – принцип художественности – означал «освобождение литературного языка от связи с той или иной идеологией, чем «болел» русский литературный язык на протяжении второй половины XVIII – начала XIX века, и в то же время он становился способным быть орудием выражения любой идеологии, любого идейного, научного, философского и политического содержания» [13, 579].

Сопоставительное изучение процесса функционирования русского языка в переломные периоды его развития представляется перспективным, т. к. позволяет обратить внимание на ряд особенностей: 1) из-за быстрых темпов развития языка на сломе эпох новые явления, обнаруживающиеся в речи, обычно воспринимаются как нарушение нормы; 2) в переломные периоды развития языка, прежде всего в силу экстралингвистических причин, выдвигается определенный тип дискурса, в рамках которого активно осваиваются новые явления, что обуславливает в дальнейшем активизацию у него функции донора, питающего другие дискурсы; 3) воздействие такого дискурса на социум, на формирование общественного и языкового сознания обусловлено заложенным в нем концептуальным и коммуникативным потенциалом.

Новосибирский государственный технический университет

Русанова С. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии

E-mail: rusanowa_7@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Современное состояние русского языка. Избранные статьи. – Режим доступа: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/112-sovremennoe-sostoyanie-russkogo-yazyka-izbrannye-stat-1998-2004>
2. РЯСО – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. 185 с.
3. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – 2-е изд., стер. – М. : Знак, 2009. – 232 с.
4. Кронгауз М. Языковой вкус эпохи / М. Кронгауз. – М., 1994. – 247 с.
5. Русский язык XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
6. Дроздов Р. К. К вопросу об основных тенденциях развития языка СМИ / Р. К. Дроздов // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак-т МГУ, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 568–569.
7. Ревзина О. Г. Русский дискурс в XXI веке: структура и структуризация / Р. К. Дроздов // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак-т МГУ, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – С. 137–138.
8. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – М., 1996. – 591 с.
9. Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 492 с.
10. Лотман Ю. М. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. История и типология русской культуры. – СПб. : Искусство, 2002. – С. 446–600.
11. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б. А. Успенский – М. : Гнозис, 1994. – 240 с.
12. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.
13. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века / А. М. Камчатнов. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 688 с.

*Novosibirsk State Technical University
Rusanova S. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language and Literature Department
E-mail: rusanowa_7@mail.ru*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОДКЛАССА КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

О. С. Савельева

Челябинский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 23 мая 2014 г.

Аннотация: категорию предметности мы рассматриваем как главную категорию существительных современного русского языка вместо грамматической категории рода. В семантической структуре категории предметности первым мы считаем деление на два больших семантических объединения, подкласса: конкретные существительные и отвлеченные существительные. Подкласс конкретных существительных, как основа и источник классного категориального значения предметности, по нашему мнению, отличается: сложнейшей семантической структурой (субкатегории, разряды, подразряды, группы и т. п.), богатым количественным составом. E-mail:

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматическое значение, существительное, предметность, семантическая структура.

Abstract: category objectness we consider as the main category of nouns of the modern Russian language. In the semantic structure of the category objectness we believe the division into two large semantic association subclasses: concrete nouns and abstract nouns. Subclass concreteness, as the basis and source of the categorial meaning of objectness, in our opinion, is characterized: a complex semantic structure (subcategories level, subclass, group, etc.), quantitative composition of rich, high degree of stability.

Key words: a grammatical category, a grammatical meaning, a noun, a category objectness, semantic structure.

В статье мы опишем выявленную нами структуру значения подкласса конкретных существительных, что требует вводных замечаний. В первую очередь необходимо пояснить, что значение предметности имен существительных русского языка оформляется, по нашему мнению, такой системой грамматических категорий: классифицирующая категория предметности (качества, качественной определенности), словоизменительные категории числа (количества) и падежа (отношения); категорию предметности мы называем первой (вместо категории рода), так как она оформляет главное в категориальном значении предметности – его качественную сторону [1–5].

Следующее замечание заключается в том, что структурность – одно из облигаторных свойств категории предметности; анализ оригинальной картотеки существительных русского и некоторых славянских языков выявил: категория предметности имеет очень сложную семантическую структуру.

И последнее – в сложной семантической структуре категории предметности первым, **основным** мы считаем деление на два подкласса: конкретность и отвлеченность.

Представляя семантическую структуру грамматической категории предметности, в основе которой

«конкретность/отвлеченность значения», мы учитываем: а) соотношение лингвистического значения предмета с философской категорией качественной определенности; предметность в языкознании выражает качество предмета и отдельность вещи; б) деление в философии всех предметов на материальные, существующие независимо от нашего сознания или созданные нашими руками, реальные и идеальные, являющиеся результатом обобщающей работы мысли; в) известное в лингвистике положение: конкретные существительные являются базой существительных, показателем класса единиц; г) выявленную нами сложнейшую структуру подкласса конкретных существительных.

На основе изучения структуры значения базового для категории предметности подкласса конкретности мы раскрываем, во-первых, сложность понятия «предметность» и, во-вторых, неспособность грамматического рода оформлять значение предметности.

Подкласс конкретности представляет собой совокупность сложных **субкатегорий**: конкретно-предметные существительные, вещественные, собирательные, единичные.

Основную часть подкласса конкретности составляет субкатегория существительных, для которых нет общепринятого термина: *собственно конкретные, конкретно-предметные, собственно предмет-*

ные, предметные и т. п.; мы останавливаемся на термине «конкретно-предметные существительные». Такие существительные являются базой подкласса конкретности, т. к. представляют весь материальный предметный мир, а также являются основой категориального значения предметности.

Субкатегория конкретно-предметных существительных не монолитна и имеет свою сложную структуру: множество семантических объединений, групп, подгрупп. Субкатегория охватывает разряды, количество которых может варьироваться от целей классификации и т. п. Мы выделяем самые большие, на наш взгляд, разряды: обозначения человека; обозначения животных; обозначения окружающих человека предметов. Повторим, что деление этой субкатегории может быть чрезвычайно сложным, мы останавливаемся на названных выше разрядах и на описании малой части подразрядов и групп существительных из нашей картотеки, поскольку своей целью считаем показать сложность структуры субкатегории и, соответственно, усложнение категориального значения предметности.

К разряду 2 – обозначения окружающих человека предметов – мы относим подразряды: обозначения созданных руками человека предметов; обозначения предметов, существующих независимо (от человека). Подразряд существительных, обозначающих предметы, созданные руками человека, имеет очень сложную структуру: мы выделили 69 групп, в их числе такие, например: обозначения одежды, обозначения мебели, обозначения посуды, обозначения, связанные с транспортом, обозначения приборов и устройств, обозначения орудий труда и инструментов, обозначения сооружений, обозначения документов и т. п. Группы состоят, в свою очередь, из подгрупп. Так, группа «обозначения одежды» состоит из подгрупп, например: существительные, обозначающие предметы одежды; предметы обуви; украшения и т. п.

Подразряд обозначений предметов, существующих независимо, охватывает 20 групп: обозначения земной поверхности, небесных тел, возвышенностей, атмосферных осадков, растений, грибов и др. Группы этого подразряда также состоят из подгрупп и т. п. Так, существительные, объединенные значением «обозначения растений», делятся на подгруппы: «травянистые растения», «деревья и кустарники», «лианы» и т. п.

К разряду 1 мы относим обозначения человека. Это объединение является сложнейшим в субкатегории конкретно-предметных существительных, оно включает, по данным нашей картотеки, 86 групп: обозначения человека определенного возраста, обозначения человека по отношению к супружеству, обозначения по профессии, роду деятельности, должности, обозначения по образу жизни, обозначения по социальному положению, обозначения по

имущественному положению и т. п. В качественное своеобразие групповых значений личных существительных заложены, таким образом, разные признаки, например: мировоззрение; групповое значение «человек по взглядам, проявляющимся в поведении, образе жизни»: *аскет, гуманист, коллективист, мечтатель, мещанин, романтик*; эмоции; групповое значение «человек по эмоциональному состоянию»: *весельчак, гордец, добряк, мизантроп, храбрец, человеколюбец* и т. п.; внешность; групповое значение «человек по особенностям внешнего вида, одежды»: *неряха, щеголь, пугало, франт, модник* и т. п. Эти группы также состоят из подгрупп.

В результате мы выявили, что такой признак, как «биологический пол», для большинства личных существительных не является в совокупности обязательных свойств главным. Среди признаков в значениях личных существительных, безусловно, встречается указание на биологический пол. Мы установили, что содержат этот признак несколько групп существительных, обозначающих, например: а) человека определенного возраста; б) людей, связанных наличием общих предков; в) людей по отношению к супружеству. Главным свойством пол человека является, на наш взгляд, только в группе в.

В структуре значения категории предметности (качества) связь категориального значения и его структурных частей (подклассов, разрядов и т. п.) проявляется как отношение общего и частного. Общее для всех существительных значение предмета включает более частные характеристики. Такой частной характеристикой является значение пола. Этот вывод позволил нам по-новому рассмотреть идею заполнения грамматической категории значением биологического пола и идею бессодержательности рода [см. 4; 5].

Вещественные существительные основательно изучены в отечественном языкознании. К вещественным причисляют существительные, которые обозначают однородные по составу материальные предметы, вещества, т. е. однородные массы, из которых состоят тела или которыми наполняются емкости. Субкатегория вещественных по значению существительных уступает по широте субкатегории конкретно-предметных существительных, но между тем представлена разнообразно и также имеет свою структуру. Субкатегория состоит, по данным нашей картотеки, из 2 разрядов: обозначения предметов, веществ, созданных человеком; обозначения предметов, веществ, существующих независимо от человека. Разряды состоят из групп: в первом – 13 групп существительных, обозначающих: пищевые продукты и напитки; ткани; стройматериалы; сплавы; лекарства; корма, удобрения; отходы производства, хозяйственной деятельности; во втором – 10 групп: полезные ископаемые; вещества, химические соединения, элементы; плоды и ягоды и т. п.

Важно подчеркнуть, что структура субкатегории вещественных существительных аналогична структуре субкатегории конкретно-предметных существительных: субкатегориальное значение включает разряды, групповые значения, которые в свою очередь делятся на подгрупповые и т. п.

Собирательные существительные, как и вещественные, и конкретно-предметные, глубоко изучены в рамках системы лексико-грамматических разрядов существительных. Мы, следуя цели своего исследования, указываем на разнообразие таких обозначений и их структуры. Субкатегория собирательных существительных включает разряды: совокупность (множество) живых существ как коллективное единство; совокупность (множество) предметов как нечто целое. Структура субкатегории аналогична структуре названных выше субкатегорий, разряды имеют дальнейшую градацию.

Единичные существительные, как структурная часть значения подкласса конкретности, также имеет семантическое деление и представлена группами слов. Принципы выделения единичных существительных, а также решение терминологических вопросов разнятся в научной литературе. Мнение о том, что сингулятивы могут быть образованы от вещественных существительных, реже – от собирательных, является самым распространенным. Мы согласны с мнением А. М. Чепасовой и И. Г. Казачук: «сингулятивы выделяются только из вещественных и образуются не от всех вещественных» [6, 26] и различаем считаемые и единичные существительные, полагая, что последние могут быть образованы только от вещественных существительных. Мы выделяем сингулятивы в субкатегорию конкретности, что отражает динамичность значения конкретности в частности и категории предметности в целом.

Завершая описание семантической структуры, подчеркнем: как основа категориального значения предметности значение подкласса конкретности отличается чрезвычайной сложностью. В структуре конкретности самой сложной является субкатегория конкретно-предметных существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева О. С. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: монография / О. С. Савельева. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Ключ; Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2007. – 170 с.
2. Савельева О. С. Новые аспекты понимания категории рода существительных / О. С. Савельева // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей рус. языка. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 35–36.
3. Савельева О. С. От категории рода к категории предметности / О. С. Савельева // Филологические науки. – 2011. – № 3.
4. Савельева О. С. Признак «биологический пол» в семантической структуре личных существительных / О. С. Савельева // Материалы за 8-а международна научна практична конференция, «Новини на научния прогрес». Том 6. Филологични науки. Психология и социология. – София : «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2012. – С. 10–12.
5. Савельева О. С. Соотношение категории рода и категории предметности // Категории, связи, свойства и функции номинативных единиц в языке и речи: сб. науч. ст. – Челябинск : ЦИЦЕРО, 2012. – С. 144–150.
6. Чепасова А. М. Существительные в современном русском языке: учеб.-практ. пособ. для студентов филол. спец. / А. М. Чепасова, И. Г. Казачук. – Челябинск : изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2005.

Челябинский государственный педагогический университет

Савельева О. С., докторант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка

E-mail: savelyevacspu@ya.ru

Chelyabinsk State Pedagogical University
Savelyeva O. S., Doctoral Candidate of the Russian and
Technique of Teaching Russian Department
E-mail: savelyevacspu@ya.ru

ЗНАЧЕНИЕ И СХОДНЫЕ ТЕРМИНЫ

И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 декабря 2014 г.

Аннотация: в статье анализируется термин «значение» и его соотношение со сходными терминами.

Ключевые слова: значение, употребление, оттенок значения.

Abstract: The term meaning and its parity with similar terms is analyzed.

Key words: meaning, use, meaning shade.

Кроме лексических значений, приводимых в традиционных толковых словарях в дефинициях под арабскими цифрами, после соответствующих дефиниций мы часто находим в таких словарях многочисленные варианты – некоторые «оттенки значения», «оттенки в значении», «смысловые оттенки», «расширенное применение значения», «необязательные применения слова», «употребления», «переносные употребления», «осложненные значения», «смысловое варьирование в пределах значения» (обозначаемое знаком ||), «смысловые сдвиги в значении слова» (обозначаемое знаком |), «символические употребления», «образные употребления», «метонимические сдвиги», «расширительные употребления» и под. Все эти понятия используются с различными пометами применительно к описанию значений слов в словарях, причем без какой-либо системы.

Например, в словаре С. И. Ожегова:

«Случаи расширения употребления слова в сравнениях, в индивидуальном, метафорическом применении, обычном, но не обязательном для данного слова, смысловые оттенки не учитываются при классификации значений, а показываются в иллюстративных примерах с соответствующими пояснениями или пометой «переносное» в скобках. Отдельные значения в многозначных словах разделяются арабскими цифрами, а оттенки в значении, если они имеются, отделяются точкой с запятой (;)» (Словарь русского языка С. И. Ожегова, 1983, с. 12);

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

«Случаи расширения употребления слова в сравнениях, в метафорическом применении не учитываются при классификации значений, такие смысловые оттенки показываются в иллюстрированных примерах с соответствующими пояснениями или пометой «перен.» (переносное) в скобках (в необходимых случаях с кратким пояснением). Отдельные значения в многозначных словах раз-

деляются арабскими цифрами, знак точка с запятой (;) после толкования означает, что данное значение осложняется и может быть расчленено на два самостоятельных значения» (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, 2010, с. 7).);

В словаре С. А. Кузнецова:

«Основным объектом описания Словаря является лексическое значение слова. Значение слов раскрывается путем лаконичного описания его существенных признаков и смысловых связей с другими словами.

Если в статье выделяются несколько значений, то они нумеруются арабскими цифрами. О смысловом варьировании в пределах одного значения предупреждает знак ||:

АХАТЬ... 2. только 3 л. Издавать сильный, громкий звук (о колоколах, пушках и т. п.) II Раздаваться (обычно о взрывах, выстрелах и т. п.).

Знаком | отмечены смысловые сдвиги в значении слова, отличающегося широкой сферой применения и разнообразием употреблений.

а. Символические употребления:

РОГ... | только мн.: рога Символическое обозначение мужа неверной жены, роконосца. *Носить рога.*

б. Образные употребления:

АКУЛА... | Публиц. О том, кто: действует хищно и беззастенчиво. *Акулы большого бизнеса.*

ИЗМЯТЫЙ... | О человеке с такой внешностью. Приехали с поля все какие-то усталые, и-ые.

в. Метонимические сдвиги:

АВТОПОРТРЕТ... | О портретной характеристике автора в литературном произведении. *Словесный а.*

г. Распространительные употребления:

АРЕНА... | чего. О месте, где разворачиваются какие-л. события (обычно драматические). *А. военных действий.*

Словарное толкование может начинаться с энциклопедической или функционально-стилистической ремарки, уточняющей время, место, условия и т. п. бытования данного понятия (слова):

АВГУР... 1. В Древнем Риме: жрец, толковавший волю богов, предсказывающий будущее по поведению птиц (крику, полёту и т. п.).

АВРОРА... 1. В древнеримской мифологии: богини утренней зари (изображается юной крылатой девушкой, появляющейся из морской пены на колеснице; соответствует древнегреческой Эос). 2. В поэзии 19 в.: утренняя заря * *При блеске утренней Авроры (Лермонтов)*.

АГИТБРИГАДА... В СССР: небольшой самодеятельный или профессиональный коллектив, занимающийся агитационной и культурно-просветительской работой среди населения.

Лексико-семантический комментарий (он обычно завершает дефиницию) включает в себя уточнения, проясняющие сочетаемостный ряд, конкретизирующие тематический круг слов, к которым приложимо данное понятие, определяющие качественные, количественные и т. п. ограничения на значение слова и обогащающие толкование указанием на слово, противоположное по смыслу:

АФЕЛИЙ... Наиболее удалённая от Солнца точка орбиты вращающегося вокруг него небесного тела (ср. перигелий).

БЕЛЕЦ... Человек, постоянно живущий в монастыре, но не постриженный ещё в монахи (ср. чернец).

БЕСПРИНЦИПНЫЙ... Не имеющий моральных принципов, убеждений (противоп.: принципиальный).

НАРКОТИКИ... Сильнодействующие вещества, вызывающие в малых дозах эйфорию, в больших — наркотический сон (используются в медицине как болеутоляющие и снотворные средства).

НАРУЖНЫЙ... Обращённый наружу, находящийся, производимый снаружи или вне, за пределами чего-л.; внешний (противоп.: внутренний)» (Новейший большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова, 2008, с.16).

При этом во всех упомянутых, да и других толковых словарях такие понятия как «оттенки значения», «смысловые оттенки», «расширенное применение значения», «употребления», «переносные употребления», «осложненные значения», «смысловое варьирование в пределах значения», «расширительные употребления» и др. никак не поясняются, и непонятно, на каком основании они выделяются и чем они отличаются от собственно значений или их компонентов.

Последовательное применение к описанию семантики слова принципов семной семасиологии показывает, что выделяемые в толковых словарях так называемые оттенки значения, употребления и под. представляют собой ложную семантическую реальность – практически все «оттенки» укладываются в рамки существующих значений как наборов сем.

Современное описание значения слова методами семной семасиологии позволяет давать непротиворечивые дефиниции значений, дифференцируемые друг от друга по семному составу и конкретной денотативной отнесенности. При этом должен соблюдаться принцип *денотативной дифференциации* – разные денотаты отражаются разными значениями. При таком подходе число разных значений слова при лексикографическом описании слова заметно возрастает, отдельных значений (а не употреблений и оттенков значения) становится заметно больше, но это отражает семантическую реальность.

Покажем методику *денотативной дифференциации значений* на примере слова *честь* в словаре С. А. Кузнецова. Жирным шрифтом выделены денотативно дифференцируемые значения – они отражают разные денотаты и должны быть впоследствии представлены (описаны) как отдельные значения:

Честь – 1. **Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т. п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого.** *Человек чести. Родиться без чести, без совести (о человеке крайне не порядочном). Понятие чести. Долг чести (такой, от выполнения которого зависит сохранение личного достоинства). Закон чести (такой, который требует непреложного выполнения для сохранения чувства личного достоинства и порядочности). Рабочая, профессиональная, воинская, научная ч. Дело чести (о соблюдении каких-либо правил, обычаев и т. п.. нарушение которых вредит личному достоинству человека). К чести кого-л, чей-либо (к достоинству кого-либо). Выйти с честью из чего-л. (найти достойный выход из затруднительного положения). Сражаться за честь кого-либо, чего-либо. Оскорбить, уронить, запятнать чью-либо честь. С честью выполнить, сделать что-л. (очень хорошо, достойно высокой оценки). Суд чести (о разбирательстве чьей-либо вины, проступка не судебными органами, а членами какого-либо коллектива; общественный суд.) Пора (надо) и честь знать (разг. : хватит, пора заканчивать что-л.). Жить по чести, по совести (в соответствии с представлениями о чести). *Береги платье снову, а честь смолоду (Посл.).*

2. **чего или какая. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя.** Ч. семьи. Ч. фабричной марки. Ч. мундира (об официальном авторитете, репутации). / **Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах).** Бережь свою девицью ч.

3. **Почет, уважение.** Большая ч. Невелика ч. Воздать оказать кому-л. Ч.(оказать уважение). Жить в чести, в почете (пользоваться уважением). Кто умеет работать, Тому и честь! Ч. и слава героям! Ч. и хвала тебе!(о том, кто достоин похвалы) (Слишком) много чести кому-л., для кого-л. (ирон. О кто не

стоит таких усилий, внимания и т. п.) **Отдать ч. (воен.: приветствовать по-военному. Приложив руку к головному убору, воздать почести, оказать знаки уважения).** Следует воздать ему честь. Он отличный мастер! Попастъ в ч. (оказаться в милости у кого-л.). Была бы ч. предложена (выражение безразличия к чьему-л. отказу). Ч. и место (вежливое предложение сестъ). Честь имею кланяться (формула вежливости при прощании). **Делать ч. кому-л, чему-л (характеризовать с хорошей стороны).** Такой поступок делает ему честь. Хочу помочь родителям. Это делает Вам честь. **Из чести готов служить (бескорыстно, за почет и уважение).**

4. **О том, кем или чем гордятся.** Писатели – честь и слава нашей родины. *Кобылица молодая, честь кавказского тавра (Пушкин). Честью в зн. наречия. Добром, по-хорошему, без принуждения. *Просить честью.* По чести. В зн. наречия. *Честь честью; Честь по чести.* Как следует, подобает, достойно. *Сделали все честь по чести. По чести сказать.* В зн. вв. словосочетания. *Откровенно, чистосердечно. Начистоту. В честь кого, чего. В зн. предлога. В знак уважения, почтения. В память. В чести быть (находиться). В функц. сказ. Пользоваться почетом, уважением.*

(НБТСРЯ С. А. Кузнецова, 2008, с. 1478).

Денотативная дифференциация значений предполагает, что значения, отражающие разные денотаты, описываются как отдельные значения. Дефиниции денотативно дифференцируемых значений (выделенных выше жирным шрифтом) подвергаются определенной метаязыковой модификации с целью формулировании дефиниций значения. В результате смысловая структура лексемы «честь» приобретает следующий вид:

1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т. п.). *Человек чести. Родиться без чести, без совести (о человеке крайне не порядочном). Понятие чести.*

2. Собственное достоинство человека, его доброе, честное имя, незапятнанная репутация. *Долг чести (такой, от выполнения которого зависит сохранение личного достоинства). Закон чести (такой, который требует непреложного выполнения для сохранения чувства личного достоинства и порядочности).*

3. Хорошая, незапятнанная репутация, Ч. семьи. Ч. фабричной марки. Ч. мундира (об официальном авторитете, репутации).

4. Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах). *Беречь свою девичью ч.*

5. Почет, уважение. Большая ч. Невелика ч. *Воздать оказать кому-л. Ч. (оказать уважение).*

6. Воинское приветствие путем приложения руки к головному убору. *Отдать ч.)*

7. Высокая оценка. *Делать ч. кому-л, чему-л (ха-*

актеризовать с хорошей стороны). Такой поступок делает вам честь. Выйти с честью из чего-л. Сделали все честь по чести.

8. Бескорыстие, благородные побуждения. *Из чести готов служить (бескорыстно, за почет и уважение).*

9. О том, кем или чем гордятся. *Писатели – честь и слава нашей родины.*

Примеры из различных значений (а также из различных словарей, если производится обобщение словарных дефиниций), выписываются отдельно и на последнем этапе денотативной дифференциации значения предпринимается попытка распределить все примеры по выделенным значениям:

Человек чести.

Родиться без чести, без совести (о человеке крайне не порядочном).

Понятие чести.

Долг чести (такой, от выполнения которого зависит сохранение личного достоинства).

Закон чести (такой, который требует непреложного выполнения для сохранения чувства личного достоинства и порядочности).

Рабочая, профессиональная, воинская, научная ч.

Дело чести (о соблюдении каких-либо правил, обычаев и т. п.. нарушение которых вредит личному достоинству человека).

К чести кого-л, чей-либо (к достоинству кого-либо).

Выйти с честью из чего-л. (найти достойный выход из затруднительного положения).

Сражаться за честь кого-либо, чего-либо.

Оскорбить, уронить, запятнать чью-либо честь.

С честью выполнить, сделать что-л. (очень хорошо, достойно высокой оценки).

Суд чести (о разбирательстве чьей-либо вины, проступка не судебными органами, а членами какого-либо коллектива; общественный суд.)

Пора (надо) и честь знать (разг. : хватит, пора заканчивать что-л.).

Жить по чести, по совести (в соответствии с представлениями о чести).

Ч. семьи. Ч. фабричной марки. Ч. мундира (об официальном авторитете, репутации).

Беречь свою девичью ч.

Большая ч.

Невелика ч.

Воздать оказать кому-л. Ч. (оказать уважение).

Жить в чести, в почете (пользоваться уважением).

Кто умеет работать, тому и честь!

Честь и слава героям!

Честь и хвала тебе! (о том, кто достоин похвалы)

(Слишком) много чести кому-л., для кого-л. (ирон. О том не стоит таких усилий, внимания и т.п.)

Отдать ч. (воен.: приветствовать по-военному, приложив руку к головному убору; воздать почести, оказать знаки уважения).

Следует воздать ему честь, он отличный мастер! Попасть в честь. (оказаться в милости у кого-л.). Была бы ч. предложена (выражение безразличия к чьему-л. отказу).

Ч. и место (вежливое предложение сесть).

Честь имею кланяться (формула вежливости при прощании)

Делать ч. кому-л, чему-л (характеризовать с хорошей стороны). Такой поступок делает ему честь. Хочу помочь родителям. Это делает Вам честь.

Из чести готов служить (бескорыстно, за почет и уважение).

Писатели –честь и слава нашей родины.

**Кобылица молодая, честь кавказского тавра (Пушкин).*

Честью. в зн. наречия. Добром, по-хорошему, без принуждения. Просить честью. По чести.

В зн. наречия. Честь честью; Честь по чести. Как следует, подобает, достойно. Сделали все честь по чести.

По чести сказать. В зн. вв. словосочетания. Откровенно, чистосердечно, начистоту.

В честь кого, чего. В зн. предлога. В знак уважения, почтения, в память.

В чести быть (находиться). В функц. сказ. Пользоваться почетом, уважением.

**Береги платье снову, а честь смолоду (Посл.).*

Примеры *попасть в честь (оказаться в милости у кого-л.), быть в чести у кого-либо* показали, что в них актуализируется не выделенное ранее значение со своим денотатом – *расположение, милость кого-либо – быть в чести у кого-то. попасть в честь к кому-либо*. Это значение формулируется и добавляется к выделенным ранее – под номером 10.

К устойчивым выражениям, фразеологизмам будут отнесены: *К чести кого-л, чей-либо (к достоинству кого-либо), Пора (надо) и честь знать (разг.: хватит, пора заканчивать что-л.), По чести сказать. В зн. вв. словосочетания. Откровенно, чистосердечно, начистоту. (Слишком) много чести кому-л., для кого-л. (ирон. О том, кто не стоит таких усилий, внимания и т.п.), Ч. и место (вежливое предложение сесть), честь имею кланяться (формула вежливости при прощании) и др. В этих конструкциях слово честь не может быть семантизировано отдельно, со своим собственным значением и денотатом. Остальные примеры целиком распределяются по выделенным 10 значениям.*

Таким образом, для семной семасиологии термина «значение» вполне достаточно.

*Воронежский государственный университет
Стернин И. А., профессор кафедры общего языкознания
и стилистики филологического факультета
E-mail: sterninia@mail.ru*

*Voronezh State University
Sternin I. A., Professor of the General Linguistics and
Stylistics Department
E-mail: sterninia@mail.ru*

РЕКА ПИНЕГА И ЕЕ ПРИТОКИ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТВОРЧЕСТВА М. ПРИШВИНА

И. И. Страхов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2014 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям использования топонимов в текстах М. М. Пришвина на примере потамонимов *Пинега*, *Белая речка*, *Кода*, *Лода* и *Черная речка*.

Ключевые слова: литературная ономастика, Пришвин, топоним.

Abstract: the article is devoted to features of the use of names in the M. M. Prishvin's texts on example potamonims *Pinega*, *Belaya rechka*, *Koda*, *Loda* and *Chyornaya rechka*.

Key words: literary onomastics, Prishvin, toponym.

Ономастика творчества М. М. Пришвина практически не привлекала внимания исследователей до начала публикации дневников писателя, начавшейся в 1991 году и продолжающейся и поныне. Материалы дневников Пришвина позволили по-новому взглянуть на его творчество, однако ономастического аспекта ученые по-прежнему касались нечасто: статьи С. Н. Кубочкина, Е. М. Ница, В. В. Плеханова, Г. Ф. Ковалева только намечали путь к будущим основательным работам. Между тем, творчество Пришвина представляет особый интерес для исследователей литературной ономастики, ведь творческий метод писателя, чьи «лучшие писания основаны на описании непосредственных впечатлений» [1, 172], исключителен в русской литературе. Топонимы в ономастическом пространстве творчества Пришвина, как путешественника и очеркиста, занимают важнейшее место и подлежат глубокому анализу.

Топонимическая лексика в художественных произведениях М. М. Пришвина – это массивный пласт, включающий в себя более 1200 единиц. В пришвинских текстах представлены все классы топонимов, в том числе гидронимы и их подкласс потамонимы, или названия рек.

В мае 1935 года М. Пришвин, приглашенный журналом «Наши достижения» в числе других писателей «включить лесную тематику в план работы» [2, 736], вместе с сыном Петром отправляется на Пинегу, «чтобы увидеть лес, незнакомый с топором» [2, 719], и проделывает по местным рекам нелегкий путь, самая захватывающая часть которого лежит по реке Пинега и ее притокам. Дневник писателя наполнен названиями рек и ручьев, однако в повесть «Корабельная чаша» и рассказ «Медведь» – произведения, связанные с этими местами – попало только пять названий пинежских рек: *Белая речка*, *Кода*,

Лода, собственно *Пинега* и *Черная речка*. Однако даже эти пять гидронимов требуют ономастического комментария.

Пинега – река в Архангельской области, правый приток Северной Двины, течет параллельно ей на северо-запад в широкой долине. *Пинега* – один из центральных топонимов повести-сказки «Корабельная чаша». Он употреблен в этом тексте 40 раз. Само имя *Пинега* является звеном, которое соединяет детство Веселкина, его мечту о Корабельной чаше с взрослой жизнью, с пинежским полесником Мануйло, которого он встречает случайно в госпитале: «Веселкин часами лежал с закрытыми глазами, стараясь вспомнить то хорошее, что связывалось у него в памяти с Пинегой. И вот <...> он вспомнил рассказы Антипыча о какой-то заповедной Корабельной чаше, такой чудесной <...>. И тут ему, как молния, сверкнуло: «Эта Корабельная чаша была где-то за Пинегой»» [3: VI, 265].

Почтовый штамп со словом *Пинега* на письме от отца является и тем ориентиром, благодаря которому у Насти и Митраши появляется надежда снова его увидеть.

Белая речка и *Черная речка* – небольшие реки, которые при слиянии образуют реку Пинегу. В некоторых источниках также именуются Белой Пинежкой и Черной Пинежкой. Белая речка характеризуется как захлавленная река с медленным течением. Черную речку, по отзывам туристов и местных жителей, окружают труднопроходимые, заболоченные места. В повести-сказке «Корабельная чаша» М. Пришвин использует данные топонимы 7 и 5 раз соответственно. При первом же упоминании писатель дает объяснение именам, оживляя его ярким сравнением: «Белая речка рождается в глухом болоте, где растет мелкая хилая сосна. Такая местность с мелкой сосной по болоту называется *светлой радой*. Белая речка вытекает из светлой рады. Черная

речка берется в *темной раде*, где по болоту растет корявая елка, похожая на какую-то злющую чертову тещу на метле, хотя и бывает – на добрую бабушку с подарками» [3: VI, 362]. Черновой вариант описания есть в дневнике 1935 года: «Река Пинега от Керги идет сверху из-за ста верст и туда приходит двумя реками: Белая река и Черная река, с Белой реки лес уже сплавлен, а Черная река рождается в темной раде (болотный ельник = темная рада; светлая рада: сосна по болоту). Там, в темной раде, есть родник, из него и начинается Черная река». [2, 670] Далее топонимы встречаются в поэтическом рассказе Мануйло о легендарной Корабельной чаше:

«Речка Черная и речка Белая – две сестры,

Черная речка скорее сбегает в Пинегу...» и т. д. [3: VI, 391].

Кода – река в Архангельской области, правый приток реки Илеша, которая, в свою очередь, является притоком Пинеги. *Кода* упомянута в двух произведениях: детском рассказе «Медведь» и романе-сказке «Корабельная чаша». В первом случае это место охоты: «Однажды на Севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу» [3: IV, 410]. В «Корабельной чаше» же слова «Нет краше на свете места, где *Кода* и *Лода*, а между ними село Журавли» повторяются несколько раз при первом знакомстве Веселкина с Мануйло в госпитале. В общей сложности топоним употреблен Пришвиным 17 раз.

Потамоним *Лода* появляется в рассказе Мануйло о родных местах вместе с именем *Кода*: «...в Пинегу бегут наши две речки – две сестры – *Кода* и *Лода*» [3: VI, 257], однако ни на картах, ни в подробном дневниковом описании Пришвиным своего путешествия 1935 года по *Коду* и *Пинеге* имени *Лода* нет. Лучше всего под описание Мануйло подходит место слияния рек Малая *Кода* и Малетина (в дневнике Пришвина – Мелетина, на некоторых картах – Милетина), которые имеют схожую длину (по данным государственного водного реестра, 59 и 40 км соответственно) и могут осмысливаться как речки-«сестры». Возникает вопрос: почему столь точный в описаниях М. Пришвин вдруг меняет имя реки? Можно сделать несколько предположений. С одной стороны, перед нами может оказаться несвойственная для стиля Пришвина замена реального топонима вымышленным, обусловленная стремлением к поэтичности и ритмизации, которые возникали благодаря созвучию названий рек: *Кода* и *Лода*. С другой стороны, роман начат спустя 17 лет после путешествия Пришвина в те места; названия мелких речушек могли забыться, жанр повести-сказки же не столь

требователен к фактам, как жанр очерка. Теми же причинами можно объяснить и неточное описание системы рек пинежанином Мануйло: он пропускает реку Илешу, в которую впадает *Кода*, и утверждает, что *Кода* и *Лода* бегут прямо в Пинегу. Под селом Журавли же в таком случае понимается село *Кода* (в дневнике Пришвина – *Кода-Рассоха*). Месту, которое его персонаж Мануйло называет самым красивым местом на свете, Пришвин уделяет достаточно много внимания на страницах своего путевого дневника, что подтверждает наши догадки: «Не доезжая двух километров до *Коды-Рассохи*, мы вышли на берег и поднялись на крутую и высокую слуду. <...> Невиданное зрелище открылось, когда мы достигли верха слуды: довольно редкие сосны среднего возраста стояли на скатерти белого моха, чуть разве зеленоватого. Этот белый мох был как облака в переходящих формах, самый нежный, когда в руку возьмешь, понюхаешь, пахнет чуть-чуть грибами...» [2, 683–684]. Здесь же Пришвин задумывается об изменениях, грозящих местным рекам в связи с вырубкой лесов: «Безобразие нарастало и на *рассохи* не *Кода-Мелетина* <...>: пузырились обнаженные реки, текущие среди брошенных горами и крестами деревьев» [2, 690]. Удрученный вырубкой на Пинеге, писатель переносит Корабельную чашу Веселкина за Пинегу, вглубь Коми, туда, где он никогда не был.

Как мы видим, некоторые реальные топонимы Пришвин, несмотря на свою приверженность факту, заменяет вымышленными, более уместными в столь поэтичном художественном тексте и при этом остаётся точен географически. Писатель верен себе и даже в этом аспекте умело балансирует между фактом и вымыслом, между жизнью и сказкой.

В заключении отметим: путешествие Пришвина по Северному краю не дало ожидаемых результатов. «Лес мы увидели не лучше Лосиноостровского. Мы увидели то, что было возле нас и что мы знали хорошо» [2, 719], – отмечает он в дневнике. Журнал «Наши достижения» так и остался без заказанной Пришвину статьи. Однако без этого путешествия не мог спустя 18 лет появиться роман, который стал одним из самых поэтичных произведений писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пришвин М. М. Ранний дневник. 1905-1913 / М. М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2007. – 800 с.
2. Пришвин М. М. Дневники. 1932-1935. Книга восьмая / М. М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2009. – 1008 с.
3. Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. – М. : Худож. лит., 1982.

Воронежский государственный университет
Страхов И. И., аспирант кафедры славянской филологии, кафедра славянской филологии
E-mail: istrakhov@yandex.ru

Voronezh State University
Strakhov I. I., Post-graduate Student of the Slavic Philology Department
E-mail: istrakhov@yandex.ru

А. Н. БОРАТЫНСКИЙ: ВНУК ПОЭТА И ИСТИННЫЙ СЫН ОТЕЧЕСТВА

Е. В. Черкунова

Российский университет кооперации» (Казанский филиал)

Д. А. Пинаева

*Казанский национальный исследовательский технический университет
имени А. Н. Туполева (Зеленодольский филиал)*

Поступила в редакцию 6 октября 2014 г.

Аннотация: статья посвящена изучению жизни и деятельности выдающегося общественного деятеля, педагога, поэта и просветителя Казанской губернии А. Н. Боратынского.

Ключевые слова: А. Н. Боратынский, поэзия, семейный круг, духовность, творчество, общественная работа, Родина, идеалы, духовное наследие.

Abstract : this article is devoted to the life and activity of the prominent public figure, teacher, poet and enlightener of Kazan A. N. Boratynskiy.

Key words: A. N. Boratynskiy, poetry, family circle, spirituality, creative work, social work, Motherland, ideals, spiritual legacy.

Выходи на Божью ниву,
Тайнам мира чутко внемли,
Помогай любви разливу,
Омывающему земли!
[1, 53]

Такой призыв своей дочери Ольге (в семье звавшейся Литой) Александр Николаевич написал в Шущарах (деревня в Казанской губернии) в 1911 году. Эти слова не случайно взяты эпиграфом к статье, так как они ясно отражают те идеалы, которые с детства воспитывались в семье Боратынских: стремление к духовной правде, самопознанию и взаимопомощи. Дети, все без исключения, обожали отца, Александра Николаевича, боготворили его и ловили каждое его слово. Особенно ярко их семейный уклад смогла запечатлеть в своей книге «Канун 8-го дня» его дочь Ольга Боратынская (в замужестве Ильина). В книге множество сцен, описывающих отца не только в семейном кругу, но и за работой, и везде, где бы он ни находился, им привносилась атмосфера гармонии, порядка и любви. Детям, как пишет Ольга, он всегда пытался разъяснить, что значило богатейшее духовное наследие их семьи: «И папа объяснил, что все это значило для нас: что Дима, и я, и маленький Алек должны сознавать, что мы унаследовали «культуру», то есть то, чего лишены так многие другие дети, которые не хуже нас, а может быть и лучше. Столько для нас было сделано, что если мы будем плохо себя вести, если мы будем ленивыми, жадными и трусливыми, то за это мы будем больше ответственны, чем многие другие». «Вы отвечаете за все, что вам дано, – и он строго погрозил нам пальцем, – вы должны бу-

дете служить людям и вашей родине» [2, 17]. Особенно показателен эпизод, в котором отец объясняет детям сложные и непонятные для них слова из Священного Писания: «...и в голове у меня – крутящийся бесформенный туман, и я смотрю с растерянным восхищением на папу, который каким-то чудом может из него сделать что-то понятное» [2, 12]. И действительно, на доступных и жизненных примерах Александр Николаевич смог объяснить детям, почему Царствие Божие уподобляется горчичному зерну. Он задает им вопросы, приводит сравнения, тем самым заставляя их юные головы работать с удвоенной энергией: «Зерно горчичное – это самое маленькое зернышко, – говорит папа, – меньше ржи, меньше гречи. – Он смотрит на Диму, который начал прислушиваться. – А между тем, из этого маленького зернышка вырастает дерево... которое больше всех деревьев. (...) Но бывают зерна и другие, из которых растут города, машины, книги. Эти зерна – человеческая мысль. Человеку, например, тебе, Дима, придет такая мысль... – Почему должны двое рабочих и две лошади накачивать воду по несколько часов ежедневно, а крестьянки мучаются, ходят с ведрами в гору по два раза в день. Нельзя ли поднять воду на уровень деревни? В Диминых синих глазах зажигается интерес» [2, 12]. Вот так он постоянно поддерживал живой интерес детей к духовной сфере, к процессу мыслить и принимать решения самостоятельно, поэтому все дети могли с гордостью сказать

о своем отце те слова, которые Ольга написала в своей книге: «Папа как-то умел этого достигать тогда, когда говорил речи. Он мог столкнуть одну фразу с другой с такой силой, что кора, в которой они прятались, разлеталась на куски, и их истинное значение взлетало электрическими искрами. Или он мог прикасаться к ним с таким нежным раздумьем, что они таяли, и их внутреннее содержание текло к вам теплой водой. (...). Но главное, самое главное! Как я хотела бы уловить то, что было во всем его существе, в его лице, в его голосе, когда он говорил речь или что-нибудь рассказывал. Потому что даже когда он говорил о том, что грустно и страшно, через это грустное и страшное светилось обещание какой-то волшебной радости, которая скрывается от нас, но которая должна быть и будет нами найдена» [2, 84].

Александр Николаевич преуспел в самых разнообразных сферах деятельности: успешный и справедливый политик, либеральный земский деятель, просветитель (он способствовал развитию народного образования), поэт, художник и, безусловно, образцовый отец для своих троих детей, но и не только для них, так как он оказывал помощь многим детям из неблагополучных и бедных семей, устраивал их в школы, спонсировал их обучение.

Александр Николаевич получил блестящее образование: окончил Петербургское училище правоведения, затем работал в Чистополе, потом в Симбирске товарищем прокурора. Удовлетворения от службы он не получал и в 1898 году вышел в отставку, поселившись в Шушарах.

Спутницей жизни Александра Николаевича была Надежда Дмитриевна Шипова, богатый внутренний мир которой был близок Боратынскому. Ее портрет во весь рост находится сегодня в Казанском музее Е. Боратынского, и даже выцветшие немного краски не могут скрыть ее великолепную, ослепительную красоту. Это была поистине удивительная женщина, прекрасная не только внешне, но и внутренне. Она рано начала писать стихи, созвучные по своим темам и образам с теми, которые писал ее будущий муж:

*Счастье – близких вниманье,
Радость друзей дорогих,
Высшее счастье – страданье:
Подвиг для счастья других [3, 41].*

Очень многие ее стихотворения посвящены теме природы, которую Надежда понимала и любила всем сердцем. Петербург, в котором она выросла, был ей не мил, но образ высокомерной светской красавицы был ей чужд:

*В столице грустного веселья
В притоне вечной суеты,
Средь деловитого безделья
И холодной ложной красоты,*

*Другие сняты мне картины,
Все, все другое предо мной:*

*Поля, леса, луга, долины
И небо с ясной синевою,*

*И тишина уединенья,
И чудное сиянье дня.
Я рвусь от светского томленья,
Теперь сковавшего меня.*

*Что мне притворные забавы,
Что пересуды без числа
И гонка за минутной славой!
Мечта меня перенесла*

*На берег Волги многоводной,
Где соловьи поют в лесах,
Где чайки с резвостью свободной,
Купаясь, тонут в небесах...[4, 75]*

Кавалеры толпами вились вокруг белокурой красавицы с точеными чертами лица, но ей нужен был только он один, единственный, который бы составил с ней единое целое. Их познакомили на Масленичной неделе, насыщенной каждодневными балами, Александр Николаевич стал инициатором знакомства: «Если она также красива внутренне, как и внешне, я на ней женюсь», – так решил он. И уже в январе 1891 года его мать Ольга Александровна писала в своих мемуарах: «Саша ездил в Петербург, и там сделал предложение Наде Шиповой, прелестной, милой девушке». Надежда ответила согласием, и 15 сентября 1891 года состоялось их венчание. Они, несомненно, были счастливы друг с другом. «Он и Надя составляют одно», – записала как-то в своем дневнике мать Александра [5, л. 32].

Боратынские поселились в барском доме в деревне Шушары, и здесь же родились трое их детей, средней из которых была знаменитая писательница и поэтесса Ольга Боратынская. Надежда была всегда первой помощницей и другом во всех начинаниях мужа. Супруги устроили для немощных крестьян богадельню на восемь коек и содержали за собственные средства, а в неурожайный 1899 год открыли в Шушарах и близлежащих деревнях бесплатные столовые. Подобная практика станет постоянной в семье Боратынских. В Шушарах Надежда Дмитриевна открыла амбулаторию, где лечила крестьян, помогала Кате Боратынской (сестре мужа) лечить стариков и детей, которые потянулись к ним со всей округи. О добром отношении Боратынских к простому люду свидетельствует и то, что в 1905 году посланцы-подстрекатели из числа студентов не смогли подбить на бунт против своих помещиков ни шушарских, ни каймарских крестьян.

В ноябре 1903 года Надежда Дмитриевна Боратынская умерла от скарлатины, что стало огромной трагедией для всей семьи. В 1914 году Александр Николаевич выпустил книгу стихов супруги «Друзьям на память». На обложке книги был напечатан эпитафия:

*Ум для сердца,
Сердце для жизни.
(...) И светильник заправив перед Ликом
Христа,
Я, с началом в душе воскресенья,
Оживаю для общего жизни Креста,
За глухую стеною терпенья [6].*

Эти стихи Александр Николаевич написал в 1906 году. Он так и не смог смириться со смертью горячо любимой жены, однако продолжал бороться, верить, терпеть и достойно продолжать свой путь.

Об общественной деятельности Александра Николаевича рассказывают деловые бумаги. Он был уездным предводителем дворянства в Казанском и Царевококшайском уездах, попечителем созданной при его участии женской народной учительской семинарии, председателем училищного совета Мариинской гимназии, председателем Казанского уездного училищного совета. Он принимал самое живое участие в жизни школ: занимался вопросами обеспечения оборудованием, состояния здоровья учеников и учителей, оснащения школ книгами и всем самым необходимым. Сохранилось множество писем, документов с воспоминаниями людей, которым Александр Николаевич помогал. В этих письмах подчеркивается демократизм Боратынского, его доброжелательное отношение к людям. Благодаря школам, открытым при содействии Боратынского, смогли получить образование многие известные люди: чувашские художники М. Спиридонов и Н. Сверчков, известный казанский врач А. Сорокин, старший научный сотрудник Всесоюзного НИИ сельского хозяйства Е. Исаева и многие другие.

Александр Николаевич занимался организаторской и методической работой: устраивал постоянные учительские съезды и методические семинары, на которые съезжались учителя Казанской и Симбирской губерний, что говорило об их увлекательности и практической пользе. Александр Николаевич активно проявлял свою гражданскую позицию, защищая педагогов от нападок и несправедливости властей. Так, в 1908 году по распоряжению Казанского губернатора были уволены как неблагонадежные учителя М. Полякова, Е. Бенедиктова, Ю. Вишневская и др., которые были опытными и талантливыми педагогами. Уволенные обратились за помощью к Александру Николаевичу, и он начал переписку с губернатором, в которой настаивал на том, чтобы проверить тщательно все обстоятельства обвинений против учителей. В поиске справедливости Александру Николаевичу пришлось ехать в Петербург. В итоге учителя были восстановлены в своих должностях [5, л. 57].

Но Боратынский помогал не только учителям. В его рабочей тетради есть записи о том, что он помогал солдатам перевестись в другой полк, бедных интеллигентов устраивал на работу, детям крестьян

помогал поступить в учебные заведения. И все это были люди малознакомые.

Важным источником сведений о деятельности Боратынского являются его письма матери, которые датируются 1909–1912 годами и охватывают период пребывания его депутатом в Государственной Думе третьего созыва. Александр Николаевич предполагал провести через Думу ряд демократических законопроектов в области народного образования, деятельности земских органов власти. Но довольно скоро он понял, что проведение демократических преобразований сопряжено с рядом трудностей: на заседаниях Думы принимались реакционные или мелкие, несущественные проекты, а либеральные реформы либо проваливались в самой Думе, либо хоронились в Государственном Совете. 15 ноября 1910 года Боратынский писал матери: «Если бы не эта вера, от которой я не позволяю себе отходить, то, пожалуй, опустились бы руки» [5, л. 82].

В начале 1909 года Александр Боратынский начал готовить первую речь – «О земстве», в основу которой легли записи, сделанные еще в Казани. Боратынский считал неправомерными выборы в земские органы на основе имущественного ценза и сословных привилегий. По его мнению, в основу земского самоуправления должен быть положен «деловой признак» – люди должны заниматься «каким бы то ни было трудом». Участвовать в выборах в земские органы мог каждый человек – это «естественное право, приобретаемое самим рождением». Выборы должны быть прямыми. Все это увеличило бы «присутствие в земстве крестьян и интеллигенции». Он полагал, что правительство должно финансировать земство, чтобы обеспечить нормальную работу его учреждений [5, л. 74].

Мнение Боратынского противоречило официальной точке зрения, и поэтому его речь была воспринята неоднозначно. Он писал матери: «Многим речь понравилась... Марков и все правые все время мне мешали. Например, когда я сказал, за что были уволены учительницы, Пуришкевич орет полным голосом... Шингарев ему вторит... Я жду, пока они кончат браниться, потом продолжаю» [5, л. 75].

Отрывок из его выступления в Думе напечатала газета «Речь», но 24 февраля 1909 года он сообщает матери: «Обращаю твое внимание, что выдержка из моей речи значительно не похожа на мою полную речь. Она окрашена в кадетский цвет. Про земство я говорил совсем другое». [5, л. 79].

Постоянная грызня партий в Думе, реакционная направленность принимаемых законопроектов вызывали разочарование Боратынского, а иногда и отчаяние. «Сейчас пришел из думы, – пишет он матери. – Давно так не уставал нравственно и физически. Все последние дни политические горизонты затушались» [5, л. 80].

В то время и определилось его отношение к партиям в Думе и ее лидерам. Он отрицательно отно-

сил к кадетам, резко враждебно – к националистам и их шовинистической политике. Об этом говорит его сатирическое послание к одному из основателей черносотенного «Союза русского народа», крайне правому монархисту В. Пуришкевичу:

*Союза русского царевич,
Пустоголовый богатырь,
С башкой плешивой, как пузырь,
Нарыв народный, Пуришкевич...
Преступник заповеди пятой,
Не ты ли дерзостно еврею
Грозишь веревкою проклятой...
Беги Израиля детей,
Пред ними лик сокрой от срама.
В генеалогии своей
Среди отцов забыл ты Хама [5, л. 81].*

Во всем, что происходило в Думе, Александр Николаевич винил в первую очередь Столыпина. Вот что он писал о нем в письме матери от 18 февраля 1911 года: «Столыпин не тот дальновидный деятель, который мог бы рассуждать государственно. Его суровость есть не только суровость решения, но и настроения, его понимание правления сводится к режиму силы и власти, он не понимает, что нет власти, которую не одолела бы жизнь, если эта власть идет против законов жизни...» [5, л. 96].

Все проекты, в подготовке которых принимал участие Александр Николаевич, были отвергнуты. Но был еще один важный проект, в котором нашли выражение его взгляды на среднее образование. Основные положения этой реформы изложены им в письме матери от 21 марта 1911 года. Сначала он писал: «Средняя школа разложилась...», а далее следовал анализ принятых законов, которые почти ничего не изменили в системе среднего образования. И наконец, излагались основные положения законопроекта, который предусматривал исключение из программы гимназии древних языков (латинского и греческого) и мироведения («это обо всем и ни о чем»). При этом Боратынский предлагал ввести следующие предметы как обязательные: русскую историю, географию, естествознание, русское законодательство, полный курс русского языка и отечественной литературы («история литературы обрывается на Пушкине, а над современностью опускается занавес»). Он считал необходимым предоставить широкий доступ в гимназии женщинам, причем без классовых ограничений. Особое внимание он также обращал на преодоление замкнутости гимназий, на приближение их к обществу [5, л. 103].

Проект был без поправок принят комиссией по среднему образованию, однако новый министр народного просвещения Л. Кассо сказал Александру Николаевичу: «Мы с этим законопроектом согласиться не можем, и главная причина в том, что вы там нападаете на латинский язык». По мнению Министра, если изъять древние языки, то «нечего

будет изучать». Так передает этот разговор Боратынский в письме матери от 6 мая 1911 года: «Я смотрел на греческую образину, сидящую передо мной, и подумал: вот она, русская действительность...». «Что вы говорите, Лев Аристидович, – отвечал ему Александр Николаевич, – как что остается – русский язык, русская словесность, русская история, география России – все то, чего, благодаря недостаточно русскому отношению к школе, мы были лишены... Образина смутилась...» [5, л. 108].

Не устраивали Кассо и другие положения законопроекта, и как выяснилось в беседе, министр совершенно был некомпетентен в вопросах образования, боялся преобразований. Он ограничился лишь незначительными изменениями, «а этот законопроект уж слишком реформа», – так он сказал Боратынскому. Вскоре Александр Николаевич сообщает матери: «Средняя школа для третьей Думы ушла безвозвратно» [5, л. 111].

В 1911 году усилились его разногласия с фракцией октябристов и ее лидером. По многим вопросам фракция принимала сторону Столыпина, а Боратынский считал «роковой ошибкой фракции сотрудничество с националистами», так как это приводило к потере доверия общества к октябристам. Окончательный разрыв с фракцией произошел в 1912 году. Октябристы вместе с правыми проголосовали за предоставление правительству полумиллиардного кредита для выполнения военно-морской программы. Боратынский писал по этому поводу: «Все мое внутреннее отношение к этому отрицательное...». Далее он указывает причины: во-первых, «не произведены жизненно-необходимые преобразования в военном и морском министерстве»; во-вторых, «выхватить из страны по 100 миллиардов в год – это весьма трудно и ответственно по отношению к народу»; в-третьих, «Государственная дума четвертого созыва не будет уже иметь возможности приостановить ассигнование даже в том случае, если эти деньги будут расходоваться неправильно». В своем мнении он остался непреклонен. 2 июня 1912 года он писал о том, как его ругают газеты («Вечернее время», «Биржевая речь» и другие) за его отказ голосовать вместе с правыми за предоставление кредита военным [5, л. 114, 115].

Необходимо отметить, что, находясь в Петербурге, Александр Николаевич постоянно хлопотал о своих земляках, не отказывал им в просьбах, выполнял различные поручения.

Характеристика А. Н. Боратынского будет неполной, если не изучить другую сторону его жизни, в которой он проявил себя талантливым творческим человеком. В Казанском музее находятся два сборника его стихотворений – рукописный «Маме» и печатный «Друзьям на память» (Казань, 1914 г.). Темы его стихотворений различны, но их объединяет философская рефлексия, глубина, особая лиричность. Весьма интересен, на наш взгляд, образ Кай-

марского дома, который он создает в одноименном стихотворении от 1893 года. Дом как будто говорит от первого лица, вспоминает былые радостные дни и сетует на свое плачевное состояние в настоящем:

*...И стонут трескаяся своды.
Я весь дрожу полуживой,
В часы грозы иль непогоды
Меня тревожит ветра вой...
...И Энгельгардт придет, слезою
Почтить кончину старика.
И тризну праздную, с грозой
Слетятся духи свысока [1, 53].*

Стихотворение «Осень» (1890) написано Боратынским в лучших традициях русской лирики о природе. Здесь слышатся отголоски поэзии А. С. Пушкина, И. А. Бунина, А. А. Фета. В нем так умело подобраны краски, образы и звуки, что, читая это стихотворение, начинаешь ощущать эту легкую осеннюю свежесть, прохладу, прозрачность, а вместе с ними и настроение грусти и меланхолии, охватывающее человека в период пышного увядания:

*Настала осень. Вся дорога
Покрыта золотом листа,
А даль прозрачна и чиста.
Свежо, но ясно. Света много,
И красный к желтому прилип
Упавший лист в росе прохладной.
Блестит в лесу убор нарядный
Осины алой между лип.
Листва летит в узорной чаще,
Ложась на землю пеленой,
И пахнет бор глухошумящий
Листом увядшим и сосной [1, 54].*

Среди стихотворений есть те, что пронизаны чувством горечи и тоски, например «Как прежде я любил...» (1894). В нем Александр Николаевич сравнивает себя с плужным конем, с чернорабочим, которому волею судьбы выпала нелегкая участь тяжелой работы, а душа стремится ввысь, хочет петь, жаждет романтики, но на нее нет времени, ведь «на завтра снова труд»:

*Как прежде я любил
Чарующие ночи,
Дыхание цветов
И яркий блеск луны,
Я прежде был поэт,
Теперь чернорабочий,
Теперь мне нужен сон,
А не былые сны.
(...)
Так тощий плужный конь,
Из плуга отпряженный,
На бархатном лугу
Не вьется на дыбы,
Но гривую тряхнув,
Ложится, утомленный,
И к плугу вновь идет,
Сдаваясь без борьбы [1, 54].*

Здесь явно слышатся темы и мотивы многих стихотворений его деда, знаменитого поэта Евгения Боратынского, который тоже писал о разладе между миром поэзии и «светом просвещения». Особенно отчетливо эта тема звучит в стихотворении Е. Боратынского «Последний поэт» (1835), в котором поэт трагически переживает наступление «мировой ночи»:

*Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы [7, 179].*

Вот так через поколения передалась эта тоска по ускользающей из мира романтике и красоте, чувство горечи от того, что человек все более «материализуется», отдаляясь от духовных основ.

Помимо стихотворений в рабочих тетрадях Александра Николаевича встречаются многочисленные сатирические наброски, карикатуры. Он отлично рисовал (в музее сохранились его рисунки) и очень увлекался музыкой: играл на многих музыкальных инструментах, обучал других и сам выступал в роли композитора.

Так, в 1899 году Боратынские организовали Пушкинский праздник в Шушарах для крестьян соседних деревень, о чем подробно рассказала дочь Ольга в воспоминаниях «Из гнезда». Александр Николаевич вместе с сестрой Екатериной проводил репетиции с большим хором, который состоял из крестьян Шушар и Каймар, и сам написал музыку для хорового исполнения на слова Пушкина «Мчатся тучи, вьются тучи...» и «Ветер по морю гуляет». Он подготовил и сольные номера: две крестьянские девушки спели арии из оперы «Русалка», а местный крестьянин – песню «Соловей мой, соловей, птаха милая» (музыка А. Боратынского).

У Боратынских был свой любительский театр, актерами в котором выступали сами хозяева, их родственники Геркены и крестьяне. И во всех программах театральных вечеров среди исполнителей главных ролей значился Александр Николаевич [8].

После установления Советской власти в Казани Александр Николаевич вместе с другими дворянами был арестован. О последних днях его жизни подробно рассказала в своем дневнике его сестра Ксения. Зная, какая участь его ждет, Боратынский не уехал из Казани вместе с 60 тысячами человек, покинувших город перед приходом большевиков в конце августа 1918 года, и ни разу не пошел на компромисс со своей честью и совестью. Перед самым арестом он собрал родных и домочадцев и сказал: «Прошу вас, не жалеете, что я остаюсь. Если участь моя решена, передайте детям, что после смерти их матери я все время жил мыслью о встрече с ней...» [5, л. 128].

Александр Николаевич Боратынский был расстрелян 6 сентября 1918 года без всяких обвинений и постановлений по приказу (переданному по телефону) председателя Казанского ГубЧК Мартина Лациса, считавшего, по его собственным словам, что «чем выше моральный уровень людей во вражеском лагере, тем более необходимо их скорее ликвидировать» [9, 5].

Когда родные, получив ордер на захоронение, откопали тело Александра Николаевича, одна рука его была сложена в троеперстие, а другая держала его любимую фотографию Нади, где она была вместе с крохотным Алеком, их младшим сыном. На эту фотографию, по словам одного солдата-очевидца, он и смотрел, когда его расстреливали... Похоронили Александра Николаевича на Арском кладбище в Казани. За могилой постоянно ухаживали земские учителя и все те люди, которым Александр Николаевич всегда помогал [9, с. 5].

Судьба детей Александра Боратынского сложилась непросто. В 19 лет погиб в военных действиях его сын Алек. Дмитрий был «прощен» Советской властью и после долгих скитаний обосновался в Москве, работал фотографом в одном из институтов. Но в 1932 году, когда в стране снова возобновилась «охота на ведьм», был арестован и через несколько месяцев вместе с двумя своими друзьями расстрелян. В живых из его семьи осталась только дочь Ольга. В 1918 году она с ребенком на руках оказалась в Сибири, затем вернулась в Казань, где и жила до 1923 года. Позднее она последовала за мужем Кириллом Ильиным в Харбин, и в конце концов они вместе уехали в Сан-Франциско, где Ольга прожила до глубокой старости, написав ряд замечательных книг («Канун 8-го дня», «Белый путь. Русская одиссея 1919–1923 года», «Санкт-Петербургский роман»). Самой драматичной является, безусловно, книга «Белый путь», в которой Ольга подробно рассказывает о судьбах русской эмиграции и тяжелейших испытаниях, через которые ей и многим другим людям пришлось пройти.

Таким образом, можно сделать вывод, что Александр Николаевич был не просто человеком, а Человеком, который словно факел, освещает и согревает все вокруг себя, дает ориентиры и открывает истинные пути. Друзья семьи, которые приходили в дом Боратынских на Лядской улице (современная улица Горького) в Казани не случайно говорили: «Мы приходили в этот дом, словно к большому очагу, и каждый из нас брал здесь кусочек тепла, чтобы передать его другим людям...» [10, 5]. Дочь Ольга в одном из своих воспоминаний напишет так: «Родина для меня – не Москва, не Петербург и даже не Казань. Родина – это серый дом на Лядской улице» [10, 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэзия семейного круга. Н. Е. Боратынский, А. Н. Боратынский // Казань. – № 11. – 2000. – С. 53–54.
2. Боратынская О. А. Канун 8-го дня / О. А. Боратынская. – СПб. : Славия, 2012. – 352 с.
3. Девятых Л. И. Надежда / Л. И. Девятых // Люди и судьбы. Книга 1-я. – Казань: Титул, 2003. – С. 37–44.
4. Карпов И. К Мыслям юной девы. Литературное творчество женщин в семье Боратынских / И. Карпов // Казань. – № 11. – 2000. – С. 70–80.
5. Боратынский А. Н. Письма и документы // Музей Е. А. Боратынского. – Казань. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 24.
6. Боратынский А. Н. Сборник стихов «Друзьям на память» / А. Н. Боратынский. – Казань : Типография на Булаке. – 1914. – 82 с.
7. Океанский В. П. Русская метафизическая лирика XIX века: Е. А. Боратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев (поэтика пространства): дис. ... д-ра филол. наук / В. П. Океанский. – Иваново, 2003 – 544 с.
8. Загвозкина Вера. Внук поэта / В. Загвозкина // Советская Татария. – 1988. – 16 августа.
9. Загвозкина Вера. Внук поэта / В. Загвозкина // Советская Татария. – 1988. – 20 августа.
10. Латыпов Тимур. Родина – это серый дом на Лядской улице / Т. Латыпов // Казанские ведомости. – 1992. – 18 августа.

Российский университет кооперации (Казанский филиал)

*Черкунова Е. В., кандидат философских наук, доцент
E-mail: africangiraff@yandex.ru*

Зеленодольский институт машиностроения и информационных технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева-КАИ»

*Пинаева Д. А., кандидат исторических наук, доцент
E-mail: dashkevna1@mail.ru*

Russian University of Cooperation (Kazan Branch)

*Cherkunova E. V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
E-mail: africangiraff@yandex.ru*

Zelenodolsk Institute of Mashing Building and Information Technologies (Branch) of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

*Pinaeva D. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
E-mail: dashkevna1@mail.ru*

АНЕКДОТ У Н. С. ЛЕСКОВА И М. А. БУЛГАКОВА

А. А. Шелаева

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 15 января 2014 г.

Аннотация: статья посвящена традициям русской классической литературы в творчестве М. А. Булгакова. Автор демонстрирует связи отдельных произведений М. А. Булгакова с Н. С. Лесковым. В статье приведен материал, который отражает отношение Булгакова к Лескову-писателю, темам его произведений и манере повествования с помощью анекдота. Автор сравнивает «Дьяволяду» Булгакова с романом Лескова «Чертовы куклы» и выявляет влияние повествовательных приемов прозы Лескова на творчество Булгакова.

Ключевые слова: традиция, повествование, анекдоты, Н. С. Лесков, М. А. Булгаков, сравнение.

Abstract: the main task of the article is to demonstrate the connections M. A. Bulgakov's works with some works of N. S. Leskov. The article focuses on Bulgakov's attitude to Leskov as writer, his subjects and manner of narration by anecdotes. The author compares *Djavioliada* by Bulgakov with Leskov's satirical chronicles *Smeħ and gore* and *Zajachij remiz* and novel *Chertovy kukly*. The article argues into the effects of N. S. Leskov on M. A. Bulgakov's works.

Key words: tradition, narration, anecdotes, N. S. Leskov, M. A. Bulgakov, comparison.

Тема Традиции русской классической литературы в творчестве М. А. Булгакова, несмотря на многократные обращения к ней исследователей, до сих пор не является исчерпанной. В. Я. Лакшин, который неизмеримо много сделал для возвращения произведений М. А. Булгакова из забвения, обнаружил в творчестве писателя близкое влияние литературы начала XX века: Андрея Белого, Алексея Ремизова, символистской прозы и романтического модерна, в частности он отметил переключки *Белой гвардии* с романом *Огнем и мечом* Генриха Сенкевича [1, 23]. Наблюдения Лакшина оказались важной вехой в развитии темы и послужили импульсом для поисков дальнейших исследователей. М. С. Петровский в своей содержательной книге о киевских контекстах Булгакова *Город и Мастер* провел убедительные параллели с творчеством А. И. Куприна и Владимира

Винниченко [2, 214–219]. Б. В. Соколов назвал десятки имен авторов XX века, произведения которых Булгаков использует в разных целях. Черпая материал у предшественников, Булгаков наделяет своих героев чертами характера и внешностью известных литературных персонажей, воскрешает мотивы отдельных произведений, описывает бытовую сторону жизни эмигрантской среды и советскую действительность. Среди предшественников, по мнению Соколова: А. В. Амфитеатров, М. М. Зощенко, А. Н. Толстой, Л. Н. Андреев, Р. Б. Гуль, А. Аверченко [3; 29, 38, 105, 108, 178, 189] и др. Однако обратим внимание на выводы Лакшина, который считал, что влияние XX века «с лихвой перекрывается мощным

излучением традиции», воспринятой Булгаковым от русского XIX века: Пушкина с его *Капитанской дочкой*, Гоголя с украинскими повестями, Достоевского с его *Бесами* и *Братьями Карамазовыми*, чеховских пьес и Толстого [1, 23]. Максимилиан Волошин, современник Булгакова, к тому же усматривал в нем тип писателя XIX века: он утверждал, что дебют Булгакова (роман *Белая гвардия*), сразу давший писателю литературное имя, можно сравнить только с дебютами Толстого и Достоевского [1, 24]. Важно в приведенном Лакшиным перечне имен писателей, оказавших влияние на Булгакова, учесть и те сведения, которые исходят от самого М. А. Булгакова. В известном письме Правительству СССР от 28 марта 1930 года он, отмечая черты своего творчества, выступающие в его сатирических повестях, называл своим учителем также и М. Е. Салтыкова-Щедрина¹.

Большинство исследователей, ищущих корни прозы Булгакова в русской классической литературе, видят в нем продолжателя сатирических традиций прозы Гоголя и восприимчика его мистического начала. Принято считать, что из произведений этого писателя Булгаков черпал краски для изображения «бесчисленных уродств» современной ему действительности. Среди тех, кто разрабатывал этот вопрос, прежде всего надо назвать М. О. Чудакову [4, 55–59] и В. А. Чеботареву [5, 166–176] с их убедительными сопоставлениями Булгакова и Гоголя. Однако на этот счет были и свои сомнения. К попытке историков литературы представить Булгако-

ва как продолжателя духовных традиций классической прозы XIX века с осторожностью отнесся один из авторов сборника *Творчество Михаила Булгакова* (1995) Н. К. Гаврюшин. Тем не менее, он счел правомерным сравнение художественных приемов Гоголя и Булгакова, позволяющее проникнуть в его творческую лабораторию и в конечном счете уяснить степень гоголевского влияния и оригинальности Булгакова [6].

Гаврюшин имеет единомышленников среди современных исследователей. В центре их внимания, прежде всего, роман *Мастер и Маргарита*, вызывающий острый интерес в связи с новым его прочтением и попыткой обозначить место этого булгаковского произведения в христианской культуре. О проблематике и идейном содержании романа сейчас в России идут ожесточенные споры [7]. Многие видят в нем многочисленные отступления от духовных традиций русской прозы XIX века с ее богопознанием, стремлением передать мистический опыт христианской веры, религиозное состояние духа, доминантой христианско-философских универсалий. В контексте этих споров вновь встает вопрос о влиянии Гоголя на прозу Булгакова. Необходимо, однако, признать, что на данном этапе не столько близость художественных приемов Булгакова и Гоголя привлекают внимание исследователей, сколько отдельные концептуальные различия их взгляда на мир. Так, в недавно вышедшей статье *К вопросу о соотношении света и тьмы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»* ее автор О. Б. Сокурова отметила, что считает влияние Гоголя на Булгакова ограниченным и не видит в последнем полноправного литературного наследника автора *Вечеров на хуторе близ Диканьки* и мистической петербургской прозы. Выводы О. Б. Сокуровой основаны на анализе тех эпизодов романа *Мастер и Маргарита*, где звучит смех. Исследовательница настаивает на том, что булгаковский смех в данном случае отличен от гоголевского своей особой природой. Он «по преимуществу глумлив, презрителен, а подчас и жесток» [8, 143]. По ее убеждению, смех в романе Булгакова «не излетает из светлых недр души» и во все не скрывает «невидимые миру слезы» автора, а исходит «из недр воландовской веселой компании», которая с его помощью возвышается над «жалким человеческим стадом» [8, 143]. Нам представляется, что, делая подобные выводы, автор статьи не должен забывать, что изображение негативных явлений современной Булгакову действительности и приемы сатирического ее разоблачения могли явиться в романе также следствием совсем другого, не гоголевского влияния. Они воспринимаются как творческое продолжение классических традиций русской литературы, сформировавшихся в большей степени в произведениях Щедрина, который был беспощаден к людским слабостям и поро-

кам. Это и дает право героям Булгакова обладать особой смеховой культурой. В то же время необходимо заметить, что влияние Гоголя на Булгакова выше сказанное никак не отвергает. Оно было широко, многообразно и в высшей степени осмыслено последним. Булгаков не только опирался на гоголевский опыт в области поэтики или пытался с помощью осмеяния негативных явлений социальной действительности обозначить некий положительный идеал и подтолкнуть своего читателя к активному духовному поиску. Он стремился активизировать его культурную память, обратиться к гоголевским темам и образам, вошедшим в русскую культуру. Б. В. Соколов в своей книге *Булгаков: Загадки творчества*, например, показывает, как Булгаков пользуется этим богатым гоголевским арсеналом при создании собственных образов. Например, он отмечает как гоголевские комические черты в образе генерала Чарноты (*Бег*), который, как Хлестаков, питал страсть к карточной игре и осуществил намерение этого гоголевского персонажа продать штаны ради обеда [3, 178].

Имя Лескова в ряду писателей, оказавших влияние на творчество Булгакова, в ранних работах булгаковедов не возникает. Напротив – некоторые из них, в частности, уже упомянутый Н.К. Гаврюшин, категорически настаивают на отдаленности Булгакова от той духовной традиции, к которой принадлежали Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков и Гоголь – автор *Рассуждений о Божественной литургии* [6, 34], и тем самым пытаются разделить их в культурном пространстве неодолимой пропастью. Однако мы должны отметить, что на протяжении двух последних десятилетий многое изменилось в восприятии творчества и Булгакова, и Лескова. Произведения этих писателей многократно переиздавались, комментировались, изучались в разных аспектах. Тем самым был накоплен важный материал, служащий дополнительным обоснованием их литературного родства. В результате этого обстоятельства открылись горизонты для изучения произведений Булгакова и Лескова в сравнительном ракурсе. По нашим наблюдениям, в их творчестве со всей очевидностью обнаруживаются особенности, выраженные общими чертами. Лесков и Булгаков используют похожие повествовательные приемы, в их произведениях просматриваются отдельные параллели и совпадения на текстуальном и смысловом уровнях. В связи с этим внимания заслуживает значительное по своим итоговым выводам исследование А. А. Горелова о построении текстов Булгакова, в которых как важный сюжетно опорный ингредиент автор использует анекдот в широком смысле слова, восходящий генетически к устной разговорной традиции.

«Анекдотизм, – писал А. А. Горелов, – как органическое свойство булгаковского художнического сознания может быть продемонстрирован различно.

Но главное заключается в том, что он практически конгениален анекдотизму крупнейших отечественных предшественников Булгакова – Гоголя, Щедрина, Лескова» [9, 59].

Лесков как литературный предок Булгакова представлен здесь впервые, и в контексте размышлений об испытанных Булгаковым литературных влияниях выводы А.А. Горелова обретают особую важность.

Прежде чем обратиться к текстам Булгакова и Лескова для подтверждения выше сказанного, имеет смысл типологически сопоставить их писательские судьбы и обозначить их мировоззренческие и культурные позиции, несомненно, определившие их литературное родство. Оба они были связаны с Орловщиной, где Лесков в 1831 появился на свет и прожил до 1849 года. У Булгакова в Орловскую землю, где есть «плодородный для русского гения, – как писал В.Я. Лакшин, – пласт национальных традиций, полнозвучия неистощенного родникового слова, которое сформировало талант Тургенева, Лескова, Бунина, а позже Замятина», уходили родовые корни [1, 10]. Другое важное совпадение в их судьбах – Киев. Университет Святого Владимира, университетская среда, напряженная интеллектуальная жизнь, художественные и театральные традиции, городские периодические издания и книжные магазины, – все это, конечно, в разные годы, стало питательной культурной почвой для формирования и Лескова, и Булгакова. Не случайно М. С. Петровский в главе *Писатели из Киева* своей книги *Мастер и город* называет Лескова киевским писателем и представляет его *Печерских антиков* (1883) как первую художественную попытку освоения темы города на киевском материале. Лесков жил в Киеве с 1849 по 1857 и с 1860 по 1861 год и никогда не терял связи с этим городом в своей последующей жизни. Здесь же в Киеве, как позднее и у Булгакова, началось писательство Лескова в газете *Современная медицина* проф. киевского университета доктора Вальтера. Еще одним фактом биографии писателей, сближающим их типологически, стало длительное сотрудничество в периодической печати – журналистская работа, которая заострила перо, научила видеть окружающий мир и ощущать биение пульса времени. Вероятно, все это вместе позволило Лескову и Булгакову обрести тот уровень культуры и человеческого опыта, которые способствовали их приходу в литературу. Сближает их и еще одно обстоятельство. Важной чертой творчества Лескова и Булгакова является бескрайняя насыщенность их произведений «чужим словом» – скрытыми и явными цитатами, вариациями заимствованных мотивов и образов. Эта интертекстуальность, свойственная текстам обоих писателей, имеет, на наш взгляд, одинаковые причины. Каждый из них бессознательно и естественно, как носитель современной ему куль-

туры, осуществлял с помощью своих текстов трансляцию культурного наследия последующим поколениям. И, наконец, последнее, но, может быть, самое главное, что психологически обусловило особенности личности каждого из писателей. Они были отлучены от литературы, выброшены из современного им литературного процесса как не отвечающие содержанием своего творчества господствующим в литературе тенденциям. Это породило и у Лескова и у Булгакова неодолимое стремление во что бы то ни стало противостоять этим внешним обстоятельствам и продолжать наперекор им заниматься писательством.

Чтобы объяснить сюжетные параллели, тематические переклички, близость повествовательных приемов и многое другое, что при ближайшем рассмотрении связывает творчество Лескова и Булгакова, необходимо ответить еще на один вопрос – знал Булгаков творчество Лескова. Мы не располагаем сведениями о том, что именно он читал из его произведений, но можем сделать некоторые предположения. В связи с дружескими отношениями с Е. И. Замятиным, Булгаков, конечно, был знаком с *Левшой*. Это произведение Лескова было инсценировано последним для МХАТа и шло на его сцене до 1929 года под названием *Блоха*. Реминисценции бессмертного сюжета об искусном тульском мастеровом, подковавшем блоху, встречаются в пьесе Булгакова *Батум* (IV действие, 9-я картина). Булгаков интерпретирует его в данном случае иронически в связи с тем, что его пересказывает император Николая II, изображение которого в 1939 году по цензурным условиям могло быть только негативным. Лесковский гимн русскому талантливому человеку в пьесе Булгакова переименован: в нем звучат ноты, снижающие его высокий смысл. Император Николай II восхищается искусством тульского почтового чиновника, который послужил отечеству тем, что выучил канарейку петь гимн *Боже, царя храни* и преподнес ее в качестве подарка императору. Умиляясь, он восклицает, обращаясь к одному из своих министров: «Среди тульских чиновников вообще попадаются исключительно талантливые люди»².

Некоторые сведения о составе библиотеки Булгакова, полезные для изучения круга его чтения, можно почерпнуть из его переписки. В письме 1932 года П. С. Попову, другу и биографу писателя, Булгаков с горечью и разочарованием сообщает о том, что вынужден постоянно заниматься инсценировками: «Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра: Тургенева, Лескова, Брокгауза – Ефрона, Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал...»³. Из этого письма

² Булгаков М. А. *Батум*, в кн.: его же, *Собрание сочинений*, В пяти томах, т. 5. Москва, 1990, с. 565.

³ Булгаков М.А. *Письмо П.С. Попову* в кн.: его же, *Собрание сочинений*. В пяти томах, т.5, с. 481.

можно сделать вывод, что Булгаков располагал текстами Лескова, и его собрание сочинений стояло на книжных полках в кабинете писателя.

Теперь, возвращаясь к выводам А. А. Горелова об анекдотизме как органическом свойстве художнического сознания Булгакова, мы можем с большей уверенностью связать это явление с наследием Лескова. В большинстве его художественных произведений анекдот (это может быть короткий рассказ не только устного жанра, но и заимствованный из разного рода письменных источников) становится организующим началом сюжета. Лесков часто составляет сюжет из небольших глав-эпизодов анекдотического, то есть шуточного, содержания с неожиданной и остроумной концовкой. Эту модель сюжетообразования Лесков виртуозно использует не только в коротких рассказах, но в больших повествовательных формах – таких как сатирические хроники *Смех и горе* (1873) и *Заячий ремиз* (1894, но опубликована в 1917). Оба эти произведения не в меньшей степени, чем гоголевская мистическая проза, предвещали появление в русской литературе *Дьяволиады* Булгакова (1925), сюжет которой организован таким же образом. Близки эти произведения и по теме. В центре каждой из хроник «маленький человек», и каждая обнажает и подвергает осмеянию механизмы государственной машины, которая деформирует человеческую личность на разных социальных уровнях и подвергает угрожающим ее жизни испытаниям. *Дьяволиада* – произведение, изображавшее отчаяние мелкого советского чиновника «товарища Короткова» при столкновении с новой действительностью и его гибель в недрах государственных учреждений нового типа. Булгаков разрабатывает сюжет повести, описывая злоключения Короткова в той же стилистике и смысловом ключе, что и Лесков события жизни главных героев своих хроник – Ватажкова и Перегуда. В данном случае, опираясь на традиции русской сатирической прозы, как нам представляется, Булгаков испытывает влияние не только Гоголя, но и Лескова. «Маленький человек Коротков», который хоть и ведет свою родословную от гоголевского Башмачкина, является в определенной степени потомком и героев сатирических хроник Лескова – Ореста Ватажкова и Оноприя Перегуда. Во всяком случае, итогами своей жизни они предвещают его гибель в жерновах государственной машины. Булгаковский Коротков, как и герои Лескова, оказывается всецело зависимым от обстоятельств, символизирующих зло, направленное против человека с благословения государства. В хронике *Смех и горе* Лесков разворачивает целую цепь событий, в результате которых его герой Ватажков поочередно попадает в разные анекдотические обстоятельства и, наконец, становится жертвой постоянных преследований жандармского капитана Постельникова. Этот персонаж

хроники, используя данные ему государством средства, из карьерных соображений путем подлогов, наветов и других провокаций представляет Ватажкова в своем ведомстве политически неблагонадежным и вынуждает к постоянному бегству. Мотив бега является в этой повести основным. Свой жизненный круг Ватажков завершает в Одессе, куда вновь тайно бежит из Петербурга, стараясь избавиться от попыток очередного вмешательства в его судьбу жандармского ведомства. Здесь его вновь настигает один из административных сюрпризов: по ошибке его подвергают телесному наказанию во время национальных волнений, что и становится причиной смерти героя лесковской сатирической хроники⁴. Второй персонаж Лескова – Оноприй Перегуд, главный герой повести *Заячий ремиз*, сам является представителем государственной власти – становится в украинском селе Перегуды. Служебное положение дает ему определенную независимость и свободу волеизъявления. Несмотря на эти привилегии и в этом случае герой Лескова оказывается вовлеченным в процесс постоянного бега, целью которого становится «ловитва потрясателей [...] що троны шатають»⁵. Тип маленького полицейского чиновника с его наивной благонамеренностью и боязнью вредных веяний в обществе восходит к раннему произведению Лескова *Краткая история одного частного умопомешательства* (1863). В этом небольшом рассказе выведен чиновник Корзинкин, который испытывает болезненную подозрительность, сделавшую его мишенью насмешек и ставшую причиной крушения не только его карьеры, но и жизни. Исполнение должности Перегудом в *Заячьем ремизе* сопровождается, как показывает Лесков, также шутовскими обстоятельствами, что и делает станового в результате его служебного рвения пациентом сумасшедшего дома. Следует отметить, что, выстраивая в сюжете обеих хроник ряд анекдотических по своему характеру происшествий, Лесков показывает, что смешны именно они, а не характер героя, который обрисован писателем таким образом, что вызывает сочувствие и симпатию читателя. Таким же образом изображен Булгаковым и делопроизводитель Коротков, вращающийся в карусели кабинетов и бумаг. Смешны те, кто отсылает его из кабинета в кабинет, с этажа на этаж, из здания одного государственного учреждения в другое. Сам же булгаковский герой, включенный в этот водоворот силами социального зла, заслуживает сожаления читателя, поскольку каждое новое событие в повествовании Булгакова – это, прежде всего, событие жизни героя, вызванное его стремлением постичь

⁴ Лесков Н.С. *Смех и горе*, в кн.: его же, Полное собрание сочинений. В тридцати томах, т. 10, Москва, 2007, с. 7 – 174.

⁵ Лесков Н.С. *Заячий ремиз*, в кн.: его же, Собрание сочинений. В одиннадцати томах, т. 11, Москва, 1958, с. 501 – 596.

смысл происходящего вокруг и сохранить чувство собственного достоинства. Таким образом, мы можем говорить, что не только гоголевское, но и лесковское начало присутствует в *Дьяволиаде*.

Один из анонимных критиков в 1871 году писал с упреком в адрес автора по поводу выхода *Смеха и горя*: «Лесков сознательно изобразил окружающий нас умственный и нравственный хаос» [10, 638]. *Заячий ремиз*, в публикации которого Лескову по цензурным соображениям отказали и *Русская мысль*, и *Вестник Европы*, не успел получить критических отзывов, так как вышел в свет в сентябре 1917 года накануне поворотных в судьбе России событий. В связи с выходом повести стало ясно, что автор продолжал в ней развивать тему «умственного и нравственного хаоса», или, как он сам выразился «калейдоскопической пестроты русской жизни»⁶. Повесть стала одним из наиболее известных произведений Лескова. Наиболее глубокую оценку это произведение получило впоследствии в книге И.В. Столяровой *В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова)*. Исследовательница отметила «трагическую изломанность судьбы его главного героя – провинциального станового Оноприя Перегуда, закончившего жизнь в сумасшедшем доме», и представила ее как следствие «фантазмагорической общественной атмосферы», «чертовой круговерти» русской жизни [11, 227]. Появившаяся в 1925 году, *Дьяволиада* Булгакова вызвала оживленную дискуссию в критике, которая в своих оценках перекликалась с критикой лесковских произведений. Прежде всего, критика увидела в ней сатирический образ современной действительности. Рецензенты обратились к повести с теми же мерками, что почти полвека назад другое поколение критиков к лесковскому произведению *Смех и горе*, рассматривая описанную в нем реальность в ее соответствии социальной норме. Результатом дискуссии стало утверждение ее участников, что жизнь в булгаковской повести представлена неадекватно – как «огромная и кошмарная путаница» [12, 22]. Кроме этого вывода, критика, переживавшая марксистский период, высказывала и другие, более опасные для автора. Ее заинтересовали мировоззренческие позиции Булгакова, и в высказываниях на эту тему можно было услышать намеки на враждебность идеологии писателя советской общественности [13, 13].

Для наших сопоставлений Булгакова с Лесковым существенным являются и другие критические оценки *Дьяволиады*. В ряде статей рецензенты отметили в повести мотив бесовской власти над человеком, который И. С. Гроссманом-Рощиным выражен метафорически пушкинской строкой: «Сбились мы, что делать нам? В поле бес нас, видно, водит и кружит по сторонам!» Критик объяснил его появление

у Булгакова не данью литературной традиции – «сочетанием Гофмана с весьма современным Гоголем», как это прозвучало в более доброжелательном отзыве [14]. И. С. Гроссман-Рощин подразумевал, что имплицированная Булгаковым в название повести тема дьявольской власти над человеком осмыслена в ее сюжете как власть над ним социальных обстоятельств. Литературные влияния, если и присутствовали, то с его точки зрения были формой выражения идеи. В известной мере, такая трактовка основного мотива *Дьяволиады* перекликается с тем, как представлена тема дьявольской власти в позднем романе Н. С. Лескова *Чертовы куклы*. Булгаков, кстати, мог быть знаком с этим произведением по его публикациям в собраниях сочинений писателя 1890 и 1903 годов. Композиционно этот роман, окончание которого стало известно сравнительно недавно [15, 259–270], построен по модели сатирических хроник Лескова и *Дьяволиады* Булгакова – как цепь анекдотических происшествий в жизни художников неназванной страны и эпохи. Основная его идея выражена изображением зависимости художника в жизни и творчестве от социальных обстоятельств, которые превращают его, по мысли Лескова, в «чертову куклу», подчиненную власти заказчиков и покупателей, представленных в собирательном образе герцога. Нельзя пройти мимо другого многозначного в рамках нашей темы факта. Роман Лескова *Чертовы куклы* обнаруживает связь также с другим произведением Булгакова *Мастер и Маргарита*. Она проявляется в сходстве христологических мотивов, которые и Лесков и Булгаков пересмысливают, уходя от их общепринятых трактовок. Оба писателя делают акцент не на религиозной и исторической стороне евангельского мифа, а выявляют его общефилософскую значимость и связь с проблемами современной жизни. Образ сатаны у Лескова, как и у Булгакова в романе *Мастер и Маргарита*, представлен нетрадиционно. «Обыкновенно ведь сатану пишат с рожками, -- говорит главный герой романа художник Фебуфис, -- и он приглашает Христа броситься за какие-то царства»⁷ (имеется в виду эпизод из Евангелия от Матвея, гл. 6, ст.6). Однако другой герой романа художник, которого волновала содержательная сторона живописи, интерпретировал этот эпизод из Евангелия иначе. По идее Мака выходило совсем не то: «его сатана очень внушительный и практический господин, который убеждает вдохновенного правдолюбца только снизойти с высот его духовного настроения и немножко «броситься вниз», прийти от правды Бога к правде герцогов и королей, войти с ними в союз...»⁸. Сопоставление христологических мотивов *Чертовых кукол* Лескова и *Мастера и Маргариты* – романа,

⁶ Лесков Н.С. Смех и горе, в кн.: его же, Собрание сочинений. В тридцати томах, т.10, Москва, с. 9.

⁷ Лесков Н.С. Чертовы куклы, в кн.: его же, Собрание сочинений. В одиннадцати томах, т. 8.1958, с.499.

⁸ Там же.

в котором сатана также является в земном обличье, дают новый материал для изучения творческой истории главного романа Булгакова итоги: они ведут нас к евангельскому пласту работ Н. Н. Ге, которые оказались в поле зрения обоих писателей. Есть все основания полагать, что Лесков, хорошо знавший автора этих работ и откликавшийся на них как критик [16], в образе Мака вывел художника Ге, который был близок ему своими умонастроениями и пониманием евангельских событий [17, 68–78]. Известны высказывания Лескова о картине Ге *Что есть истина*, которую он, как и Л. Н. Толстой, считал целой эпохой в христианском искусстве. 13 февраля 1890 года, сразу после открытия выставки в Петербурге, Лесков писал Ге:

«Картину Вашу видел и много ею утешен, лицо Христа превосходно отвечает Его характеру и выражает его. Всю жизнь я искал такого лица и, наконец, увидел его на Вашей картине...»⁹.

После того, как картина Ге была снята с выставки и критика обвинила художника в подмене художественных задач литературностью и оскорблении религиозного чувства публики, которая не желала видеть Христа безобразным бродягой в рубище, Лесков поддержал художника и его творение в печати. В статье *Картина профессора Ге за границей* он рассказал о том, какой успех выпал на ее долю за рубежом [18]. Булгаков, в свою очередь и под своим углом зрения, изучал евангельский цикл Ге. Его интерес к творчеству художника был вызван еще и тем обстоятельством, что Ге являлся знаменитым выпускником Первой киевской гимназии, которую заканчивает и Булгаков, читавший художника как школьного «культурного предка». Евангельский цикл картин Ге и особенно его картина *Что есть истина*, с точки зрения М. С. Петровского, стали своеобразным источником христологических мотивов в творчестве Булгакова и представляют, по его мнению, иллюстративный ряд к новозаветным главам *Мастера и Маргариты* [2, 53–54].

Размышляя о приемах повествования у Булгакова и сопоставляя их с теми художественными средствами, которые использовал Лесков, нельзя обойти стороной булгаковские рассказы. В них, возможно в большей степени, чем в других прозаических формах, обнаруживает себя устно-повествовательное начало, которое служит проявлению анекдотизма. М.О. Чудакова, комментируя ранние произведения Булгакова в этом жанре, настаивала на их самостоятельности и отличии от повествовательной манеры Лескова в его рассказах. В частности, она писала: «Центральный персонаж *Записок* не рассказывает (как герои Лескова), а описывает события – с умением новеллиста. Это ретроспективный рассказ писателя о своем прошлом врача» [19, 555]. Следует от-

метить, что в других рассказах Булгакова, скажем, из цикла *Записки на манжетах*, в качестве рассказчика выступают люди неопределенного социального происхождения и профессий (*Красная корона*, *Китайская история*), но они не уступают центральному персонажу *Записок врача* в умении вести рассказ. Рассказчики Лескова, к какой бы социальной среде они не принадлежали, всегда умелые новеллисты, а события, о которых они повествуют, отнесены в прошлое. С нашей точки зрения, не в этом отличие между рассказчиком у Булгакова и Лескова. Последний передает функции рассказчика избранному им герою, а автор *Записок юного врача* и *Записок на манжетах*, чаще всего, ведет рассказ от первого лица. У Лескова избранный им герой является посредником между автором и миром литературной действительности. Исследователи языка художественной литературы А. С. Орлов и В. В. Виноградов видели в рассказчике выражение артистизма писателя и его способности к стилизации. Все эти качества рассказчика в полной мере проявились в лесковских произведениях со сказовой структурой. Среди рассказов Булгакова, все-таки нужно отметить, есть примеры последовательного воспроизведения сказа лесковского типа, что позволяет аргументировано возразить М. О. Чудаковой. К ним, в первую очередь, относится рассказ *Я убил*, где автор-рассказчик передает слово герою, в данном случае, несомненно, автобиографическому. Этот герой, доктор Яшвин, повествует о трагических событиях гражданской войны и собственноручном убийстве свирепствовавшего в Киеве петлюровского полковника Лещенко. С точки зрения автора-рассказчика, герой, которому он передает функцию повествователя, «молчаливый и, несомненно, очень скрытный человек, в некоторых случаях ... становился замечательным рассказчиком. Говорил он очень спокойно. Без вычур, без обывательских тягот и блеяния «мня-я» и всегда на очень интересную тему» [19, 555]. Автор представляет рассказчика по-лесковски подробно описывая его внешность, привычки, профессиональные качества. При этом он мысленно отмечает, подчеркивая его в высшей степени литературный стиль: «пошел ты не по своей дороге и быть тебе нужно только писателем»¹⁰. Повествование переходит к рассказчику только после этой характеристики, которая обозначает высокий уровень его общей культуры, выраженный впоследствии в естественно-повествовательных интонациях рассказа о событиях, запомнившихся ему на всю жизнь.

Приведенные наблюдения, конечно, нуждаются в последующем развитии и конкретизации на материале произведений Булгакова и Лескова. Тем не менее и на этой стадии осмысления они со всей

⁹ Письмо Н.С. Лескова Н.Н.Ге, в кн.: В. Стасов, Н.Н. Ге, его жизнь, произведения и переписка, Москва, 1904, с.327.

¹⁰ Булгаков М. А. Я убил, в кн.: его же, Собрание сочинений. В пяти томах, т.2, 1989, с.648.

очевидностью являются важным свидетельством связей творчества Булгакова с традициями русской классической литературы, а также вводят в число его литературных наставников новое имя. Теперь в свете сказанного с большей уверенностью, чем прежде, можно говорить, что тяготение Булгакова к устно-повествовательным началам русской прозы, в частности, анекдотизму и сказу, уходит своими корнями в том числе и в творчество Лескова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакшин В. Я. Мир Михаила Булгакова / В. Я. Лакшин // М. А. Булгаков Собрание сочинений. В пяти томах. – Т. 1. – М., 1989.
2. Петровский М. Мастер и город / М. Петровский. – СПб, 2008.
3. Соколов Б. В. Михаил Булгаков: загадки творчества / Б. В. Соколов. – М., 2008.
4. Чудакова М. О. Булгаков и Гоголь / М. О. Чудакова // Русская речь. – 1979. – № 2. – С. 38–48; № 3. – С. 55–59.
5. Чеботарева В. А. О гоголевских традициях в прозе М. Булгакова и Гоголя / В. А. Чеботарева // Русская литература. – 1984. – № 1. – С. 166–176.
6. Гаврюшин Н. К. Нравственный идеал и литургическая символика в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Н. К. Гаврюшин // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография [ответственные ред. Н. А. Грознова, А. И. Павловский]. – СПб, 1995.
7. Диакон Андрей Кураев. Мастер и Маргарита: за Христа или против? / Андрей Кураев. – М., 2006.
8. Сокурова О. Б. К вопросу о соотношении света и тьмы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / О. Б. Сокурова // История и культура : Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. Вып. 8. – СПб. – С. 143.
9. Горелов А. А. Устно-повествовательное начало в прозе Михаила Булгакова, / А. А. Горелов // Творчество Михаила Булгакова. – С. 59.
10. Русский вестник. – 1871. – № 12. – С. 638.
11. Столярова И. В. В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова) / И. В. Столярова // Л., 1978. – С. 227.
12. Гроссман-Рощин И. С. Искусство изменять мир, / И. С. Гроссман-Рощин // На литературном посту. – 1929. – № 1.
13. Мустангова Е. О Михаиле Булгакове, / Е. Мустангова // Жизнь искусства. – 1926. – № 45.
14. Ю. С. (Соболев). Среди книг и журналов / Ю. С. (Соболев). – Заря Востока. – 1925. – 11 марта.
15. Шелаева А. А. Вступительная статья и комментарии к публикации «Чертовы куклы. Окончание романа» / А. А. Шелаева // Неизданный Лесков. Литературное наследство. – М, 1997. – С. 259–270.
16. Лесков Н. С. // Картина профессора Ге за границей / Н. С. Лесков. – Неделя. – 1890. – № 44.
17. Шелаева А. А. Н. Н. Ге как прототип одного из героев романа Лескова «Чертовы куклы» / А. А. Шелаева // Творчество Н.С. Лескова : Научные труды. – Т. 76 (169). – Курск, С. 68–78.
18. Неделя. – 1890. – № 44.
19. Чудакова М. О. Комментарии / М. О. Чудакова // М. А. Булгаков. Собрание сочинений. В пяти томах. – Т. 1. – М., 1989.

*Санкт-Петербургский университет
Шелаева А. А., доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры
E-mail: alla@AS10244.spb.edu*

*Saint-Petersburg State University
Shelaeva A. A., Associate Professor of the West European and Russian Culture Department
E-mail: alla@AS10244.spb.edu*

ЛОНГРИД, СНОУФОЛЛ, МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ИСТОРИЯ – КАК НОВЫЕ ВЕРШИНЫ ЖУРНАЛИЗМА?

А. А. Золотухин, Ю. Н. Мажарина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье исследуются современные мультимедийные форматы классических жанров журналистики.

Ключевые слова: лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история, очерк.

Abstract: the article deals with modern multimedia formats classical genres of journalism.

Key words: longridge, snowfall, multimedia story, essay.

Отечественная журналистика меняется вслед за мировой. Не медленно, но и не так стремительно, как считают некоторые современные исследователи. Проиллюстрируем этот тезис двумя цитатами, отстоящими друг от друга расстоянием в двадцать один год.

Январь 2015 года. Комментируя реорганизацию в одной из классических воронежских газет, издаваемой региональными властями, чиновник областного правительства от медиа не стал отрицать, что «контент издания может измениться». Объясняет он это современными тенденциями, появлением новых жанров – например, лонгридов.

– У читателей меняются предпочтения, поэтому мы будем следовать современным тенденциям» [1].

Апрель 1993 года. В журнале «Журналист» появились размышления тогда еще молодого, но уже знаменитого журналиста Александра Терехова о природе очерка и о его смерти в новые времена отечественной журналистики:

«Очерк был несущей опорой всего строения, от него тянулись лучики в каждый жанр, и когда он рухнул, вслед за ним полетели в небытие зарисовки, корреспонденции, советские информации, репортажи.

Очерк был высшим пилотажем. Очерк был очерченный мелом круг, за который не могла переступить нечистая сила, и люди, умеющие его чертить, считались звездами газеты, газета была для них, вокруг них. Задохнулся очерк, и перевернулось представление о журналистском мастерстве. Ни один из бывших королей не удержал трон в новые времена, все померкли, приведенные в соответствие с курсом доллара <...>. Очерк нас манил героическим, героем. Нет, не тем, о ком писали, а героем, который писал.

Мы представляли его таким: совершенно свободно гуляющим по редакционным коридорам, не берущимся за денежную, но нетворческую работу, ему платят за то, что он думает, а не за то, сколько он пишет, он пишет раза три в год – но как! Он беден, но горд. Да, вот сейчас я понял: мы хотели быть гордыми. Вот это не вышло. Было бы странно, если негр в соломенной юбке гордо смотрел на американца в вертолете. Нам это пришлось понять и приходится <...>. Лучшим будущим для меня, например, было время, когда за такими, как Василий Песков, будут закреплены парикмахер, массажист, дача и платить ему будут по сто рублей за строчку и возить на машине» [2, 3].

Итак, в начале 1990-х журналист печалится уходу с газетных страниц очерков. В 2015 м чиновник радуется приходу в бумажные и интернет-СМИ лонгридов – длинных текстов, публикаций, историй, рассказанных с помощью разнообразных видов контента. Времена вновь изменились?

То, что в теории отечественной журналистики называлось художественной публицистикой, сегодня на Западе называют просто longform, longread или «журналистика длинной формы». Так, может, очерк, который в 90-е годы плохо приспособивался к серьёзным изменениям в журнализме, сегодня возрождается в новой форме? Может, лонгрид – это и есть очерк XXI века? Он вернулся и прекрасно чувствует себя в сети! И предлагает читателю не просто чтение, но целый опыт переживаний через различные способы проникновения в суть материала.

В дословном переводе лонгрид (англ. long – «длинный» и read – «читать») – «долгое чтение». Действительно, медийные лонгриды – это длинные истории, исследующие глубинные закономерности общественных процессов, включая бытие отдельной личности, человека.

Недавно, сравнив топ-10 материалов пяти крупных зарубежных медиа (The New York Times, BBC, The Huffington Post, CNN, The Guardian), эксперты из Newswhip пришли к выводу, что у объёмных материалов (свыше 1 200 слов) показатели популярности не менее высоки, чем у кратких заметок объёмом до 500 слов [3]. Так, история об австралийских беженцах («The dream boat»), рассказанная журналистами The New York Times и по объёму превышающая 10 000 слов, получила 47 000 лайков и расшариваний [4], что чрезвычайно редко встречается у публикаций малого объема.

Не можем не заметить, что, судя по многочисленным наблюдениям, при коммуникации читателя с лонгридом изменяется и ее суть. Читатель, если его вообще можно так назвать, не прочитывает, а сканирует произведение журналистов, знакомится с ним. Редкий читатель прочитывает текст лонгрида от начала до конца. Так на практике происходит обесценивание глубинного смысла слова. Разнообразные логические и образные ресурсы, заложенные в нем, не воспринимаются, не усваиваются, становятся малоэффективными. Это серьезный коммуникационный конфликт, вызов мировой журналистике, который журналистскому сообществу необходимо разрешать уже в ближайшей перспективе.

Тем не менее получается, что на современном этапе аудитория СМИ отдаёт предпочтение не только маленьким заметкам, но и длинным, подробным материалам? Как когда-то отдавала предпочтение классическим объемным жанрам: очерку, статье.

Успех лонгридов во многом определяет сам предмет отображения. Это истории, связанные не только с резонансными событиями, но и с необычными объектами действительности, удивительными судьбами. «Возвращение лонгрида лишней раз напоминает нам, людям, об осознании нашей сложной человеческой природы в цифровой век больших данных, дефицита времени и внимания», пишет Том Джуно (Esquire) [5].

В условиях нарастания информационного шума и непрекращающихся информационных войн, которые ознаменовали последние годы, у аудитории произошло «переедание информационным фаст-фудом» и возникло закономерное желание обстоятельно разобраться в сути событий, сопереживать им. Лонгриды как нельзя лучше помогают сделать это, детально рассматривая с разных сторон заявленную тему. В основе лонгрида обязательно лежит глубинное социологическое, публицистическое, художественное исследование предмета, будь то ситуация реальной действительности или человек в какой-то из его ипостасей.

В западном журнализме, как и в отечественном, такой подход во все времена сохранял популярность. К сожалению, многие российские редак-

ции в 1990–2000 годы практически отказались от крупных жанровых форм, посчитали бессмысленным вкладываться в производство больших, качественных, эксклюзивных журналистских произведений. Слишком трудоемким и накладным оказался процесс создания таких материалов, как очерк и статья.

Однако сегодня и в России случилось так, что читатель устал от обилия мелких текстов в многочисленных интернет-СМИ, коротких реплик в Twitter, информационной каши в ленте новостей Facebook. Его вновь привлекают эмоциональные «длинные тексты», содержащие детальные исследования или яркие художественные образы. Именно такие материалы привлекают внимание читателей среди сотен ссылок в сети. Исследования показывают: современный читатель 30 минут свободного времени предпочтёт потратить не на 10 заметок, а на один лонгрид. При условии, что он будет качественным по форме и содержанию.

Эксперты говорят о том, что чаша весов читательского интереса качнулась от журналистики факта к журналистике объяснений, которая рассказывает о сложных событиях и явлениях в доступном формате. Возвращаются в СМИ и объемные авторские публикации о жизни социума и конкретного человека.

Редакции многих российских медиа (Lenta.ru, Газета.RU, Коммерсантъ, РБК, Сноб, Частный корреспондент и др., включая и немногие пока региональные СМИ), осознав этот факт, начали делать ставку не только на оперативную подачу новостной информации, но и на лонгриды.

Можно выделить два типа лонгридов: традиционные (текст + статичные иллюстрации) и мультимедийные. Пример традиционного лонгрида – очерк «Женщина горной судьбы» Марины Ахмедовой – большой текст о чеченских женщинах, которые «мечтают выйти замуж в Чечне, а родиться в Европе» [6]. Текст помещён на страницу, разбит на блоки, снабжён несколькими фотографиями. «Докрутить» такую публикацию до конца современному читателю становится сложно.

Поняв это, многие российские медиа стали создавать лонгриды мультимедийного формата, опираясь на опыт передовых западных СМИ.

Первым проектом подобного рода в мире принято считать проект команды The New York Times «Snow Fall» («Снегопад»), вышедший в 2012 году. Зарубежные медиаэксперты сразу окрестили его самым лучшим мультимедийным форматом подачи информации. Читательский успех проекта ошеломил самих создателей, а название истории стало нарицательным для новой формы лонгридов в медиа.

«Snow Fall» – это история о 16 лыжниках и сноубордистах, попавших в снежную лавину в Каскад-

ных горах неподалёку от Вашингтона. Фотографии, видео и интерактивная графика буквально оживляют страницу при каждом скролле. На экране завывает вьюга, возникает 3D-модель гор. По словам графического директора проекта Steve Duenes (Стива Дуенеса), команда NYT хотела «найти способы погрузить читателей в мультимедийный формат, затем позволить им пройти через него, а после – выйти. Так, чтобы мультимедийные элементы воспринимались естественной, органичной частью повествования» [7].

Однако гвоздём материала остаётся текст – сама история, состоящая из шести частей. Правда, сколько людей дочитали его до конца?

Ещё одна мультимедийная история от NYT – «A Game of Shark and Minnow» («Игра акулы и пескаря») – также вовлекает читателя в процесс создания истории, делая его со-участником.

Материал, рассказывающий о геополитической борьбе за острова в Южно-Китайском море между Филиппинами и Китаем, начинается с фотографии рыбацкой лодки, «видавшей лучшие дни». Именно на ней автор материала Jeff Himmelman (Джефф Химмельман) и фотограф Ashley Gilbertson (Эшли Гилбертсон) плывут к заброшенному американскому кораблю, расположенному в 105 морских милях от Филиппин и ставшему филиппинским форпостом.

Управляя повествованием при помощи скролла, читатели узнают истории филиппинских военных моряков, живущих на этом корабле. Звук и видео значительно расширяют возможности восприятия этих жизненных историй. Вместе с её героями и автором текста можно совершить экскурсию по заброшенному кораблю, сыграть в баскетбол.

Если же оценить тексты этих двух мультимедийных историй с точки зрения теории отечественных журналистских жанров, то их можно идентифицировать как очерки.

К жанру путевого очерка можно отнести историю Ellen Barry (Эллен Барри) «The Russia Left Behind» («Забытая Россия»). Эффектная «въездная» фотография: женщина в русском платке на фоне церкви с куполами, – при скролле страницы переходит в карту России с «ниточкой» пути от Санкт-Петербурга до Москвы. Любань, Чудово, Валдай, Починок – девять городов, деревень, посёлков – на пути от одной столицы к другой. Текст дополняют фотографии и видеоролики. Материал представляет типичный западный взгляд на российскую глубинку. Он рассчитан на серьёзное, долгое прочтение, на вдумчивого читателя. Что же узнаёт этот вдумчивый читатель о России? Он узнаёт о цыганской свадьбе в Чудово, о церкви, что на «заднем дворе резиденции Путина под Валдаем», о дорогах, а точнее их отсутствии, в деревнях под Великим Новгородом, о семье

Колесниковых, живущих в заброшенном посёлке, «как будто на острове».

Подтверждением того, что многие мультимедийные лонгриды – это новая форма выражения очеркового жанра, служит и история от британской The Guardian «Seven digital deadly sins» («Семь цифровых смертных грехов») [8]. Схожая по форме (щёлкой на заинтересовавшие видеоролики, читай кусочки текста), эта история изначально ещё шире по содержанию. Журналисты The Guardian ставят перед собой более глобальную задачу: рассказать не одну единственную сильную историю, а воссоздать целую мозаику судеб людей.

«Firestorm» («Огненная буря») от той же The Guardian рассказывает о судьбе простой семьи из Тасмании, едва выжившей после сильнейших лесных пожаров, охвативших остров.

В российских медиа сноуфоллы выходят в основном в формате специальных проектов. Редакция «Коммерсанта» в самом конце 2014 года выпустила «Постолимпийский синдром» [9], в котором предложила читателям разобраться в финансовых, инфраструктурных и координационных проблемах, оставшихся после завершения Зимних Игр в Сочи. В сентябре того же года «Аргументы и факты» выпустили свой сноуфолл «Ад Беслана. Взгляд изнутри» [10]. Четыре истории, четыре взгляда на события сентября 2004 года. Один из последних сноуфоллов «Комсомольской правды» – «Америка заколоченных небоскрёбов» [11].

Мультимедийные лонгриды или сноуфоллы отличает подача материала: обилие интерактивных элементов (инфографика, слайдшоу, видео, аудио-ряд), современный дизайн. Тонны информации красиво визуальны упакованы. Читателю остаётся лишь скроллить страницу, и на ней автоматически подгружаются наряду с текстом фотографии, видео, инфографика, 3-D панорамы. Это позволяет создать эффект полного присутствия.

Однако успех сноуфоллов определяет не только мультимедийная форма повествования (единство текста, фотографий, видео, звука, инфографики), но и собственно вербальный аспект. Именно текст объединяет мультимедийную историю в единое целое, придает ей аналитичность и художественную остроту.

Подводя предварительные итоги вышесказанному, заметим, что предлагаемые с подачи западной, прежде всего англосаксонской, журналистской школы жанровые обозначения новых, мультимедийных произведений необходимо оценить и классифицировать с точки зрения давно сложившейся отечественной системы журналистских жанров. Не можем не отметить, что некоторую сумятицу в ряды отечественных исследователей журналистики внесли и авторы одного из последних учебных пособий «Интернет-СМИ. Теория и практика» под редакцией

М. М. Лукиной, обозначивших в качестве «вершинного» мультимедийного и синтетического жанра мультимедийную статью.

«Мультимедийная статья – это история, рассказанная с помощью нескольких мультимедийных средств, она собрана таким образом, что с одной стороны, каждая мультимедийная составляющая дополняет и развивает общий рассказ, с другой – недоступность или невозможность воспроизведения одного из элементов не искажает общий смысл сюжета» [12, 269–270], – пишут авторы учебника. Понятно, что традиционно все журналистские произведения называют статьями, это связано с самой этимологией понятия (от лат. *articulus* – «сустав, член, часть целого»). Но в теории отечественных жанров давно существует устоявшийся аналитический жанр – статья, имеющий определенные жанрообразующие характеристики. Логичнее было бы назвать весь корпус объемных мультимедийных произведений с соответствующими признаками мультимедийной историей, тем более, что именно через это понятие определяют жанр уважаемые авторы.

В нашей статье мы остановились на выяснении того факта, что под яркой оболочкой лонгрида, сноуфолла, мультимедийной истории возрождается трансформированный инновационными технологиями очерк. Очевидно, что в жанровом смысле лонгриды могут быть не только очерками, но и корреспонденциями, статьями, журналистскими исследованиями.

В любом случае, чтобы двигаться к новым вершинам журнализма, необходимо не забывать о традиционных качествах и компетенциях журналиста, заключающихся в тонкой, скрупулезной работе со словом – основой мультимедийной истории. Но, безусловно, этих компетенций уже недостаточно, журналисту сегодня нужно получать навыки и опыт создания разных видов визуального контента, а также опыт гармоничного соединения мультиконтента в современное по форме, доступное по содержанию, эстетически совершенное произведение.

Воронежский государственный университет

Золотухин А. А., доцент кафедры теории и практики журналистики

E-mail: zolotukin@yandex.ru

Мажарина Ю. Н., преподаватель кафедры теории и практики журналистики

E-mail: yuliya-mazharina@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. «Воронежский курьер» войдёт в холдинг РИА «Воронеж» // Воронежский городской портал «360n.ru». – Режим доступа: <http://360n.ru/news/people/51846-voronezhskiy-kurier-voydet-v-holding-ria-voronezh>
2. Тепехов А. Правда без милости мучительство есть... / А. Тепехов // Журналист. – 1993. – № 4. – С. 3.
3. I thought long form was dead – then I saw these awesome stats // NewsWhip. – Режим доступа: <http://blog.newswhip.com/index.php/2013/12/article-length>
4. Mogelson L. The dream boat / L. Mogelson // The New York Times. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2013/11/17/magazine/the-impossible-refugee-boat-lift-to-christmas-island.html?pagewanted=all>
5. Juneau T. The Dominance of Looooong in the Age of Short / T. Juneau // Esquire. – Режим доступа: <http://www.esquire.com/80-things/the-dominance-of-loooooong-in-the-age-of-short-1013>
6. Ахмедова М. Женщина горной судьбы / М. Ахмедова // Ё-Огонёк. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2234324>
7. Duenes S. How The New York Times' 'Snow Fall' project unifies text, multimedia / S. Duenes // Poynter. – Режим доступа : <http://www.poynter.org/news/mediawire/198970/how-the-new-york-times-snow-fall-project-unifies-text-multimedia/>
8. Seven digital deadly sins // The Guardian. – Режим доступа : <http://digital-deadly-sins.theguardian.com/#/Grid>
9. Фёдорова М. Постолимпийский синдром / М. Фёдорова // Коммерсантъ. – Режим доступа: http://kommersant.ru/projects/sochi?utm_content=buffer59fc0&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer
10. Ад Беслана. Взгляд изнутри / Аргументы и факты. – Режим доступа : http://beslan.aif.ru/#_
11. Рукобратский В. Америка заколоченных небо-скрёбов / В. Рукобратский // Комсомольская правда. – Режим доступа : <http://www.kp.ru/daily/real-usa/?view=desktop>
12. Лукина М. М. Интернет-СМИ: Теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / М. М. Лукина. – М., 2010. – 350 с.

Voronezh State University

Zolotukhin A. A., Associate Professor of the Theory and Practice of Journalism Department

E-mail: zolotukin@yandex.ru

Mazharina Y. N. Lecturer of the Theory and Practice of Journalism Department

E-mail: yuliya-mazharina@yandex.ru

ПОНЯТИЕ СПОРТИВНОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ДИСКУРСА

Д. Г. Качанов, А. М. Шестерина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2015 г.

Аннотация: цель статьи – сформулировать понятие спортивного телевизионного дискурса и объяснить причины, обуславливающие его существование.

Ключевые слова: спортивное телевидение, дискурс, спортивный дискурс, телевизионная речь.

Abstract: the purpose of this article – to formulate the concept of sport television discourse and an explanation of the reasons for the existence of it.

Key words: sports TV, discourse, sports discourse, TV speech.

В широком смысле дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контекстах. Узкое значение дискурса – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия [1].

Определенный набор речевых произведений отрывочного характера (реплик в диалогах и различных ситуациях, высказываний длиной в несколько предложений и т. п.), но собранных за достаточно длительный промежуток времени. Так понимает дискурс Ю. Н. Караулов [2].

В. И. Карасик в рамках социолингвистической классификации дискурса выделяет:

- личностно-ориентированный дискурс (включающий бытовой и бытийный подтипы);
- статусно-ориентированный дискурс (включающий институциональный и неинституциональный подтипы) [3].

Этой незаконченной классификации уже достаточно для определения границ спортивного дискурса. Специализированный дискурс может существовать, если существует социальный институт, который он обеспечивает. Отсюда и название – институциональный дискурс, который выделяется в рамках социально-прагматического подхода к дискурсу. Институциональный сводится к образцам вербального поведения сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения или к социальным институтам [4].

В реальности институциональные дискурсы часто пересекаются и наслаиваются друг на друга. Это относится и к спортивному дискурсу в силу его открытости. Подобные процессы мы замечаем в письменных формах, где научная литература по биомеханике и физиологии спорта, истории спорта, спортивной

педагогике и психологии, учебно-методическая литература, используемая в сфере спортивного образования, тексты официально-нормативного характера (правила соревнований, единая спортивная классификация и др.) – скорее принадлежат другим институциональным дискурсам: соответственно научному, педагогическому, деловому, юридическому [5].

Остановимся на пересечениях спортивного дискурса с другими дискурсами:

- с научным – научная литература по проблемам спорта и физической культуры (проблемы технической и психологической подготовки спортсменов, история спортивно-физкультурного движения и др.);
- с педагогическим – учебные и учебно-методические тексты для студентов учебных заведений спортивного профиля, спортивных педагогов и психологов и др.;
- с юридическим и официально-деловым – правила игры, регламенты соревнований, нормативы присвоения званий и др.;
- с политическим и военным – в области агональности (состязательности), применим часто по отношению к игровому процессу;
- с бытовым – заметно в праздном, фатическом общении, когда «спорт» выступает темой для поддержания контакта или формой самопрезентации личности. Но этот случай легко превращается в информационное при заинтересованности участников общения;
- с масс-медийным – во многом определяет спортивный дискурс, диктует его форму (теле-, радио-, газетный); именно он способствует выделению спортивного дискурса в сфере журналистики;
- с театрально-сценическим – вытекает из предыдущего: аудитория воспринимает спортивное соревнование как зрелище.

Для отнесения дискурса к спортивному в любом виде общения из трех элементов коммуникации

(субъекта, адресата, содержания общения) достаточно спортивного содержания (это относится к сфере массмедиа). Если субъект и адресат относятся к институту спорта, но содержание дискурса не имеет к спорту никакого отношения, то он не может быть назван спортивным [6].

Спортивная коммуникация существует в трех разных коммуникативных сферах, из которых только две имеют точки пересечения друг с другом [7].

1. Спортивное соревнование. Действие осуществляется в реальном хронотопе, участники общения – спортсмены, тренеры, судьи; зрители имеют статус «наблюдателей». В рамках спортивных действий вербальный компонент не является обязательным; зачастую коммуникация ограничивается репликами судей и выкриками тренеров, а в неигровых видах спорта (плавание, гимнастика) и вовсе может отсутствовать. Если же этот компонент существует, то он носит черты разговорного дискурса.

2. Письменная коммуникация в сфере науки, образования, организации спорта. Это другие институциональные дискурсы, о чем говорилось выше. А «спорт» является темой и носителем специального подязыка (терминологии).

3. Устные и письменные спортивные дискурсы транслируемые по каналам масс-медиа. Они сочетают черты спортивного и масс-медийного институциональных дискурсов. Общение здесь осуществляется между журналистом и аудиторией. Существуют две группы признаков, доказывающих институциональность этих текстов: во-первых, процедуры создания и распространения текстов носят институциональный характер, что прямо и открыто соотносится с их структурно-языковыми характеристиками; во-вторых, присутствуют риторические и жанрово-стилистические характеристики: коммуникативная общезначимость, принципиальная разностильность, социально-оценочный характер языковых средств, частое введение в текст скрытого авторского «Я», постоянное диалектическое единство стандарта и экспрессии.

Проникновение «спорта» в средства массовой информации дает нам возможность говорить о существовании и функционировании спортивного дискурса в области журналистики, а прямые ТВ-трансляции позволяют сузить его до телевизионного.

Специфика этого подтипа обусловлена особенностями речи на телевидении. Это позволяет разделить черты телевизионного спортивного дискурса на две группы: универсальные и частные [8].

Универсальные характеристики актуальны по отношению к любой разновидности спортивного дискурса (газетно-журнальной, радио-, сетевой, телевизионной; бытовой).

1. «Ментальная» (идеологическая) основа. Главный из коммуникативно прагматических факторов спортивного дискурса: именно им предопреде-

лены ключевые, «исходные» свойства спортивного дискурса в любой его реализации. Сюда входят концептуальные доминанты – это базовые, опорные, системообразующие концептуальные универсалии, определяющие специфику данного типа дискурса и задающие семантическое и коммуникативно-прагматическое своеобразие текстов, в которых происходит реализация названных концептуальных феноменов [9].

Основные концепты:

- субъекты спортивной деятельности: спортсменов, тренер, судья, болельщик, спортивный комментатор, спортивный чиновник и др.;
- объекты: стадион, корт, поле, площадка и др.;
- атрибуты: правила, регламенты, положения и др.;
- действия, характерные для спорта: игра, тренировка, соревнование, судейство и др.;
- спортивные события: чемпионат, олимпиада и др. [10].

2. Пресуппозиция – ожидание того или расчет на то, что часть предлагаемой информации самоочевидна и/или хорошо известна слушателю [11]. Можно вести речь о двух типах пресуппозиций:

- общая – совокупность «стандартных» (для членов данного языкового коллектива) знаний о мире, тот минимум сведений, которым должен обладать любой взрослый человек, чтобы адекватно воспринимать реальность. Она формируется в процессе социализации;
- специальная (частная) – знания, для получения которых необходимы особые когнитивные усилия; предполагает повышение уровня релевантности вербального взаимодействия коммуникантов. Области проявления: правила и регламент, история выступлений и статистика, биография игрока, тренера, история команды, околоспортивные актуальные знания, специфика спортивных сооружений и инвентаря.

Различия в уровнях пресуппозиции заметны при работе комментаторов в эфире на разных каналах: на универсальных телеканалах ориентируются на широкого зрителя, а значит на общую пресуппозицию. На специализированных спортивных (или узкоспециализированных, транслирующих информацию об отдельном виде спорта), где зритель «подготовлен» – на специальную.

3. Неизолированность. Этот тип дискурса контактирует с другими дискурсными разновидностями в общем дискурсном пространстве, о чем подробно говорилось в предыдущем параграфе. Можно выделить три вида интердискурсных отношений [12]:

- тематическое соприкосновение (разные дискурсы в одном тематическом поле: спортивный и научный, спортивный и педагогический);
- концептное взаимодействие (взаимодействие близких ментальных сфер: спортивный и военный, спортивный и политический);

– включение (один дискурс является носителем другого: масс-медийный и спортивный).

Последняя связь определяет частные черты телевизионного спортивного дискурса, связанные с особенностями именно телеречи и языка СМИ.

1. Взаимодействие аудио-, видео-, речевого рядов. Способы взаимосвязи:

- видеоряд подчинен речи (в новостных и аналитических передачах) – речь подготовлена;
- речь подчинена видеоряду (в репортаже – комментарии с события) – речь спонтанна.

2. Массовость аудитории. Аспекты влияния на речевое поведение комментатора:

- удовлетворение информационных запросов аудитории – соблюдена тематическая уместность и ликвидирована недостаточная информативность видеоряда;
- отражение мнений, оценок, эмоций аудитории – ограничение личных симпатий, которые могут «раздробить» аудиторию и наоборот, при выступлениях «наших», когда аудитория однородна, что способствует сплочению зрителей;
- учет особенностей восприятия сообщаемой информации – пояснение сложных ситуаций на экране, повтор ранее сообщаемой информации.

3. Отсутствие обратной связи обуславливает монологичность речи спортивного телекомментатора, работающего «в одиночку». Однако речь диалогизирована: во-первых, в ней наличествуют средства, служащие для выражения адресной направленности, во-вторых, говорящим учитываются предполагаемые потребности и реакции телезрителя.

Выяснив факторы, влияющие на формирование телевизионного спортивного дискурса, можно сформулировать его дефиницию.

Телевизионный спортивный дискурс – совокупность языковых средств, обслуживающих спортивные состязания, и речевой процесс, который возникает при отражении этой деятельности на телеэкране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса / Т. А. Ван Дейк. – (<http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/>

vandijk2.htm).

2. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.

3. Карасик В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 5. – Волгоград, 2007. – С. 78–86.

4. Карасик В. И. Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 60.

5. Зильберт А. Б. Существует ли спортивный дискурс? / А. Б. Зильберт. – Мат. IX страховых чтений. – Изд-во Саратов. педагогич. ин-та СГУ, Саратов, 2000.

6. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс : точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – С. 103–112.

7. Зильберт Б. А. Спортивный дискурс : базовые понятия и категории; исследовательские задачи / Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – Вып. 17. – С. 45–55.

8. Телевизионный спортивный дискурс : аспекты коммуникативно-прагматического анализа / К. В. Снятков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. – СПб., 2007. – № 14. – С. 189–194.

9. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс : теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Г. Малышева. – Омск, 2011. – С. 47.

10. Марцинкевич И. П. Функциональные характеристики спортивного дискурса / И. П. Марцинкевич. – Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков», гуманитарный факультет БГУ, Минск / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т; редкол. : О. И. Уланович (отв. ред.). – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 50–53.

11. Ключев Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Ключев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – С. 86.

12. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. В. Снятков. – Вологда, 2008. – 25 с.

*Воронежский государственный университет
Качанов Д. Г., студент факультета журналистики,
кафедра телевизионной и радиожурналистики
E-mail: kachanov_denis_123@mail.ru*

*Шестерина А. М., заведующая кафедрой телевизионной
и радиожурналистики
E-mail: shesterina@mail.ru*

*Voronezh State University
Kachanov D. G., Student of the Television and Radio
Journalism Department
E-mail: kachanov_denis_123@mail.ru*

*Shesterina A. M., Head of the Television and Radio Journalism
Department
E-mail: shesterina@mail.ru*

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» 1880-Х ГГ.

Н. Н. Козлова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2015 г.

Аннотация: статья посвящена особенностям освещения жизни российской провинции либерально-западническим журналом «Вестник Европы» в период контрреформ 1880-х гг.

Ключевые слова: реформы Александра II, контрреформы Александра II, российская либеральная печать 19 в., земство, национальный вопрос, журнал «Вестник Европы», М. М. Стасюлевич.

Abstract: the article dwells on the peculiarities of presenting the life of the Russian province by the liberal journal «Mercury of Europe» during the counter-reforms period of 1880-s.

Key words: reforms of Alexandre II, counter-reforms of Alexandre II, Russian liberal press of the 19th century, zemstvo, national question, «Mercury of Europe», M. M. Stasyulevich.

Реформы Александра II дали мощный импульс к развитию либерального западничества как одного из влиятельных течений общественной мысли до-революционной России. Корни его уходят в 40-е гг. 19 века. Но только на волне преобразований, принятых властью в 60-е гг., стало возможным появление целой группы газет и журналов, которые, критикуя правительство за нерешительность и непоследовательность, в целом поддерживали проводившийся курс на либерализацию в важнейших областях жизни страны. Политический обозреватель «Вестника Европы» К. Арсеньев так характеризовал условия появления этого журнала в системе печати России 1866 года: «На правой стороне стоял катковский «Русский вестник», на левой стороне блестели «Современник» и «Русское слово», посередине зияло пустое пространство <...>. А между тем перед «центром» открывались тогда широкие, важные задачи. К нему примыкали сторонники безостановочного движения по этой дороге, на которую вступила Россия в эпоху «великих реформ» <...>. Нужно было охранять сделанное и настаивать на осуществлении всего задуманного» [1]. После закрытия в том же 1866 г. двух самых радикальных и влиятельных демократических изданий профессор Санкт-Петербургского университета Д. И. Каченовский писал издателю и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Дай Бог вестнику <...> заменить современник, не впадая в его крайности и отрицание и брань! Мы нуждаемся в честном и трезвом органе» [2]. Под трезвостью подразумевалось признание необходимости продолжения движения России по пути европеизации, начатого Петром I, чья реформаторская деятельность всегда оценивалась западниками очень высоко. Но движение постепенного, в рамках совершенствующегося закона, путем вве-

дения во все сферы жизни страны новых начал, которые были заявлены царем-освободителем и продолжали дело его великого пращура.

Важно понять, что именно началом считали руководство и авторский коллектив «Вестника Европы» те судьбоносные решения, которые были приняты правительством Александра II в 60-е годы. Сам размер империи, а также масштаб и глубина накопившихся проблем не позволяли рассчитывать в обозримом времени на ощутимые положительные результаты. Однако М. М. Стасюлевич и его команда на этом основании не склонны были извинять власти существенные отступления от избранного курса, за что журнал поплатился двумя предостережениями подряд в начале 70-х гг. И уже на протяжении этого десятилетия мерилom успеха или неуспеха проводимых правительством преобразований стали для журнала последствия, наблюдавшиеся в близких к столицам и в разной степени удаленных от них уголках громадного пространства, именуемого российской провинцией.

Но особый интерес, особую важность эти наблюдения приобрели в 80-е гг. В условиях контрреформ Александра II защита преобразований предыдущего царствования стала для либеральной оппозиции главной задачей. Насколько эти преобразования затронули глубины российской жизни, способствовали ее поступательному развитию, с одной стороны; с другой – как противоречат реалиям современной российской действительности попытки власти затормозить начавшееся в эпоху реформ движение или обратить его вспять, – показать все это наиболее полно и убедительно, с точки зрения редакции «Вестника Европы», можно было главным образом на материале провинциальной жизни.

Следует отметить, что сам образ этой жизни, представлявшийся авторами журнала, не был традиционен. Провинция здесь – не идиллия простого, бесхитрост-

ного существования и не тихий омут, наказание и гибель для активных, мыслящих натур. Это прежде всего крестьянский мир, население которого составляет в России подавляющее большинство. Поворот в жизни крестьянства, произведенный отменой крепостного права и последующими реформами, беспрецедентен. Проблемы земледельца, как застарелые, связанные с сохранением пережитков крепостничества, так и новые, порожденные освобождением, – это первостепенные проблемы общества и государства. Именно «на лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений» (как назвал М. Е. Салтыков-Щедрин первую часть своего публицистического цикла «Мелочи жизни», публиковавшегося в «Вестнике Европы» в 1886–1887 гг.) разыгрывалась главная драма современной российской жизни, вызывавшая у умеющих видеть и слышать чувство тревоги за будущее страны. Конечно, эта публикация, как и сам факт сотрудничества Щедрина с журналом после закрытия «Отечественных записок», уже могли бы быть достаточной характеристикой позиции издания по крестьянскому вопросу. Но очень мало сказано о том, в какой публицистический контекст оказались включены произведения писателя последних лет его жизни (кроме «Мелочей жизни», цикл «Пестрые письма» и автобиографический роман «Пошехонская старина»).

На протяжении всех 1880-х гг. (с продолжением в последующие периоды) из номера в номер в рамках «Внутреннего обозрения», рубрики «Из общественной хроники» (их автором с начала 80-х гг. стал К. К. Арсеньев), рубрики «Письма из провинции», в материалах известных публицистов, экономистов, земских деятелей «Вестник Европы» детально исследовал крестьянский вопрос. Формулировал задачи, которые следовало решать в продолжение начатых при Александре II преобразований: реформа арендных платежей, организация мелкого кредита, введение прогрессивного подоходного налога, организация переселений, ослабление протекционизма крупному капиталу, единство суда для всех сословий. В связи с этим отмечал некоторые меры правительства: плюсы в деятельности крестьянского банка, понижение выкупных платежей, отмену подушной подати. Констатировал, что эти меры меркнут на фоне проводимых в деревне контрреформ: принятие закона об ограничении семейных разделов, о найме сельских рабочих, о земских начальниках. Указывал на гигантские масштабы процессов обезземеления, обеднения основной массы крестьянства, ставящих мужика в полную зависимость от помещика, которая мало чем отличается от крепостной. Но может ли быть иначе, если существующие законы «приноровлены к потребностям и понятиям одного высшего класса» [43]. К. К. Арсеньев в своих обозрениях никогда не упускал возможность показать, насколько свободный крестьянин-земледелец полезен государству и в экономическом, и в социальном отношении.

Он очень аккуратен в платежах крестьянскому банку, в то время как «задолженность дворянского землевладения растет непрерывно» [4]. Он гораздо добросовестнее многих землевладельцев в выполнении обязанностей присяжных, причем оказывается вполне самостоятельным в своих суждениях и твердым в однажды принятом решении [5].

Все это не было чистым теоретизированием или плодом мимолетных впечатлений. Достаточно привести несколько публикаций из сотен материалов «Вестника Европы» 1880-х гг. о положении крестьян. В 1884 г. появились очерки В. Н. Назарьева «История одной волости». Еще в середине 70-х гг. в письме М. М. Стасюлевичу П. В. Анненков так характеризовал их автора, тогда еще только собиравшегося предложить журналу свои произведения: «Симбирский писатель <...> (один из евангельских святых, которыми земля держится) <...> дает понятие об условиях провинциального образования более яркое, чем все возможные трактаты <...> в качестве члена училищного совета он объезжал школы, причем, конечно, несколько раз тонул, проваливался под мосты, угорал, голодал, даже горел» [6]. В названной серии очерков В. В. Назарьев, много лет являвшийся и мировым судьей, и гласным Симбирского земства, нарисовал картину пореформенного развития Никольской волости Симбирской губернии. «Страсть к наживе, давно охватившая города и столицы, со всех сторон нахлынула на беззащитную, отсталую и все еще дремавшую жизнь, не встречая ни малейшего сопротивления или готовности к борьбе, ничего такого, что бы могло, хотя бы в некоторой степени, противодействовать беспощадности, беззастенчивости и алчности новых вождельцев <...>. Всеми руководила одна и та же мысль как можно скорее воспользоваться отсталостью и запоздалым детством захолустья, как можно лучше встряхнуть и обобрать эту вновь открытую Калифорнию» [7]. Процессы расслоения, обезземеления, обнищания крестьянства, «чахнущая» община обрели под пером равнодушного и компетентного наблюдателя конкретику, которую невозможно было оспорить. В 1885 и в 1886 гг. журнал поместил очерки Н. М. Астырева «В волостных писарях» и «С сильным не борись». Автор, в 1881 г. бросивший учебу в престижном институте инженеров путей сообщения, ушел «в народ» и более трех лет служил писарем в Кочетовской волости Воронежской губернии. «Если вы человек робкий и чересчур нравственно чистый, вам не совладать с той массой зла, подлости и насилия, которая со всех сторон нависла над беспомощным населением сел и деревень» [8]. Но и сам крестьянин, как был вунужден с горечью заключить правоту народник, настолько развращен десятилетиями административного произвола, что честность и порядочность в его глазах всегда имеют денежный эквивалент. «<...> один продать готов

всякого за шкалик – этот, в глазах деревенской публики, непутевый, пустой человек, которому грош цена, другой торгует собой за рубли – это средственный, обыденный человек, а кто себя за единицы или даже за десятки рублей не продает, – это уже «гора-человек», хотя эта же «гора» против, например, радужной может и не устоять <...> если же «гора» и против радужной устоит, то <...> будут говорить <...> «кто его знает, мудреный он какой-то, все у него не по-людски делается». Страшно сказать, но мне кажется, что заурядный мужик... вполне честного человека, которого нельзя купить и за тысячи, представить себе не может» [9]. Не менее драматичным было описание взаимоотношений писаря с уездным начальством, которое в стремлении выдать со службы «неудобного» (т. е. пользовавшегося слишком большим авторитетом у крестьян) человека не гнушались ни распусканием слухов, ни угрозами сообщить куда следует о его «неблагонадежности» [10]. Наконец, в 1888 и 1889 гг. под рубрикой «Письма из провинции» были опубликованы материалы за подписью Z., авторство которых с большой долей вероятности принадлежало Н. Ф. Иванову [11], служившему податным инспектором двух уездов Саратовской губернии. В первом содержался комментарий к записке саратовского губернатора об итогах поездки по вверенной ему территории. «Коренная ошибка записки состоит в допускаемой ею возможности создать из губернии <...> Аркадию одними «собственными средствами», без связей с мерами общегосударственного характера, направленными к подъему экономической жизни всей России <...>. Непомерно высокие арендные цены на землю, недостаточность крестьянских наделов, тягота прямых и косвенных налогов, уменьшение экспорта хлеба <...> вот ряд главнейших условий, подрывающих народное благосостояние <...>. На чинов администрации предполагается «запискою» возложить заботы об улучшении гигиенических условий населения <...> любопытно посмотреть на урядников в <...> должности смотрителей народного здоровья» [12]. Во втором письме говорилось о губернском съезде исправников, в ходе которого проводился опрос о причинах обеднения края. Из названных 50-60 причин «губернатор выделил только две: нравственный и религиозный упадок в массе крестьян». Соответственно исправникам были даны указания активно вмешиваться во все стороны жизни крестьян, включая личное хозяйство. Выбравшиеся ранее старшины и старосты теперь должны были назначаться полицией. «В одном из больших сел <...> такой административный избранник в течение нескольких месяцев своего хозяйствования <...> настолько озлобил крестьян, что они снарядили в Саратов особую депутацию похлопотать об избавлении от него, но депутация напрасно искала желаемой «управы» [13].

Сопоставимой по масштабам с обсуждением в журнале крестьянского вопроса была деятельность земства. Земскую реформу здесь считали едва ли не самым удачным из преобразований, осуществленных в 60-е гг. И полагали, что развитое земство способно обеспечить (конечно, в отдаленной перспективе) переход к федеративному устройству Российского государства. И опять в центре внимания провинция, хотя сам М. М. Стасюлевич много лет был гласным Санкт-Петербургской городской думы и мог бы воспользоваться своим редакторским положением для трансляции преимущественно столичного опыта. Но в основе редакционной политики по проблемам местного самоуправления лежало убеждение, что «цели, указанные земскими учреждениями, по преимуществу имеют отношение к благосостоянию крестьянского сословия» [14]. Так писал в статье «Крестьянские выборы в гласные уездных земских собраний» А. Д. Градовский, правовед, профессор Санкт-Петербургского университета, который в своих трудах разрабатывал проблему соотношения местных учреждений с политическим устройством государства. Он считал, что не административная централизация, а децентрализация в соединении с местным самоуправлением является надежным средством охраны государства от потрясений. «Такое направление земской деятельности, – замечал он в статье, – во многом зависит от состава <...> того разряда гласных, которые призваны говорить от имени сельских общин. Между тем именно организация крестьянского представительства составляет одно из самых больных мест нашего земского устройства» [15]. Эти общие тезисы наполнялись конкретным содержанием в многочисленных публикациях. Это мог быть материал под рубрикой «Из общественной хроники», представлявший деятельность уездного земского собрания глазами очевидца: «Противодействие со стороны крестьян встречает <...> всякий расход, не оправдываемый опытом или сопряженный с риском <...>. Замечательна энергия, с которой гласные – крестьяне стоят за земскую начальную школу <...>. Очень хорошо понимают крестьяне нравственную обязанность других сословий нести долю расходов, которые хотя по закону и лежат на одних крестьянах, но <...> приносят пользу не им одним <...> (сельская полиция). Они держатся с большой самостоятельностью, <...> сохраняя сдержанность, которая иногда могла бы служить наглядным примером для некоторых «культурных» членов собрания <...> ценно существование почвы, на которой люди разных сословий сходятся <...> как участники общего дела; действие этого общения медленно, мало заметно, но <...> неизгладимо» [16]. Это мог быть очерк «Деревенская медицина. Заметки врача» Я. М. Симоновича, практиковавшего в глухой деревне Псковской губернии. «Хворать и лечиться для крестьянина – роскошь <...>. Он предпочитает быть

нездоровым, напрягать во время болезни все свои силы <...>. Уход <...> если б он вздумал окружать им больного, обошелся бы ему <...> благополучием нескольких других членов семьи <...>. Вот почему невозможно осуждать крестьянина за оставление больных на произвол судьбы» [17]. Или комментарий «Третий съезд русских врачей в Петербурге», где обсуждался вопрос «о дальнейшем развитии нашего сокровища, которому нет ничего подобного в западной Европе, – нашей общественной, земской медицины» [18]. Из года в год следил «Вестник Европы» за деятельностью земских статистических комитетов, благодаря которой «и сама высшая администрация имела <...> весьма богатый и даровой материал» [19]. В публикациях журнала опыт работы статистиков многих губерний; трудности, с которыми они сталкивались на местном уровне (боязнь истины со стороны местных «кружков, лиц и т. п.» [20]), и меры по ограничению их деятельности со стороны центральной власти. Так, новые программы МВД не дают возможности составить объективную картину положения дел в экономике деревни [21]. «В области статистики против земства выдвигается призрак политической неблагонадежности; пример раскаявшихся грешников – земских собраний, постановивших уничтожить статистические издания – играет роль улики против всех остальных, закоренелых в своей злой воле» [22]. А в результате принятия на рубеже 80-90-х гг. закона о земских начальниках «земство умерло в виде самостоятельного местного учреждения, действующего под надзором правительства, а воскресло в виде выборного ведомства, введенного в общий строй наших административных учреждений в порядке полной подчиненности губернатору <...> земство <...> отдано в опеку местной администрации. По части избрания своих управ земству предоставлено меньше самостоятельности, чем любой акционерной компании в избрании своего правления» [23]. Между тем «при всех неблагоприятных условиях и несовершенствах в самой организации, земства являются все-таки несравненно лучшими хозяевами, чем администрация» [4]. Малые же успехи в их хозяйственной деятельности обусловлены тем, что «самое существенное – выборное право, у нас <...> ограничено таким образом, что лучше силы не имеют доступа к участию в <...> общественном управлении» [25]. «И нравственный уровень крестьянского самоуправления понизился за последнее время именно вследствие нежелания лучших людей из среды крестьян становиться лицом к лицу с неограниченным начальническим произволом» [26].

При всем при том в такой огромной стране, как Россия, общественная деятельность на местах должна была играть особую роль в подъеме благосостояния народа. Так считали в «Вестнике Европы» и при любой возможности старались ее поддержать. Поч-

ти все материалы такого рода были основаны на фактах из жизни провинции. Здесь и публикация письма в редакцию об открытии в Красноуфимском уезде Пермской губернии комитета по улучшению экономического состояния населения, хлопотах местного земства по делам общин, по развитию кустарных промыслов как средства избавления от безработицы с просьбой к редакции рассмотреть возможность публикации в журнале объявлений о производимых товарах [27]. И сообщение об открытии первой общественной сельской библиотеки в Харьковской губернии с подробным описанием опыта ее организации [28]. И выход первого тома исследования «Что читать народу?» харьковского учительского кружка под руководством Х. Д. Алчевской [29] с 1885 по 1887 гг. журнал вел кампанию по сбору средств на содержание народной школы, созданной известным представителем русской либеральной мысли К. Д. Кавелиным в Тульской губернии. Она завершилась передачей учебного заведения и капитала из пожертвований уездному земству. Отвечая скептикам слева и справа, одинаково отрицавшим либо возможность, либо необходимость существования независимых учреждений в современной политической системе России, обозреватель «Вестника Европы» К. К. Арсеньев замечал: «Дело вовсе не в том, могут ли существовать в самодержавном государстве самостоятельные и независимые, до известной степени, судебные и земские учреждения <...>. – Дело в том, желаемо ли, полезно ли их существование при данных условиях и в данное время <...>. Независимый суд и деятельное участие общества в местном управлении ценны везде и всегда – но особенно ценны они именно в самодержавном государстве, хотя они не могут в нем достигнуть полного своего развития <...>. Если в центре государства кипит политическая жизнь, она неизбежно проникает в самые отдаленные окраины <...> облегчает раскрытие и изобличение злоупотреблений, устраняет возможность неподвижности и застоя <...> где нет могучего корректива политической свободы (автор имел в виду парламент – Н. К.), там ничто не может восполнить недостатка самостоятельных независимых учреждений» [30]. На излете 80-х гг., когда земская контрреформа проводилась наиболее активно, тот же автор писал: «<...> интерес к земскому делу <...> распространен теперь больше, чем в начале восьмидесятых годов. Быть может, этому способствует сравнительное оскудение общественной жизни, заставляющее больше дорожить тем немногим, чего оно еще не коснулось; быть может также, что привязанность к благу растет параллельно с опасностью его лишиться» [31].

Еще одно важное направление обсуждения жизни российской провинции в журнале Стасюлевича – положение национальных окраин. В эпоху Александра III национализм стал одним из важных инстру-

ментов укрепления империи. Активизировался процесс русификации окраин. Охранительная печать настойчиво внедряла в сознание русского населения понятие «иностранец», «иноверец» (все нерусские и неправославные). «Травля иноплеменников и иноверцев вошла в моду» [32], – с тревогой замечал «Вестник Европы» в конце 80-х гг. Основа его программы по национальному вопросу – с одной стороны ликвидация различий в положении коренных русских губерний и окраин через введение городского и земского самоуправления, выборности мировых судей, суда присяжных; с другой – сохранение различий, которые составляют преимущества окраин перед центром (например, выборной полиции в Остзейском крае).

По проблеме ликвидации различий выделялись публикации за подписью Т. под постоянной рубрикой «Письма из провинции». Автор, известный грузинский общественный деятель, публицист, редактор Тифлисской газеты «Новое обозрение» Г. М. Туманов (Туманишвили), подробно рассматривал социально-экономические причины неблагополучия на Кавказе. «Для кавказских горцев не только не существует земских учреждений, но и то, крайне ограниченное сельское самоуправление, которое им дано по закону, фактически упраздняется по усмотрению местного начальства <...>. Легко себе представить, какая благоприятная почва создается в нашей глуши для произвола отдельных личностей <...>. Бесконтрольное <...> управление, как всегда и везде, развивает у нас легендарные хищения» [33], – утверждал он. Опровергал распространенное мнение «о нашей, кавказцев, неспособности к какой-либо серьезной общественной деятельности и о преждевременности введения у нас земства, суда присяжных, городского самоуправления и др. установлений, требующих самостоятельности общества <...>. Но <...> во многих центрах нашего края фактически создано местное самоуправление» [34]. Старался «показать, что меры строгости вообще, а тем более строгости неразборчивой, несправедливой, несообразной с условиями места и времени, не могут залечить одну из главных ран Кавказа <...> преступные наклонности <...> составляют продукт гражданского неурядиства края <...> бороться с кавказской уголовной безурядицею нужно не военными строгостями <...> а такими нешумными, но более действенными мерами, как упорядочение суда и администрации, распространение народного образования, безобидное для местного населения служебное его устройство, улучшение ирригации, охраны лесов и т. п.» [35].

Проблема сохранения различий центра и окраин обрела особую остроту в связи с инициированным охранительной печатью обсуждением вопроса о положении Финляндии. «Можно ли серьезно толковать о насильственном обращении Финляндии в русскую область?», – спрашивал оппонентов из наиболее

рьяных сторонников контрреформ обозреватель «Вестника Европы». – «Это значило бы отодвинуть Финляндию на степень Олонецкой, Архангельской или Вологодской губерний, умирающих с голоду среди гигантских богатств <...>. Финляндия пользуется благами, о которых русские губернии знают <...> лишь понаслышке и <...> обязана этим, по крайней мере отчасти <...> своему недурному государственному устройству <...>. Нашим доморожденным «националистам» нет никакого дела до населения Финляндии, им совершенно все равно, во что обойдется ему нивелировка, составляющая цель их усилий» [36]. Несколькими годами раньше, опровергая высказанное в петербургской печати мнение, что «Финляндия – в сущности, только великодушный каприз России, поставившей ее на некоторую культурную высоту», К. К. Арсеньев напоминал: «Некоторой культурной высоты Финляндия достигла сама, собственными силами; первые шаги ее <...> были сделаны задолго до завоевания ее Россией» [37]. И утверждал: «Если Финляндия до сих пор не была для России источником тревог и опасений, то объяснение этому следует искать <...> в отсутствии посягательств на самобытное развитие страны» [38].

Мысль о том, что свобода развития местной жизни есть залог здоровья государства, особенно часто повторялась и иллюстрировалась примерами в материалах разных авторов по национальному вопросу. Здесь особого внимания заслуживают труды (а это действительно результат серьезных научных изысканий) А. Н. Пыпина по белорусской этнографии, малорусскому языку и литературе, польской культуре. «Освобождение крестьян в первый раз открыло для русского общества в полной мере вопрос о белорусском народе <...>. Польское восстание усилило интерес враждою к Польше, но и спутало правильное понимание дела: патриотические публицисты внезапно узнали о существовании русского народа в западном крае и <...> с одной стороны объявили западный край чисто русскими, с другой, говорили о необходимости его «обрусения» <...>. Край, поставленный в эпоху восстания на военное положение, надолго остался в этом ненормальном положении <...>. Между тем существование местных особенностей народа не подлежит сомнению, и <...> эта местная жизнь разных краев нашего отечества имеет право быть глубоко важным интересом не одного только общества» [39].

Известный литературовед и публицист хотел, чтобы аудитория задумалась о «естественности местного патриотизма, т. е. о праве привязанности к своей родине представителя любого из народов, населявших страну, и с горечью замечал, что «привязанность малорусса к своей родине (как яркий ее пример он разбирал творчество Т. Шевченко) <...> в наше время стала и предметом для злостных обвинений» [40]. Процесс сближения народов в рамках

единого государства, с его точки зрения, – это улица с двусторонним движением. К такому заключению его привело, в частности, изучение литературы Галиции: свобода малорусского языка в литературе столь же необходима для взаимоотношения русских и малорусских, сколь и распространение русского языка в Галиции [41]. Но наиболее остро проблема была поставлена в связи с очень болезненным для России 19 века польским вопросом: «Мы так давно и так фатально связаны с польским народом, что изучение его истории и литературы могло бы быть для нас не только делом простой любознательности <...> не только научной, но известного рода нравственной обязанностью <...>. Если до сих пор русско-польские отношения так смутны, то немалую долю в этом занимает взаимное незнание народов и обществ между собою <...> польский вопрос остается спорным вопросом, возбуждающим страсти, но не находившим спокойного, беспристрастного обсуждения <...>. Поляки привыкли встречать с нашей стороны только отношение враждебное; немудрено, что это отталкивает их от такого же изучения России, русской истории и литературы» [42]. А. Н. Пыпина поддерживал иностранный обозреватель «Вестника Европы» Л. З. Слонимский: «<...> ненавидя поляков и бесцеремонно вторгаясь в их задушевные идеалы, иные русские патриоты совершенно серьезно ставят им в вину подобные же недоброжелательное отношение к России <...> они злорадно уличают поляков в привязанности к родной истории и к исконному национальному духу, между тем как для себя считают патриотизм заслугой и достоинством» [43].

Авторы журнала постоянно напоминали об ответственности печати за национальный мир и, в частности, указывали на абсурдность применения двойных стандартов в оценке одного и того же явления на национальных окраинах и в русских областях. Так, комментируя выступление славянофильской газеты «Русь», одного из самых активных претендентов на «истинный патриотизм», обозреватель «Вестника Европы» отмечал «любопытный факт: одна и та же газета в одно и то же время клеймит остзейских дворян – и стоит за «властную руку» дворян российских; возмущается «мечами правосудия, висящими над беззащитной спиной венденского крестьянина», – и отстаивает свист тех же «мечей» над спиной русского мужика» [44].

Между тем сколь бы ни были специфичны в своем историческом, социальном, культурном развитии разные регионы огромной страны, корни их неблагополучия общие: «Неспособность уважать чужую личность, индивидуальную и народную, нигде не распространена в такой мере, как у нас; нигде она не пользуется таким широким простором и таким развращающим влиянием на умы» [45]. Поэтому проблема не в том, какие дворяне более жестокосердны по отношению к низшим сословиям, остзейские или

русские, а в том, что в России на общегосударственном уровне до сих пор не отменены телесные наказания. И проблема обезземеления, полной зависимости от владельцев земли у крымских татар и у русских хлебопашцев одна и та же.

Нетрудно понять, почему главным направлением обсуждения жизни российской провинции в «Вестнике Европы» стали крестьянский вопрос, проблемы местного самоуправления и положение национальных окраин. Они, с точки зрения редакции, определяли общую судьбу всех существовавших в России сословий, проживавших в ней народов и народностей. Именно от того, как они будут решены, зависел дальнейший путь развития страны, будущее которой либерально-западническому изданию, конечно, представлялось европейским. Но, как писал в одном из программных «Внутренних обозрений» начала 80-х гг. К. К. Арсеньев, «перенесение к нам целиком английских или немецких порядков немыслимо уже потому, что государственный строй должен соответствовать условиям времени и места. Если разумеется под именем народной самобытности совокупность predeterminedных свойств, навеки застывших взглядов, неподвижных учреждений, то в такой самобытности следует отказать русскому народу, как и всякому другому; но самобытности в смысле особенностей, выработанных историей, постоянно изменяющихся, поддающихся действию самых различных причин и <...> обуславливающих собою самые различные последствия, не лишен ни один народ, не лишена <...> и Россия <...>. Уважать эту самобытность либералы расположены ничуть не меньше, чем националисты, а может быть и больше <...> самобытность, признаваемая нами, предполагает движение вперед, только не по произвольно выбранной дороге» [46]. Т. е. не по произволу (очевиден смысл употребленного автором выражения), который лежал в основе проводившихся властью контрреформ, должно было осуществляться развитие страны, а по заданному эпохой предыдущего царствования, совпадающему с естественным ходом истории направлению. Перспективы этого движения кратко и точно охарактеризовал в 1902 г. цензор: «Вестник Европы» известен в качестве журнала «либерального», западнического по преимуществу и даже оппозиционного. Журнал стоит за расширения общественной самостоятельности на всех поприщах, за устранение административного произвола, водворение строгой законности и пр.» [47]. «И пр.» означало принятие конституции, создание парламента, установление конституционной монархии. Политика Александра III здесь имела противоположный вектор, и ее несоответствие «историческим задачам России» журнал демонстрировал преимущественно в материалах из жизни провинции, подчеркивая таким образом естественность и глубину процессов, инициированных реформами Александра II. Не обольщаясь и не обольщая аудиторию надеж-

дами на скорые и однозначные результаты, но веря в то, во что российская власть не верила практически никогда. Комментируя заметки публициста парижской газеты «Nouvelle Revue» о европейском облике петербургского высшего общества середины 1880-х гг., обозреватель «Вестника Европы» отмечал: «Было время, когда дуализм, созданный петровской реформой в верхних слоях нашего общества, выражался в грубых, резких формах, когда внешний европеизм и подражательное либеральничанье уживались с замашками и приемами крепостнического барства. Теперь <...> место русского Мирабо, «хлещущего старого Гаврилу», заступили изысканно вежливые джентльмены <...>. Первый их признак – это употребление двояких мер <...> идет ли речь о России или об остальной Европе. По отношению к последней они либеральны <...> и любят гордиться либерализмом; обращаясь к первой, они прячут либерализм в карман и принимают на себя строгую мину опекунов, обучающих уму-разуму несовершеннолетнего питомца <...> несмотря на весь свой «патриотизм», они сходятся в этом с большинством иностранцев <...>. Раскройте любого немецкую книгу <...> статью <...> – в девяти случаях из десяти вы встретитесь с уверенностью, что Россия не созрела и не скоро еще созреет для свободы <...>» [48].

Так что «высокомерное отношение к русской народности и благоговение предо всем западноевропейским» [49], утрата национального чувства и понимания исторических задач России [50], которые устами цензурного ведомства инкриминировались властью журналу Стасюлевича практически на всем протяжении его существования, не получают подтверждения при детальном изучении издания. Особенно когда речь идет о публикациях, посвященных жизни российской провинции. Показывая, как контрреформы 1880-х гг. губят еще только завязывающиеся плоды преобразований предыдущего царствования или усугубляют не решенные в 1860-е гг. проблемы, «Вестник Европы» отмечал растущий разрыв проводившейся властями политики с реальными возможностями и потребностями страны. В первую очередь это касалось социально-политического устройства России, архаичность которого во многом обусловила потрясения начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев К. К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» // К. К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1915. – № 12. – С. 2.
2. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / [под ред. М. К. Лемке]. – В 5 т. – СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1911-1913. – Т. 5. – С. 141.

3. Вестник Европы. – 1890. – № 8. – С. 642.
4. Вестник Европы. – 1889. – № 10. – С. 819.
5. Вестник Европы. – 1890. – № 4. – С. 903.
6. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / [под ред. М. К. Лемке]. – В 5 т. – СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1911-1913. – Т. 3. – С. 316.
7. Вестник Европы. – 1884. – № 6. – С. 457-458.
8. Вестник Европы. – 1885. – № 8. – С. 520.
9. Вестник Европы. – 1886. – № 2. – С. 549.
10. Вестник Европы. – 1886. – № 2. – С. 537.
11. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей / И. Ф. Масанов. – В 4 т. – М. : Изд-во Всес. книж. палаты, 1956-1960. – Т. 4. – С. 203.
12. Вестник Европы. – 1888. – № 3. – С. 376-377, 382.
13. Вестник Европы. – 1889. – № 8. – С. 834.
14. Вестник Европы. – 1884. – № 5. – С. 328.
15. Вестник Европы. – 1884. – № 5. – С. 328.
16. Вестник Европы. – 1887. – № 3. – С. 449-451.
17. Вестник Европы. – 1884. – № 6. – С. 805, 807.
18. Вестник Европы. – 1889. – № 2. – С. 851.
19. Вестник Европы. – 1889. – № 3. – С. 387.
20. Вестник Европы. – 1885. – № 7. – С. 382.
21. Вестник Европы. – 1889. – № 3. – С. 325-327.
22. Вестник Европы. – 1888. – № 10. – С. 818.
23. Вестник Европы. – 1890. – № 8. – С. 393.
24. Вестник Европы. – 1888. – № 8. – С. 312.
25. Вестник Европы. – 1888. – № 8. – С. 876.
26. Вестник Европы. – 1888. – № 12. – С. 821.
27. Вестник Европы. – 1888. – № 2. – С. 928.
28. Вестник Европы. – 1890. – № 6. – С. 862-864.
29. Вестник Европы. – 1886. – № 7. – С. 435.
30. Вестник Европы. – 1888. – № 11. – С. 417-418.
31. Вестник Европы. – 1890. – № 2. – С. 902.
32. Вестник Европы. – 1888. – № 6. – С. 876.
33. Вестник Европы. – 1884. – № 9. – С. 382.
34. Вестник Европы. – 1884. – № 6. – С. 817-818.
35. Вестник Европы. – 1885. – № 12. – С. 646-647.
36. Вестник Европы. – 1889. – № 6. – С. 850-851.
37. Вестник Европы. – 1885. – № 9. – С. 421-422.
38. Вестник Европы. – 1885. – № 11. – С. 469.
39. Вестник Европы. – 1887. – № 7. – С. 226.
40. Вестник Европы. – 1888. – № 3. – С. 251.
41. Вестник Европы. – 1888. – № 11. – С. 378.
42. Вестник Европы. – 1891. – № 10. – С. 738-739.
43. Вестник Европы. – 1884. – № 10. – С. 843.
44. Вестник Европы. – 1885. – № 3. – С. 387.
45. Вестник Европы. – 1884. – № 10. – С. 844.
46. Вестник Европы. – 1882. – № 4. – С. 809.
47. РГИА, ф. 777, оп. 2, 1865, д. 102 б, л. 246.
48. Вестник Европы. – 1886. – № 7. – С. 459.
49. РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 87, л. 46 (об.).
50. РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 24, л. 131 (об.).

*Воронежский государственный университет
Козлова Н. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики и литературы*

*Voronezh State University
Kozlova N. N., Candidate of Philology, Associate Professor of
Journalism History and Literature Department*

**ПОЭТ АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН – ОБ АЛЕКСАНДРЕ ТВАРДОВСКОМ
И ЖУРНАЛЕ «НОВЫЙ МИР»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСАТЕЛЬСКОГО АРХИВА А. В. ЖИГУЛИНА)**

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2015 г.

Аннотация: в статье впервые анализируются материалы писательского архива (дневники и рабочие тетради) выдающегося русского советского поэта и прозаика Анатолия Владимировича Жигулина, рассказывается о той большой роли, которую сыграл в его жизни и творчестве главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский. По мнению поэта, подвижническая редакторская деятельность А. Т. Твардовского, бескомпромиссная позиция руководимого им журнала «Новый мир» во многом способствовали духовно-нравственному пробуждению общества в последние десятилетия XX века и представляют собой одну из ярких страниц истории отечественной журналистики.

Ключевые слова: Жигулин, Твардовский, Солженицын, журнал «Новый мир», история отечественной журналистики.

Abstract: the article first analyzes the materials writers archive (diaries and workbooks) of the outstanding russian soviet poet and prose writer Anatoly Vladimirovich Zhigulin, tells about the great role played in his life and creative work of the chief editor of the journal «New world» Alexander Tvardovsky. According to the poet, ascetic editorial activities A. T. Tvardovsky, the uncompromising position led them to the journal «New world» contributed largely to the spiritual and moral revival of society in the last decades of the twentieth century and represent one of the brightest pages in the history of russian journalism.

Key words: Zhigulin, Twardowsky, Solzhenitsyn, the journal «New world», history of russian journalism.

1 января 2015 года исполнилось 85 лет со дня рождения выдающегося русского советского поэта и прозаика, нашего земляка А. В. Жигулина (1930–2000). Большую роль в его жизни и творчестве сыграл Александр Трифонович Твардовский (1910–1971), классик советской литературы, автор знаменитой поэмы «Василий Тёркин», главный редактор журнала «Новый мир», деятельность которого, по мнению ряда исследователей, повлияла на весь дальнейший ход истории СССР.

Материалы писательского архива А. В. Жигулина, в том числе его записные книжки, дневники и рабочие тетради, переданные недавно, в соответствии с волей вдовы поэта И. В. Жигулиной, в Воронеж (это произошло во многом благодаря усилиям известного литературоведа и общественного деятеля О. Г. Ласунского) и хранящиеся в настоящее время в фондах областного литературного музея им. И. С. Никитина [1]¹, открывают новые, ранее неизвестные страницы его жизненной и творческой биографии, вносят дополнительные штрихи к портрету главного редактора журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского

и в целом отечественной журналистики послесталинской эпохи.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ТВАРДОВСКИМ

В 1978 году вышла в свет книга «Воспоминания об А. Твардовском» (Москва, издательство «Советский писатель», 488 с.). Как говорилось в краткой аннотации, сборник воспоминаний «даёт широкое представление об А. Твардовском как писателе, общественном деятеле и человеке». Книга была издана большим тиражом (50 тыс. экземпляров), имела твёрдый переплёт и включала в себя статьи нескольких десятков авторов – друзей и товарищей поэта по годам учёбы, военной поры, работы в советской литературе. Среди них – писатели К. Симонов, Б. Полевой, Е. Долматовский, Е. Воробьёв, К. Ваншенкин, И. Соколов-Микитов, А. Жигулин, С. Залыгин, Г. Бакланов и другие.

С высоты сегодняшних дней невольно бросается в глаза, что среди авторов книги нет А. И. Солженицына, триумфально шагнувшего в литературу в годы хрущёвской «оттепели» именно со страниц «Нового мира». Напомним, что по поводу разрешения напечатать повесть «Один день Ивана Денисовича» (первоначальное авторское название – «Щ-854») – А. Т. Твардовский обратился с письмом лично

¹ Ссылки сделаны по принципу: номер записной книжки (дневника) А. В. Жигулина, цитируемые страницы.

к Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущёву. После публикации за рубежом «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын в феврале 1974 года был насильно выдворен из страны и к тому времени проживал в американском штате Вермонт. Позднее он изложил свои впечатления от встреч с Твардовским в книге литературных очерков «Бодался телёнок с дубом».

Конечно, многое мог бы рассказать о Твардовском, как редакторе и человеке, его ближайший соратник, яркий и пронизательный литературный критик, которого называли, и не без оснований, «советским Добролюбовым», В. Я. Лакшин. Но и его, естественно, не оказалось среди авторов сборника, как и ряда других представителей разогнанной в начале 1970 года редколлегии «Нового мира».

Нет никаких сомнений, что в соответствии с существовавшими на тот момент порядками список авторов тщательно составлялся в Секретариате Союза писателей СССР и был согласован с Отделом культуры ЦК КПСС, а содержание книги было подвергнуто самой тщательной цензуре (ведь речь шла о «неблагонадёжном» бывшем главном редакторе журнала «Новый мир», который после антисталинского XXII съезда КПСС стал прибежищем либерально-демократических сил в литературе, символом «шестидесятничества», трибуной легальной оппозиции советской власти).

Статья А. Жигулина «Слезам нужно верить...» начинается так: «В сентябре 1961 года в Воронежское отделение Союза писателей на имя критика Анатолия Михайловича Абрамова поступила телеграмма: **«НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЁР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ – ТВАРДОВСКИЙ»** [2].

В этой фразе допущена неточность, которую сразу же после выхода книги заметил сам упоминаемый в статье А. М. Абрамов, известный в ту пору критик и литературовед, одним из первых обративший внимание на творчество начинающего поэта и горячо поддерживавший его в профессиональном становлении. Дело в том, что телеграмма А. Т. Твардовского была прислана не в областную писательскую организацию, как утверждал Жигулин, а на домашний адрес воронежского критика, одного из постоянных авторов журнала «Новый мир».

Вот что пишет А. М. Абрамов в своих мемуарах: «С этой телеграммой началось печатание А. Жигулина у А. Т. Твардовского. Телеграмма была ответом на письмо о стихах Жигулина и его книжку «Костёр», которую я послал Твардовскому в сентябре 1961 года перед отъездом со студентами в колхоз, в село Васильевку, под Анной. Из-за этой занятости я не мог тогда выполнить просьбу А. Т. Написал уже потом, когда вышли «Рельсы» Анатолия в «Молодой гвардии» («Новый мир», 1963, № 10).

Телеграмму привожу вместе с адресом, по которому она была прислана, потому что мне довелось слышать выступления, в которых говорится, что она прислана в организацию воронежских писателей. Источником этого, думаю, явилась неточность самого А. Жигулина, которому, естественно, я её тогда же показывал (кроме него телеграмму не видел никто) <...>.

В связи с этой телеграммой стоит сказать: я многим посылал стихи А. Жигулина. Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришёл новый замечательный поэт. Были и ответы интересные. Но это уже тема особой статьи» [3].

Откуда же взялась эта неточность? Ведь известно, что Жигулин был человек очень аккуратный, даже, можно сказать, педантичный во всём – в жизни, в быту, и, конечно, в творчестве, о чём свидетельствуют многие его современники, а также дневники и рабочие тетради самого поэта.

Считаем, что Анатолий Владимирович сознательно допустил в своей статье эту неточность: одно дело написать, что Твардовский прислал телеграмму на домашний адрес А. М. Абрамова, другое дело – в писательскую организацию, что сразу как бы приподнимает значимость события. Чтобы проверить эту версию, заглянем в дневник А. В. Жигулина за 1961 год. Читаем:

«27 сент. 61 г.

Среда. 22 ч.

Самое значительное событие дня (и вообще, видимо, важное событие в жизни) произошло следующим образом. Пришла в Союз (писателей. – В. К.) Антонина Тимофеевна Абрамова и принесла телеграмму на имя Ан. Михайловича. Вот точный текст телеграммы:

«ВОРОНЕЖ 11 МАЯ 7/9 КВАРТИРА 39 АБРАМОВУ АНАТОЛИЮ МИХАЙЛОВИЧУ².

МОСКВА 705/51 26 27 1010=

НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЕР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ. ТВАРДОВСКИЙ».

Сила! Твардовский обратил внимание на сборник. Это, конечно, здорово! Эта радость затмевает или почти затмевает все недавние неприятности <...>.

Теперь надо работать. Для «Нового мира» нужны, конечно, очень сильные стихи» [№ 60. С. 52–54].

Как показывает анализ эпистолярного наследия поэта, А. В. Жигулин всегда старался как можно точнее и подробнее фиксировать в своих записных книжках основные события литературной, общественно-политической и личной жизни. Впоследствии это ему очень помогало в ходе работы над

² Улица 11 мая – до 1962 года такое название носила Театральная улица в центре Воронежа.

стихами, публицистикой и прозой. Не подлежит сомнению, что при написании статьи «Слезам нужно верить...» Жигулин не раз заглядывал в свой дневник и именно отсюда взял текст телеграммы А. Т. Твардовского. По нашему мнению, он сознательно «отредактировал» адрес телеграммы по вышеуказанной причине.

В статье имеется и вторая неточность. Жигулин пишет: «Нечего и говорить, сколь радостно было для меня содержание телеграммы. Речь шла о том, что вышедшей тогда в Воронеже моей книге «Костёр-человек». Стихи я послал по почте, а 4-го ноября сам приехал в Москву и пришёл в редакцию журнала» [4].

На самом деле, как свидетельствуют записи в дневнике А. В. Жигулина, в Москву он приехал утром 30 октября 1961 года.

Приоткроем одну тайну. Дело в том, что история личного знакомства Анатолия Жигулина с А. Т. Твардовским развивалась на фоне его бурного романа с Ириной Неустроевой, выпускницей филологического факультета ВГУ и аспиранткой А. М. Абрамова. После окончания университета она вышла замуж и переехала на постоянное место жительства в Москву. Их роман завязался в Воронеже летом 1961 года, во время очередного приезда И. Неустроевой к родителям (к тому моменту её неудачный первый брак распался).

Как вспоминал позже А. Жигулин, в столицу он приехал больным (простудился в поезде). По этой причине, остановившись в гостях у Ирины, которая жила в коммунальной квартире на улице Осипенко (из окон на шестом этаже были видны кремлёвские рубиновые звёзды и купола соборов), он несколько дней не выходил из дому.

Месяц спустя, он по памяти и с юмором описал события тех дней в своей записной книжке.

«Утром, 4 ноября 1961 года, в субботу, я окончательно победил грипп, хоть у него были могущественные союзники: любовь и вино.

Решил идти в «Новый мир».

Кажется, в этот день случилось одно из наиболее весёлых в моей жизни происшествий.

Происшествие заключалось в следующем. Дабы предстать перед очами Твардовского в приличном виде, я решил малость почистить своё пальто и костюм.

Выложив всё из карманов (в том числе деньги и ключи), чтобы удобнее было чистить, я вышел на лестничную площадку с пальто в одной руке и со щёткой – в другой. Гм... На что бы повесить пальто? Вижу, на двери вбит гвоздик. Оказывается, этот гвоздик специально и существовал именно на предмет чистки одежды. Я сразу об этом догадался. Догадку мою потом подтвердил вечером сосед Юра... Короче говоря, повесил я пальто на гвоздь и, чтобы удобнее было чистить, чтобы дверь была устойчивее, потянул её на себя. Раздался бодрый металлический щелчок. Как уже догадался проницательный

читатель, это сработал нехитрый механизм английского замка. Я улыбнулся. Да, именно улыбнулся. Ничего иного я не смог бы сделать. Стало совсем весело, когда я ещё глубже осмыслил потрясающую безнадёжность моего положения.

Чужой город. Чужой дом. Здесь никто не знает меня, кроме Ирины.

Ирина и соседи по квартире (у них тоже есть ключи) придут только вечером. Я мог бы поехать к Ирине на работу за ключом, но адрес библиотеки записан в записной книжке. Книжка лежит на столе в квартире.

Впрочем, у меня и денег-то нет на дорогу. Больше того и фуражки нет, а на улице холод. Позвонить по телефону? Номер телефона – в записной книжке. Да и двух копеек нет.

Робко я постучался в дверь к соседям по этажу. Застенчиво объяснил смысл положения. Соседка посочувствовала мне, посоветовала идти в домоуправление.

Дальше уже мало интересного. Скажу только, что мне повезло – пришла соседка по квартире (тётя Люба) и выручила меня.

Поехал я в «Новый мир».

Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи.

«Флажки», «Ночная смена», «Земля» намечены в первый номер журнала» [№ 63. С. 50–58].

Далее приведём небольшой фрагмент из статьи А. Жигулина «Слезам нужно верить...»: «Только что закончился XXII съезд КПСС. Твардовский был в связи с этим очень занят, спешил, как мне сказали, на какое-то важное совещание, но, узнав, что я приехал из Воронежа, принял меня. Первые слова Твардовского меня несколько удивили. Он внимательно присмотрелся ко мне и сказал:

– Виду вас болезненный, но глаза весёлые, живые. Верю, что вы выздоровеете!

Уже после я сообразил, что это, вероятно, Абрамов писал Твардовскому о моей болезни. Александр Трифонович попросил меня рассказать о себе, интересовался подробностями моей трудовой биографии» [5].

Строки из дневника:

«5 ноября 1961 года, в воскресенье, был я в издательстве «Молодая гвардия». Познакомился с редактором русской прозы и поэзии Дм. Ковалёвым, а также с поэтом Вл. Фирсовым, который сейчас работает там редактором вместо Вл. Цыбина.

Чертовски не хочется описывать все издательские встречи и беседы. Скажу очень коротко. Рукопись уже была отрецензирована. Положительную рецензию написал Н. Старшинов. Фирсов читал тоже – в восторге. Читал и Ковалёв – был тронут до глубины души. План забит до 65 года, но, узнав о моей беседе с Твардовским, решили товарищи из

издательства выпустить мой сборник в 62-м году. Читал им стихи – понравилось <...>.

9-го ноября Дм. Ковалёв сообщил мне, что говорил с Твардовским насчёт моей книжки и что Александр Трифонович сказал обо мне и моих стихах много добрых слов.

7-го ноября вечером ходили на Красную площадь. Очень хотелось плюнуть на могилу Сталина, но не пробились» [№ 63. С. 59–60].

В один из тех дней в Воронеж на имя А. М. Абрамова была послана ещё одна телеграмма: «**БЫЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ ИДУТ ПЕРВЫЙ НОМЕР ПОЗДРАВЛЯЕМ ПРАЗДНИКОМ ЦЕЛУЕМ ИРА ТОЛЯ**».

ШКОЛА МАСТЕРСТВА И ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

Беседы с А. Т. Твардовским стали для молодого поэта настоящей школой мастерства и житейской мудрости. Как отмечал Жигулин, у Александра Трифоновича было обострённое чувство совести, долга и какой-то необыкновенной сопричастности к чужой боли. Он считал, что любой литератор – и маститый, и начинающий – должен с чрезвычайно высокой ответственностью относиться к собственному творчеству, отдавать всего себя без остатка делу. Именно так Твардовский относился к самому себе, к собственным стихам и прозе.

«10 февраля 1962 года, суббота.

...Сейчас слушал выступление А. Твардовского на вечере, посвящённом 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина. Очень яркое выступление! Да, надо учиться в первую очередь у Пушкина» [№ 65. С. 86].

В мае – июле 1962 года А. В. Жигулин находился на лечении в Московском научно-исследовательском институте туберкулёза Минздрава РСФСР. Как видно из записей в дневнике Жигулина, в этот момент А. Т. Твардовский принимал личное участие в его судьбе.

«14 мая 1962 года, понедельник.

Вечером приходила Хвойкина (одно из шуточных имён, данных Жигулиным Ирине Неустроевой. – В. К.). Она говорила по телефону с Твардовским. Александр Трифонович и в жизни реалист. Высказал предположение, что, может быть, Богушу (Богуш Л. К. – торакальный хирург, доктор мед. наук, профессор, академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии. – В. К.) не потребуется «данный экземпляр больного».

Из Союза (писателей. – В. К.) написали Богушу письмо. Что-то делается. Я, однако, стараюсь не вникать в эти дела – пусть будет, как будет» [№ 70. С. 4–5].

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила!.. Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы!

Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания: «Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому.

С большой радостью прочёл повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключённый номер И-2-594 Особого лагеря» [№ 78. С. 47–48].

Как свидетельствует корешок почтового отправления, аккуратно вложенный А. В. Жигулиным между страниц записной книжки, телеграмма, действительно, была послана в редакцию «Нового мира».

Видимо, загоревшись желанием осилить большие жанровые формы поэзии, которые были подвластны тому же Твардовскому, в феврале 1963 года Жигулин представил в «Новый мир» «поэму» под условным названием «Не верю в слёзы». Фактически это был цикл лагерных стихов, причём большинство из них были уже опубликованы в сборнике «Костёр-человек».

«3 марта 1963 года, воскресенье.

Хорошего мало. Говорил по телефону с Александром Трифоновичем. Он «научил» меня пойти к Карагановой. Смысл разговора таков. Необязательно стихи должен читать всегда главный редактор.

– Не повисайте, – говорит. – В редакции вас знают и знают моё отношение к вам. Вам ведь ещё не отказали, так и несите стихи Карагановой. А я их прочту, может быть, только в вёрстке. Вы взрослый человек и смелее действуйте сами.

Вот такова была приблизительно беседа. Ещё Твардовский говорил, что мог бы уделить мне несколько минут, но у него совещание в ЦК и он сейчас не выходит (т. е. болеет).

После разговора я сначала огорчился, а потом передумал. Ведь Твардовский прав. Не может же он меня всё время вести за ручку. Надо самому учиться ходить. И он по-деловому посоветовал, что надо делать.

А что ему сейчас не до молодых поэтов – это тоже верно. Видел я на днях Панченко и он рассказал, что сейчас в разгаре травля Твардовского и «Нового мира» за последние публикации, в частности, за Эренбурга, Некрасова, Яшина. Действительно, предстоит какое-то совещание в ЦК и новая встреча с молодыми писателями. А во вчерашней «Лит. газете» иезуитская статья В. Кожевникова. Ругает «Матрёнин двор» Солженицына. Ругает именно иезуитски – подковыривает очень хитро. Ведь прямо ругать нельзя, ибо рассказ «Матрёнин двор» – это железобетон, это правда, которую рубить нельзя с фасада. Вот и копают яму под фундамент. Такие-то дела» [№ 79. С. 81–83].

«6 марта 1963 года, среда.

Днём в понедельник, 4 числа, поехал в «Новый мир». Караганова встретила меня приветливо,

хотя и не узнала сначала. Достала мою рукопись и говорит:

– Надо нам с вами пойти ещё к Александру Трифоновичу. Он уже читал ваши стихи и у него есть замечания, но я сначала скажу вам о своих замечаниях. Между прочим, это, конечно, ни в коем случае не поэма, это цикл стихов. Я даже, видите, зачеркнула здесь слово «поэма». А Александр Трифонович прочитал и спросил: «А где же поэма? Он мне говорил о поэме».

Вот так приблизительно начался разговор с Карагановой. Что ж, начало было очень обещающим и я возрадовался в душе. Значит, думаю, будут печатать. Тем более, что Твардовский заинтересовался стихами» [№ 79. С. 92–93].

«Твардовский принял нас в небольшом кабинете, в том, что рядом с большим залом. Сказал:

– Здравствуйте, товарищ Жигулин! Ну, что ж, сядем рядком и поговорим...

И начал читать стихи и делать замечания. Итог разговора таков. Работать надо над стихами «Москва», «Поезд», «Вина». В первых двух переписать последние строфы <...>. Дойдя до главы «Вина», сразу перечеркнул средние строфы карандашом и сказал:

– Это всё от лукавого. Ничего вы не могли знать и понимать даже смутно!

И даже предпоследние две строфы вымарал, сказав:

– Нет-нет! Это ни в коем случае нельзя!..

<...> Что ещё сказать? Поэма, безусловно, проиграла, когда её стали рассматривать, как цикл стихов. Твардовский разгромил такие стихи, как «Отец», «Сны», «Стихи» по отдельности очень легко. Вместе (в поэме) им было бы удобнее защищаться. А когда их рассматривали по одному, то каждое стихотворение было убито такими словами:

– Ну, и что? И зачем это?

И всё-таки Твардовский сказал, что в «Снах» есть отличные строфы, что «Стихи» тоже интересны, но плохо, что гениальные лермонтовские строки обрамляют мои слабые и нерифмованные. Невыгодное соседство!

Окончание главы «Москва» он предложил сделать теплее, человечнее. Зачем, мол, эта твердокаменность – «не верю в слёзы»? Разве это хорошо – не верить в слёзы? И Москва, мол, получается какой-то свирепой, а вы к ней присоединяетесь <...>.

Были замечания и по «Хлебу», и по другим стихам. И разговор был довольно большой, наверное, не меньше полчаса. Потом расспросил меня о здоровье и о жизни. Я рассказал, что чувствую себя неплохо, что женился, что жена – та девушка, что ему звонила, когда я лежал в больнице. В общем, он со мной тепло поговорил и душевно <...>.

Вот запомнил ещё одну деталь. Когда говорили о стихотворении «Хлеб», Твардовский спросил, действительно ли была норма 20 кубометров. Я объ-

яснил, что норма зависит от диаметра деревьев, от породы дерева, погоды, пилы и т. п. Объяснил, зачем «бойся!» кричат <...>.

Караганова говорит, что, может быть, в ближайшее время они и не смогут дать эти стихи, но всё-таки хотят иметь их в своём портфеле» [№ 80. С. 3–13].

Видимо, осознав правоту замечаний А. Т. Твардовского Анатолий Жигулин больше не возвращался к идее объединить под сводами «поэмы» отдельные лагерные стихи, в том числе в перестроечное и постперестроечное время.

«ОБЛОЖИЛИ, КАК ВОЛКА, ФЛАЖКАМИ...»

Это известное стихотворение Анатолия Жигулина, написанное в 1981 году на основе его личных воспоминаний и переживаний, безусловно, можно поставить эпиграфом к рассказу о той беспрецедентной травле, которая на протяжении многих лет велась против Александра Твардовского и возглавляемого им журнала «Новый мир»:

Обложили, как волка, флажками,

И загнали в холодный овраг.

И зари желтоватое пламя

Отразилось на чёрных стволах...

В журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Огонёк» и центральной прессе (газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Литературная газета» и др.) периодически публиковались материалы с прямыми или косвенными нападениями на «Новый мир». Делалось это в виде различных «рецензий» на новмировские произведения, «писем читателей», безымянных передовиц на газетных полосах и т. д., и т. п.

Затяжную литературную (фактически – идеологическую) борьбу с «Новым миром» вёл журнал «Октябрь» (главный редактор В. А. Кочетов, автор романа «Чего же ты хочешь?», направленного против «разложения советского общества западной псевдокультурой и пропагандой»).

Не отставал от него и еженедельник «Огонёк» (главный редактор А. В. Софронов, один из советских «литературных генералов», автор патристически-государственнических стихов и поэм, по преимуществу – на донскую тему). 26 июля 1969 года в «Огоньке» появилось письмо под тенденциозным заголовком «Против чего выступает «Новый мир»?» одиннадцати писателей, обвинивших журнал в том, что он является «проводником буржуазной идеологии и космополитизма». По своему стилю и содержанию оно напоминало скорее политический донос, чем попытку вести конструктивную полемику. При этом большая часть авторов, подписавших данное письмо, как отмечалось в кратком и сдержанном ответе, опубликованном в журнале из-за препятствий цензуры лишь в сентябре, «в своё время подвергалась

весьма серьёзной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма».

Вот лишь небольшая часть записей в дневнике, отразивших переживания А. Жигулина в связи с развернутой против А. Твардовского и «Нового мира» широкомасштабной обструкционной кампанией.

«6 марта 1963 года, среда.

...Нынче в изд-ве «Мол. гвардия» я узнал, что положение с «Новым миром» тревожное. Готов проект решения о снятии Твардовского с поста главного редактора. Завтра состоится встреча руководителей Партии и Правительства с писателями. Будут выступать Шолохов, Софронов и другие лидеры правого крыла. Будут ругать Твардовского. И, видимо, сам Никита Сергеевич выступит» [№ 80. С. 9].

«2 апреля 1963 года, вторник.

Утешительно мало в жизни. Чёрная сотня совсем распоясывается. Нынче в «Лит. газете» некто Михаил Соколов требует чуть ли не в тюрьму посадить Твардовского, Суркова, Эренбурга. Мерзостная, хамская статья! Подло охаживает «Новый мир». А ведь при всех ошибках «Новый мир» сейчас – единственный настоящий журнал. Лет через 50 наши внуки в школе будут по учебникам изучать роль нынешнего «Нового мира» в создании советской литературы, как сейчас дети изучают в школах роль «Современника» <...>.

Неужели уйдёт Твардовский? Это было бы ужасно. Опять попёрли бы, как грибы, «Кавалеры золотой звезды» и всякие прочие «Белые берёзы». Опять мрак!

Ей-Богу, так обидно и больно за Твардовского, как за самого себя. Но он не уйдёт, он сильный человек. Его трудно свалить» [№ 80. С. 77–78, 81–82].

«18 августа 1963 года, воскресенье.

Огромная радость! В «Известиях» – великолепная поэма Твардовского «Василий Тёркин на том свете». Это предельно смелая сатира на те мерзости, которые творились в нашей стране при культе, на те мерзости, которые и нынче в значительной степени у нас здравствуют в виде дураков-перестраховщиков в Воронежском обкоме...

Заметка А. Аджубея (главный редактор газеты «Известия», зять Н. С. Хрущёва. – В. К.), предваряющая публикацию, довольно своеобразная (чтобы не сказать иезуитская – весь целый год «Известия» планомерно травили Твардовского и «Новый мир»). Аджубей, в частности, пишет: «Наверное, вызовет она (поэма – А. Ж.) и споры, и возражения, и это хорошо!..» Да, это хорошо, если споры и возражения. Но плохо, если начнётся травля. Как бы не спустили кочетовских собак. Могут и письма появиться «от читателей», как это было с А. Яшиным и Ф. Абрамовым. Но всё равно Твардовский – гений! И великое дело сделано – поэма живёт! Она многому научит людей, многим шире откроет глаза.

Дай Бог здоровья Александру Трифоновичу! Всё. Нету слов больше» [№ 83. С. 45–48].

В первом номере «Нового мира» за 1965 год была опубликована статья А. Твардовского «По поводу юбилея» (в рамках дискуссии с журналом «Октябрь» речь шла о партийности литературы, её задачах и судьбах). Это публикация вызвала новый шквал критики и даже брани в адрес А. Твардовского и «Нового мира». 14 апреля 1965 года в «Известиях» вышел резкий, несправедливый и явно инспирированный сверху, со Старой площади, где располагался комплекс зданий ЦК КПСС, отклик известного скульптора Е. Вучетича.

«16 апреля 1965 года, пятница.

Прочитал Вучетича. Статья написана на уровне школьного сочинения. Это, конечно, не большая беда, но прописные истины перемешаны с передержками и откровенной демагогией. Читать противно и стыдно за «Известия». Впрочем, им не в первый раз... Не совсем понятно, однако, почему статья появилась в «Известиях». Наверное, для «Правды» показалась слишком глупой. Впрочем, в «Правде» появлялись вещи и почище. Например, подборка писем о Солженицыне в прошлом году» [№ 90. С. 29–30].

«8 сентября 1969 года, понедельник.

Получили в бухг. «Известий» за 7-й номер «Н. м.» 147 р. 41 к. Неожиданная радость – так много! По четыре рубля за строку.

Зашли в редакцию к Юре Буртину, выразили в его лице признательность журналу. Грустно побеседовали о жизни. А. Солженицына запрещено даже упоминать. Считается, что вроде бы даже и не было такого писателя. Ответ авторам «огоньковского» письма удалось дать с большим трудом – против была и цензура, и ЦК. Вёрстка журнала теперь читается не только Главлитом. Главлит каждый номер направляет в ЦК партии. А там он попадает в руки Барабаша, Мелентьева... Ну и ну!» [№ 112. С. 7].

«12 ноября 1969 года, среда, 21.30.

Александр Исаевич Солженицын исключён из Союза писателей СССР! Информация об этом подлом акте появилась в «Лит. газете». Решили, стало быть, административно-юридически утвердить свой обожаемый тезис: никакого писателя Солженицына ~~вовсе и не было~~. Мерзавцы! Солженицына давно уже не печатают, но исключение из СП – всё равно – жестокий, злобный бесчеловечный акт. Было бы абсурдным делом пытаться уничтожить Солженицына-писателя – он всемирно известен, его не уничтожить. Но они хотят физически уничтожить Солженицына-человека. Теперь он – не член Союза. Теперь, если он не поступит на работу, его могут выслать в дальние края как тунеядца. И был уже подобный случай с одним ленинградским писателем. Теперь Солженицын лишён возможности обращаться в СП, лишён права на пенсию и т. п. Они хотят стереть его окончательно в порошок» [№ 112. С. 62–63].

РАЗГРОМ «НОВОГО МИРА»

Затянувшийся конфликт А. Т. Твардовского с партийными и литературными властями достиг апогея после смещения Н. С. Хрущёва с высших постов (это произошло на пленуме ЦК КПСС в октябре 1964 года).

В числе представителей высшего эшелона власти, особо рьяно выступавших против журнала и А. Т. Твардовского, были, в частности, первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, один из лидеров национально-патриотического движения (именно в его подчинении находилось издательство «Молодая гвардия»), и начальник Главного политического управления Армии и Флота А. А. Епишев, своим волевым решением запретивший подписку на «Новый мир» в Вооружённых силах.

Учитывая внушительный авторитет А. Т. Твардовского, руководство Союза писателей не решалось уволить его с поста главного редактора «Нового мира», как говорится, «одним росчерком пера». Тогда было решено действовать в соответствии со старой русской поговоркой: «Не мытьём, так катаньем». После решения Секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редколлегии журнала и назначение на эти должности людей из «противоположного лагеря», загнанный в угол Твардовский в феврале 1970 года был вынужден сложить редакторские полномочия.

«9 февраля 1970 года, понедельник, 16.25.

Плохо! Очень плохо! Кажется, что и не может быть хуже. Но это обманчивое ощущение – хуже, конечно, бывает, и, видимо, ещё будет хуже.

Начинаю с самого тяжёлого. Задушили «Новый мир» – последовательно на двух Секретариатах СП СССР – 4 февраля и нынче, 9-го. Внешний повод – публикация за рубежом поэмы Твардовского. По последним сведениям (И. Золотусский сказал по телефону) – из редколлегии выведено пять человек: Лакшин, Виноградов, Марьямов, Кондратович и ещё кто-то, кажется, Сац. Введены в редколлегию: Косолапов, Рекемчук, Наровчатов, какой-то критик Олег Смирнов, и бывший редактор «Сов. культуры» Большов... Не известно, останется ли Твардовский редактором, но в любом случае прежний «Новый мир» прекратил своё существование» [№ 112. С. 172–173].

«10 февраля 1970 года, вторник, 22.00.

Так горько и грустно, что и писать не хочется. Не одному мне тяжело... Погиб «Новый мир»... Говорил сейчас с Лёвой Левицким. Он тоже в унынии. Первый номер уже печатается. Это последний будет номер, подписанный Твардовским <...>.

Говорил днём с Игорем Золотусским. Он был в «Н. м.». Ребята собирают бумаги. Разгром. Уходят из редколлегии (кроме пяти уже выведенных) и Твардовский, и Дорош, и Хитров. Уходят все работники редакции, даже корректоры. В редколлегии остаются из старых только всеядные представители «дикой

дивизии» – Айтматов и Гамзатов. И «крупный писатель» К Федин – инициатор и главная движущая сила этого гнусного дела <...>.

А Наровчатов всё-таки устыдился: каким-то образом сумел всё-таки отказаться от сомнительной чести. Переиграли. Вместо него в числе первой пятёрки новой редколлегии – некто А. И. Овчаренко, крупный специалист по соцреализму ещё со сталинских времён. Завтра в «Л. Г.» рядом с половинчатой рецензией на роман Кочетова будет первая маленькая информушка о разгроме «Нового мира». Мелким незаметным шрифтом. Это для всей страны. А в московском выпуске «Л. Г.» информация, возможно, будет чуть побольше – будут указаны и лица, принимавшие участие в секретариате. Возможно, будет и письмо Твардовского (по поводу публикации за границей поэмы).

Что ещё сказать? В новую редколлегию «Н. м.» стремится и Миша Синельников. А этот самый А. И. Овчаренко уже выступал несколько дней назад на пленуме по критике – обвинил Твардовского в защите кулачества. Это он уже на основании новой поэмы. Сразу ему за это кусок пирога – в редколлегию «Нового мира». Хоть бы название журнала сменили, сволочи. Или вообще закрыли бы.

И ещё мелкая обида: мы на целый год на «Н. м.» подписались. А зачем он нам теперь? Статьи Синельникова читать?..

Плохо. Очень плохо. Полный закат наступает» [№ 112. С. 174–177].

«13 февраля 1970 года, пятница, 12.30.

Сейчас, когда я пишу эти строки, идёт заседание Секретариата СП СССР. Рассматривают заявление Твардовского, радостно потирают руки. Добились своего: формально Твардовский уходит сам. Не нужны громкие статьи об ошибках журнала и т. п. Заявления об уходе подали также Е. Дорош и М. Хитров.

...Существуют письма протеста против разгрома «Нового мира». Письмо учёных. Письмо писателей (по словам Г. Красухина: Исаковский, Можаяев, Тендряков, Аксёнов. Евтушенко, Вознесенский, Ю. Трифонов, С. Антонов – всего около 15).

12 лет существовал «Новый мир» Твардовского. Целая эпоха русской советской литературы. Наши внуки и правнуки, наши потомки будут изучать в школах этот период. Специальный раздел будет в учебниках литературы.

Вся прогрессивная Москва прощается с «Новым миром». Сотни людей ежедневно приходят в редакцию в эти дни. Словно на панихиду, словно на похороны» [№ 112. С. 181–182].

Из приведённых выше записей А. В. Жигулина видно, как тяжело перенёс он разгром редакции «Нового мира». А болезнь и преждевременная смерть Твардовского, случившаяся 18 декабря 1971 года в подмосковном посёлке Красная Пахра, стали для него личным горем.

Да только ли для него одного? Александр Солженицын в своём Поминальном слове о Твардовском, составленном к девятому дню после его смерти, и распространявшемся через Самиздат, гневно писал: «Есть много способов убить поэта. Для Твардовского было избрано: отнять его детище – его страсть – его журнал» [6].

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ТВАРДОВСКОГО

18 декабря 1971 года А. В. Жигулин вместе с другими литераторами приехал в Академию общественных наук при ЦК КПСС и принял участие в вечере, посвящённом 150-летию со дня рождения великого русского поэта, писателя и публициста, классика русской литературы Н. А. Некрасова. В этот момент пришла весть о смерти А. Т. Твардовского.

За три недели до этого, 26 ноября 1971 года, Жигулин выступал на подобном вечере в Литературном музее. Отметив огромный вклад Н. А. Некрасова в общественно-политическую жизнь и русскую литературу, Анатолий Владимирович сказал (цитируем по его записям в дневнике):

– Традиции Некрасова живы и сейчас в советской поэзии. Несомненно, самым ярким представителем некрасовской школы является наш современник и тоже – не побоюсь сказать – великий поэт Александр Твардовский. И общественно-гражданская деятельность Твардовского, и его поэзия в истории русской литературы сопоставимы только с жизнью и творчеством Н. А. Некрасова.

Далее Жигулин прочитал небольшое стихотворение, посвящённое А. Т. Твардовскому:

*Осень, опять начинается осень.
Листья плывут, чуть касаясь воды.
И за деревней на свежем покое
Чисто и нежно желтеют скирды...*

Завершил он выступление такими словами:

– Александр Трифонович сейчас тяжело, неизлечимо болен. Как видите, даже этим обстоятельством он как бы повторяет судьбу Некрасова... [№ 118-а. С. 1–6].

И вот случилось то, что должно было случиться.
«18 декабря 1971 года, суббота.

Умер А. Твардовский, великий русский поэт.

Узнал об этом от Е. Сидорова в Академии общественных наук, куда приехал выступать на вечер Некрасова. Приехал С. С. Наровчатов и подтвердил: да, Твардовский умер на даче этой ночью... Слов нет никаких. Никакими словами не выразить боль и горечь. Убили великого поэта! Убили сытые и благополучные – той самой породы люди, коим я читал нынче стихи!.. Никогда больше не буду выступать в подобных учреждениях...» [№ 118. С. 82].

21 декабря 1971 года, в среду, состоялись похороны А. Т. Твардовского. В своём дневнике Жигулин сделал подробные записи об этом печальном дне. Приведём отдельные фрагменты:

«Ещё не было десяти утра, когда я поехал в ЦДЛ. По дороге купил свежие и вчерашние вечерние газеты. Всё не верилось, что так и не будет объявлено о времени и месте прощания, похорон. Увы! Нигде ни единой строчки! Какая жестокость! Какой позор! Намеренно лишили народ возможности проститься со своим великим поэтом. Что ж, российские правители всегда боялись великих поэтов России, даже умерших. Гроб с телом Пушкина, накрытый простой рогожей, тайно увезли в Святогорский монастырь в сопровождении двух жандармов... Иные времена – иные масштабы: ещё с Садового кольца из автобуса заметил я цепи милиционеров в чёрных дублёных полушубках. А в самом ЦДЛ сразу бросилось в глаза обилие незнакомых молодых мужчин с настороженными лицами. У некоторых повязки «дружинник». Так и стояли они шпалерами вдоль стен большого зала, вдоль всего пути к гробу... Вот уж воистину: у страха глаза велики. Вооружённого восстания что ли боялись?! Несмотря на все жестокие меры, людей было много. И откуда только узнали? С девяти утра до самой панихиды люди шли непрерывно. Я думаю: если бы было объявление в газетах, народ заполнил бы всю площадь Восстания и ближайшие улицы.

Первая живая душа, которую встретил я в вестибюле, был Лёва Левицкий. Мы прошли с ним первый прощальный круг. Гроб стоял на сцене чуть наклонно к залу. Много венков с красными и белыми лентами. Живые и бумажные цветы. Лицо Твардовского жёлтое, без морщин. Потом я разглядел и запомнил его хорошо, когда стоял в почётном карауле. Стояли мы с Лёвой Левицким, Ф. Световым. И незнакомая какая-то писательница была с нами четвёртой. Ордена и медали на красных шёлковых подушечках. И подумалось: какая это пустота – эти побрякушки рядом со смертью, с окончанием жизни <...>.

Говорили речи: С. Наровчатов, А. Сурков, С. Орлов, Г. Абашидзе, генерал Востоков (заместитель Епишева, одного из самых яростных гонителей «Нового мира»), К. Симонов. Проникновенно вроде, но пустовато, слишком трусливо и слишком отрететировано говорили все. Кто лучше, кто хуже говорил, но никто главного не сказал. Только К. Симонов робко упомянул «Новый мир», сказал о честности и принципиальности Твардовского и назвал его великим поэтом. И зал словно вздохнул облегчённо (так мне показалось) – хотя малая доля правды была сказана.

Наровчатов закрыл митинг. И вдруг в тишине раздался женский голос из задних рядов, что ближе к ложам. Вздвинуто кричала молодая женщина. Ей мешали. Голос её был слаб. Долетали до сцены отдельные слова, отдельные фразы:

– Почему никто не сказал, что Твардовского заставляли, лишили его любимого детища?.. Почему не сказали, что последняя поэма Твардовского не напечатана, запрещена?..

Женщину утихомирили. Возникло несколько странное ощущение...

Потом – вынос тела. Встреча с Г. Троепольским, очень горюет старик.

Автобусы, много специальных автобусов. Амурные розовые заснеженные стены и башенки Ново-Девичьего монастыря. Это – ещё из окон автобуса. А когда вышли, первое, что бросилось в глаза – оцепление. Сотни солдат на расстоянии метра друг от друга окружили всё кладбище. И в пустом блестящем от солнца и снега пространстве – милицейские машины. Оказывается, никого из простых людей на кладбище не пускали <...>. Холод. Перекрикивания милицейских офицеров:

– Сниматься будем ровно в четыре!..

Говорят, первую горсть земли бросил в могилу А. Солженицын. Он был и на панихиде, но я его не видел. Много было людей <...>.

Обратил вдруг внимание: кто-то фотографирует одну из могил, самую обычную могилу. Пригляделся: это, оказывается, могила Н. С. Хрущёва. Потом, когда уже все расходились, мы с Б. Слуцким и В. Огневым постояли немного у этой могилы, сняв шапки. Почтили память Никиты Сергеевича...» [№ 118. С. 86–96].

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В своей статье «Слезам нужно верить...» Анатолий Жигулин написал: «Говорят, Твардовский в жизни бывал порою суров и даже резок, в частности, в отношениях к молодым поэтам. Допускаю, что в этом есть небольшая доля истины, идущая от высоких требований поэта к стихам. Но мне всегда открывался в нём прежде всего человек добрый, участливый, готовый помочь. Сейчас понимаю, как много значили для меня даже нечастые общения с Твардовским, и для моего творчества, и даже – не побоюсь сказать – для окончательного

формирования моего мировоззрения. Не говоря уже о самом прямом участии Твардовского в моей судьбе...» [7].

О своих встречах с А. Т. Твардовским, о его редакторских и житейских уроках А. В. Жигулин написал в повести «Чёрные камни» (1988), в «Страницах автобиографии», опубликованных в однотомнике «Избранное» (М. : Художественная литература, 1981), в многочисленных интервью и письмах.

Есть все основания полагать, что в последние годы, несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья, А. В. Жигулин мечтал написать мемуары о прожитой жизни, о своей судьбе, о великих современниках. В том числе – и прежде всего! – о Твардовском. Он всё чаще обращался к своим дневникам и рабочим тетрадям, перечитывал их, делал новые записи. Он до последней минуты, до последнего удара сердца работал, строил планы на будущее. Но, увы, им не суждено было сбыться...

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулин А. В. Записные книжки, дневники и рабочие тетради / А. В. Жигулин. – Архив Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.

2. См. : Жигулин А. В. «Слезам нужно верить...» / Анатолий Жигулин // Воспоминания об А. Твардовском (сборник). – Москва, Издательство «Советский писатель», 1978. – С. 287–291.

3. Абрамов А. М. Письма Александра Твардовского / Анатолий Абрамов. – Русское поле. Содружество литературных проектов. – 2001. – <http://podyom.ruspole.info/node/1657>

4. Жигулин А. В. Там же. – С. 287.

5. Там же. – С. 287.

6. Солженицын А. И. Поминальное слово о Твардовском / Александр Солженицын. – «Наш современник». – 1989. – № 9.

7. Жигулин А. В. Там же. – С. 288–289.

Воронежский государственный университет
Колобов В. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Voronezh State University
Kolobov V. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations Department
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ В XXI ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ)

О. В. Мухин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется использование средств и приемов информационной войны в качественной и массовой российской прессе при освещении конфликта на Украине.

Ключевые слова: информационная война, российская пресса, конфликт на Украине.

Abstract: the article covers the use of the tools and techniques of information warfare in Russian quality press and tabloids in the coverage of the conflict in Ukraine.

Key words: information warfare, Russian press, conflict in Ukraine.

В современном обществе роль СМИ как инструмента пропаганды и агитации продолжает расти. После окончания «холодной войны» информационное противоборство не утихло, напротив, усилилось на фоне ускорения технического развития. В условиях вооружённых конфликтов, а также непосредственно до и после их активной фазы, роль СМИ как инструмента информационного противоборства многократно возрастает. Информационное поражение может значительно скорректировать и даже свести на нет результаты победы вооружённых сил.

Термин «информационная война» трактуется исследователями по-разному. В частности, И. Н. Панарин даёт такое определение: «Информационная война – это управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [1]. По его мнению, организатором информационной войны может быть отдельный человек, бизнес-структура или государство; целями – ослабление конкурента, экономическая или геополитическая экспансия и другие. Объединенный комитет начальников штабов США принял следующее определение информационных операций: это «использование информационных возможностей... для влияния на принятие решений противником (потенциальным противником) и защиты своих интересов в ходе военных операций» [2]. А. В. Манойло определяет информационную войну как «воздействие на гражданское население и/или военнослужащих другого государства путём распространения определённой информации» [3]. С. А. Ковов предлагает такое определение: информационная война – это «основная форма обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в антагонистических конфликтах» [4].

При этом стоит выделить и другой аспект информационной войны, который условно можно обозначить как технический. К нему можно отнести в первую очередь ведение радиоэлектронной разведки и радиоэлектронной борьбы, а также кибернетические атаки.

Вопрос о методах и средствах информационной войны неотделим от понятия манипуляции сознанием. Этот вопрос был достаточно полно исследован в работах Е. Л. Доценко, С. Г. Кара-Мурзы и других исследователей. Непосредственно феномен информационной войны, методов и приемов ее ведения, в частности, в СМИ, раскрыт в работах В. И. Сапунова, С. А. Ковова, А. В. Манойло, И. Н. Панарины.

С. Г. Кара-Мурза выделяет следующие приёмы, повышающие эффективность СМИ в манипуляции сознанием: фабрикация фактов (прямая ложь), отбор событий реальности для сообщений, серая и чёрная пропаганда, большие психозы [5].

В. И. Сапунов выделяет следующие группы технологий манипулятивного воздействия, используемые СМИ: передергивание фактов, создание спектра мнений, утверждение, умолчание, проведение кампаний, семантическая обработка, создание социокультурных шаблонов, создание шаблона повседневности смерти, создание психозов, композиционная обработка, отсутствие комментария, пояснение, упаковка, присоединение, спорное сравнение, наклеивание ярлыков, использование (неиспользование) кавычек, имитация деятельности и осмеяние. По его мнению, главным направлением манипулятивной стратегии мировых СМИ и, в частности, информационных агентств является «безальтернативность неолиберальной капиталистической глобализации, в том числе военных способов её утверждения и соответствующих политэкономических и социокультурных отношений». «Миро-

вые информационные агентства активно используют методы косвенно-оценочной пропаганды, которая осуществляется на более тонком уровне, чем в других СМИ, и становится всё менее распознаваемой. Механизмы этой пропаганды включают в себя прежде всего различные варианты утверждения и умолчания, композиционной или семантической обработки и пояснений, а также создание определённого спектра мнений» [6]. Распространение информации в избытке создаёт возможность вывода на первый план второстепенных фактов, отвлекая внимание от основных.

Объектом исследования стала качественная (рассматривалась газета «Коммерсантъ») и массовая («Московский комсомолец») российская пресса, освещающая украинский кризис с момента его начала в 2013 году. Приведем наиболее яркие примеры использования манипулятивных технологий в каждом из указанных изданий.

Примеры манипуляций в газете «Коммерсантъ»:

«Смысл дебатов по этому вопросу такой: «во всем виновата Россия», – заявил «Ъ» член российской делегации депутат Госдумы Роберт Шлегель – используется вывод-утверждение с помощью цитаты.

Боевые действия со стороны оппозиции ведет «Правый сектор» – объединение разношерстных националистических организаций, не подчиняющееся единому лидеру и не имеющее строгой координации – наклеивание ярлыков.

– Хорошо было бы, если б нас и весь юго-восток к себе Россия забрала, – стала рассуждать одна из женщин – создание спектра мнений «простых людей».

«Мы созванивались с правозащитниками, которые нам сообщают о ситуации на выборах... Все отмечают, что избирательная кампания грязная, в ряде регионов нельзя говорить о прозрачности выборов, используется административный ресурс», – рассказал глава ассоциации «Гражданский контроль», член Общественной палаты Георгий Федоров – утверждение с помощью цитаты

По его словам, «есть заявления разных политических сил, в частности, наши наблюдатели зафиксировали в Киеве выдачу десяти бюллетеней в одни руки» – бездоказательное утверждение

На одном из избирательных участков в Скадовске (Херсонская область) произошел курьезный случай. Сейф с бюллетенями для голосования на выборах пришлось открывать топором, поскольку председатель участковой комиссии потерял ключи – использование осмеяния

Снаряды залетали на территорию Ростовской области с украинской стороны «случайно». Об этом в ходе пресс-конференции заявил руководитель миссии ОБСЕ по мониторингу за российско-украинской границей Поль Пикар – эффект неадекватности субъекта действия

«Те, кто сейчас при власти в Украине, решили в каком-то смысле оставить здесь выжженную землю» – утверждение с помощью цитаты

«Мы не прекратим противостоять киевской хунте до тех пор, пока не падет ее антинародный режим в стране», – подчеркнули в «Киберберкуте» – коннотационно-денотационная обработка

Руководитель администрации президента России Сергей Иванов заявил, что Москва считает, что выборы в Донецкой и Луганской «народных республиках» могут стать способом стабилизации ситуации на Украине: «Может быть, после этого начнется хоть какой-то процесс склеивания и возвращения ситуации на Украине в какое-то удобоваримое русло» – утверждение с помощью цитаты.

Примеры манипуляции в газете «Московский комсомолец»:

Выборы в Верховную раду Украины проходят спокойно. Не считая некоторых эксцессов (испорченные бюллетени, «карусель» и неявку членов избирательной комиссии), голосования проходит спокойно – эффект нецивилизованности.

Здание посольства Украины в столице охраняли сотрудники милиции и ОМОНа. И, как показалось, работников правоохранительных органов в Леонтьевском переулке было гораздо больше, чем желающих проголосовать – использование модальности.

По словам председателя Центризбиркома, нынешние выборы должны стать «выборами примирения» и обеспечить избрание «легитимных представителей в Верховную раду» – использование кавычек.

Чтобы уж наверняка «избавиться от коррумпированной власти», митингующие сожгли российский флаг. Вокруг пылающего триколора националисты и устроили ритуальные пляски – эффект неадекватности субъекта деятельности.

Армия Новороссии приведена в повышенную боевую готовность. По информации разведывательных групп ополчения, танки, БТРы, «Грады» и другая техника занимают оборонительные позиции на подходах к Донецку и в самом городе. Все указывает на то, что Киев планирует атаковать Донецк одновременно с четырех направлений и в ближайшее время – создание психоза.

Если эти планы (наступления украинских военных) успешно реализуются, это будет означать не только гибель Новороссии, но и приведет к серьезным потрясениям в самой России, заявил Стрелков – присоединение и создание психоза.

Ранее сообщалось, что военнослужащие Национальной гвардии Украины уже полностью обеспечены зимней формой. Кроме того, власти пообещали бойцам передвижные печи для обогрева, утепленные палатки и каркасно-модульные конструкции с утеплением и вентиляцией. Между тем, сами нацгвардейцы отказываются идти «на передовую» – сочетание противоречащих друг другу тезисов.

«Для жителей Донбасса мы стали определенным символом. Наше появление вызывало подъем. Мы слышали: «Ну, если за наше освобождение и сербы поднялись, обязательно выстоим, победим!» (цитата сербского ополченца) – утверждение с помощью некомпетентного источника.

«Знаю, что многие бойцы регулярной украинской армии не хотят воевать. Простые украинцы против войны. Но там полно наемников, фашистов, карателей. Им нужны жертвы» – коннотационно-денотационная обработка.

«Фактически, ВСУ и нацгвардия в данный момент – не более чем наемники США. И относиться к ним следует соответственно» – бездоказательное утверждение с помощью цитаты.

Мародеры опорочили честь батальона «Шахтерск». За грабежи и убийства его просто распустили, в ДНР за это предусмотрен расстрел – присоединение.

Почему назначение Полторака министром считают трагедией? – умолчание в заголовке, отсутствие пояснения.

Кроме того, зачастую в «Московском комсомольце» используются композиционные приемы. В их числе – акцентирование и «потопление», положительная коннотативная цепочка, композиция перечисления, дробление выступления на фразы и другие.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы. Как бы ни позиционировало себя издание, в любом тексте, освещающем конфликт на Украине, используются манипулятивные технологии. При этом качественные издания предпочитают использовать менее заметные для воспринимающего приемы (композиционную обработку, подтверждение ложным авторитетом и т. п.), в то время как массовые используют весь набор средств – в том числе переде-
ргивание фактов, подмену главного второстепен-

ным, догматические утверждения и создание психозов. Есть и приемы, употребляемые всеми СМИ независимо от их позиционирования – к примеру, коннотационно-денотационная обработка.

Проанализировав использование средств информационной борьбы в российских СМИ, уместным будет сказать, что они стали одним из инструментов противоборства сторон в конфликте на Украине. Что касается в целом СМИ как инструмента информационной войны, то любое издание, независимо от позиционирования, пользуется приемами информационного противоборства. Между тем анализ роли СМИ в вооруженных конфликтах в историческом аспекте позволяет предположить, что влияние средств массовой информации на результат вооруженного противостояния будет только увеличиваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР / И. Н. Панарин. – Питер, 2010. – 256 с.
2. Dictionary of Military and Associated Terms (http://fas.org/irp/doddir/dod/jp1_02.pdf)
3. Манойло А. В. Информационно-психологическая война : факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / А. В. Манойло // Мат. V Междуна-
р. науч.-практ. конф. «Информационные технологии и безопасность». – Вып. 8. – 2005. – С. 73–80.
4. Комов С. А. Информационная борьба в политических конфликтах : вопросы теории / С. А. Комов // «Информатика и вычислительная техника». – 1996. – № 1–2. – С. 12–13.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Эксмо, 2000. – 864 с.
6. Сапунов В. И. Мировые информационные агентства: системное воздействие на аудиторию / В. И. Сапунов. – Издательского Воронежского государственного университета, 2007. – 240 с.

Воронежский государственный университет
Мухин О. В., аспирант

Voronezh State University
Mukhin O.V., Post-graduate Student

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ МЕДИАНОМИНАЦИИ

И. И. Коровченко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 января 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные функции медианазваний, анализируются ключевые точки зрения на вопрос о функциях названий, принадлежащим к периферийной зоне ономастики, а также приводятся различные взгляды на проблему коннотативности имени собственного.

Ключевые слова: ономастика, проприальная лексика, медианоминация, функции, иерархия функций.

Abstract: The basic functions of medianames are considered in the article. The key points of view on the question about the functions of the names belonging to the peripheral area of onomastics are analysed. The varied notions on the issue of connotative meaning of proper name are investigated.

Key words: onomastics, proper nouns, medianomination, functions, hierarchy of functions.

В настоящее время в изучении ономастики особый интерес представляют периферийные разделы имен собственных. Причиной этому является постоянно пополняемое новыми элементами ономастическое пространство. Одной из областей научного исследования в ономастике является сфера изучения названий средств массовой информации.

Видится целесообразным применительно к названию СМИ использовать термин «медианоминация». Термин «медианоминация» можно понимать двояко. С одной стороны, медианоминация – процесс присвоения названия средству массовой информации, с другой стороны, собственно название как результат этого процесса. В работе под медианоминацией понимается языковая номинация средств массовой информации, например: «Черный квадрат» (газета), «Человек и наука» (журнал) и др.¹

Исследования в области проприальной лексики указывают на особенность формируемого образа называемого объекта в сознании реципиента. Так, проведенные на базе эргонимов ассоциативные эксперименты и анализ полученных ассоциативных полей позволили выявить отличие проприальной лексики и аналогичных ей апеллативов (как в семантической структуре, так и в статистических показателях) и подтвердили существование особой зоны ономастического значения [1]. Все перечислен-

ное свидетельствует об уникальном характере выполняемых проприальной лексикой функций.

Медианазваниям, таким образом, свойственны зона ономастического значения и отличающие проприальную лексику функции. Однако при изучении функций, реализуемых медианоминацией, имеет смысл обратить внимание на тот факт, что в науке отсутствует единый подход в понимании понятия функции. Так, категория функции не определена четко в философии, нет и единства в понимании этого понятия у лингвистов. Например, функции языка рассматриваются лингвистами в нескольких аспектах. Во-первых, в большинстве работ под функциями понимается проявление сущности языка как средства сознания и общения, во-вторых, функции изучаются применительно к частным случаям, ситуациям общения, в-третьих, функции разбираются в тесной связи со сферой, областью применения того или иного языка [2]. Похожая ситуация складывается и в ономастике. Так, функции номинации понимаются часто применительно к поставленным номинатором задачам необходимого позиционирования и воздействия на реципиента или в соотношении с условиями функционирования названий.

В изучении языка принципиальную важность имеет определение двух основных функций, – коммуникативной (язык как средство общения) и экспрессивной (язык как практическое сознание). При этом экспрессивная функция языка рассматривается двояко: как равноправная коммуникативной функции и как ее разновидность (поскольку экспрессивная функция касается деятельности говорящего, в то время как коммуникативная свойственна языку и с позиции говорящего, и с позиции слушающего). Кроме того, оспаривается принятие как функции языка его свойство быть практическим сознанием, поскольку это соотносится скорее с сущностью языка, чем

¹ Здесь и далее приводятся примеры названий средств массовой информации, зарегистрированных Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (и содержащихся в «Перечне наименований зарегистрированных СМИ») на территории Воронежа и Воронежской области, а также распространяющихся на территории Воронежа и Воронежской области.

с его функцией [3]. Исходя из этого объяснения, к свойствам также относят все функции, выделяемые для уточнения экспрессивной, а те функции, которые поясняют коммуникативную функцию языка, связывают с частным проявлением коммуникативной функции. Иными словами, детализация коммуникативной функции может быть продолжена и зависит от цели общения, установки говорящего, воздействия на собеседника и от других факторов.

В теории номинации, обычно наравне с коммуникативной, выделяется целый ряд схожих по характеру функций. Например, О.Е. Яковлева, помимо коммуникативной функции, относит к функциям, свойственным прагматонимам, номинативную, идентифицирующую, рекламную, аттрактивную, эстетическую, суггестивную, мифологическую [4], [5].

М.Е. Новичихина выделяет такие функции коммерческой номинации, как номинативная, информативная, эстетическая, дифференцирующая, рекомендательная, аттрактивная, воздействующая [6]. Кроме того, М. Е. Новичихина пишет о следующих функциях товарных знаков, при этом обращая внимание на то, что словесные товарные знаки по своей сути ближе всего к названию товара (хотя и с некоторой оговоркой): дифференцирующей, информативной, рекламной, охранной, гарантийной, психологической [7].

А. А. Трапезникова упоминает важные при исследовании ономастического сознания функции эргонимов, – аттрактивную, эстетическую, рекламную, свойственные онимам характеризующую, ориентирующую функции и относящуюся к именам собственным номинативно-выделительную [8].

Р. М. Амирова отмечает, что эргонимы выполняют номинативную, информативную, рекламную, эстетическую, мемориальную, функцию охраны собственности [9].

По мнению Е. А. Трифионовой, эргониму, помимо основной функции имен собственных (идентифицирующей), присущи информативная, рекламная и функция охраны собственности и гарантии качества [10].

Подобная детализация функций в ономастике имеет тот же эффект, что и понимание в широком смысле функций языка в лингвистике, и приводит к тому, что в один ряд с главными функциями названий ставятся частные.

Другой вариант рассмотрения функций означает представление эргонимов с точки зрения выполнения ими нескольких основных функций. Как правило, такими функциями выступают номинативная (назывная, идентифицирующая), информативная и рекламная [11], [12], [13]. Номинативная функция в таких случаях объясняется как функция, присущая имени собственному, а две другие называются специфическими и ориентированными на коммерческую сферу деятельности [14].

Если придерживаться понимания функций номинации в широком ключе, основными функциями

стоит назвать *номинативную, информативную, идентифицирующую (дифференцирующую), коммуникативную, суггестивную (воздействующую), рекомендательную, имиджевую, аттрактивную, эстетическую*. Однако мы будем придерживаться иного понимания функций номинации, поэтому предлагаем рассматривать функции медианоминации как состоящие из главных и частных, образующих так называемую иерархию функций.

Рассмотрим подробнее.

Итак, **номинативная** функция очевидна для всей лексики ввиду ее предметной соотнесенности и является первичной по происхождению. Медианазвание, таким образом, выполняет номинативную функцию. С другой стороны, как и многие другие виды номинации (например, эргонимы, прагматонимы), медианоминация выполняет выраженную особым образом **информативную** функцию (чему способствует, например, использование вторичной номинации).

Стоит упомянуть, что в истории изучения имен собственных, насчитывающей не одно столетие, много исследований посвящено вопросу, касающемуся своеобразия значения имени собственного.

Например, Дж. С. Милль пришел к необходимости разделения слов на два класса, – на имена означающие и созначающие. В труде «System of logic, ratiocinative and inductive» он отметил, что имя собственное не коннотативно, однако пояснил, что некоторые имена, хотя и являются индивидуальными именами, обладают коннотативностью: «Proper names are not connotative: they denote the individuals who are called by them; but they do not indicate or imply any attributes as belonging to those individuals <...>. Proper names are attached to the objects themselves, and are not dependent on the continuance of any attribute of the object. But there is another kind of names, which, although they are individual names, that is, predicable only of one object, are really connotative <...>. ‘The sun’ is a name of this description; ‘God’ when used by a monotheists, is another. These, however, are scarcely examples of what we are now attempting to illustrate, being, in strictness of language, general, not individual names <...>. From the preceding observations it will easily be collected, that whenever the names given to objects convey any information, that is, whenever they have properly any meaning, the meaning resides not in what they denote, but in what they connote. The only names of objects which connote nothing are proper names; and these have, strictly speaking, no signification» [15, с. 33–34].

Другой точки зрения придерживался Х. Джозеф, допускавший не только наличие значения у имени собственного, но и считавший, что имя собственное имеет больше значений по сравнению с нарицательным: «It might seem that we could say simply, that the connotation of a term is its meaning. But there are two reasons why this is not so. In the first place, terms have

two functions, both of which may be called meaning. They direct our thought to some subject, and they suggest what that subject is, to which our thought is directed <...>. In the second place, a term may discharge the function of signifying what the subject is, to which it directs our thought, in two ways. It may signify the subject in its entirety, or some character in the subject, with which the subject is not identical. It is only the latter function which Mill calls connoting <...>. <...> The most important class of his 'non-connotative' terms is proper names <...>. A proper name certainly has intension as well as denotation. It is a mark directing our thought to an individual; but that which is to be a mark must have meaning <...>. And not only, to any one who knows of what individual it is the name, has a proper name meaning, but it has more meaning than a general term <...>. The cry 'man overboard' would have conveyed to Aeneas and his companions not more but less information than the cry 'Palinurus overboard' <...>. All terms may be said to denote the subjects of which they can be predicated, but those most directly which are names of, or can stand for, those subjects <...>. <...> All terms have intension, or meaning; that is, they signify all or something of what that is which they denote <...>. Either way, proper names have no extension <...>. <...> Lastly, terms have connotation which have general meaning; the connotation of a term is that character through signifying which it denotes the subjects of which it can be predicated» [16, с. 149–151, 155–156].

Мы будем придерживаться той точки зрения, что информационная функция присуща медианоминации и соответствует прямому назначению медианазвания довести до адресата (реципиента) информацию о средстве массовой информации.

Номинативная и информативная функции, выполняемые медианазванием, тесно связаны с необходимостью номинатора идентифицировать средство массовой информации, сделать одно средство массовой информации отличным от другого в сознании адресата. В связи с этим имеет смысл отметить частную функцию медианазвания, а именно – *идентифицирующую (дифференцирующую)*.

Безусловно, важной функцией, присущей лексике в целом, именам собственным, в частности, является **коммуникативная** функция. А. В. Суперанская выделяет эту функцию в качестве ведущей для проприальной лексики, наряду с апелляционной, экспрессивной и дейктической функциями [17].

Коммуникативная функция предполагает установление взаимодействия с реципиентом, а также воздействие на него разными способами. Иными словами, другой функцией медианоминации можно назвать *суггестивную (воздействующую)*. Эта функция, являющаяся частной по отношению к коммуникативной, связана с оказываемым воздействием на восприятие адресата. Воздействие может заключаться в формировании посредством названия в сознании адресата запланированного номинатором

образа для того, например, чтобы спровоцировать интерес к средству массовой информации, что, в свою очередь, могло бы привести адресата к приобретению средства массовой информации. Далее рассмотрим варианты реализации воздействующей функции и отметим дополнительные функции, второстепенные по отношению к ней.

Так, одним из способов коммуникации и влияния на адресата является формирование с помощью медианазвания явной (прямой) или скрытой рекомендации ознакомиться с предлагаемой информацией. Если прямая рекомендация подразумевает использование прозрачных конструкций, так, она может содержаться в медианазваниях, в которых используются повелительные конструкции (например, «Выбирай. Воронеж» – название журнала, «Мультимедийная компьютерная программа познай себя» – название электронного периодического издания); то скрытая рекомендация может присутствовать в благозвучных или эстетически привлекательных названиях (например, «Тэнди» – название радиопрограммы, «Светоник» – название газеты). Другими словами, имеет смысл говорить о функции, частной по отношению к воздействующей, а именно, – *рекомендательной*.

Логично было бы упомянуть, что важнейшей частью воздействия на реципиента в рамках рассматриваемого нами аспекта является позиционирование. Оно реализуется посредством *имиджевой* функции медианазвания (например, «Независимый курьер» – название газеты, «ПК для всех» – название журнала).

Представляется естественным, что благозвучное и эстетически привлекательное медианазвание создаст благоприятный образ средства массовой информации в сознании реципиента и с большей вероятностью окажется положительно оцененным им. В связи с этим назовем две дополнительные функции, – *аттрактивную* и *эстетическую*. Первая заключается в том, что медианазвание, в соответствии с возлагаемой на него номинатором ролью, должно обращать на себя положительное внимание адресата и тем самым способствовать формированию наиболее благоприятного образа (например, «ШТАНДАРТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИРМЫ» – название газеты, «Экологический эксперт» – название телепрограммы). Вторая функция, которую имеет смысл считать разновидностью аттрактивной, предполагает создание эстетически благоприятного образа средства массовой информации в сознании носителя языка, при этом понимание эстетически привлекательного названия подразумевает не только его благозвучность (например, «Триумф-Медиа» – название радиопрограммы, «Юридическая азбука» – названия газеты). Стоит отметить, что аттрактивная и эстетическая функции могут выступать в качестве реализации как рекомендательной, так и имиджевой функции. Например, как отмечалось ранее, эстетически привлекательные на-

звания могут содержать скрытую рекомендацию и быть при этом частью имиджевой составляющей средства массовой информации.

Иными словами, в сфере частных проявлений коммуникативной функции возможна более подробная детализация с целью конкретизировать, уточнить эту важнейшую функцию медианоминации. Кроме того, второстепенные функции, выполняемые медианоминацией, не всегда возможно четко отделить друг от друга, часто (как, впрочем, и в приведенных примерах) они сопоставимы с задачами, которые ставит номинатор перед конкретным медианазванием.

Итак, основными функциями медианазваний являются **номинативная, информативная, коммуникативная**. Вполне очевидно, что различные варианты воздействия на восприятие реципиента могут быть бесконечно разнообразными по цели, установке, задачам номинатора. Следовательно, детализация функций может быть более или менее подробной. Таким образом, названия средств массовой информации выполняют в языке ряд основных функций, связанных с задачами информирования и воздействия. Рассмотренные здесь второстепенные функции представляются логичным считать по своей сути частными проявлениями коммуникативной функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина: на материале эргонимии Красноярска : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Трапезникова Анна Алексеевна. – Красноярск, 2010. – 213 с.
2. Левицкий Ю. А. Общее языкознание : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий. – 4-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 266 с.
3. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – 2-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2005. – 229 с.
4. Яковлева О. Е. Прагматонимы в системе собственных имен: семантика, функции, национально-культурная специфика / О. Е. Яковлева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск : НГУ, 2005. – № 1–2. – С. 59–74.
5. Яковлева О. Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Яковлева Ольга Евгеньевна. – Новосибирск, 2006. – 246 с.
6. Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Новичихина Марина Евгеньевна. – Воронеж, 2004. – 351 с.
7. Новичихина М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен : разграничение понятий / М. Е. Новичихина // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – № 1. – С. 165–170.
8. Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина: на материале эргонимии Красноярска : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Трапезникова Анна Алексеевна. – Красноярск, 2010. – 213 с.
9. Амирова Р. М. Татарская эргонимия города Казани : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Амирова Роза Мунировна. – Казань, 2011. – 228 с.
10. Трифонова Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Трифонова Екатерина Александровна. – Волгоград, 2006. – 247 с.
11. Стародубцева В. В. Номинация внутригородских объектов предприятий и учреждений в современном русском языке: на материале ойкодомонимов г. Ульяновска : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Стародубцева Виктория Викторовна. – М., 2003. – 216 с.
12. Михайловская Л. Г. Три аспекта проблемы названий / Л. Г. Михайловская // Ономастика Поволжья: материалы II Поволжской конференции по ономастике. – Горький, 1971. – С. 252–355.
13. Романова Т. П. Проблемы современной эргонимии / Т. П. Романова // Вестник Самарского государственного университета. Серия Филология. – Самара, 1998. – № 1 (7). – С. 82–90.
14. Гусейнова Н. А. Современная российская эргонимия в аспекте иноязычных заимствований : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Гусейнова Наталия Александровна. – М., 2014. – 253 с.
15. Mill J.S. A System of Logic Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation / John Stuart Mill // The Collected Works of John Stuart Mill; ed. John M. Robson, Introduction by R.F. McRae. – Volume VII. – Book I. – Toronto: University of Toronto Press, London: Routledge and Kegan Paul, 1974. – Reprinted, 1981. – p. 638. – Режим доступа: <http://oll.libertyfund.org/titles/mill-the-collected-works-of-john-stuart-mill-volume-vii-a-system-of-logic-part-i> (дата обращения: 16.01.2015).
16. Joseph H.W.B. An Introduction to Logic / Horace William Brindley Joseph. – Second Edition, Revised. – Oxford: Clarendon Press, 1916. – Reprinted, 1967. – p. 608. – Режим доступа: <https://archive.org/details/introductiontolo00jose> (дата обращения: 16.01.2015).
17. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.

Воронежский государственный университет
Коровченко И. И., аспирант кафедры связей с общественностью
E-mail: i.i.naumenko@yandex.ru

Voronezh State University
Korovchenko I. I., Post-graduate Student of the Public Relations Department
E-mail: i.i.naumenko@yandex.ru

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТИМУЛИРОВАНИИ ПЕРСОНАЛА

Е. Б. Курганова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена применению игровых технологий в стимулировании персонала.*

Ключевые слова: *игрофикация, игровые технологии, материальное и нематериальное стимулирование.*

Abstract: *this article deals with using game technologies in the staff incentives.*

Key words: *gamification, game technologies, material and moral incentives.*

Сегодня считается, что в большинстве случаев компании страдают от действий нелояльного персонала сильнее, чем от конкурентов и недобросовестных клиентов [1].

В последнее время руководители придумывают нестандартные способы стимулирования персонала, большинство из которых основаны на таком тренде как геймификация на внутреннем уровне, то есть на применении игровых технологий в расчете на персонал. Такая игрофикация основана на простой и понятной логике: та невероятная сила, которая удерживает у мониторов уже не первое поколение геймеров, сжимающих в руках джойстик или мышку, работает и в офисах. Просто на внутренний уровень следует перенести правила и алгоритмы взаимодействия с окружением. И тогда игры научат сотрудников продолжать идти к цели вопреки неудачам, спокойно относиться к риску и легко адаптироваться в изменяющихся условиях. А топ-менеджменту помогут разработать эффективные, а главное экономичные механизмы благодарения персонала за проявление описанных выше качеств.

Итак, под игрофикацией на внутреннем уровне (от англ. gamification) мы будем понимать внедрение игровых механик, аналогичных имеющимся в компьютерных играх, в текущие рабочие процессы в целом, в том числе в разработку механизмов эффективного благодарения персонала за качественно выполненную работу.

При внедрении механики благодарения можно использовать три варианта: 1) материальное стимулирование; 2) нематериальное стимулирование; 3) сочетание этих двух видов.

Что касается первого варианта, то объяснить механику внедрения игровых механизмов в материальное стимулирование персонала, можно на одном нестандартном примере. В компании, предоставляющей интернет-услуги, споры о ежегодной прибавке к зарплате были решены весьма необычным

способом: сотрудникам предложили кидать игральные кости. Результат равнялся проценту прибавки к зарплате. Таким образом, каждый сотрудник, полагаясь на фортуна, самостоятельно определял, сколько он получит процентов: 1 % или 6 %. А известная корпорация Google награждает персонал за бережливость, предоставляя сотруднику, сэкономившему часть командировочных расходов, право обналичить сэкономленную сумму или потратить ее на приобретение продукции компании.

При использовании нематериального стимулирования ставка нередко делается на конкурсы, ведь состязания – неотъемлемая часть игрофикации. При этом нужно внимательно подойти к формату самого мероприятия. Ключевое правило – «чем проще и доступнее конкурс, тем лучше». Если конкурс обладает оригинальной и несложной механикой, красочно оформлен и отвечает интересам персонала, то у него есть все шансы стать успешным.

Так, многие компании для повышения командного духа своих сотрудников проводят конкурсы по интересам: спортивные или творческие. МТС практикует проведение «Лиги чемпионов», а MacDonald's – «Голос МакДональдз». Компания Nayada ежегодно проводит собственный «Оскар», где отмечает лучшие качества своих работников. Руководство действует по принципу: «Не сотрудник для номинации, а номинация для сотрудника». Определившись, кого и за что можно наградить, топ-менеджмент придумывает соответствующие торжественные звания.

Некоторые компании в использовании игровых механик идут еще дальше и предлагают весьма нестандартное вознаграждение для победителей конкурсов. Так, лидер среди менеджеров по продажам по итогам года в компании «Фостерс» на протяжении 6 месяцев может не соблюдать деловой дресс-код и не отвечать на звонки руководства после 18.00. А башкирская автомобильная компания своим лучшим работникам предоставляет привилегии в виде права пожизненного найма в данную органи-

зацию и внеочередного доступа к любому топ-менеджеру организации. Их опыт перенимают и отдельные воронежские компании, награждая отличившихся сотрудников сертификатом, дающим право на 30 минутное опоздание на работу в течение определенного времени.

Некоторые организации применяют политику кнута и пряника, наряду с поощрением лучших сотрудников разрабатывая программы для «лузеров». Например, компания «ВВН» внедрила номинации для отстающих подразделений под названием «Черепаха forever» или «Получи скунса». Менеджер, чья группа показала наихудший результат, получает живую черепаху Дашу на месяц или фотографию скунса с автографом генерального директора. Отметим, что черепаха должна жить в офисе, а фотография скунса стоять на рабочем столе самого менеджера.

Пример успешного сочетания материальных и нематериальных стимулов в своей практике демонстрирует франчайзинговая сеть компании «Мастерфайбр», которая насчитывает 33 филиала в России, на Украине и в Прибалтике. В этой компании для стимулирования персонала разработали собственную корпоративную валюту. Помимо фиксированной заработной платы введены еженедельные поощрения в корпоративной денежной единице, которая называется «кенга». Поощрения распределяются следующим образом: каждый сотрудник получает \$10 в кенга-эквиваленте. Эти деньги он отправляет в копилку того сотрудника, который, по его мнению, на этой неделе работал лучше всего. Себе оставлять поощрение нельзя. Сотрудник, набравший больше всего кенга, получает особый приз – золотую монету. Собрав 50 таких монет, он может обменять их на бесплатную поездку в Австралию. За меньшее количество монет можно получить абонемент в бассейн или спорт-клуб. В этом способе стимулирования есть еще один плюс – руководитель получает определенную оценку работы каждого сотрудника его коллегами на основании распределения кенга. Примечательно, что подобную практику используют и небольшие коллективы. Так студия веб-разработки Михаила Кечинова усиливает лояльность сотрудников к компании с помощью кечинков. Кечинка – наклейка, эквивалент благодарности, принятый в компании. Каждому сотруднику один раз в месяц выдается альбом для коллекционирования 8 именных кечинков. Наклеивать кечинки можно в любой альбом сотрудника студии кроме своего. Собранные в альбоме кечинки можно тратить, например, на пиццу за счет студии (10 кечинков) или отгул (32 кечинки).

Эти примеры – яркая демонстрация ключевых характеристик игрофикации: 1) динамизма, требующего от участников оперативно реагировать на достижения коллег; 2) эстетичности, создающей экспрессивную атмосферу в коллективе; 3) социального взаимодействия, обеспечивающего активное вовлечение участников; 4) обратной связи, необходимой для анализа и своевременной корректировки поведения персонала.

Можно вспомнить и необычную акцию с игровой механикой одной из сети магазинов мобильных телефонов и аксессуаров: здесь продавцы-консультанты за каждый проданный телефон получали 1 кв.см. жилой площади. Акция продлилась несколько месяцев. За это время лидер по итогам акции заработал 20 кв.м. По причине того, что квартир с такой площадью не бывает, ему вручили денежный сертификат на аналогичную сумму.

Некоторые организации даже открывают корпоративные магазины с привлекательными ценами, покупки в которых могут совершать только сотрудники. В частности, такой подход считают приемлемым в компании Microsoft, которая имеет собственный торговый центр для персонала «The Commons». Как и в любом другом ТЦ, здесь есть бутики модных брендов, филиалы банков и кафе.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо отметить, что наиболее успешно в расчете на персонал работают игрофицированные системы, отвечающие следующим условиям:

- 1) использование чувства коллективизма;
- 2) добровольность участия в игре сотрудников. Ведь если игрофицированная система контролирует все действия персонала, она не приносит никакого удовольствия. А напротив, угнетает внутреннюю мотивацию и стремление к автономности;
- 3) прозрачность игрофицированной системы для персонала. Сотрудники должны знать цели и понимать правила игровой механики;
- 4) наличие некой легенды, интригующей истории, вызывающей интерес и указывающей путь к достижению цели. Постепенное усложнение истории помогает модифицировать задачи игрока, стабильно удерживая его внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деменко Е. Внутрикorporативный PR в управлении организационными отношениями / Е. Деменко. – URL: <http://www.gudym.ru/metodologiya/pr-v-upravlenii.aspx> (дата обращения 1.02.2015).

ПРОГРАММА РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА М. Н. КАТКОВА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»)

Е. В. Перевалова

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова

Поступила в редакцию 26 декабря 2014 г.

Аннотация: журнал «Русский вестник» М. Н. Каткова – один из наиболее влиятельных и последовательных либеральных органов печати в первые годы правления Александра II. В 1856–1862 гг. журнал стал центром объединения либерально настроенной интеллигенции, он предложил конкретную программу преобразований, последовательно выступал за постепенные умеренные реформы на основе законности и порядка.

Ключевые слова: «Русский вестник», М. Н. Катков, преобразования, реформы, либерализм, программа.

Abstract: The «*Russkiy vestnik*» of M. N. Katkov – one of the most influential and consecutive liberal press organs in the first years of board of Alexander II. In 1856–1862 the magazine united liberally adjusted intellectuals, offered the specific program of transformations, consistently supported gradual moderate reforms on the basis of legality and an order.

Key words: «*Russkiy vestnik*», M. N. Katkov, transformations, reforms, liberalism, program.

1855 г. стал переломным в истории России XIX века: кончилась предыдущая историческая эпоха и началась новая. Смерть императора Николая I и неудачное окончание Крымской войны заставили большинство образованного населения страны по-новому взглянуть на действительность, задуматься над дальнейшими путями развития России. Настоятельная необходимость в коренных изменениях была столь очевидна, что стремление к «преобразованию всей жизни» в первые годы нового царствования быстро охватило все круги так называемого «образованного общества» и стало всеобщим. Александр II, вступивший на престол в момент кризиса старой системы, сумел это осознать и начал искать новые решения и новых людей. Одним из главных результатов подготовки и проведения реформ стало пробуждение к активной деятельности новых более широких слоев общества, бурное развитие общественной мысли.

Эти процессы нашли отражение и в журналистике: В первые годы правления Александра II представители как демократического, так и либерального направления в печати с оптимизмом встречали каждый новый шаг правительства на пути преобразований, а каждое либеральное слово «казалось словом единомышленника». Одним из самых последовательных изданий либеральной направленности стал журнал «Русский вестник», начавший издаваться в Москве в 1856 г. Михаилом Никифоровичем Катковым.

М. Н. Катков вошел в историю русской журналистики как один из самых влиятельных консервативных публицистов в годы правления Александра II, идеолог «контрреформ», «государственный деятель без государственной должности», оказывающий непосредственное воздействие на царя и министров. Однако в начале своей журналистской карьеры Катков стал известен как один из самых активных сторонников либеральных реформ Александра II, западник, горячий защитник преобразований.

В 1856 г. условиях либерализации правительственного курса в отношении печати и ослабления цензуры Катков первым из отечественных журналистов добился разрешения на издание нового общественно-политического и литературного журнала, что стало победой всей русской прессы. Впервые за многие годы был разрешен выпуск нового частного журнала (фактически с 1836 года в России действовал запрет на «дозволение» новых изданий), да еще и с политическим отделом, так как на протяжении всего правления Николая I политическая тематика находилась под запретом и в большинстве русских периодических изданий политические отделы отсутствовали.

«Русский вестник» Каткова стал одним из первых «толстых» публицистических журналов, рассчитанных на широкий круг интеллигентных читателей, в которых состав и содержание публицистики определяли идеологическую программу и направление издания. Появление нового журнала было благожелательно встречено в журналистской среде. Славянофилы, несмотря на то, что издание Каткова

могло составить серьезную конкуренцию «Русской беседе», которая также стала выходить в Москве с января 1856 года, приветствовали дозволение политического издания в Москве, хотя и отмечали, что журнал «издается людьми, воззрения которых на политические события могут быть не согласны с нашими» [1, с. 404–405]. Демократическая настроенная редакция петербургского «Современника» также стремилась заручиться поддержкой нового московского издания. В «Заметках о журналах» за ноябрь 1855 года Н. А. Некрасов выражал надежду, что «это будет дельный и прекрасный журнал... Имена людей, стоящие во главе издания, служат несомненным ручательством, что наша литература приобретет в «Русском вестнике» деятеля доброкачественного и добронравного» [29, с. 368].

Современники очень высоко оценивали деятельность Каткова-редактора в этот период: «Мы все раскиданы как прутья, и Катков, связавший свои прутья в один веник – Геркулес перед нами», – писал А. В. Дружинин И. С. Тургеневу 26 января 1857 года [9, с. 148]. «Вы сумели поднять отважно и с честью поддержать знамя истинного, разумного прогресса и собрать около него немало людей, которые без того легко могли бы не встретиться, не узнать друг друга и разрозниться, одинокие не могли бы действовать с тем успехом, которого они вполне достойны», – писал Каткову М. Н. Лонгинов весной 1859 г. [22, с. 155–160]. К. Д. Кавелин – в недалеком будущем решительный оппонент и критик Каткова, в этот период рассматривал деятельность Каткова как «знамя, которое вы так достойно и с таким огромным блистательным успехом несете в русской литературе, доказывая живым примером, как выгодно непоколебимая гражданская доблесть и решимость ни под каким условием и ни в каком случае не вступать в сделки с своими убеждениями» [16]. «За Вами есть в истории русского просвещения имя, и очень видное, и я не думаю, чтобы без крайней неблагодарности можно было заслонить его», – писал Кавелин Каткову, оправляя в «Русский вестник» очередную статью [17].

По свидетельству Б. Н. Чичерина – постоянного сотрудника журнала Каткова, в «Русском вестнике» «соединилось для общего дела» «все, что примыкало к либеральному кружку московских профессоров, все так называемые западники, почитатели науки и свободы» [58, с. 151–152]. Характерное сближение и объединение в журнале людей, чьи взгляды на пути и методы общественного переустройства страны во многом не совпадали, можно объяснить подъемом общественного движения в России в первые годы царствования Александра II. «Хоть и разных приходов, а все свои. Теперь такое время, что даже за несколько выходящих из ряда мыслей и даже фраз, внушенных любовью к добру и высказанных смело, можно сказать спасибо», – так характеризовал настроение эпохи К. Д. Кавелин [53, с. 263].

Очень быстро «Русский вестник» приобрел четкое политическое направление, его программа стала наиболее ярким отражением общественно-политических ожиданий русской либерально настроенной интеллигенции. Журнал предложил четкую программу общественно-политических преобразований, на основе которой в годы реформ активно стало формироваться либеральное движение.

Программа журнала в годы подготовки реформ содержала следующие пункты: отмена крепостного права, введение самоуправления для господствующих классов; ликвидация полицейского режима, отмена телесных наказаний; отмена паспортной системы; гласность; ослабление цензуры.

«Русский вестник» постоянно занимался пропагандой буржуазных реформ, подчеркивая устарелость организации помещичьего землевладения, необходимость создания помещиками «рациональных хозяйств» с использованием машин, удобрений и т. п., строительства заводов, фабрик, развития внешней и внутренней торговли, кредитных учреждений и транспорта. Здесь регулярно печатались материалы о биржевых спекуляциях, банках, акциях, финансовом посредничестве, давались экономические расчеты, практические советы по организации транспортных и промышленных предприятий, рациональному ведению сельскохозяйственных работ, рассказывалось о функционировании экономических и финансовых систем стран Запада, помещались статистические данные, отчеты о публичных собраниях, заседаниях научных обществ и т. п. По отзывам современников, эти статьи «были бы передовыми в любом из лучших европейских журналов и вполне заслуживали название руководящих» [10, с. 17].

В качестве основы предлагаемых журналом преобразований была выдвинута «теория разумного прогресса», постоянно разрабатываемая в статьях Б. Н. Чичерина, В. П. Безобразова, И. К. Бабста. Как журнал западнической ориентации, «Русский вестник» постоянно обращался к опыту Западной Европы, особенно – к опыту Англии. «Единственным ручательством за искренность суждений служит гражданское обеспечение личной свободы», – писал М. Н. Катков, – Обеспечение это заключается в твердости и ясности закона и в беспристрастности его применения. Рассматривая с этой точки зрения западно-европейские государства, мы опять находим, что в Англии более, нежели в какой-либо из них, личность и собственность обеспечены, а закон, без всякого сомнения, стоит тверже и применяется беспристрастнее, нежели где бы то ни было» [52, с. 539]. Именно с этих позиций в «Русском вестнике» рассматривались основные вопросы: о государственном устройстве, крестьянский, сословный и др.

В вопросе о государственном устройстве в журнале в первые годы издания не было единодушия. Б. Н. Чичерин, профессор русского права Москов-

ского университета, отстаивал идею французского централизма, т. е. сильной централизованной государственной власти по образцу французской монархии. В статьях Чичерина «Сельская община в России» [59], «Сельская община во Франции» [60], «Несвободные сословия в древней России» [61], «О политической будущности Англии» [62], «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» [63] и др. постепенно формулировался политический принцип «либеральные меры и сильная власть». Будучи сторонником сильной государственной власти в «центре», Чичерин в то же время подчеркивал необходимость либерализации общественной жизни в России, считая необходимым введение представительных форм правления и ратуя за расширение и гарантии гражданских свобод всех сословий и каждого человека. Иных взглядов придерживался профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета К. Д. Кавелин, по мнению которого для успешного функционирования государственной системы необходима не столько сильная власть в центре, сколько хорошо развитое местное самоуправление в лице крупных землевладельцев.

По свидетельству современников, в раннем «Русском вестнике» «иногда проскальзывала струйка полонофильства» [31, с. 92]. В первые годы в состав редакции журнала входил Г. В. Вызинский, ученый и публицист, профессор всеобщей истории Московского университета, ученик Т. Н. Грановского, «яростный поляк, только и мечтавший о полной независимости Польши, а в случае невозможности сразу достичь этого – о широкой административной для нее автономии» [57, с. 340]. Вызинский впоследствии участвовал в польском восстании 1863 года, а затем стал видным деятелем польской эмиграции. В «Русском вестнике» был опубликован целый ряд его статей: «Настоящее и будущее Английской Индии» [4], «Характер политических и административных реформ в Англии» [5], «Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции» [6], «Лорд Маколей» [7] и др. Активно сотрудничал с «Русским вестником» известный славист, профессор польского языка Главного педагогического института, член-корреспондент Академии наук по отделению русского языка и словесности П. П. Дубровский, который вел раздел «Новости польской литературы», публиковал как краткие обзоры, так и обширные отдельные очерки, посвященные замечательнейшим произведениям современной и старинной польской литературы, что, по мнению редакции, способствовало «дальнейшему знакомству и сближению с прочими славянскими племенами» [48, с. 82].

В земельном вопросе журнал выступал за отмену крепостного права, но при условии выкупа земли крестьянами у помещиков при посредниче-

стве государства. По мнению журнала, частная собственность на землю будет способствовать введению экономически более выгодной системы земледедия, а образующийся класс мелких земельных собственников наряду с дворянством станет опорой сильной государственной власти.

Эти идеи были заявлены в статье экономиста и публициста В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства» [2]. Крупный чиновник, прослуживший более десяти лет в министерстве финансов и министерстве государственных имуществ, член комиссии по устройству земских банков, Безобразов неоднократно бывал в разных губерниях и имел возможность хорошо изучить жизнь русской провинции. Вопрос об уничтожении крепостного права рассматривался в статье на широком историческом материале о решении поземельных отношений в Западной Европе. Решение крестьянского вопроса Безобразов видел в сочетании частной собственности на землю крупных землевладельцев с сохранением общественного землепользования крестьян посредством выкупа через земельные банки. При этом Безобразов настаивал на том, что наше высшее сословие должно отказаться от искусственных привилегий и занять первенствующее место во главе общественного земского самоуправления. Автор указывал на деятельном участии в будущем самоуправлении аристократии как единственной исторической силы, способной «гарантировать свободу в силу независимости своего общественного положения». Безобразов высказывался за образование крестьянской поземельной собственности посредством выкупной операции и в пользу общинной формы крестьянского землевладения. Несмотря на умеренность требований, заключительная часть статьи вызвала недовольство в высших кругах как способствующая вызвать «в обширном круге неопытных читателей мысли и чувства, неприязненные нашему государственному устройству». Сам император нашел, что статья не соответствует общим правилам цензурного устава и не сообразуется с духом государственных учреждений. Вследствие этого цензор Наумов, пропустивший статью, был уволен, а статьи, «касающиеся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам в дворянских собраниях», были запрещены к публикации в повременных изданиях, и все статьи, «представляющие какое-либо сомнение, или по направлению, или по содержанию сочинения», должны были рассматриваться на заседании цензурного комитета [38]. Общественный резонанс, вызванный публикацией данной статьи, был столь широк, что А. И. Герцен в «Колоколе» опубликовал заметку, в которой так прокомментировал меры правительства: «Правда ли, что статья В. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», помещенная в «Русском вестнике», была разбираема в комитете мини-

стров под председательством государя? Правда ли, что за немедленное прекращение журнала был ... Николай Милютин? А против такой николаевской меры – Горчаков? Правда ли, что В. Безобразову запретили писать, – отчего не запретили ему думать, быть умными человеком?» [8, с. 233–234].

Со статьями по крестьянскому вопросу, по истории Западной Европы в журнале регулярно выступал В. К. Ржевский, в 1830-1840-х годах служивший директором московского университетского пансиона, инспектором кадетских корпусов, а с 1856 года причисленный к Министерству внутренних дел. Ржевский участвовал в различных Комиссиях по преобразованию государственного хозяйства: в апреле 1857 года был командирован для внезапной ревизии кассы Орловского Приказа Общественного Призрения; в июне 1858 года был избран членом в Орловский дворянский Комитет по устройству быта помещичьих крестьян, где пробыл до ноября 1860 года; когда был назначен членом Комиссии о Земских Банках для пересмотра нормального положения в Городских Банках. В 1861 году, когда вводилось Положение 19 февраля, Ржевский был назначен Мировым Посредником Мценского уезда, а в мае 1862 года – членом Совета министра внутренних дел. В статьях Ржевского «Миллиард вознаграждения эмигрантам» [43], «Способ собирания прямых налогов во Франции» [44], «О мерах, содействующих развитию пролетариата» [45], «Об отношении гимназий к университету» [46], «Взгляд на теорию бюрократической администрации» [47] и др. содержалось немало фактов, статистических данных и других ценных сведений и замечаний, характеризующих состояние экономики страны и развитие реформ.

С экономическими статьями в журнале также выступал профессор Киевского университета по кафедре политической экономии и статистики, член редакционных комиссий по подготовке отмены крепостного права Н. Х. Бунге [3]. Являясь приверженцем экономической теории шотландского экономиста Адама Смита и английской политэкономии, Бунге превосходно разбирался в западных экономических концепциях, внимательно следил за аграрными преобразованиями в Пруссии, Австрии и других европейских странах, проведенными на рубеже 40-50-х гг. под давлением революционных событий, тщательно собирал и изучал западную литературу, посвященную крестьянскому вопросу. В своих статьях Бунге подробно рассматривал важнейшие задачи предстоящей отмены крепостного права в России. При этом он руководствовался либеральной программой, разработанной в «Записках» К. Д. Кавелина (1855), Н. А. Милютина (1856) и Д. А. Милютина (1856), в основе которых лежала общая идея освобождения крестьян с землей за выкуп, и давал теоретическое обоснование содержащимся в этих

записках конкретным проектам преобразований. Бунге отвергал вариант реформы, предусматривавший безземельное освобождение крестьян, и доказывал необходимость соблюдения коренных интересов как помещиков, так и крепостных. Он выступал за частную собственность и свободу предпринимательства, но при этом настаивал на необходимости ограниченного государственного вмешательства в экономику. Одновременно Бунге выступал с критикой социалистических учений, считая социализм «злом, от которого гибнут нравственность, долг, свобода, личность», и объяснял популярность и распространенность на Западе социалистических идей тем, что их авторы «обращаются к хищническим инстинктам обездоленного человечества». Рекомендации Бунге и его план выкупа крестьянами земли с использованием кредита при содействии правительства, а также его предложения об учреждении Государственного банка были впоследствии учтены в итоговом документе «Положение о выкупе».

С конца 1850-х годов постоянным сотрудником «Русского вестника» стал бельгийский политэконом Г. де Молинали. В его статьях «Об условиях и механизме кредита» [24], «О свободе труда» [25], «Поземельный кредит и перечисление иностранных капиталов» [26] и др. отстаивались основные положения манчестерской школы политэкономии, сторонники которой настаивали на полном невмешательстве государства в хозяйственную жизнь. Основные положения манчестерства отражали принцип безусловной экономической свободы и совпадали с интересами английской промышленной буржуазии. Достаточно смелые радикальные суждения звучали и в статьях Молинали на политическую тематику. Так, в обширной статье «Император Наполеон III как писатель» [27] Молинали неоднократно указывал весьма резких выражениях на недостатки монархического неограниченного правления и превозносил достоинство республики, что даже вызвало замечания цензурных органов [40].

В области судебной реформы «Русский вестник» поддерживал требование публичности судопроизводства и введения суда присяжных, что большинством общественности тогда признавалось еще несвоевременным. Эти идеи особенно ярко были выражены в статье Б. И. Утина «Очерк исторического образования суда присяжных в Англии» [56]. Неоднократно «Русский вестник» выступал против усиливающейся бюрократической централизации, критикуя ее атрибуты – полицейский произвол, взяточничество и т. п. Одним из самых ярких выступлений журнала по этому вопросу стала публикация цикла обличительных очерков С. С. Громеки: «Два слова о полиции» [11], «Пределы полицейской власти» [12], «Полицейское делопроизводство» [13], «О полиции вне полиции» [14], «Последнее слово о полиции» [15]. Наиболее резкой в этом ряду явилась

статья «О полиции вне полиции». Именно эти статьи Громеки имел в виду Н. А. Добролюбов, когда в одном из стихотворений, опубликованных в «Свистке», замечал: «Громека с силой адской все о полиции писал». Громека был не понаслышке знаком со злоупотребления в этой сфере. Он сам служил городничим в Липовце, затем младшим полицейским в Киеве, был полицмейстером и городничим Бердичева, а затем – чиновником особых поручений при киевском генерал-губернаторе. В период своего сотрудничества с журналом Каткова он являлся начальником полицейского управления на Николаевской железной дороге. Громека критиковал неуважение к законам и произвол, бумажную волокиту и безграничный бюрократизм, царящие в русском судебно-полицейском аппарате, выступал за скорейшее реформирование российской судебной и полицейской системы. Однако, несмотря на резкость суждений и новизну приводимых в статье обличительных фактов, Громека в то же время неумеренно восхищался эффективной и в высшей степени общественно полезной, по его мнению, деятельностью лондонской полиции и английского суда присяжных и пропагандировал их в качестве образца для подражания в русских условиях. Его очерки привлекли внимание не только публики, но и цензурных органов. Руководство сочло неуместным пребывание Громеки на государственной должности, в результате чего он был вынужден уйти в отставку.

«Русский вестник» одним из первых затронул и «женский вопрос». В 1858 г. здесь была анонимно опубликована статья Н. А. Добролюбова «Мысли об учреждении открытых женских школ» [64], ставшая одним из первых выступлений русских демократов по женскому вопросу.

По вопросам женской эмансипации в журнале активно выступала известная писательница и публицистка Е. В. Салиас-де-Турнемир, писавшая под псевдонимом Е. Тур. Судьба самой писательницы сложилась так, что ей пришлось на собственном опыте испытать, каково положение одинокой женщины в России. В 1856–1859 годах Е.В. Салиас-де-Турнемир являлась постоянным автором «Русского вестника», редактировала беллетристический отдел, публиковала и художественные произведения, и литературно-критические статьи, и историко-биографические очерки. В «Парижских письмах» [54] она резко критиковала антифеминистские сочинения П. Ж. Прудона (главы о женщинах из третьего тома книги «О справедливости в революции и церкви», 1858) и Ж. Мишле (книги «Любовь», 1859, «Женщина», 1860), в которых женщина рассматривалась лишь как некий придаток мужчины, не обладающий ни нравственностью, ни способностью к плодотворной мыслительной деятельности. Е. Тур резко критиковала Ж. Мишле, который, по мнению публицистки, показал женщину как «слабое больное существо,

за которым нужен постоянный и заботливый уход» и превратил даму во «что-то среднее между ребёнком и идиотом» [55, с. 467–468].

В программе отстаиваемых журналом общественных преобразований одним из основных было требование свободы слова и отмены цензуры. «Русский вестник» выступал за предоставление каждому права на свободу устной и печатной речи, за отмену предварительной цензуры и учреждение верховного трибунала, в задачи которого входил бы разбор судебным порядком проступков в печати, недопущение постороннего вмешательства в цензуру. По мнению журнала, должны существовать некие границы гласности, определенные правительством, в пределах которых всякое вмешательство будет считаться насилием. «В существовании законов, как они в некоторых пунктах ни стеснительны, видим мы единственную гарантию законности, – писал М. Н. Катков В. П. Боткину. – Но мы положительно хотим избавиться от второй части цензуры, то есть от цензора, ... желаем быть существенно обеспеченными от его произвола». Катков добивался, чтобы даже в условиях сохранения предварительной цензуры в случаях, когда взгляды редакции не совпадают со взглядами цензора, редакторам было предоставлено «право ... обходиться без разрешения со стороны цензора и самим отвечать перед правительством за смысл напечатанного» [21].

Журнал неоднократно выступал против стремления власти сделать органы печати проводником официального правительственного курса. Так, в 1858 году журнал с негодованием писал о деятельности организованного в Берлине стараниями Прусского правительства Центрального комитета прессы, в задачи которого входило руководство направлением журналистики, рассылка в провинциальные газеты статей и корреспонденций. Такое воздействие на печать есть, по мнению «Русского вестника», «вернейший способ погубить какое-либо начало в убеждениях людей, лучший способ подорвать его нравственную силу», так как «официальная опека» лишает даже лучшие начинания убедительности. В статье подчеркивалось, что уместнее и достойнее, если правительство будет предлагать литературе «на рассмотрение и обсуждение те или другие административные, политические или финансовые вопросы», вызывая тем самым «все лучшие умы в обществе содействовать ему в их разрешении» [50, с. 441–442]. Та же мысль, но в более резкой форме прозвучала в «Обозрении» «Современной летописи» за 1859 год: «Употребление правительством литературы для проведения в публику своих видов ведет к умственному разврату и нравственному растлению» [51, с. 246–248].

Основные положения публицистических статей «Русского вестника» соотносились с характером публикуемой в журнале беллетристики. Так, в 1856–

1857 гг. здесь публиковались остросоциальные «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина), успех которых был подкреплен публикацией произведений так называемой «обличительной литературы»: повестей и рассказов П. И. Мельникова, И. В. Селиванова, С. Т. Славутинского, М. Вовчка и др. «Русский вестник» стал первым печатать стихотворения вернувшегося с каторги А. Н. Плещеева, здесь публиковались произведения «лондонского изгнанника» Н. П. Огарева, сатирические обличительные песни П. Ж. Беранже в переводе В. С. Курочкина, обличительные стихотворения Г. Гейне в переводе Ф. Б. Миллера. В 1857 г. журнал первым стал публиковать произведения классика польской литературы А. Мицкевича, чье имя долгое время было запрещено даже упоминать в печати [42, с. 28–37].

Смелая и независимая позиция «Русского вестника», твердость и последовательность в отстаивании заявленной на страницах журнала программы неоднократно становилась предметом пристального внимания цензурных органов и вызывала с их стороны ответные меры. Так, например, в публикациях о Берлинском комитете прессы цензура усмотрела «конституционные стремления автора», «громко заявленный протест против вмешательства правительства в дела литературы», «противодействие» его распоряжениям, а также увидела недвусмысленный намек на учрежденный в России в январе 1859 года Комитет по делам книгопечатания. Редактор был строго предупрежден, что в случае проявления в журнале «духа и направления, не соответствующего началам государственного устройства», будут приняты «решительные меры» [37]. Серьезные нарекания вызвала публикация отрывка из воспоминаний сенатора Д. Б. Мертваго «Пугачевщина» [23], в которой живо и ярко был воспроизведен эпизод из кровавых событий смутного времени. Кстати, история о злоключениях Д.Б. Мертваго была хорошо знакома его современникам. Известно также, что А. С. Пушкин знал и пользовался «Записками» при подготовке «Истории Пугачева» (фамилия Мертваго встречается в подготовительных записях и черновиках книги). Можно предположить, что и в образе Петра Гринева из «Капитанской дочки» есть черты автора «Записок». Министр народного просвещения А. С. Норова в письме попечителю Московского учебного округа Е. П. Ковалевскому указывал на неуместность подобных статей в журнале, «имеющем большой круг читателей разного образования и сословия» и просил «сделать надлежащее внушение цензору и редактору, объяснив им, что в случае дальнейшего допущения в сем издании подобных статей или слишком свободных суждений о предметах общественного и государственного устройства, какие неоднократно встречались в сем журнале, тот и другой подвергнутся строжайшему взысканию» [32]. Есть данные, что III Отделение требовало закрытия журнала. Кто-то из

доброжелателей писал Каткову из Петербурга: «Будь осторожен, иначе последствия могут быть очень плачевные. Чтобы вообще не было ни одного намека на эмансипацию крестьян: теперь этот вопрос и без того лежит у всех на совести или на шее. Тебе, вероятно, известно, что теперь существует особый комитет по этому делу под председательством князя Орлова. Не нужно мешаться, иначе можно привести в окончательное раздражение: все убеждены, что книжка журнала может быть прочтена людьми дворовыми. Напоминать народу ужасы пугачевщины в такое горячее время находят опасным» [28, с. 31–32].

Подобная раздраженная реакция последовала и после ряда других публикаций «Русского вестника», вызвавших широкий общественный резонанс: уже упомянутая статья В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», статья Д. «Турецкие дела» [20, 34, 35], статья С. С. Громеки «О полиции вне полиции», «думский протокол» о Н. А. Безобразове [30, 36, 39], речь московского миллионера В. А. Кокорева на банкете 28 декабря 1857 г. в честь императорского рескрипта от 20 ноября 1857 г. [49], в которой, по мнению Министра народного просвещения, содержались замечания, касающиеся «настоящих мер Правительства об улучшении быта помещичьих крестьян, ... и по содержанию и по способу изложения крайне неприличную и неумеренную в журнале» [33], и многие другие [41, с. 209–226].

Отстаивая свою точку зрения на свободу печати, во всех случаях столкновения с цензурой Катков обращался к высшим властям с обстоятельно и дельно изложенными записками и подробными письмами, в которых излагал свои взгляды на текущие государственные и общественные вопросы [18]. Не желая смириться с вмешательством цензуры, Катков всегда отвечал на замечания в свой адрес и в адрес своего журнала, выступал с обоснованием своего мнения: «Истина не должна бояться гласности, и кто считает свое дело правым, тому вдвойне грешно пользоваться правом сильного и налагать молчание на уста противника» [20]. В отношениях печати и власти редактор «Русского вестника» настаивал на соблюдении принципа строгой законности, утверждая, что правительство имеет право «предупреждать или преследовать то, что закон находит вредным» (курсив мой – Е. П.), но при этом «весь интерес и польза литературы состоит в том, чтобы она предлагала мнения и сведения с полной самостоятельностью» [19].

Таким образом, объективно «Русский вестник» был наиболее последовательным буржуазно-либеральным журналом второй половины 1850-х годов. Публикации журнала отразили процесс формирования программы русского либерального движения в первые годы реформ Александра II. При этом либерализм «Русского вестника» имел консерватив-

ный характер, отличался умеренностью выдвигаемых требований: в качестве основного условия преобразований редакция выдвигала требование постепенных реформ на «незыблемых основах законности и порядка» в рамках единоличной власти монарха. Редакторы неуклонно проводили мысль, что лучше идти путем мирных, «постепенных и рациональных» изменений и «держат двери открытыми к новым компромиссам». Подобное направление журнала очень точно отвечало настроениям большей части умеренно настроенной части интеллигенции и обеспечивало изданию популярность и значительное влияние на аудиторию. Многие идеи, высказанные в «Русском вестнике» во второй половине 1859 – начале 1860-х гг., были реализованы в ходе дальнейших преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Письмо к родителям от 3 декабря 1855г. // И. С. Аксаков Письма к родным. – М., 1994.
2. Безобразов В. П. Аристократия и интересы дворянства / в. П. БЕЗОБРАЗОВ // Русский вестник. – 1859. – Январь. Кн. 1; Июнь. Кн. 1; Сентябрь. Кн. 1; Ноябрь. Кн. 1.
3. Бунге Н. Х. Письма об изучении политической экономии / Н. Х. Бунге // Русский вестник. – 1857. – Сентябрь. Кн. 1.
4. Вызинский Г. В. Настоящее и будущее Английской Индии / Г. В. Вызинский // Русский вестник. – 1858. – Январь. Кн. 2; Февраль. Кн. 2.
5. Вызинский Г. В. Характер политических и административных реформ в Англии / Г. В. Вызинский // Русский вестник. – 1858. – Апрель. Кн. 1.
6. Вызинский Г. В. Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции / Г. В. Вызинский // Русский вестник. – 1858. – Октябрь. Кн. 2.
7. Вызинский Г. В. Лорд Маколей / Г. В. Вызинский // Русский вестник. – 1860. – Январь.
8. Герцен А. И. В. Безобразов / А. И. Герцен // Собрание сочинений : В 30 т. – М., 1954–1959. – Т. 14.
9. Дружинин А. В. Письмо И. С. Тургеневу от 26 января 1857 г. / А. В. Дружинин // Летописи Гослитмузея. – М., 1848. – Кн. 9.
10. Григорьев А. А. Явления современной русской литературы, пропущенные нашей критикой / А. А. Григорьев // Время. – 1862. – Кн. 1.
11. Громека С. С. Два слова о полиции / С. С. Громека // Русский вестник. – 1857. – № 6.
12. Громека С. С. Пределы полицейской власти / С. С. Громека // Русский вестник. – 1858. – № 5.
13. Громека С. С. Полицейское делопроизводство / С. С. Громека // Русский вестник. – 1858. – № 7.
14. Громека С. С. О полиции вне полиции / С. С. Громека // Русский вестник. – 1858. – № 10.
15. Громека С. С. Последнее слово о полиции / С. С. Громека // Русский вестник. – 1859. – № 4.
16. Кавелин К. В. Письмо М. Н. Каткову. Санкт-Петербург. 7 июня 1857 г. / К. В. Кавелин // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 9. Л. 289–294.
17. Кавелин К. В. Письмо М. Н. Каткову. Санкт-Петербург. 14 ноября 1857 г. / К. В. Кавелин // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 9. Л. 294–295.
18. Катков М. Н. Объяснительная записка по поводу статьи «Турецкие дела» / М. Н. Катков // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 132.
19. Катков М. Н. Записка Министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому по поводу опубликования во второй декабрьской книжке «Русского вестника» статьи о Берлинском комитете прессы. 7 апреля 1859 / М. Н. Катков // ЦГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. 4795.
20. Катков М. Н. Письмо в Московский цензурный комитет от 29 июля 1858 г. / М. Н. Катков // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 132.
21. Катков М. Н. Письмо В. П. Боткину. Б.д. / М. Н. Катков // ОР Государственного музея Л. Н. Толстого. Архив В. П. Боткина. П. 6. № 60793/2.
22. Лонгинов М. Н. Письмо М. Н. Каткову. Москва, 5 мая 1859 г. / М. Н. Лонгинов // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 42. Л. 155–160.
23. Мертваго Д. Б. Пугачевщина / Д. Б. Мертваго // Русский вестник. – 1857. – Январь. – Кн. 1.
24. Молилари Г. Об условиях и механизмах кредита / Г. Молилари // Русский вестник. – 1858. – Апрель. – Кн. 1, 2; Декабрь. Кн. 2.
25. Молилари Г. О свободе труда / Г. Молилари // Русский вестник. – 1860. – Апрель. Кн. 2.
26. Молилари Г. Поземельный кредит и перечисление иностранных капиталов / Г. Молилари // Русский вестник. – 1862. – Ноябрь.
27. Молилари Г. Император Наполеон III как писатель / Г. Молилари // Русский вестник. – 1859. – Ноябрь. Кн. 1, 2; Декабрь. Кн. 1, 2.
28. «На заре крестьянской свободы». Материалы для характеристики общества. 1857–1861 // Русская старина. – 1897. – Т. 92.
29. Некрасов Н. А. Заметки о журналах за ноябрь 1855 г. / Н. А. Некрасов // Полное собрание сочинений : В 12 т. – М., 1947–1953. – Т. 9.
30. Объяснение цензора Крузе в Московский цензурный комитет от 2 декабря 1858 г. // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. 413.
31. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого / Л. Ф. Пантелеев. – М.-Л. – 1934.
32. Письмо Министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 29 января 1857 г. // ЦГИА. Ф. 722. Оп. 1. Ед. 4049.
33. Письмо Министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 16 января 1858 г. № 117 // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 403.
34. Письмо Министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 25 июля 1858 г. № 1371 // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 17.
35. Письмо Министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа от 15 сентября 1858 г. № 1827 // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 404.
36. Письмо Министра народного просвещения по-

печителю Московского учебного округа от 16 ноября 1858 г. № 2238 // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 412.

37. Письмо Министра народного просвещения исправляющему должность попечителя Московского учебного округа от 9 марта 1859 г. № 561 // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 421.

38. Письмо Министра народного просвещения исполняющему должность попечителя Московского учебного округа. 23 декабря 1859 г. // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 425 (2).

39. Письмо редакции «Русского вестника» в Московский цензурный комитет от 2 декабря 1858 г. // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 413.

40. Прошения авторов и издательств, а также сообщения учреждений о разрешении или запрещении изданий сочинений. Донесения цензоров // ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. 436.

41. Перевалова Е. В. «Без всяких рассуждений со стороны редакции...» (несколько эпизодов из истории борьбы за свободу печати) / Е. В. Перевалова // «Слово. Нравственность. Закон». Сб. науч. трудов. Часть первая. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т. – Ставрополь : Альфа-Принт, 2009. – С. 209–226.

42. Перевалова Е. В. Отдел поэзии журнала М. Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания / Е. В. Перевалова // Журналистика в 2011 году: современные реалии и перспективы. Мат. межвуз. науч.-практ. конф. – М. : Останкинский институт телевидения и радиовещания, 2011. – С. 28–37.

43. Ржевский В. К. Миллиард вознаграждения эмигрантам / В. К. Ржевский // Русский вестник. – 1858. – Сентябрь. – Кн. 2.

44. Ржевский В. К. Способ собирания прямых налогов во Франции / В. К. Ржевский // Русский вестник. – 1859. – Сентябрь. – Кн. 2.

45. Ржевский В. К. О мерах, содействующих развитию пролетариата / В. К. Ржевский // Русский вестник. – 1860. – Январь. – Кн. 1, 2.

46. Ржевский В. К. Об отношении гимназий к университету / В. К. Ржевский // Русский вестник. – 1860. – Июнь. – Кн. 2.

47. Ржевский В. К. Взгляд на теорию бюрократической администрации / В. К. Ржевский // Русский вестник. –

1860. – Октябрь. – Кн. 2.

48. Русский вестник. – 1856. – Ноябрь. – Кн. 2. Современная летопись.

49. Русский вестник. – 1857. – Т. 12. – Кн. 2. Современная летопись.

50. Русский вестник. – 1858. – Декабрь. – Кн. 2.

51. Русский вестник. – 1859. – Февраль. – Кн. 1. Современная летопись.

52. Русский вестник. – 1906. – Т. 304. – Август. – С. 539.

53. Соловьев Е. Очерки по истории русской литературы / Е. Соловьев. – СПб., 1902.

54. Тур Е. Парижские письма / Е. Тур // Русский вестник. – 1859. сентябрь. Кн. 1.

55. Тур Е. Женщина и любовь по понятиям г. Мишле. // Русский вестник. – 1859. – Июнь. – Кн. 1.

56. Утин Б. И. Очерк исторического образования суда присяжных в Англии / Б. И. Утин // Русский вестник. – 1860. – Март. – Кн. 1, 2.

57. Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы / Е. М. Феокистов. – М., 1991.

58. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов / Б. Н. Чичерин. – М., 1997.

59. Чичерин Б. Н. Сельская община в России / Б. Н. Чичерин // Русский вестник. – 1856. – Февраль. – Кн. 1.

60. Чичерин Б. Н. Сельская община во Франции / Б. Н. Чичерин // Русский вестник. – 1856. – Февраль. – Кн. 2.

61. Чичерин Б. Н. Несвободные сословия в древней России / Б. Н. Чичерин // Русский вестник. – 1856. – Май. – Кн. 2.

62. Чичерин Б. Н. О политической будущности Англии / Б. Н. // Русский вестник. – 1856. – Октябрь. – Кн. 2.

63. Чичерин Б. Н. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / Б. Н. Чичерин // Русский вестник. – 1857. – Февраль. – Кн. 2.

64. Шемановский М. И. Письмо Н. Г. Чернышевскому от 23 марта 1866 г. / М. И. Шемановский // Шестидесятые годы; / [под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера]. – 1940. – С. 81. М. И. Шемановский подтверждает в письме авторство Н. А. Добролюбова Н. Г. Чернышевскому, который готовил посмертное собрание сочинений Добролюбова. По словам Шемановского, он узнал об этом от самого Н. А. Добролюбова.

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова

*Перевалова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: helenpv@yandex.ru*

Moscow State University of the Press named after Ivan Fedorov

*Perevalova E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Mass Communications Department
E-mail: helenpv@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ВОРОНЕЖСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ПЕРИОД ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ (50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

С. С. Перцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется начальный этап развития воронежского телевидения.

Ключевые слова: региональное телевидение, Воронеж, беседа, телепостановка, просвещение, пропаганда

Abstract: the initial stage of the development of the regional television is analyzed in the article.

Key words: regional television, Voronezh, conversation, TV show, education, propaganda.

Мы с вами находимся на пороге нового этапа развития телевидения, когда наблюдаются активные процессы трансформации экономической (конвергенция), организационно-технической (цифровое ТВ) и творческой (новые жанры и форматы) составляющей телепроизводства. По справедливому замечанию А. М. Шестериной, все более заметным становится процесс отторжения производителя от транслятора [3, 235]. Эти и многие другие изменения уже сегодня получают неоднозначную оценку. Поэтому в складывающейся ситуации особую актуальность для науки приобретает исследование истории телевидения, изучение наиболее важных этапов его развития, ретроспективный взгляд на аудиовизуальные СМИ Воронежа и области.

Попытки системного изучения явления до сих пор не предпринимались. Красноречив тот факт, что документы, которые касаются воронежского телевидения 50-х годов XX века, последний раз были затребованы в архиве сорок лет назад. Основу нашего исследования составляют материалы Государственного архива Воронежской области и воспоминания Виктора Ивановича Золотарева, бывшего главного режиссера региональной телестудии. В нашей статье мы постараемся выявить определенные закономерности, которые помогли бы воссоздать образ явления.

Датой возникновения местного телевидения можно считать 1954 год. Первая телевизионная передача состоялась 7 мая. Энтузиасты с завода «Электросигнал» (на нем в это время налаживался серийный выпуск легендарных телевизоров КВН-49) во главе с инженером Иваном Григорьевичем Квасовым передали изображение с завода во Дворец пионеров, где проходила выставка ко Дню Радио. К концу года был готов малый телецентр. На перекрестке Московского проспекта и проспекта Труда

появилась 50-метровая металлическая телебашня, с которой проводилась ретрансляция передач центрального телевидения, в доме рядом выделили несколько комнат для аппаратных. Студийных камер не было, телецентр показывал кинофильмы. «Режиссура» редактора литературно-музыкальных передач радио Виктора Ивановича Золотарева, который поддерживал энтузиастов, сводилась к тому, что он, записав на радио голос диктора Галины Шипиловой, прокручивал за кадром объявления о фильме [1, 49]. Вскоре на заводе сконструировали самодельную студийную камеру. Ее ввод в эксплуатацию приурочили к открытию XX съезда КПСС. Он стал судьбоносным для регионального телевидения. Было принято решение – построить к 1960 году 75 телецентров. Отсюда можно заключить, что воронежский телецентр был одним из первых региональных телецентров в стране.

В канун 1957 года специальная комиссия министерства связи приняла любительский телецентр. 30 ноября 1956 года вышел приказ № 1 по студии телевидения, она получила статус государственной. Датой можно считать датой рождения ВГТРК. Полным ходом шло строительство нового телецентра. Он расположился в районе бывшего кладбища на Чугунке. Здесь построили телебашню, ее высота составила 180 метров, качество приема и передачи сигнала стало значительно лучше. Возвели административное здание со студийным помещением, которое было намного просторнее прежнего. 26 декабря 1958 года Воронежский ОРТПЦ начал вещание в тестовом режиме. Расширяется штат телецентра, формируется постоянная сетка вещания. Какие же характерные черты воронежского телевидения 1950-х годов можно отметить?

Первой характерной чертой является нерегулярность вещания. К примеру, в январе 1957 года малый телевизионный центр выходил в эфир 13 раз. Четкая периодичность отсутствовала.

Продуманного плана публицистических передач не было. Программы выходили от случая к случаю и имели, как правило, определенный информационный повод – годовщина освобождения Воронежа, годовщина Кровавого воскресения, юбилеи воронежских театров и т. д.

Техническое отставание от «центра» также было очевидным и отражалось на особенностях контента. Так, для московского телевидения 1950-е годы – время бурного развития репортажа. ПТС в столице впервые использовали еще в 1949 г., для трансляции футбольного матча со стадиона «Динамо». А. Я. Юровский отмечает, что появление ПТС в советском телевидении означало нечто гораздо большее, чем очередное техническое усовершенствование — возможность принципиального видоизменения телевизионных программ [2]. Большим успехом стал показ по телевидению VI Всемирного фестиваля молодежи.

Для воронежского же телевидения главным жанром являлась беседа. Съемки в студии не требуют сложного технического оснащения, выездов на места. К примеру, в 1958 году в общественно-политических программах выступило 500 человек самых разных возрастов и профессий [1, 51]. Интересно, что существовало два вида беседы. Гости в студии либо общались с диктором (например, школьники рассказывали ему о том, как они провели каникулы, отвечали на вопросы), либо непосредственно обращались к зрителю (например, профессор мединститута читал лекцию о профилактике полиомиелита).

Вместе с тем были и программы, которые следует отнести к художественно-публицистическим. За год студия показывала около пяти собственных телепостановок. Они шли в эфире несколько часов и имели сложную драматургию. Развивался и развлекательный сектор вещания. К примеру, на большой новогодний концерт приглашались оркестры, хоры, ансамбли, артисты театра. В 1956 году вышла программа, посвященная дружбе советского и китайского народа. «Срединная, цветущая» готовилась совместно со специалистами из Поднебесной, работавшими в то время в Воронеже. Для телевидения писались пьесы. В студии получали слово писатели, в частности, Г. Н. Троепольский [1, 51].

Воронежский редактор вещания Л. Бойко, который также выступал с лекцией в эфире, подчеркивал: «Одним из замечательных достижений радиожурналистики является телевидение, значение которого в деле политического и культурного роста масс очень велико».

Таким образом, можно заключить, что главными функциями регионального телевидения того пери-

ода были культурно-просветительская функция и формально-информационная (на деле, скорее, пропагандистско-агитационная функция).

Последний тезис нуждается в пояснении. Конечно же, в программах освещались текущие события, но делалось это однобоко. О негативных явлениях действительности говорить было не принято. Если о них и заходила речь, то как об уже решенных проблемах. Одно за другим в передачах следовали сообщения об успехах. Особое внимание уделялось очередной пятилетке и соцсоревнованию. Постоянно упоминались Ленин, Маркс, Энгельс. Тексты выступающих писались заранее и были выдержаны в идеологическом ключе. В результате можно было наблюдать парадоксальные вещи. Такое понятие как «речевая характеристика героя» просто отсутствовало. И политрук, и доярка, и школьник говорили одним языком.

Резюмируем. Местное телевидение появилось в середине 50-х годов XX века. Поначалу оно было любительским, но вскоре обрело профессиональный статус. Малый телецентр являлся одним из первых региональных телецентров в стране. Вещание велось нерегулярно. В техническом плане воронежское телевидение серьезно отставало от московского. Возможность сделать репортаж в прямом эфире отсутствовала. Большинство передач представляло собой студийную беседу. Студию посещали люди самых разных возрастов и профессий, среди них видные общественные деятели. Телецентр ставил собственные постановки, активно сотрудничал с деятелями искусства. Главными функциями телевидения того времени были культурно-просветительская и пропагандистско-агитационная (формально информационная).

И все же именно в недрах этого зародилось будущее серьезное для регионального вещания явление – телевидение, работающее не только на Воронеж, но и на многие другие регионы Черноземья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотарев В. И. У истоков Воронежского телевидения / В. И. Золотарев // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. – 2004. – № 3–4. – С. 49–51.
2. Телевизионная журналистика: Учебник / Редколлегия: Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 61.
3. Шестерина А. М. Проблемы формирования регионального интернет-телевидения / А. М. Шестерина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 234–237.

*Воронежский государственный университет
Перцев С. С., аспирант кафедры телевизионной и радиожурналистики
E-mail: ssssp1@rambler.ru*

*Voronezh State University
Pertsev S. S., Post-graduate Student of the Television and Radio Journalism Department
E-mail: ssssp1@rambler.ru*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ЗАПРОСЫ ДЕТСКОЙ АУДИТОРИИ

О. В. Пинчук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается аудитория детских СМИ. Для того чтобы предложить потребителю качественное СМИ, необходимо знать об информационных потребностях и запросах целевой аудитории. Приводятся данные исследований медиапотребления за 1997 год (ЮНПРЕСС) и 2014 год (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова). Сегодня популярны интернет-СМИ, поэтому представлены результаты собственного исследования автора.

Ключевые слова: аудитория СМИ, детская аудитория, социологический опрос, медиаобразование.

Abstract: The article is devoted audience of children's media. In order to offer the consumer a quality media, needs to know about the information needs of the target audience. The data research media consumption for 1997 (YNPRESS) and 2014 (Moscow State University. Lomonosov). Today the popularity of online media, so the results of the author's own research.

Key words: media audience, an audience of children, public opinion poll, media education.

При исследовании аудитории СМИ, будь то общественно-политическое издание или бульварная газета, чаще всего обращаются к опросам, проведенным проверенными и надежными организациями (Фонд общественного мнения, ВЦИОМ и др.). Однако указанные исследовательские организации работают только с совершеннолетними людьми, а значит их данные об аудитории детских СМИ являются опосредованными, пропущенными через мнение родителей.

Современные исследования детской аудитории касаются телевидения и прессы. Юные радиослушатели в круг интересов теоретиков попадают достаточно редко, хотя такое явление как детское интернет-радио набирает популярность и обладает рядом весомых преимуществ для существования в рамках рынка СМИ.

Во второй половине XX века – самый продуктивный и качественный период в истории детского радиовещания – анкетирование аудитории было регулярным. А. А. Меньшикова указывала, что подобные исследования позволяли своевременно делать некоторые выводы об отдельных передачах для разных сегментов аудитории, а также указывали пути дальнейшего развития. В качестве примера автор приводит небольшую анкету, которая рассылалась по школам:

«1. Название передачи.

2. Где и как слушал передачу (дома или в школе, один, с товарищами или вместе со взрослыми).

3. Дослушал ли ты передачу до конца или нет. Если нет, то почему? (что-нибудь помешало или стало неинтересно?).

4. Что нового узнал ты из этой передачи? Какие мысли и чувства она у тебя вызвала?

5. Все ли понятно было в передаче? Какие возникли вопросы?

6. Не показались ли тебе отдельные части передачи затянутыми или скучными?

7. Кто еще из твоих товарищей слушал эту передачу? Какое у них мнение?

8. О чем тебе интересно было бы послушать по радио?» [1].

То, что советское детское радиовещание считалось лучшим в мире, служит одним из доказательств эффективности подобной коммуникации со слушателями. Кроме того, часто в эфире звучали призывы предложить интересного героя для радиоочерка, написать, какую тему важно обсудить в радиобеседе. Мы считаем, что такая форма обратной связи была бы не менее плодотворна и эффективна и сегодня, тем более что конвергентность и интерактивность практически всех СМИ упрощает этот процесс.

Информационные потребности подростка на рубеже XX-XXI вв.

Стройная система детского радиовещания, как и в целом СМИ для юной аудитории, была разрушена в перестроечное время. Одновременно с этим в открытом доступе оказалась информация, не для детей. В октябре-декабре 1997 года временным научным коллективом, созданным специально с этой целью творческим объединением ЮНПРЕСС, был проведен опрос «Российские подростки в информационном мире» [2]. Исследование рассматривало основные средства коммуникации в самом широком смысле, в том числе и в структуре досуга, когда информация усваивается спонтанно, часто неосознанно.

По данным исследования в свободное время подростки предпочитают смотреть телевизор (76,7 %), слушать магнитофон/плеер (69,6 %), проводить время с друзьями (67,4 %). При этом отмечены различия в проведении досуга в городах и в селах. Например, ребята из больших городов охотнее слушают магнитофон, в небольшом городе и селе – общаются с друзьями. Радио в больших городах слушают почти в два раза больше, чем в небольших и в селе. В целом интерес к прослушиванию радио увеличивается с возрастом: среди детей 10-11 лет этот показатель равен 13,2 %, в 15-17 лет – 25,5 %. Другие виды СМИ – газеты и журналы, телевидение – потребляют значительно больше подростков: 36,6 % и 76,7 % соответственно от общего числа опрошенных.

Авторы книги, говоря о самых популярных источниках важной для подростка информации, приводят к сравнению подобное исследование ЮНПРЕСС от 1993 года. В обоих случаях лидируют друзья и подруги, их роль возрастает к 1997 году. Со временем сильно возрастает значение учителей, взрослые телепередачи стали играть большую роль, чем книги, резко увеличилась информирующая составляющая детских и юношеских телепрограмм, учебников, газет и журналов, кружков, детских и юношеских радиопередач. То есть подростки ищут в межличностном общении и в СМИ ответы на волнующие их вопросы. Авторы исследования говорят о том, что существующих специализированных газет, журналов, теле- и радиопрограмм недостаточно для освещения всех важных для детей тем.

Группа исследователей ЮНПРЕСС делает следующие выводы [3]:

- жизненно важная информация усваивается подростками спонтанно, неосознанно;
- необходимые сведения ребята предпочитают получать не из детских СМИ, а из СМИ, предназначенных для взрослой аудитории;
- отсутствует координирование СМИ между собой, информирование подростков происходит хаотично, стихийно;
- предлагаемые на рынке детские и юношеские СМИ не могут удовлетворить информационные потребности аудитории;
- СМИ как источник жизненно важных сведений о мире уступает друзьям, родителям, школе;
- самые болезненные и волнующие подростков темы попадают в эфир/печать редко, только в особо сенсационных случаях;
- издатели рассматривают ребят только как объект воздействия, не допуская до подготовки и анализа передач/газеты/журнала;
- материалы, предназначенные для юной аудитории, часто не учитывают возрастной, половой, региональной дифференциации потребителей;
- подростки извлекают важную информацию из

всех возможных коммуникационных каналов.

На основе описанного исследования, мы можем сделать вывод, что подростковая аудитория хочет получать полезную, важную, актуальную информацию о мире из различных СМИ, однако существующие издания не могут удовлетворить эту потребность. Ребята обращаются к взрослым изданиям, где часто публикуется информация, не для юной аудитории. Подводя итог всей работы, авторы говорят: «Задача, стоящая на сегодняшний день перед правительственными и неправительственными организациями, средствами массовой коммуникации заключается в том, чтобы обеспечить защиту прав каждого ребенка/подростка на получение полной, достоверной, качественной информации, необходимой для его полноценного становления и развития, создать условия для прямого участия самих детей, в том числе через массовые средства информации, в принятии решений, касающихся их настоящего и будущего» [4].

Современные информационные запросы юной аудитории массмедиа

Из современных исследований юной аудитории мы можем назвать «Медиапотребление российских школьников: центр и регионы» 2014 года, которое проводилось на базе факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Медиапотребление школьников изучалось в 3 этапа:

- 1) групповое раздаточное анкетирование среди школьников 7-8 и 10-11 классов;
- 2) глубинное интервью с преподавателями в школах, принимавших участие в исследовании;
- 3) глубинное интервью с родителями учащихся, заполнявших анкеты.

Исследование охватывает Москву, Углич и Воронеж. Автор данной статьи проводил анкетирование и глубинные интервью с воронежскими школьниками, учителями, родителями. Однако работа еще не закончена и предполагает проведение опроса и интервью в Калининграде и Перми.

Исследователи выяснили, что большинство подростков ежедневно пользуются различными СМИ: телевидением, радио, газетами, Интернетом. На рисунке 1 представлены данные, разграниченные по городам исследования.

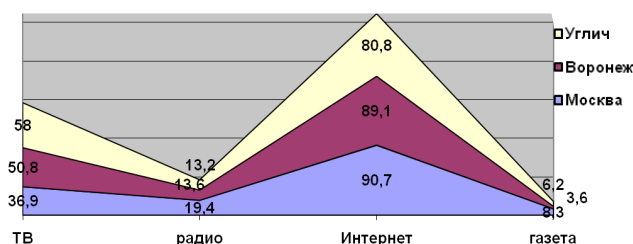

Рис. 1. Процентное соотношение использования детьми различных медиа

Из представленной диаграммы ясно, что доминирующим медиа сегодня является Интернет. В исследуемых городах ежедневно потребляют информацию Сети более 80 % подростков. Причем видна прямая зависимость количества выходящих в Интернет ежедневно от размера населенного пункта: Углич – 80,8 %, Воронеж – 89,1 %, Москва – 90,7 %. Подробнее о проблеме низкой культуры пользования Сетью мы поговорим в следующем параграфе, анализирующем данное явление.

Наименее популярным СМИ является газета. Так, в Угличе, Воронеже и Москве ежедневно читают указанный тип медиа 6,2 %, 3,6 %, 8,3 % соответственно. Мы считаем, что это связано с общими тенденциями российского медиарынка: недостаток детской и молодежной прессы, стремление к массовости изданий для взрослых, большое количество неподобающей информации.

Исследование касалось также контроля медиапотребления со стороны родителей, родственников. Результаты представлены на рисунке 2.

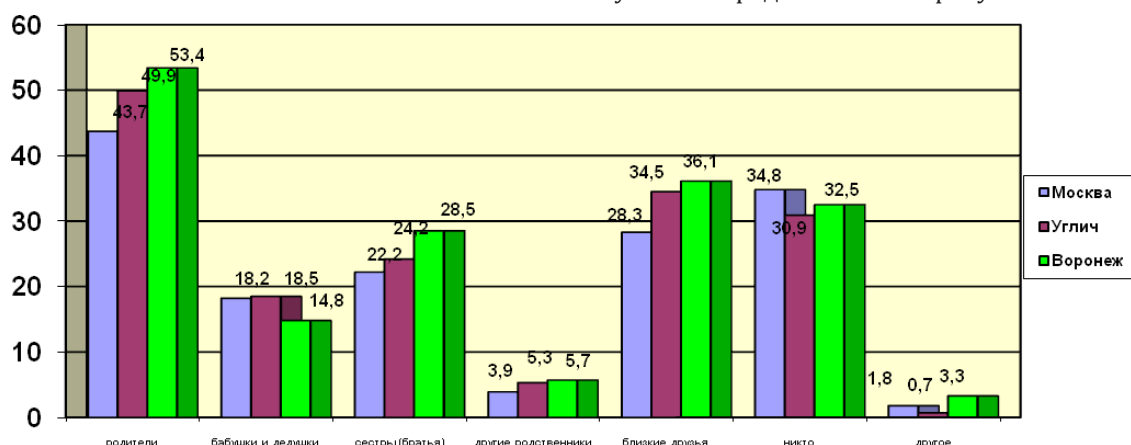

Рис. 2. Кто вместе с ребенком читает газеты, слушает радио, смотрит телевизор

Из диаграммы видно, что чаще всего медиапотребление контролируют родители. 53,4 %, 49,9 % и 43,7 % воронежских, угличских и московских подростков соответственно отметили, что мамы и папы вместе с ними читают газеты, слушают радио, смотрят телевизор. Однако более трети опрошенных указали, что никто не контролирует их медиапотребление. Вопрос в анкете не касался интернет-источников, но нам представляется, что отсутствие контроля отметили бы такое же или большее количество исследуемых. Здесь мы можем оперировать данными собственного исследования среди воро-

нежских школьников, детально рассмотренными далее.

Также нельзя не отметить высокий процент ребят, которые указали, что основную медиапродукцию они потребляют вместе с друзьями. То есть межличностная коммуникация сохраняет свое значение. Эта тенденция явно прослеживается на всем протяжении истории новейшего времени.

Московские исследователи выявили зависимость выбора конкретного медиапродукта от мнения окружающих. Результаты представлены на рисунке 3.

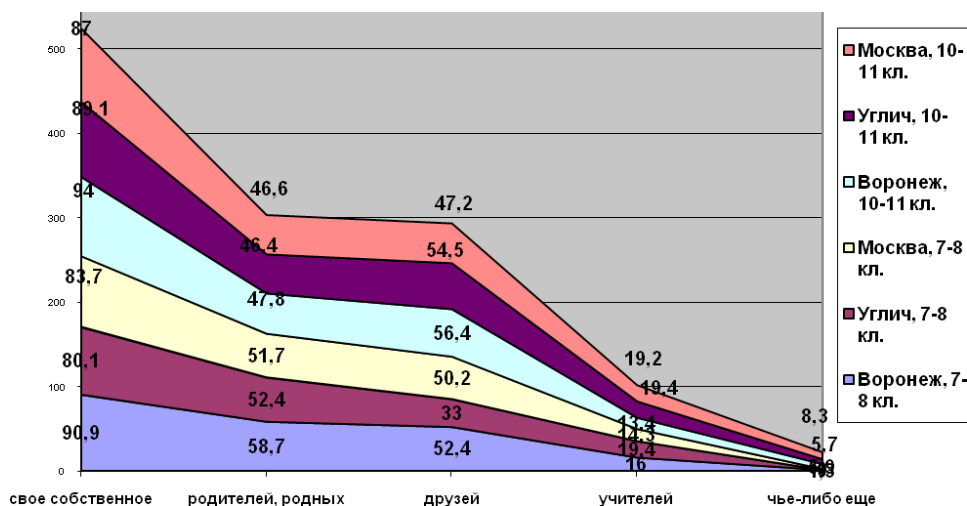

Рис. 3. Чье мнение учитывает ребенок при выборе конкретного медиапродукта

Свое собственное мнение становится решающим при выборе медиапродукта, причем процент уверенных в себе подростков возрастает от 7-8 класса к 10-11: с 83,7 % до 87 % среди москвичей, с 80,1 % до 89,1 % среди школьников Углича, с 90,9 % до 94 % среди подростков Воронежа. Около половины опрошенных прислушиваются к мнению родителей или друзей. Мы можем сделать вывод, что родители способны повлиять на медиапотребление своего ребенка, сориентировать его в огромном массиве информации, которую предоставляет медиасреда. Если судить по данным

рисунка 1 и рисунка 2, можно сказать, что мамы и папы с успехом выполняют эту функцию. Однако глубинные интервью с родителями участвовавших в исследовании школьников дает нам право говорить о том, что их медиапотребление носит хаотичный характер.

В исследовании ЮНПРЕСС в 1997 году было выявлено, что самую важную информацию подростки получали в процессе межличностного общения с друзьями, учителями, родителями. На рисунке 4 показано, какие источники полезной и важной информации подростки отмечают сегодня.

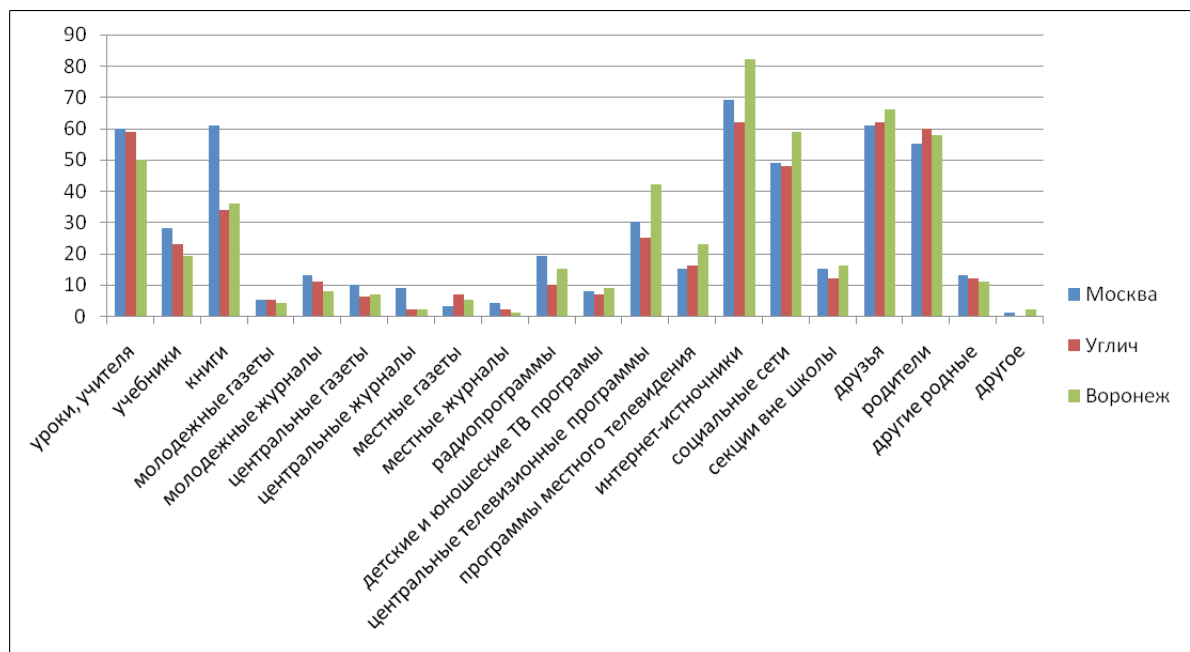

Рис. 4. Откуда школьники узнают обо всем важном и интересном

Диаграмма свидетельствует о том, что друзья, учителя и родители по-прежнему являются важным источником информации о мире. Хотя, следует заметить, что самыми популярными стали интернет-источники, особенно для крупных городов: Москвы (69 %) и Воронежа (82 %). Печатные СМИ во всех формах – молодежные, центральные, местные газеты и журналы – отмечены как источники важной и интересной информации самым маленьким количеством опрошенных, показатели здесь не превышают 12 %.

На втором этапе исследования проводилось глубинное интервью с родителями опрошенных школьников. В ходе интервью были охвачены следующие темы:

- Каким образом родители контролируют медиапотребление детей, помогают ли им разобраться в мире СМИ?;
- Какие СМИ потребляют ваши дети?;
- Нужны ли СМИ современной молодежи? Чем они могут быть полезны?;
- Какова роль новых информационных ресурсов в жизни современных детей и подростков?;
- Нужны ли специальные занятия медиаобразо-

вания в школах?

Результаты глубинных интервью можно объединить в следующие тезисы.

Почти половина опрошенных школьников указали, что родители влияют на их медиапотребление. При этом родители не проявили интерес к специальным занятиям в школе по медиаобразованию. Они надеются на то, что дети сами неплохо ориентируются в медиасреде.

Родители уверены, что контролируют медиапотребление своих детей, хотя более 80 % подростков указали, что при выборе медиапродукта учитывают собственное мнение, а затем уже кого-то еще.

При этом мамы и папы не выписывают прессу, покупают ее нерегулярно. Основным источником информации называют телевидение, хотя предпочитают смотреть сериалы, а также играть в компьютерные игры.

К Интернету родители относятся позитивно, преобладает мнение, что ничего плохого дети там не найдут, зато они дома, под присмотром.

3 этап исследования – глубинное интервью с учителями – включал в себя освещение следующих тем:

– Каким образом нужно знакомить детей и подростков со СМИ?

– Нужны ли специальные занятия в школах?

– Какие СМИ потребляют Ваши ученики?

– Существует ли связь между успехами детей в школе и особенностями их – информационного поведения? между их личностными характеристиками и особенностями их информационного поведения?

– Какова роль новых информационных ресурсов в жизни современных детей и подростков?

По результатам бесед с учителями можно сделать общие выводы:

– 20 % детей указало, что учителя влияют на их медиапотребление. Рекомендуемая литература, обучающие сайты, специализированные СМИ, о которых говорят учителя, используется пятой частью школьников. Это достаточно высокий показатель, свидетельствующий о том, что преподаватели должны рекомендовать к чтению и просмотру медиапродукты;

– при этом медиаобразование хаотично. Преподаватели русского языка, литературы, истории, математики и других предметов ссылаются на то, что на уроках информатики школьники получают все необходимые навыки для работы в Интернете. Учителя информатики уточняют, что дают лишь базовые знания о работе в Сети, куда не входит медиаобразование;

– учителя поддерживают идею о введении регулярных школьных занятий по медиаобразованию;

– преобладает мнение о том, что в семьях учеников не читают и не выписывают газеты и журналы, а самое популярное медиа – телевидение – предоставляет продукцию с низким качеством;

– учителя признают, что Интернет уже победил традиционные СМИ, к чему они относятся позитивно;

– Интернет предоставляет слишком много информации. Дети к этому не готовы, они дезориентированы. Один из воронежских учителей сказал, что возможность найти любой факт прямо здесь и сейчас, с любого интерактивного устройства, служит причиной того, что школьники часто либо не могут запомнить небольшое стихотворение, либо запоминают его на непродолжительное время и через неделю после ответа на уроке уже не воспроизведут его.

Подводя итог, мы можем сказать, что сегодня определяющим медиа становится Интернет. Результаты московского исследования неутешительны: родители и учителя часто сами не обладают должными познаниями в сфере медиапотребления, а, следовательно, не способны передать их детям.

Все исследователи в области психологии, педагогики, социологии признают, что пользоваться Сетью ребенок начинает все раньше, а времени там проводит все больше. С одной стороны, это позитивная тенденция. «Динамично меняющийся мир тре-

бует адаптации к его нормам и правилам, а активное использование Интернета вырабатывает навык нахождения нужной информации для успешного взаимодействия с различными группами и индивидами. Следовательно, на основе формирования общего навыка выбора вариантов поведения возможно более успешное становление умения находить оптимальные способы организации повседневной жизни» [5].

С другой стороны, Интернет способен негативно влиять на психику и сознание даже взрослого, не говоря уже о несформировавшемся ребенке. Значит, у детей должна быть сформирована культура не просто медиапотребления, а культура пользования Интернетом, ведь только в этом случае будут основания полагать, что качественные детские и подростковые ресурсы находят нужную аудиторию.

Сеть предоставляет практически неограниченные образовательные и воспитательные ресурсы. «Если рассматривать Интернет как образовательное средство, то необходимо признать, что именно Интернет становится сегодня той информационной средой, которую ежедневно посещают миллионы людей и, как правило, основной контингент составляет подрастающее поколение, на воспитание, развитие и образование которого государство должно ставить свои приоритеты» [6].

Получается ситуация, когда уникальная информационная среда может благотворно влиять на психологические и личностные характеристики ребенка, при условии владения навыками пользования Интернетом.

Культура пользования ресурсами Интернета у современного школьника

В октябре-ноябре 2012 года нами было произведено статистическое исследование среди воронежских школьников. Целью проведенной работы было выявить основные характеристики потенциальной аудитории интернет-СМИ для детей и подростков.

Всего опрошено 1 000 учеников из вторых, шестых и девятых классов (7, 12, 15 лет). То есть нами были выбраны возрастные категории, в которых наиболее ярко выражаются основные характеристики учащихся начальных классов, подростков, юношества.

В 2004 году большинство исследователей отмечали, что Интернетом пользуются чуть более 50 % детей в возрасте от 4 до 17 лет. По результатам проведенного опроса было выявлено, что в среднем этот показатель равен 90 %. При этом отмечена интересная особенность: во втором классе только 81 % школьников использует Сеть, а в шестом и девятом по 95 %. Можно говорить о том, что к шестому классу уже формируется тот слой ребят, которым интересен процесс поиска информации в Сети.

Вопрос «Как часто ты выходишь в Интернет?» позволил нам выделить 4 группы школьников-пользователей.

1. Не-пользователь. Школьники, выбравшие вариант ответа «только при крайней необходимости».

2. Умеренный пользователь. Учащиеся, давшие ответ «редко или очень редко». Это близко к не-пользователю, однако их поиск информации шире, охватывает несколько тем, возможен переход по дополнительным указателям-гиперссылкам.

3. Активный пользователь. Школьники, которые выходят в Сеть «время от времени или регулярно».

4. Сверхактивный пользователь. Ученики, отметившие вариант ответа «все свободное время

провожу в Интернете».

Для более четкой картины нами был задан вопрос «Контролируют ли твои родители выходы в Интернет?». Здесь было выявлено 4 типа отношения родителей к педагогической помощи при использовании Сетью. Это те, кто «полностью контролируют», «иногда контролируют», «поставили «защиту от детей»» – специальную компьютерную программу, блокирующую вредоносные сайты» и «не контролируют». Для наглядности результаты сведены в таблицах 1-3 отдельно для каждого класса.

Таблица 1

Вторые классы

	Не-пользователь	Умеренный пользователь	Активный пользователь	Сверхактивный пользователь
полностью контролируют	6,7%	20,2%	6,7%	1,2%
иногда контролируют	2,7%	5,4%	7,8%	1,2%
«защита от детей»	2,4%	2%	2%	1,6%
не контролируют	2,4%	9,4%	11%	17,3%

Самый высокий процент среди второклассников 20,2 % – умеренный пользователь, которого полностью контролируют родители. На взгляд диссертанта, это правильный педагогический шаг. Однако 17,3 %, вторая по величине цифра, относит-

ся к сверхактивным пользователям, которых не контролируют родители. Тревожащим является тот факт, что среди умеренных и активных пользователей без родительского надзора оказались 9,4 % и 11 % соответственно.

Таблица 2

Шестые классы

	Не-пользователь	Умеренный пользователь	Активный пользователь	Сверхактивный пользователь
полностью контролируют	3,9%	2,6%	7,8%	3,9%
Иногда контролируют	5,5%	2%	22,8%	6,8%
«защита от детей»	---	0,3%	1,6%	0,3%
не контролируют	2,3%	2,2%	26%	12%

Если во втором классе родительский контроль был замечен, то к шестому классу процент пользователей, которые получают педагогическую помощь постоянно, ничтожен. Здесь наибольшее количество – 22,8 % тех, кто является активным пользова-

телем, при этом получая нерегулярное родительское внимание. И снова высоки проценты активных и сверхактивных пользователей, которых не контролируют: 26 % и 12 % соответственно.

Таблица 3

Девятые классы

	Не-пользователь	Умеренный пользователь	Активный пользователь	Сверхактивный пользователь
полностью контролируют	0,7%	1,7%	1,5%	1,4%
Иногда контролируют	1%	1%	7,6%	4%
«защита от детей»	---	0,3%	3%	0,7%
не контролируют	1,7%	1,3%	49,3%	23,8%

В девятом классе следует обратить внимание только на два показателя: активный и сверхактивный пользователь без родительского контроля: 49,3 % и 23,8 % соответственно. Говорить о том, что ребенок в этом возрасте совсем не требует родительского внимания, не следует.

Сведя данные из таблиц 2, 3, 4, можно сделать следующие выводы:

– среди всех показателей ничтожны проценты

пользователей, которых родители ограничили в использовании Интернета с помощью специальных программ «защита от детей». Скорее всего, большинство родителей просто не умеют ими пользоваться или вообще не знают о существовании таких программ;

– родительский контроль снижается к девятому классу: среди сверхактивных пользователей во втором, шестом и девятом классах без педагогиче-

ской помощи остаются 17,3 %, 12 % и 23,8 % соответственно;

– скорее всего, низкие показатели контроля со стороны взрослых даже во втором классе связаны с тем, что для большинства родителей Интернет – малознакомое слово, не ассоциирующееся с опасностью для ребенка. У них просто не было выхода в Сеть в детстве, то есть их дети – пользователи в первом поколении.

Однако современные исследователи все чаще говорят о небезопасности «мировой паутины». Так, Ю. А. Годик, исследуя угрозы и риски детской и подростковой аудитории медиа в Интернет, на основании мнений зарубежных и российских исследователей выявила следующие опасности для детей-пользователей Сети [7]:

- нежелательные контакты (которые могут привести к сексуальному насилию);
- кибербуллинг: оскорбления, агрессивные

нападки, преследования в Сети;

- «опасные» материалы (порнография, видеоролики, изображения и тексты сексуального, экстремистского характера, призывы к насилию).

Большинство родителей уверены, что их дети в основном ищут информацию для школы, пишут рефераты и читают полезные статьи. Иногда взрослые даже предлагают ребенку скачать уже готовый реферат, чтобы освободить время для подготовки домашнего задания по более важному предмету. В опросный лист был включен вопрос о том, чем занимаются дети в Интернете. Нужно было расставить цифры в порядке убывания по важности цели. То есть 1 присваивается тому, что наиболее важно для ребенка, 7 – самому неинтересному и неважному. К рассмотрению взяты только те строчки, где школьник поставил единичку. Результаты сведены в таблице 4.

Таблица 4

Интересы школьников

	2 классы	6 классы	9 классы
Общение с друзьями, знакомыми, родственниками	23%	39%	49%
Новые знакомства и виртуальная дружба	9%	4%	5%
Поиск информации для школы	21%	22%	15%
Поиск интересной информации вне школьной программы	13%	11%	13%
Он-лайн игры	24%	14%	8%
Развлечения (анекдоты, популярная музыка, смешные картинки и видеозаписи и др.)	10%	10%	10%

Небезынтересно, что от второго к девятому классу падает интерес к поиску информации по школьной программе, а также к он-лайн играм. Фокус перемещается на общение с друзьями, знакомыми, родственниками. Если во втором классе эту цель преследовала почти четверть школьников, то к девятому классу – уже половина. То есть 15-летний подросток, полдня общавшийся с друзьями по школе, пару часов прогулявший с друзьями по двору и позанимавшийся в спортивной или музыкальной школе, приходит домой и «влезает» в социальные сети все для того же общения, в основном – с теми же людьми.

Интересен тот факт, что разного рода развлечения все же не преобладают, независимо от возраста.

Хотя многие исследователи проблем посещения Интернета детьми указывают на то, что ребенок выходит в Сеть именно для рекреации.

Нельзя не отметить то, что в Интернете есть и полезные, хорошие сайты для детей и подростков. Условно их можно назвать детско-юношескими СМИ, так как они выполняют те же функции, что и пресса, хотя и имеют ряд существенных отличий. Перед нами стояла задача выяснить, знают ли школьники о существовании качественных интернет-порталов, пользуются ли их услугами. Ответы на вопрос «Много ли интересных развлекательных, познавательных, полезных сайтов для детей и подростков ты знаешь?» – сведены в таблице 5.

Таблица 5

Осведомленность школьников о детском и подростковом контенте

	2 классы	6 классы	9 классы
много, часто я не знаю, какой именно выбрать	30%	24%	15%
немного, но то, что интересно мне, я всегда нахожу на подобных сайтах	37%	53%	58%
мало, мне не хватает нужной информации	11%	10%	11%
я вообще не знаю таких сайтов	22%	13%	16%

Если судить по данным таблицы, даже подавляющее количество второклассников знакомо с основами поиска нужных сайтов, обладают развитой культурой пользования Сетью, умеют выбирать

именно тот контент, который им необходим и полезен. Для проверки полученных на данный вопрос ответов, школьников было предложено написать названия таких сайтов. Только 3 % школьников (из

общего количества) смогли сформулировать название сайта, почти 1 % написали его в формате адресной строки (www.ru). Многие указали как интернет-сайты для детей и подростков социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Мой Мир), большая часть написала название либо поисковой системы (Яндекс, Гугл), либо фразы, благодаря которым поисковая система выдает несколько миллионов страниц-сайтов (игры для девочек, игры для мальчиков, как не поспорить с мамой и т. д.).

А ведь это потенциальная аудитория тех качественных интернет-СМИ, которые существуют в Сети. И реальной она не станет, пока случайно не наткнется на такой сайт. Основное же время в «мировой паутине» дети проводят в мире взрослого – социальной сети, – где в открытом доступе находится информация, никоим образом не предназначенная для детских глаз и ушей. Попытаться убрать негативные данные из социальной сети то же, что пробовать очистить Авгиевы конюшни.

В 1967 году академик А. Н. Глушко описал некую систему, которая объединит все человечество. По его словам, «эта система включит в себя огромный парк электронных машин и превратится в единую систему хранения, обработки и передачи информации. В ее задачу будет входить не только установление связи людей между людьми, но и людей с машинами и машин между собой... Через считанные секунды после нашего запроса мы будем иметь у себя на столе копию старинного манускрипта, сведения о только что найденном, новом научном факте, справку о свойствах тех или иных материалов, выпуск последних известий. Наличие подобной системы радикальным способом изменит труд ученых и конструкторов» [8].

Сегодня эти утопические мечты стали реальностью. Техника и человек уже слились в некий симбиотический продукт, вся мудрость предшествующих поколений доступна через считанные секунды после запроса. Каждая новость представлена в аудио, видео, печатном выражении, а уж если говорить об Интернете, то во всех видах одновременно на одном сайте, да еще и с возможностью обсудить данную новость с экспертами и пользователями.

В столь непостоянном и динамичном мире возникает острая необходимость задуматься о том, что детям нужно направлять в потоке информации, дать им не только лодку, но и руль, и весла, и удочку на случай голода. Описанное исследование ярко доказывает, что полезная и важная информация просто не доходит до целевой аудитории. Создание качественных детско-юношеских интернет-СМИ сегодня бессмысленно, ведь из тысячи школьников только один-два человека могут их посетить.

В таком случае нужно говорить о медиаобразовании как в школе, так и со стороны родителей. Под медиаобразованием понимается процесс развития

личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники.

Некоторые исследователи связывают отсутствие медиаобразования с недостатком квалифицированных кадров, ведь основная нагрузка ложится на преподавателей информатики, часть которых не обладает нужными знаниями в сфере интернет-технологий.

И. А. Фатеева говорит о следующем возможном развитии событий: «В будущем же в школы должны прийти учителя, специально подготовленные для работы медиапедагогами, то есть окончившие вуз по специализации «Медиаобразование» в рамках специальности «Социальная педагогика». Думается, что такой шаг, как официальное признание медиаобразования, может существенно сказаться на его качестве и массовости, превратив со временем в обязательный компонент формального общего образования» [9].

Таким образом, для воспитания грамотного интернет-пользователя, ориентации школьника в бесконечном мире информации, корректировки поведения в Сети необходимы следующие элементы:

- педагогический контроль выхода в Сеть со стороны родителей;
- обучение высококвалифицированных кадров по дисциплине «Медиаобразование»;
- разработка учебных программ для разных школ, с учетом их специфики, в том числе для сельских и коррекционных школ;
- внимание со стороны государства и общественных организаций к существующему детскому и юношескому контенту в просторах Интернета и Рунета;
- создание и активное развитие качественных детско-юношеских СМИ.

Перечисленные условия способны создать качественную среду, развивающую школьника, помогающую ориентироваться в Интернете, формирующую творческие способности и умение критически мыслить. А развитие грамотного интернет-пользователя сделает востребованными качественные сайты для детей и подростков, то есть потенциальная многомиллионная аудитория перейдет в разряд реальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меньшикова А. А. Радио – детям / А. А. Меньшикова. – М. : типография ГДРЗ, 1966. – С. 8.
2. Цымбаленко С. Б. Российские подростки в информационном мире / С. Б. Цымбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова. – М. : ЮНПРЕСС, 2000. – 44 с.

3. Цымбаленко С. Б. Российские подростки в информационном мире / С. Б. Цымбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова. – М. : ЮНПРЕСС, 2000. – С. 30.
4. Цымбаленко С. Б. Российские подростки в информационном мире / С. Б. Цымбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова. – М. : ЮНПРЕСС, 2000. – С. 30.
5. Попов Д. С. Молодые интернет-пользователи : противоречие становления ценностей образа жизни : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 (уральский гос. универ им. А. М. Горького) / Д. С. Попов. – Екатеринбург, 2008. – 189 с.
6. Жожикова С. И. Организационно-педагогические условия саморазвития личности школьника в сети Интернет : дис. ... канд. педаг. наук / С. И. Жожикова. – Якутск, 2009. – 176 с.
7. Годик Ю. О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой аудитории новых медиа / Ю. О. Годик // Медиаскоп : электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – № 2. – 2011.
8. Правда. – 1967. – 31 дек.
9. Фатеева И. А. Медиаобразование : теоретические основы и практика реализации : монография / И. А. Фатеева. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2007. – 270 с.

Воронежский государственный университет

Пинчук О. В., аспирант кафедры телевизионной и радиожурналистики

E-mail: pinchuk.olga@lenta.ru

Voronezh State University

Pinchuk O. V., Post-graduate Student of Television and Radio Journalism Department

E-mail: pinchuk.olga@lenta.ru

ЖАНР ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А. АЛАЕВА

В. К. Сабирова

*Филиал Российского государственного социального университета
в г. Ош Кыргызской Республики*

Поступила в редакцию 15 февраля 2015 г.

Аннотация: в своем большинстве публицистическое творчество А. Алаева, этнического кыргыза, эмигранта новейшего периода истории, проживающего в канадском городе Ванкувере, представляет жанр путевых очерков или записей. В статье дан анализ содержательных и формальных аспектов жанра путевых очерков.

Ключевые слова: публицистическое творчество, литература зарубежья, этническая идентичность.

Abstract: the majority of journalistic creativity A. Alieva, an ethnic Kyrgyz, emigrant modern period of history, living in the canadian city of Vancouver, is the genre of travel essays or records. In the article the analysis of the substantive and formal aspects of the genre of travel essays.

Key words: journalistic creativity, literature abroad, ethnic identity.

В основной своей массе очерки Амина Алаева представляют собой достаточно типичный жанр в публицистической литературе. В словаре это представлено так: «Путевой очерк – очерк, в основе которого лежит описание каких-либо событий, происшествий, встреч с людьми, которые происходят во время путешествия автора [1]. Кроме того, путевой очерк – один из самых старых видов очерковых форм журналистики. В России этот жанр зарождается в 18 веке, в этот период перед публицистами стояла задача показать процессы развития событий. У людей изменилось отношение к действительности, как следствие необходимы были новые формы ее отражения. Во время путешествия автор, основываясь на личных впечатлениях, начинает фиксировать явления окружающей социальной и физической среды, обычаи и нравы людей, великие события и повседневность. Именно так появились путешествия автора из северной столицы России в южную А. Н. Радищева, письма о впечатлениях по европейским странам Н. М. Карамзина, журнальные публикации А. И. Новикова, сатирические произведения Д. И. Фонвизина и много таких вещей, которые получили отражение через искусство слова.

Из всех видов очерков, путевой очерк претендует на авантюристичность сюжета. Сюжет отражает последовательность событий, происшествий и встреч автора во время его путешествия, отобранных им по степени важности и интереса для читателя. Автор изначально имеет замысел, который обычно формируется до или во время путешествия. Другой отличительной чертой путевого очерка является его динамизм, формирующийся благодаря самому фак-

ту перемещения автора во времени и пространстве. Динамизм позволяет автору сделать читателя «соучастником» путешествия, дать почувствовать напряжение поездки.

Из всех работ, посвященных жанру очерка [2–6], в частности путевого, наиболее полной является диссертационная работа петербургского ученого К. А. Панцырева, который считает, что: «... стал зарождаться очерк-исследование – своеобразный итог долгого процесса эволюции очеркового жанра, аккумулирующий в себе элементы очерка путевого, проблемного и портретного. В нем, наряду с традиционными публицистическим и художественным началами, выделяется начало исследовательское, суть которого заключается в направленности на исследование различных общественных отношений и проблем. Неизменным остается одно: основным стержнем, основной осью такого очерка является путешественник» [7].

Путевой очерк относится к наиболее ранним формам текстов, появившихся во времена зарождения журналистики. Тем более сейчас зарождается особый ее вид: трэвел-журналистика, обозначенный в словаре: «особое направление в массмедиа, сосредоточенное на предоставлении информации о путешествиях (от англ. *travel*) в контексте разработки таких тем, как география, история, культура, туризм и др. Трэвел-журналистика представляет собой синтетическое направление, опирающееся на специальный предмет рассмотрения, описания, анализа, то есть информацию, связанную с путешествиями и туризмом, и, как следствие, аудиторию, соответственно заинтересованную в специфической тематике. Мария Желиховская – трэвел-журналист с десятилетним стажем предлагает рассматри-

вать **трэвел**-журналистику как широкую специализацию, куда входит история, искусство, гастрономия, этнография и др.» [1].

Рассмотрим некоторые произведения данного жанра, разработанные эмигрантом из Кыргызстана, ныне проживающим в Канаде и пишущим под псевдонимом Амин Алаев. Попутно отметим высокую интеллектуальность, широкий кругозор и скрупулезность в обрисовке деталей, что объясняется профессиональной принадлежностью автора к миру информационных технологий, где в принципе нет мелочей.

В очерке «Вдохновение» рассказывается о незабываемом впечатлении от морской прогулки вместе с сыном по водам Тихого океана в северном полушарии. Поскольку автор подробно описывает все детали, читателю будет интересно при помощи его образов вместе совершить этот небольшой круиз в своем воображении. Однако заключительным идейным аккордом очерка являются слова, в которых говорится о том, что антропологический фактор губит живую и незащищенную от людей живую природу: «Заявления от Шелл, Бритиш Петролиум и других акул энергетического сектора то и дело появляются на страницах провинциальных газет с увещеваниями о том, какое благо разработка этих месторождений может принести всей Западной Канаде. Глядя на потоки нефти из обломков трубы на дне далекого водоема, никакого блага не хотелось. Хотелось, чтобы все оставалось так, как есть – киты, кедр, орлы, тюлени, медведи, крабы и Арчи со своим «Зодиаком» (капитан судна, на котором путешествует морем лирический герой).

Другой очерк «Еще одно чудо» также представляет собой описание места событий и поступков движущегося героя вместе со спутником Стасом, которые оказались в Нью-Йорке, в самой его оживленной части – Манхэттене. Вождение автомашины по чудовищно оживленным улицам в течение двух часов и сдача его арендодателям без единой царапины стало для героев очерка настоящим чудом. Это было навеяно яркой табличкой на грязной стене здания с указанием номера улицы, о которой когда-то был снят черно-белый фильм про рождественские чудеса «Чудо на 34-й улице». Еще одним чудом называет Стас город Бишкек с его лихими водителями и беспределом, царящим на улицах. Отсюда можно сделать вывод о том, что оба героя – выходцы из столицы Кыргызстана. И все же лирический герой завершает очерк размышлениями о Нью-Йорке: «Манхэттен словно подменили, облачив его в переливающееся одеяние рекламных огней. Яркие огни, большой город – прямо как в том старом романе Джея Мак Инерни, что я читал много лет назад в Сибири, когда темень за стеклами общажных окон скрашивали лишь узоры инея. Нью-Йорк приветливо сверкал огнями, давая понять, что чудо, произо-

шедшее с нами сегодня на 34-й улице, возможно далеко не последнее в этом чарующем городе вкусной пиццы и жестких контрастов».

Очерк «Калифорнийцы» посвящен не людям, обитателям одноименного штата, а копытным обладателям огромных рогов, северно-американских «кузенов» тьянь-шаньских и памирских архаров Марко Поло. Размышления друга главного героя, медика Сада об открытии препарата «виагра» приводят по цепочке ассоциаций от рогов до горных баранов. Вспоминаются эпизоды встреч с ними в горах еще в детские годы, проведенные в горах Тянь-Шаня. А сейчас он с сыном наблюдает бигхорнов здесь и думает о том, что: «Добыть рога архара Марко Поло – голубая мечта любого серьезного охотника. Мне не дано понять неудержимое влечение к рогам этого копытного состоятельных граждан, прибывающих за ними в горы Центральной Азии. Здесь в Северной Америке на бигхорнов тоже охотятся (хотя количество годовых лицензий суций мизер), но культ их рогов куда менее развит, нежели в Старом Свете. С рогами или без, живьем они выглядели куда интересней, чем тушкой или чучелом». Для читателей, имеющих собственных детей, содержание этого очерка станет уроком семейного воспитания.

Следующий очерк «Квебекские эскизы» представляет собой типичные путевые записки, обильно испещренные философскими и лирическими рассуждениями автора. Квебек – как отдельное государство в англоязычной Канаде. Описав семейную туристическую прогулку в этот самобытный город, автор дает волю своим переживаниям по поводу языка, культуры, ментальности: «В Канаде наличие двух основных культур обогащает друг друга, несмотря на все шероховатости, создает рабочие места для, скажем, той же языковой полиции в Квебеке или орд корпоративных переводчиков (все продукты в Канаде обязаны сопровождаться описанием на двух языках). Канадская жизнь без Квебека была бы намного скучнее. Сепаратизм в Квебеке не такой острый, каким он был еще пару десятилетий назад, однако он продолжает тлеть тихим племенем. Апологеты квебекского суверенитета искренне верят в то, что жить станет лучше и веселее, если Квебек станет самостоятельным государством на североамериканском континенте. Многие из тех, кто пережил дезинтеграцию Советского Союза может в этом серьезно усомниться, поскольку, как показал коллапс этой империи, жить после распада стало хуже всем, хотя и в разной степени». Завершает лирический герой свою работу так «Через мгновение реальность вытеснила сон. 'Je me souviens' – отчетливо произнес я на языке, которого не знаю и отправился чистить зубы».

В очерке «Нежные краски» обрисована туристическая поездка в штат Аризона Северной Америки, в край древних индейцев, живущих ныне в резервациях. Удивительный по красоте Гранд Каньона, образ

здешней природы объясняет название лирического очерка: «Один латиноамериканский классик смог емко и красноречиво описать эти места как «страну нежных красок и жесткого плоскогорья». Краски тут и в самом деле нежнее нежного – очень мягкая охра в основном оранжевых тонов контрастирует со всеми оттенками серого и коричневого. Жесткая растительность, невероятным образом лепящаяся на скалах, кустарники и редкие деревья. Где-то далеко внизу, полускрытая одеялом из облаков, лениво течет река Колорадо. Река полностью оправдывает данное ей испанцами название – цвет воды в ней не голубой и не прозрачный, а мутно-рыжий. Река эта когда-то впадала в Калифорнийский залив, но вот уже не первое десятилетие как ее воды растаскиваются фермерами вдоль русла задолго до эстуария». Автор очерка мастерски описывает не только то, что видит, но и все свои ассоциации по поводу увиденного, размышления по поводу поведения туристов из разных стран, ритуальных представлений здешних индейцев хулапай, неплохо приспособившихся к новому времени.

Отличается из общего списка очерков описательного характера очерк под названием «Несоответствия» своим аналитическим и компаративистским подходом. Автор анализирует такое явление, как несоответствие, начинает он с описания случая, произошедшего дома, когда сын читает текст древнеанглийского эпоса «Беовульф», и думает о том, что «Это любопытное противоречие никак не влияет на факт того, что эпос «Беовульф» считается одним из наиболее почитаемых произведений в корпусе англоязычной литературы. В эпосе на первое место выходит доблесть, честность и другие положительные качества главного героя и его окружения – например, в противостоянии с монстром Гренделем, Беовульф принимает решение не использовать оружие, а сражаться голыми руками, дабы не было «нечестного преимущества».

Затем автор переходит к размышлениям о случае, произошедшем в начале 18 века: «Эту историю Вильям Снелгрейв описал в своей книге «Новые данные о некоторых областях Гвинеи и работорговле» (*A New Account of Some Parts of Guinea and the Slave Trade*), изданную в Лондоне в 1734 году. Спасение малыша от неминуемой гибели от рук языческих африканских жрецов и последующее воссоединение с матерью – поступок, безусловно, добродетельный; оправдание его христианской заповедью выглядит также весьма трогательно. Несколько отрезвляет факт того, что выкуп ребенка по бартеру за бусы «небесно-голубого цвета» в общем-то пустяковое усилие для капитана и никаких особенных жертв он не приносит. Куда более заметно другое противоречие – высоконравственное спасение ребенка происходит на фоне страшного эпизода в функционировании отлаженной системы бизнеса, в котором сотни людских судеб

(стандартный работорговый корабль вмещал от 200 до 300 рабов для транспортировки) калечились до неузнаваемости, многие гибли еще на борту судна (от депрессии, безысходности и жестокости обращения), кто был продан в рабство на плантациях Нового Света, медленно умирали от непосильного труда, принося сотни процентов на вложенный капитал их владельцам».

Другой случай – это описание поступка офицера СС, который отправил с места расстрела женщину – нееврейку обратно в деревню, но расстрелять других дал приказ: «Вряд ли когда-нибудь станут известны реальные мотивы такого решения этого германского офицера. Был ли он фанатичным нацистом, впитавшим в себя культивируемый в Третьем Рейхе антисемитизм, но при этом относящийся равнодушно или может даже с симпатией к представителям славянских народностей (ненависть к славянам, как известно, появилась в Германии куда позже)? Или может он, будучи эмоционально надломленным после многочисленных казней совершенно невинных людей, был рад возможности уменьшить количество смертей хотя бы на одну? Такое тоже возможно – известны факты, когда участники расстрелов сходили с ума от пережитого и эксперименты с газами были мотивированы как раз тем, чтобы снизить число психических расстройств в подразделениях, осуществлявших расстрелы».

Авторское сознание пытается все эти несоответствия вписать в логические рамки: «Возможно, надо быть неплохо подкованным в философии, чтобы в четких дефинициях дать оценку этим двум эпизодам, изложенным выше – спасение ребенка капитаном Снелгрейвом и вывод офицером СС женщины из состава приговоренных к расстрелу. Можно ли считать оба эпизода проявлениями добра в полном понимании этого слова, принимая во внимание обстоятельства при которых все происходило? Вполне возможно предположить и такую оценку – добродетели в этих двух фактах настолько же много, насколько «Беовульф» можно считать истинно английским эпосом».

«Жизнь деда была полна риска и несоответствий, одно из которых – его леворукость, как минимум дважды спасло ему жизнь. Вручение ему мало что значащей юбилейной медали, человеку, который пролил кровь на Украине и штурмовал Кенигсберг, вероятно, казалось ему еще одним досадным несоответствием. Наверное, так себя мог бы чувствовать Билл Гейтс, если бы кто-то предложил ему милостыню». Само то, что герой очерка внимательно следит за тем, что читает его ребенок, сам факт активного вмешательства отца в процесс воспитания – это пример для образца многим современным суперзвездным главам семейств.

Очерк «Последний дикий Запад» представляет собой лирико-философское эссе, это описание самой

крайней точки западного полушария – деревни Тофино. Описание природы захватывающе красиво: «Закат мог бы быть более ярким, если бы черные и неровные, как кляксы пролитой на ватман туши, облака не заслоняли собой время от времени солнечный овал. Вой ветра и рев прибоя казались все более громкими, быть может потому, что пробивающиеся сквозь тучи и ветер лучи становились все слабее. Под ногой хрустнуло; я опять наступил на высохшую скорлупу какого-то моллюска. Ребенок, что есть сил, тянул меня по мелкому, как пудра, песку к ближайшим валунам...». Земля здесь во многом представляет собой «Лес в этом месте как в картинках из детской энциклопедии со статьей о джунглях, которую я замороженно перечитывал помногу раз в далеком детстве – исполинские стволы, кое-где поваленные старостью и бурями лианы, обвивающие массивные ветви, полностью покрытый ковром из мха нижний ярус удивительного нежно-зеленого цвета. Когда-то вся Британская Колумбия была покрыта такими лесами. Теперь же такие вот сохранившиеся фрагменты девственной природы тщательно оберегаются от логгеров и служат серьезным фактором привлечения туристов». Много мыслей о жизни здешних индейцев, о столкновении цивилизаций и тихом поражении более слабой из них. Амин Алаев – мастер резюмирования, и это эссе не является исключением: «Мы смотрели на океан, стоя на самом краю самого крайнего Запада. Крайний Запад был дик как и двести лет назад. Хочется верить, что когда мой сын приведет сюда моего внука, дикость эта не исчезнет».

Еще одно звено в основной цепи путевых очерков называется «Последний фронт». Это описание путешествия автора на Аляску, штата в два раза больше Техаса, но имеющего столицу с общей численностью населения в 30 тысяч душ. «Прогулки по улицам Джуно требуют достаточно неплохой физической формы. Это вам не прерии – горы тут повсюду и даже самая высокая гора на этом континенте, пик МакКинли, расположена тут, на Аляске, правда намного севернее там, где теплый океан уже не греет побережье и зимой трещат настоящие морозы. Тут, в Джуно да и пожалуй вдоль всех океанских языков, кромсающих берег на множество островов и полуостровов и собирательно известных как Внутренний Пассаж (Inside Passage) климат совсем не такой, каким он приходит на ум при упоминании об Аляске. Тут тепло и влажно, дожди, бывает, идут неделями, хотя ледники и айсберги совсем не редкость. Многие города этого «Последнего Фронта»,

как иногда называют Аляску, основаны золотоискателями, для которых близость гор и превратности климата не были препятствием». Автора впечатляет первозданность природы, 17 черных медведей и медвежат на виду у людей ловят рыбу, мощные морские животные и птицы, суровость климатических условий сильно впечатляют читателя. Потому и резюме представляет коронную марку автора: «Эскимосы и индейцы, золотая лихорадка и медведи с лососем, айсберги, улу и русское наследие – Аляска интересна и непохожа на другие уголки планеты. Разнообразие сюжетов на Аляске чем-то напоминает кубик Рубика, хаотично запутанный и ждущий любителя головоломок, готового потратить время и силы, чтобы увидеть в хаосе путь к упорядоченности».

Особое очарование очерков А. Алаева в том, что практически в любом произведении он вспоминает что-то кыргызское или советское, это говорит о том, что новая его идентичность содержит этнические и социальные черты.

Обобщая все вышесказанное, можно подытожить следующим умозаключением. Амин Алаев прекрасно справляется с работой в жанре путевого очерка, путевых записок и трэвел-журналистике. Его произведения воспринимаются легко и читаются с большим интересом. Для современного читателя, где бы он не находился, важен этот внутренний диалог с автором, который умеет обобщать увиденный им интересный и волнующий мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свободная энциклопедия. Википедия. – URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Путевой очерк](http://ru.wikipedia.org/wiki/Путевой_очерк) [Дата просмотра 22.06.2014].
2. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тertyчный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
3. Журбина Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров Е. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 399 с.
4. Ким М. Жанры современной журналистики / М. Ким. – СПб., 2004. – 336 с.
5. Маслова Н. М. Путевые заметки как публицистическая форма (становление и развитие жанра «путешествия» в публицистике) / Н. М. Маслова. – М., 1977. – 153 с.
6. Черепанов М. Работа над очерком / М. Черепанов. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – 95 с.
7. Панцырев К. Путевой очерк : эволюция и художественно-публицистические особенности жанра / К. Панцырев. – СПб. : РГБ, 2004. – 207 с.

Филиал Российского государственного социального университета в г. Ош Кыргызской Республики

Сабирова В. К. кандидат филологических наук, доцент
E-mail: sabirova_venera@mail.ru

Branch of Russian State Social University in Osh (Kyrgyz Republic)

Sabirova V. K., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: sabirova_venera@mail.ru

МЕДИАИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛОВ «КУЛЬТУРНО ПОБУЖДАЮЩЕЙ СРЕДЫ»

В. А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2015 г.

Аннотация: в статье на основе ценностно-политического анализа функционирования медиа рассматривается коммуникативный детерминизм журналистской интерпретации смыслов жизни в публичном пространстве демократического общества. Особое внимание уделяется взаимодействию журналистики и «культурно побуждающей среды».

Ключевые слова: медиа, публичная сфера, интерпретации смыслов, ценности.

Abstract: the article examines communicative determinism of journalistic interpretation of the meaning of life in the public space of a democratic society on the basis of the value-political analysis of the functioning of media. Particular attention is paid to the interaction of journalism and «culturally motivating environment».

Key words: media, the public sphere, the interpretation of meanings, values.

Представление о культурно побуждающей среде в научный оборот ввел Ю. Хабермас, развивая ему же принадлежащую идею публичной сферы как общественного форума для «рационального обсуждения», основанного на принципах открытости и равенства сторон и на совместно разработанных и общепринятых критериях и стандартах. Представление о публичной сфере выглядит своеобразным идеалом информационной организации демократического общества. В связи с чем, отмечали аналитики, «понятие публичной сферы является ценностно-ориентированным» [1, 270]. «В публичной сфере, в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и обмена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением. Оно представляет собой не среднее арифметическое мнений всех участников, а результат дискуссии, которая очищает его от искажений, вносимых частными интересами и ограниченностью отдельных точек зрения: исход дискуссии определяется исключительно силой аргументации, а не статусом участников» [2, web]. Участники дискуссии должны пользоваться вне статусными, общими для всех дискутирующих, во фразеологии Хабермаса, «культурными правами», потому что «потребительная стоимость равных этических свобод зависит от гарантии доступа к культурным ресурсам, из которых можно черпать, то есть приобретать, воспроизводить и обновлять, требуемые ценности» [3, 277]. Это и есть интерпретация актуальных для социума и личности смыслов, пронизанная традициями и культурными стандартами общества.

В аспекте сказанного интересна предложенная В. В. Васильковой классификация социальных коммуникаций, которую она сводит к «трем наиболее общим терминологическим кластерам: коммуникация как воздействие и манипуляция, коммуникация как взаимодействие и конвенция, коммуникация как смыслопорождение». Нам следует выделить последний кластер, и тогда «основным трендом становится изучение культурных смыслов, которые конструируются в социальной коммуникации и меняют «судьбу» социальных систем, институтов и процессов, создают социальные общности. Такие смыслы невидимы и порой сложно идентифицируемы, но именно они предстают не только способом самоописания, но и способом самопорождения общества» [4, 58, 64]. Политическую сложность идентификации смыслов наглядно продемонстрировал публицист А. Щипков, в своем интервью заявив, что в настоящее время слово, а он говорил о фашизме, может из термина превратиться в идиому, и тогда «конкретное понятие выпадает из языка. А картину реальности презентует язык. Поэтому на месте реального фашизма как явления остается белое пятно. Люди смотрят в упор и не понимают, с чем имеют дело» [5, 3].

Смыслопорождающая коммуникация предстает как публичная сфера коммуникативных действий, результатом которых становится новейшая интерпретация содержания «жизненных миров» (снова термин Хабермаса!) всех участников коммуникации. Комментируя в целом теорию немецкого философа А. В. Назарчук констатирует, что «участники коммуникативного действия не могут выйти за рамки горизонта своего жизненного мира. Как интерпретаторы жизненного мира... они могут коммуницировать, истолковывать, понимать. Это место, в ко-

тором встречаются говорящий и слушатель... Ситуация представляет собой участок жизненного мира, ограниченный темой обсуждения» [6, 89]. В медийной практике установление содержательных рамок дискурса действует как неукоснительное правило корректной организации обсуждений, и очерченная Назарчуком конфигурация конкретизируется: говорящих может быть несколько, а слушающий – обобщенное множество индивидов аудитории массмедиа. При этом обобщенному слушающему отчетливо видно, насколько редко способны прислушаться друг к другу говорящие, они заняты интерпретацией, каждый по-своему, актуальных смыслов, чтобы изменить «судьбу» социальной системы.

Это положение удачно иллюстрируется практикой публикации разных мнений на одной газетной полосе – суждения по наиболее острому вопросу политики, высказанные известными авторами, настолько противоположны, что привести их к общему знаменателю затруднительно. Так, Т. Воеводина в своей оценке современных политических проблем России берет за отправное утверждение, что «сегодняшняя [вторая половина 2014 г. – В. С.] иступленная информационная война – это в значительной мере война не фактов, а мифов», и поэтому пытается выйти за их пределы, придавая тем же мифам новые смыслы. Публицисту, после сделанных в статье ценностно-политических построений, очевидно, что свое будущее Россия не должна связывать с «пенсионным настроением» Европы, «восход нам нужен, а не закат» [7, 9].

Напротив, ее оппонент Г. Старостенко, констатируя, что «Россия разворачивается к Азии. Евразийство торжествует», аргументированно уверяет, насколько роковой ошибкой видится ему этот поворот, насколько мы забыли уроки истории, и если сделанный поворот окажется неизменным, то в какой мере русскому человеку предстоит поменять свой ценностный строй. Публицист назвал «апофеозом евразийства» выкрик «пацаненка лет семи, которого в русской деревне за малую провинность отчитала старушка-соседка: «Ми вас резать будим!»» [8, 9].

Так публицистика, воздействуя на общественное сознание, применяет доступные ей средства для изменения политического вектора страны. Перед нами две интерпретации смыслов жизни нации. Безусловно, под эти диаметрально противоположные по настрою публикации можно подвести общий знаменатель, выражаемый в ценностях беспокойства за судьбу России, желания принести ей не вред, а благо. Что и подтверждает концепцию коммуникативных практик по совместной выработке и интерпретации символов и знаков, форм межкультурной коммуникации и формированию идентичности в условиях другой культуры, способов разрешения конфликтов. Но если концепция подразумевает социальный запрос эпохи, связанный с превращением

европейских городов в гигантские поликультурные, поликонфессиональные, полиэтнические сообщества [4, 63], то современная медийная ситуация в России отвечает за выработку прогноза, в результате осуществления которого страна окажется в новой ценностной системе. Вот почему для публичной сферы медийные интерпретации смыслов российской истории и настоящего страны приобретают столь актуальный характер: «наличие надежной и адекватной информации облегчает проведение полноценного обсуждения, тогда как недостаток ее, и тем более ее тенденциозность, почти неминуемо приведут к предвзятому решению и нелепому обсуждению» [1, 227].

Журналистика, бесспорно, является частью социальной публичности, причем наиболее заметной. И также бесспорно, что формы и результаты ее функционирования неоднозначны. Отчего в медиасферу вбрасываются взаимоисключающие смыслы событий, явлений, людей. Зачастую эти смыслы обозначаются одними и теми же словами, просто по-разному трактуемыми. Вот самые понятные тому примеры из политического ряда журналистского лексикона: свобода (свобода слова, печати, самоопределения, политического выбора, сексуального поведения – любая), права человека, сепаратизм, воссоединение, аннексия, суверенитет, глобализация (экономики, культуры, информации) и т. д. Объяснять, с чем связана неодинаковость восприятия важнейших нравственных и политических ценностей, не приходится – все давно растолковано классиками философской мысли. А вот задержать свое внимание, пожалуй, на самой существенной составляющей этой неоднозначности желательно и даже необходимо.

Любая интерпретация свободы / или иной ценности выражается с обязательной претензией на истинность. Это нормативное установление процесса целеполагания интерпретатора. Философией истинность также признается нормативной ценностью [9, 12]. Следовательно, каковы бы ни были мотивы субъекта, интерпретирующего смысл свободы, результат его понимания может быть верифицирован в системе научных представлений. При этом в журналистике нормативная ценность истинности дополняется описательной характеристикой ее познания, которая позволяет разобраться, насколько истинно предъявленное публичной сфере.

Припоминается однажды сказанное аналитиком политических движений и партий: «Если одно и то же идейно определяющее понятие используют разные политические силы, их теоретики и журналисты, то это значит, что максимум одна политическая сила вкладывает в это слово его истинное значение, все остальные – произвольное. Они, – добавил политолог, – «красятся», а те, кто слушает их, сквозь наведенную маскировку уже не способны разглядеть

подлинную сущность». И назвал прием, позволяющий произвольно интерпретировать вроде бы устоявшееся ценностное представление, – расчленение его смысла.

Ценность дробится на составляющие. И поначалу почти ничего не происходит – части целого в наличии, их сумма все та же. Изменения начинаются потом: среди частей целого новый порядок сочетания, другая иерархия, некоторые элементы выпадают, в результате представление о целом искажается. Так выглядит принципиальная схема постоянно применяемого механизма дробления. Вот и пример. «Сегодня фальсифицируется главный критерий развития общества – свобода», пишет автор «Литературной газеты». И указывает, что «в новой [неолиберальной] трактовке исчезла такая обязательная составляющая понятия «свобода», как ответственность человека перед другими... Сегодня наше внимание искусственно сосредоточили на «свободе» различий». А далее, «под воздействием СМИ происходит отрицание традиционных ценностей... «Вечные» ценности объявляются тоталитарными и параноидальными идеями, которые якобы препятствуют свободному развитию и творческой реализации личности» [10, 9]. Публицист во многом прав, и все же будет верхом наивности ожидать от критикуемых им коллег неукоснительного, прямо по учебнику философии, соблюдения наставлений о научности познания и соответствующего предъявления его результатов обществу. Даже в самой философии применительно к идеологии познания постулируется, что «прямое отождествление идеалов научности и реальных образцов знания недопустимо» [9, 16]. Тем более в нашем случае, когда говорим о политизированных аспектах функционирования медиа.

В медийной среде слов много, их значений / этикеток еще больше. Но если взглядеться в них пристальней, то окажется, что список составляющих ценностной основы этих и любых других употребляемых в прессе этикеток весьма лаконичен и сводится к обозначению витальных ценностей жизни и ее продолжения, социальных ценностей семьи и родства, ценностей самостояния и независимости личности. Конечно, ценностная база одна и та же для всех (найдите того, кто от нее откажется!), однако искушение «подкраситься» правдой непреодолимо, отчего одни и те же ценностные суждения – что на печатной полосе, что в эфире – выступают в совершенно разных интерпретациях. Смысл ценности может как исказиться / дробиться / скукоживаться, так и расширяться / обогащаться в своем понимании. Заметная теперь уже каждому наблюдателю неоднозначность в медийном понимании основополагающих ценностей жизненного мира нашего современника стала одной из причин возникновения *аксиологии журналистики*. Новая научная дисципли-

на возникла в качестве одного из теоретических ответов, адекватных принципиально усложнившейся коммуникативной ситуации XXI века.

«Ещё четверть века назад вопрос об общественных ценностях был предметом лишь академической элиты, – читаем в газетной аннотации научной монографии, – саму же аксиологию (науку о ценностях) называли «скучным» разделом философии. Сегодня эта проблема буквально ворвалась в широкое массовое сознание. К ней приковано внимание не только ученых из всех областей науки, но и деятелей литературы, искусства, журналистов, представителей церковных кругов, бизнеса, чиновников различных звеньев государственного и общественного управления» [11, 3]. И не только к ценностям как таковым, но и к особенностям их понимания. Ценности придают смысл человеческой жизни... *Ценность – личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека*» [12, 218, 220].

К месту припомнить и глубокое замечание А. Ф. Лосева о том, что «ценности человеческой культуры есть сгустки человеческих отношений данного времени и данного места» [13, 194]. Вот кстати и возможное объяснение противоречивости журналистского восприятия мира. «Самое примечательное, вопрос о ценностях, ценностно-смысловых ориентирах стал весьма важным для «простых» людей «из толпы»... Ценностное восприятие окружающей действительности, оценочные суждения широких народных масс приобретают характер закономерности. Видимо, в российском обществе возникает новая духовно-нравственная, социокультурная и политическая ситуация, требующая соответствующих ответов и решений» [11, 3]. Естественно, что при этом люди вступают в самые разнообразные коммуникации – требуется общение, необходима консолидация вокруг однозначно воспринимаемыми большинством ценностями. Однако есть и другие объяснения.

Скажем, Ф. Гиренок уверяет, что «мы вступаем в коммуникацию для того, чтобы избежать встречи с самими собой, чтобы скрыть от себя свою пустоту... Коммуницируют в отсутствии смысла, тогда как в присутствии смысла люди молчат» [14, 11]. Если так, то в коммуникации нет другого смысла, кроме смысла лгать. «Ложь, – пишет Гиренок, – условие коммуникации с другим,... отчего любая истина некоммуникативна». Не менее парадоксальные суждения можно найти и у Хабермаса: «Янус двулик: просвещение оборачивается надзором, информация – рекламой, воспитание – манипулированием» [Цит. по: 1, 226]. Попробуем не согласиться с авторитетами, по крайней мере применительно к журналистике, в которой мы не только ищем смыслы жизни, но и постоянно интерпретируем их.

Сегодня вопрос публичной (в каналах массовых коммуникаций) интерпретации смыслов событий, социально значимых фактов и явлений, поведения людей следует отнести к числу сложнейших в области теории журналистики и массовых коммуникаций, и в нем следует выделить два аспекта. Во-первых, мы говорим о медийном конструировании картины мира, предъявляемой совокупными масс-медиа обществу в целом, и эта картина является результатом интеллектуального освоения мира журналистами; во-вторых, интеллектуальное освоение социально детерминировано, отчего понимание / интерпретация смыслов жизни никогда не могут быть едиными для всех причастных к журналистике. Это обстоятельство сопряжено, прежде всего, с активной ролью субъекта в познавательном процессе – в формулировании знания, в определении путей и методов изучения жизни, оценке его результатов. Так что чрезвычайно важна роль познающего субъекта. И это согласуется с парадигмой гуманитарного идеала научности. В этой концепции дается широкая трактовка субъекта познания, под которым понимается не только носитель «разума», но человек во всем богатстве его способностей и возможностей, со всеми его чувствами, желаниями и интересами. Это активный субъект, который «не только познает мир, но и дает оценку всему добытому в результате познавательного процесса» [9, 22]. Конечно, речь не столько о внутренней, невидимой миру оценке, сколько о публично выраженной, связанной с ценностным строем социума.

В публичности оценки реализуется «взаимность коммуникации: наличие ответа и ответственности» [6, 222]. В журналистике публичность оценки следует рассматривать еще шире – не только оценка познания, но и глубина понимания, влекущая за собой необходимость социального вмешательства. Без журналистского желания изменить определенным образом понимаемый мир нет востребованной обществом журналистики, так как «гуманитарное познание по своей сути является принципиально не замкнутым, открытым по отношению к социально-культурным воздействиям» [9, 27].

Ю. Хабермас в одной из своих работ признается, что его всю жизнь занимала публичность как пространство *разумного* (Выделено мною. – В. С.) коммуникативного межлического обхождения, а понятийная триада «публичность – дискурс – разум» фактически господствовала в его научной работе и его политической жизни [3, 16]. Знаменитый философ ведет к утверждению всего межлического – публичного. И в первую очередь говорит о политике, о политическом дискурсе в условиях публичности. Именно в этом видится ему квинтэссенция публичности разума, поскольку в политике сконцентрировано важнейшее, что возникает между людьми. Политика – это не просто публичное вы-

ражение собственной позиции, это еще умение выслушать оппонента, вступить с ним в диалог. Следовательно, «хрупкая общность между гражданами, которые уже не могут знать друг друга лично, может устанавливаться и воспроизводиться лишь с помощью процесса формирования общественного мнения и общественной воли» [3, 24].

Естественно, с идеей равноправной и не доводящей до конфликта дискуссии в демократическом обществе согласиться хочется. Однако в реалиях масс-медиа и журналистских интерпретаций политики картина усложняется. Скажем, в вопросе о толерантности, не очень ясное представление о которой давно обосновалось в студенческих учебниках и где она интерпретируется как основа для равноправного диалога в публичной сфере. Но по этому вопросу давно нет согласия ни в науке, ни в медиа. Так, вопреки постулатам плюрализма постоянный автор колонки мнений «Литературной газеты» громит устоявшееся представление о толерантности: «Толерантность – это отключение социального иммунитета прогрессивного человечества... Это средство превращения народа в социальную пыль» [15, 2].

Читаешь статью, и припоминаешь не Хабермаса, а К. Мангейма, который утверждал, что цель вступившего в политическую дискуссию «не только доказать свою правоту, но и подорвать корни социального и интеллектуального существования оппонента... В политическом конфликте, который с самого начала является рационализированной формой борьбы за социальное господство, удар направляется против социального статуса оппонента, его общественного престижа и уверенности в себе» [16, 39]. В наши дни М. Кастельс уверяет, что «политическая демократия необратимо подменяется информационной политикой, которая благодаря... медиа стала глобальной, неуважительной и сосредоточенной на скандале» [цит. по: 1, 146].

Правда, Мангейм настолько не абсолютизировал различие позиций дискутирующих, чтобы пренебрегать позицией оппонента, напротив считал, что «политическая жизнь с ее полярными типами мышления как бы сама в ходе своего становления производит коррекцию, уменьшая слишком резкое преувеличение одной концепции данными другой. Уже по одному этому в каждой конкретной ситуации совершенно необходимо принимать во внимание по возможности всю совокупность взглядов» [16, 147].

Теперь уместно отметить, что Хабермас вводит в научный оборот примечательное для теории журналистики понятие культурно побуждающей среды, которую можно воспринимать как разветвленную ризому непрерывно изменяющихся и нарождающихся коммуникаций, в которых одновременно осуществляются понимание жизни и ее до-

ступная всем интерпретация. Здесь происходит «момент жизненной борьбы, самовыражения человека»; здесь реализуется диалогизм, представляющий собой «не просто ту часть мира, где ведутся диалоги... а тот формат познания, в котором **постигается человек**» [6, 241, 244]. Журналистское понимание мира, медийная интерпретация чего-либо из событийного ряда, конечно, есть продукт культурного освоения мира – обобществленный продукт. Сущность культуры в том, что освоение мира / «возделывание почвы» у людей происходит сообща. В одиночку культура не возникает, не закрепляется в опыте и традициях. То же следует сказать и о журналистике. И, опираясь на Манхейма, добавить, что за ней особая миссия: «в каждом обществе есть социальные группы, главная задача которых заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира» [16, 15]. Журналисты из их числа.

Для журналистов понимание мира неотделимо от непрерывного обсуждения социально значимых проблем / диалога с обществом и его представителями «в публичном пространстве культурно побуждающей среды». В данном случае уместно вспомнить о журналистике как служении обществу, потому что, говоря словами Хабермаса, «этос слуги общества в наилучшей степени может обеспечить функционирование публичной сферы» [цит. по: 1, 224]. При этом «о культуре рационального обсуждения можно говорить в том случае, когда коммуникация основана на нормах критической дискуссии и этике дискурса, в соответствии с которыми участники дискуссии учитывают разные мнения, извлекают из этого определенный опыт, а если их интересы противоречат друг другу, то находят какие-то формы взаимопонимания и компромисса» [17, 243].

Так что публичный диалог в демократическом обществе понимается нами в качестве обязательного элемента «культурно побуждающей среды» интерпретации ценностей / смыслов. А реализуемая журналистикой «политическая публичность», с одной стороны, обеспечивает демократию, с другой – сама журналистика только и возможна в диалоговом режиме.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Сидоров В. А., профессор кафедры теории журналистики
и массовых коммуникаций
E-mail: vsidorov47@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М., 2004.
2. Трахтенберг А. Д. Рунет как «публичная сфера»: хабермасианский идеал и реальность / А. Трахтенберг // ПОЛИТЕКС [Электронный ресурс]. – (<http://www.politex.info/content/view/232/>)
3. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Ю. Хабермас. – М., 2011.
4. Василькова В. В. Коммуникативные измерения «текущей современности»: манипуляция, конвенция, смыслопорождение / В. В. Василькова // Ценностные миры современного человечества: Дни философии в Санкт-Петербурге – 2011: Сб. статей. – СПб., 2012.
5. Щипков А. «Интеллигент не может быть либералом» [Интервью. Беседовал Дмитрий Макаров] / А. Щипков // Лит. газета. – 2014. – № 50.
6. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии / А. В. Назарчук. – М., 2009.
7. Воеводина Т. Пионеры и пенсионеры: С кем нам сегодня по пути, если мы хотим двигаться вперед? / Т. Воеводина // Лит. газета. – 2014. – № 48.
8. Старостенко Г. Поворот переворотом / Г. Старостенко // Лит. газета. – 2014. – № 48.
9. Кезин А. В. Наука в зеркале философии / А. В. Кезин. – М., 1990.
10. Чалдымов Н. Путь Каина [Беседу вел В. Сухомлинов] / Н. Чалдымов // Лит. газета. – 2014. – № 46.
11. Макаров Д. И опыт, сын ошибок трудных / Д. Макаров // Лит. газета. – 2014. – № 51–52; Аннотация монографии: Владимир Сапрыкин. Ценности социализма. – М., 2014. – 480 с.
12. Гуревич П. С. Философия культуры. Монография / П. С. Гуревич, Н. Н. Палеева. – М., 2014.
13. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – М., 1976.
14. Гиренок Ф. О коммуникативном повороте гуманитарных наук / Ф. Гиренок // Лит. газета. – 2012. – № 30.
15. Воеводина Т. Священная корова толерантности / Т. Воеводина // Лит. газета. – 2014. – № 11.
16. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М., 1994.
17. Фарман И. П. Коммуникативная парадигма в социальном познании / И. П. Фарман // Наука глазами гуманитария. – М., 2005.

*St-Petersburg State University
Sidorov V. A., Professor of the Journalism and Mass
Communications Theory Department
E-mail: vsidorov47@gmail.com*

КОМПОЗИЦИОННО-ГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЖУРНАЛА «НИВА»

А. С. Сундуков, М. Н. Яковлев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 февраля 2015 г.

Аннотация: на примере КГМ журнала «Нива» в статье рассматривается ранний этап появления конвергентных элементов в СМИ – этап, когда в журналах начинают все чаще использовать крупные иллюстрации, самостоятельного содержания, а не в декоративных целях.

Ключевые слова: журнал; КГМ; «Нива».

Abstract: we discussed in the article the early stage of convergent media - the stage when magazines started using large images increasingly, as a content, not just as decoration.

Key words: magazine, composite and graphical model, «Niva».

Во второй половине XIX века газетная двухколонная верстка проникает в журналы, а рисунки начинают встраиваться в текст. Вслед за изданиями мод и сатиры иллюстрация все чаще используется другими типами: научно-популярными и литературно-общественными. К первым относится издававшийся книгопродавцем М. О. Вольфом с **1861 года** *«Вокруг света»* с подзаголовком «журнал землеведения, естественных наук, новейших открытий, изобретений и наблюдений». Ко вторым – *«Нива» (1870-1918)* (книгоиздателя А. Ф. Маркса) – «иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни».

«Нива» при всей ее значительной литературной составляющей по сути была энциклопедическим журналом, но меньшего объема, выходящим каждую неделю и содержащим большое количество рисунков и текстов для самой широкой аудитории – первый опыт создания общественного иллюстрированного еженедельника. И опыт весьма удачный. Развивая традиции Смирдина, Маркс создал массовый журнал с сетью разнообразных *бесплатных* для подписчиков приложений:

- книжные издания собраний классиков;
- ежемесячное литературное приложение современных сочинений (в виде небольших книжечек);
- журнал *«Парижские моды» (1891-1917)*.

Вспоминая, как *«Библиотека для чтения»* в свои годы вызывала брезгливость в среде интеллигенции, можно заметить, что и *«Ниву»* современники также оценивали неоднозначно. Это был журнал для масс, который хоть и касался политики, но не выражал критических взглядов и если подавал общественные события, то исключительно консервативно, в «благонадежном свете». Однако сегодня мы можем взглянуть на журнал с иной точки зрения. Благодаря бесплатным приложениям множество

людей по всей стране познакомилось с творчеством выдающихся русских писателей. В самом же журнале особым спросом пользовались иллюстрации: *фотокорреспонденции* о значительных мировых событиях и *репродукции* картин, знакомящих массового читателя с произведениями искусства.

Подобная редакционная стратегия большого роста себя оправдала. Невысокая стоимость номера, широкий тематический круг материалов и главное – иллюстрации – все это позволило *«Ниве»* стать самым популярным журналом конца XIX – начала XX веков, своеобразной энциклопедией эпохи, отражающей быт и традиции того времени.

Выделим интересные композиционно-графические особенности, характерные для типичного выпуска *«Нивы»* (для примера был взят №43, 1886).

Логотип издания выполнен в стилистике второй половины XIX века. Слово «Нива» набрано декоративным шрифтом, щедро украшено растительными виньетками и двумя рисунками по бокам. На одном из них изображена семья, читающая журнал (образ целевой аудитории) – журнал для всех обо всем. Обязательный элемент: как и у всех изданий, на обложке идет отсчет лет от начала выхода. От книжной традиции осталась сквозная – из номера в номер – нумерация страниц для создания годовых подшивок, обложки к которым своевременно распространялись редакцией. Был также установлен своеобразный «стандарт» оформления колонтитула, который подхватывали и другие журналы.

Беллетристика в номере превалирует. Журнал начинается передовым текстовым материалом с фотографией. Далее сразу следуют *глава исторического романа, часть повести*, затем идет *окончание рассказа*. Страницы текстов (8 полос) «разбавлены» полосами, отданными под гравюры, сделанные по картинам, и фотографии (4 иллюстрации). Содержательно изображения не связаны с текстом на соседних страницах, а представляют собой самостоятель-

ные материалы, примечания к которым печатаются после литературного блока под рубрикой «К рисункам». На странице 1076, где начинается этот раздел, мы видим начало подборки пояснительных заметок с подзаголовками ко всем гравюрам в номере. Здесь же наблюдаем первые осторожные опыты с обтеканием иллюстрации текстом – фотография мечети в Казани. Однако комментарий к изображению дается на странице 1078. Заканчивается же рубрика на следующей 1079 полосе, где сразу же начинается раздел «Политическое обозрение». Материал открывается своеобразным лидом: мелким шрифтом кратко, тезисно сообщается, о чем материал. Далее следует полоса с двумя фотографиями, затем – текст и гравюра: изображение рыб Новой Гвинеи (комментарий к которому был размещен ранее) обрамляется продолжением политического обозрения. Возможно, в то время такой дизайн воспринимался нормально, если считать, что в психологии восприятия тех лет еще не сформировалась обязательная смысловая связь между текстом и соседствующим изображением, на которые возлагались *особые функции*. Технологии массового производства методом гравюры картины и фотографии сделала изображения в журнале самостоятельными главными материалами, равномерно рассредоточенными по всему номеру между страниц текста.

За обозрением следуют «Разные известия». Правительственные известия, военное и морское дело, литература и наука, живопись и скульптура, театр и музыка, торговля и промышленность, медицина, почтовые известия, городские известия, археология и древности, дела церкви, из губерний и областей – список подрубрик напоминает круг интересов современного еженедельника, однако в «Ниве» все это занимает одну полосу. В конце следует «Смесь» (полезная информация) и *головоломка*. Внизу на последней странице мелко написано *содержание номера* через тире без указания страниц.

Как мы видим, структура прародителя общественно-политических иллюстрированных еженедельников, была обратная структуре современных изданий (например «Огонёк», «Русский репортер»), где номер начинается с содержания и небольших известий, затем идут «обозрения», корреспонденции, материалы социального характера. Литературная часть сегодня, если и присутствует, то в виде небольшого рассказа, очерка, эссе. Любопытно, что

та особая функция самостоятельного изображения сохранилась в общественно-политических журналах и сегодня. Проявляется она, в первую очередь, в рубриках типа «Фото недели». Научно-популярные издания также прибегают к полосным иллюстрациям. Все это демонстрирует уникальность изображения как носителя одновременно новостной и эмоциональной информации. Однако оно может выполнять и другие функции, например, просто иллюстрировать мысль из текста, которую лучше показать, чем объяснить словами. К 1890-м годам в «Ниве» появляются рисунки такого характера. В 1894 в №31 материал «О короедах, поражающих наши леса...» сопровождается двадцатью рисунками в тексте (о чем указано под заголовком). Мы видим изображения, которые не выполняют особой эстетической функции, а потому не нуждаются в большом размере. Их задача – иллюстрировать текст. Таким образом, встраивание небольших рисунков в полосу помогало по-новому раскрыться научно-популярным, познавательным материалам, и мы видим, что изображения с текстом стали сливаться в единый материал.

Другим вариантом объединения были корреспонденции с фотографиями. Под заголовком материала «Парижская всемирная выставка 1900 г.» сообщается, что он «с 10 рисунками и 2 портретами». Рисунки представляют собой гравюры, сделанные с фотографий. Будучи более детализированными, чем простые рисунки, такие иллюстрации требовали и более крупных размеров – журнал размещает их по две на полосе, отдавая в 1,5 раза больше площади, чем тексту. Замечание по поводу количества рисунков объясняется тем, что издание продолжало практику, давно ставшую фирменным приемом, – полосные репродукции и фотографии, рассредоточенные по номеру, комментарии к которым собраны в отдельной рубрике «К рисункам». По ней так же видно наметившуюся к концу века в дизайне «Нивы» общую тенденцию к логическому структурированию текстовых и изобразительных материалов: теперь иллюстрации, занимающие не всю полосу, а встраиваемые в текст, размещались на странице с самим комментарием. Таким образом, отделенными от текста оказываются только фотография с первой полосы и две репродукции внутри номера – случаи, подобные тем, что мы наблюдали в номере 1886 года, исчезли из практики.

Воронежский государственный университет

Сундуков А. С., кандидат филологических наук, кафедра рекламы и дизайна

Яковлев М. Н., кандидат технических наук, кафедра

рекламы и дизайна

Voronezh State University

Sundukov A. S., Candidate of Philology of the Advertising and Design Department

Yakovlev M. N., Candidate of Technics of the Advertising and Design Department

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ КАК ФЕНОМЕН КОММУНИКАЦИИ

В. А. Черванева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 17 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье описываются основные типы коммуникативных ситуаций бытования мифологического рассказа в традиции.

Ключевые слова: мифологический текст, коммуникативная ситуация, структура текста.

Abstract: in my paper I will describe the main types of the communicative situations of existence of the mythological story.

Key words: mythological text, the communicative situation, the structure of the text.

Понимание фольклора не как эстетического, а как социокультурного феномена, как системы текстов культуры, основная функция которых — трансляция и аккумуляция значимой для социума информации, прослеживается в работах современных отечественных фольклористов — С. Б. Адоньевой [1], Е. Б. Артеменко [2, 65], С. Ю. Неклюдова [3], Б. Н. Путилова [4, 26], Т. В. Цивьян [5, 210–211], К. В. Чистова [6, 37] и др. Такой подход позволяет квалифицировать фольклор как коммуникативную систему, предполагающую контактную передачу сообщений, содержащих традиционные знания, представления, верования, оценки, от адресанта к адресату с использованием присущих народной словесности кодов.

Подход к фольклору как к феномену коммуникации предполагает рассмотрение фольклорного текста не в оторванном от реальности вербально-текстовом, «хрестоматийном» виде, а в рамках ситуации его бытования, с учетом ее коммуникативно-прагматических характеристик.

Такая исследовательская стратегия оказывается особенно актуальной для изучения мифологической прозы — текстов различной жанровой природы (былички, поверья, предписания, запреты и др.), описывающих взаимоотношения человека с миром сверхъестественного с установкой на достоверность сообщаемого. По содержанию эти тексты представляют собой рассказы о контактах человека с различными мифологическими персонажами (например, домовым, «ходячим» покойником, «барабашкой», НЛО и проч.)¹ и — шире — о явлениях, которым дается мифологическая интерпретация (сглаз, порча и др.), а по языковой фактуре — это тексты, для которых характерна низкая степень структури-

рованности, слабая выделенность из потока разговорной речи, значительная зависимость формы текста от внешних условий его порождения [11].

Впервые пристальное и целенаправленное внимание к коммуникативному аспекту бытования мифологической прозы было проявлено в работах Е. Е. Левкиевской [12; 13]. Мифологический текст рассматривается ею как элемент разговорной коммуникации, а его структура, семантика, способы языкового выражения воплощенных в нем мифологических представлений — как детерминированные коммуникативными условиями порождения текста.

Была обнаружена проблема полевой фольклористики: искусственная ситуация интервью, в рамках которого обычно производится сбор фольклорного материала, составляющего потом содержание сборников мифологической прозы, на самом деле дает искаженные результаты. Текст, вырванный из естественных условий бытования, спровоцированный вопросами собирателя, да еще и не всегда грамотного с коммуникативной точки зрения, по своему содержанию и структуре значительно отличается от текстов, бытующих в естественной среде по своим собственным законам воспроизведения и ретрансляции [13, 361–362].

Так, естественная ситуация бытования былички — непринужденная беседа на досуге, обмен репликами людей, которые состоят в доверительных отношениях, поэтому быличка по своей природе двучленна, диалогична, она предполагает когнитивное взаимодействие и взаимопонимание собеседников. «Двучленность былички, — поясняет исследовательница, — заключается в том, что на говорящем лежит функция рассказывания типологически адекватного повествования, своего рода — «картинки», соответствующей той или иной семантической модели, известной в данной традиции и обладающей

¹ Об особенностях мифологического мышления и присущих ему объяснительных схемах см.: [7; 8; 9; 10 и др.].

необходимым количеством релевантных признаков, необходимых для правильного «опознания» слушающим этой картинки. Однако обязанность «отождествить» представленную «картинку» с возможным именем-идентификатором лежит отнюдь не на рассказчике (как думают многие наши фольклористы), а на слушателе» [13, 347].

Именно ситуация беседы, предполагающая смену реплик собеседников, создает необходимые условия для осуществления «быличкового диалога», который Е. Е. Левкиевская справедливо сравнивает с частушечным агонем – «соревновательным» исполнением частушек во время гуляний, описанным С. Б. Адоньевой [1, 148–158].

Тексты, собранные в рамках интервью, получаются иные – по сути, это ответы на прямые вопросы собирателя о наличии того или иного мифологического явления, прямые характеристики мифологического персонажа. Ср. примеры из весьма авторитетного сборника мифологической прозы [14]:

Домовой, хозяин есть такой. Он не показывается, никто его не видит (№ 76).

Хозяин лесу есть. В зеленой одежде ходит, в ботинках, и кепка, фуражка зеленая (№ 129).

А вот в бане есть свой, то уж не домовый, а банник, хозяин бани он, там живет, тоже безобразит, говорят (№ 194).

Как видим, это экспликации мифологических представлений, «фольклорного знания» в форме определения, к которым с разной степенью регулярности может быть присовокуплено повествование о случае контакта человека с этим мифологическим персонажем. Эти высказывания удовлетворяют собирателя, но надо отдавать себе отчет, что они не существуют в традиции в такой форме, поскольку сама ситуация, которая спровоцировала их появление, в традиции отсутствует.

И возникает вопрос – насколько пригодны для изучения реального состояния фольклорной традиции те тексты, которые берутся в качестве материала исследования?

К сожалению, обнаружение проблемы – несоответствия объекта изучения его аутентичной форме – не решило автоматически эту проблему. Чтобы текст пристально анализировать, необходима его фиксация, а в естественных условиях бытования мифологических рассказов, предполагающих доверительный характер отношений коммуникантов и особую ситуацию беседы, а не разговора, запись текстов не всегда возможна – именно в силу доверительности этой ситуации.

Возникают ограничения этического характера: запись текста без предупреждения может быть расценена как нарушение прав человека (информанта)².

² Этическая составляющая ситуации фиксации фольклорного текста в подобных условиях многократно обсуждалась в сообществе антропологов (см., напр., в [15; 16; 17] и др.).

Однако при соблюдении всех формальных требований ситуация общения естественным образом становится искусственной – информант и собиратель теряют статус собеседников и становятся «опрашиваемым» и «вопрошающим».

Сложности с «живой» записью текста могут быть и чисто технического характера. Особенно редко удается записать мифологический текст, который возникает спонтанно в процессе коммуникации и инициатором которого является сам рассказчик – при том, что *a priori* именно такие тексты и представляют наибольшую ценность как в большей степени соответствующие естественной среде бытования словесности подобного рода.

Как один из вариантов преодоления ситуации ножниц в исследовании мифологических текстов может быть использован метод включенного наблюдения при условии вживания собирателя в среду информантов или же изначальной включенности исследователя в эту среду (при наблюдении за речью соседей, родственников, знакомых).

Если попытаться обобщить случаи, в которых приходилось наблюдать «живое» бытование мифологических текстов, когда текст возникал спонтанно, без целенаправленного вопроса на «мифологическую» тему, то можно выделить три типа таких ситуаций:

- «классическая» ситуация;
- ситуация «передачи опыта»;
- ситуация «доверительного сообщения».

Ситуация первого типа – «классическая» – достаточно детально описана Е. Е. Левкиевской в работе «Быличка как речевой жанр» [13], и характеристики этой ситуации уже были названы выше – диалог равных по статусу собеседников, непосредственный, неформальный характер коммуникации; это ситуация досуга (например, беседа у костра на рыбалке), совместного, иногда вынужденного времяпровождения (общение попутчиков в вагоне поезда) и т. п. Если иллокутивная цель рассказчика былички будет адекватно воспринята собеседником, то последует «правильная» в коммуникативном плане реакция – ответная реплика в виде рассказа подобного же типа. Таким образом, в «классической» ситуации инициатива повествования переходит от одного участника диалога к другому и во время беседы происходит постоянная смена коммуникативных ролей.

Ситуацию второго типа – «передачи опыта» – приходилось наблюдать в непосредственном общении с собеседницей старшего поколения. Характерным признаком такой ситуации является коммуникативное доминирование рассказчицы, ее стремление воздействовать на собеседника, убедить его в достоверности сообщаемой информации. На вербальном уровне данная прагматическая установка проявилась в наличии конструкций, вы-

полняющих функцию подтверждения статуса источника информации.

Источники мифологической информации (или же мифологической интерпретации сообщаемого) можно свести к трем разновидностям:

1) рассказчик в меморате (повествовании от 1-го лица о собственном опыте). Функцию подтверждения его авторитета выполняют обращения к собеседнику – в форме вопроса или утверждения:

*Три часа ночи... Звонок нам. Я просыпаюсь, Серафимыч [муж] подходит к телефону, и я говорю: «А что такое?» <...>. «Да это меня там по работе спросили...». А я проснулась от звонка и от того, что передо мной появился мой папа, вот, во сне, во сне появился. А утром он мне говорит, Серафимыч: «Я не стал тебе ночью говорить: мама, моя мама упала – в три часа ночи. В три часа мой папа передо мной стоит. Вот, Вика, ты понимаешь, **ведь ты же меня знаешь, что я непьющая**, ничего, и вот так вот...»³;*

2) источник информации в фабулате (повествовании от 3-го лица об опыте другого человека) – вторичный нарратор [18, 79–80]. Ср.: примеры конструкций, выполняющих функцию подтверждения авторитета этого вида источника:

*Я вот с одной девочкой знакома, она тоже **такая, православная**... И она говорит <...>. «Да, но первый помощник у меня остается мама». И она ее перед сном спрашивает там о чем-то, ты понимаешь, а мама ей советует.*

<Инф.>: *Теперь, у меня соседка была Наташа, ты ее не знаешь.*

<Соб.>: *Знаю, у нее девочка умерла.*

<Инф.>: *Да-да, Иринка. Ой, какая трагедия... И она мне говорит... Она очень славная девчонка, эта Наташка. Я, говорит, развожусь с мужем. <...>. И вот она заснула, а ночью, ночью мама ее – она умерла, мама ее, у нее был рак мозга – она встала, вернее, села на край постели и сказала: «Наташенька, не разводишься» <...>. И Наташа еще жила. И вот как раз хорошо, что она жила, почему: как раз когда разбилась ее Иринка, они на это время – он гулял у нее муж – забыли и вместе пережили это горе. Ты понимаешь, мама, видно, знала, что будет горе и поэтому сказала: «Не разводишься». Если бы они развелись, он там к другой бы ушел, все равно это не то, чем когда рядом муж;*

3) источником мифологических интерпретаций может выступать коллективное традиционное знание, которое излагается в форме поверий, предписаний, запретов и др. Такого рода ссылка на авторитет традиции также выполняет функцию подтверждения достоверности сообщаемого. Ср.:

Ты, конечно, знаешь, что есть сны божественные,

³ Здесь и далее – запись из личного архива автора. Информант – Т. Л. В., 75 лет, проживает в пос. Подгоренском Воронежской обл., зап. 04.01.2014 г.

есть никакие, есть дьявольские <...>. И вот эти, наверное, можно к светлым снам, к божественным причислить.

Но то, что есть души у мертвых и они помогают, это я всегда знала... <...> пойми, что к этим рассказам нельзя относиться наплевательски...

Структурный элемент, устанавливающий доверительные отношения со слушателем, – просьба подтвердить доверие к нему как к рассказчику, как кажется, обусловлен иллюкативными целями инициатора мифологического рассказа – убедить слушателя в истинности произносимого, а также в истинности эксплицируемой им картины мира и таким образом побудить к определенному отношению к описываемому явлению (Ср.: «*пойми, что к этим рассказам нельзя относиться наплевательски...*»).

Следует отметить, что этот элемент встречается в текстах, произнесенных в ситуации общения между хорошо знакомыми, но все же не самыми близкими людьми. В ситуациях, когда между коммуникантами и так существуют близкие, доверительные отношения, специальное подтверждение доверия не требуется, поэтому в текстах, записанных или услышанных от родственников, этого элемента нет.

Что касается ссылки на авторитет традиции, она подтверждает истинность содержания текста, в некотором смысле «оправдывает» экспликацию текста на мифологическую тему и не зависит от степени близости собеседников. В данном случае фактором включения / невключения в повествование указанных элементов является скорее соотношение возраста коммуникантов: чем больше разрыв в возрасте, тем вероятнее мифологический нарратив будет сопровождаться комментариями в форме поверья, мантического текста, инструкции, что повышает дидактический потенциал текста.

Третий тип ситуации, в которой приходилось наблюдать «естественное» бытование мифологического текста, – «доверительное сообщение» – реализуется, когда человек рассказывает о своем уникальном опыте контакта со сверхъестественным и, в отличие от «классической» ситуации, не ждет, чтобы собеседник «опознал» то, что с ним произошло, а чтобы тот дал свою оценку, высказал свое мнение. При этом у самого рассказчика нет «правильного» ответа, он сам находится в состоянии когнитивной неопределенности, ожидает эмоциональной поддержки от собеседника. Наиболее часто такая ситуация наблюдается при экспликации рассказов о снах.

Подведем итоги – обобщим коммуникативно-прагматические характеристики описанных ситуаций «естественного» бытования мифологических текстов в виде таблицы:

Таблица

Типы ситуаций	Соотношение статуса собеседников	Преобладающая форма речи	Иллокутивная цель рассказчика
«классическая»	равны по статусу	диалог	повествование
«передачи опыта»	рассказчик выше по статусу	монолог	побуждение (в форме убеждения)
«доверительное сообщение»	равны или рассказчик ниже по статусу	диалог	вопрос

Таким образом, представление о том, что мифологический рассказ как жанр фольклора существует в реальной коммуникативной среде, является прежде всего феноменом коммуникации, приводит к необходимости учитывать особенности ситуации фиксации этих текстов:

- естественный / искусственный (в рамках интервью) характер беседы;
- инициатива экспликации текста (произнесение текста по собственной инициативе или как ответ на вопрос);
- иллокутивные цели высказывания на мифологическую тему;
- характер отношений собеседников, степень их знакомства;
- соотношение возраста собеседников.

Учет названных факторов при анализе конкретного текста позволит точнее описать его содержание и структуру, выявить постоянные, инвариантные признаки и дифференцировать их от факультативных особенностей, детерминированных ситуацией экспликации высказывания на мифологическую тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Б. Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – СПб. : СПбГУ; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
2. Артеменко Е. Б. Миф. Фольклор. Эстетика тождества / Е. Б. Артеменко // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Гацака. – М. : Наука, 2004. – С. 57–67.
3. Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты / С. Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – С. 3–7.
4. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoriam / Б. Н. Путилов. – СПб., 2003. – 457 с.
5. Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке / Т. В. Цивьян // Типологические исследования по фольклору : Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М., 1975. – С. 210–211.
6. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор /

К. В. Чистов. – Л., 1986. – 304 с.

7. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология; Сост. М. В. Ахметова. – М. : РГГУ, 2005. – С. 9–26.

8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 408 с.

9. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : МГУ, 1994. – 144 с.

10. Голосовкер Я. Э. Избранное : Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2010. – 494 с.

11. См. материалы круглого стола «Народная мифологическая проза: новые методологические подходы» (ЦТСФ РГГУ, 20 марта 2013 г.) – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/mythological_prose_abstracts.pdf

12. Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст : семантика, диалектология, прагматика : дис. ... д-ра филол. Наук / Е. Е. Левкиевская. – М., 2007. – 634 с.

13. Левкиевская Е. Е. Быличка как речевой жанр / Е. Е. Левкиевская // Кирпичики : фольклористика и культурная антропология сегодня : Сб. статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. – М. : РГГУ, 2008. – С. 341–363. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm>

14. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / [сост. и автор комментариев О. А. Черепанова]. – СПб. : СПбГУ, 1996. – 212 с.

15. Мороз А. Б. Заметки «инквизитора»: к вопросу об этике полевой работы / А. Б. Мороз // Живая старина. – 2008. – №1 (57). – С. 32–34.

16. Соколова З. П. И вновь о методологии и методике полевых исследований? / З. П. Соколова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 5. – С. 170–178. – Режим доступа: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Sokolova_2010_5.pdf

17. Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. – 2006. – № 5. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2006_5/

18. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : ЯСК, 2003. – 312 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Черванева В. А., кандидат филологических наук, доцент
E-mail: viktoriya-cherwaneva@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Chervaneva V.A., Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: viktoriya-cherwaneva@yandex.ru

АНИМАЦИЯ В СИСТЕМЕ МАССМЕДИА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Д. О. Юмашев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье анализируется процесс развития анимационного видео в контексте системы массмедиа. Рассматриваются функции, которые выполняла анимация на разных этапах развития. Изучаются коммуникативные ресурсы анимации.

Ключевые слова: массмедиа, СМИ, телевидение, анимация, мультипликация, агитация, пропаганда, политика, сатира.

Abstract: The process of animation video evolution in the context of mass media system is analyzed in the article. The functions animation performed at different stages of its evolution are considered. Communicative resources of animation are studied.

Key words: massmedia, television, animation, animated cartoons, agitation, propaganda, politics, satire.

За сто с лишним лет своего существования кинематограф прошел огромный путь. Сначала фильмы по большей части были трюковыми, констатирующими, зачастую лишенными простой сюжетной линии. Сегодня язык кинематографа и видеопродукта стал значительно сложнее. Вокруг кино сложились целые индустрии и социальные институты. Это же можно сказать и о телевидении.

Мультипликация, равно как и кинематограф, относится к экранным искусствам, однако путь её развития был иным, нежели у кино. Семиотическая палитра анимации долгое время оставалась скудной. Подобные видеопродукты не играли значимой роли. Неверно сводить причины такой «ограниченности» анимации к одному лишь нежеланию производителей осваивать новые возможности. Очевидно, для полноценного развития анимации еще не было предпосылок и потребности общества. Обширные возможности рисованных роликов долгое время использовались частично, в единичных случаях и нередко не получали широкой известности.

Сфера применения мультипликационного кино начинает резко расширяться с середины двадцатого века. В частности, рост популярности этого вида экранного искусства связан с развитием телевидения. Значительно обогатились тематика и круг методов анимации. Следует отметить, что гораздо более разнообразной стала и аудитория. Начали появляться различные школы и течения, а герои роликов набрали популярность настоящих кинозвезд.

Коммуникативные возможности анимационного видеоконтента шире, чем у традиционного видео. Если кинематографический видеоряд констатирует действительность, воспроизводит «наблюдение над

фактом, протекающим во времени»¹, то мультипликационный метод предполагает трансляцию невозможной в действительности ситуации.

Анимационное видео воспроизводит не запечатленную, но созданную автором картину мира. Следовательно, образ, существующий в мультипликационном фильме вторичен по отношению к действительности, так как он уже преобразован и переосмыслен автором. То есть мультипликация – это метод производства видеоматериалов, в рамках которого искусственно создается развернутый во времени образ действительности – фактов, событий, явлений.

По схожим принципам объективная реальность отражается в газетной карикатуре: в материалах объективируется переосмысленная окружающая действительность. Автор подбирает форму подачи материала таким образом, чтобы негативные, заслуживающие обличения и осмеяния аспекты были наглядны. При этом картина действительности, создаваемая автором, не должна быть документально достоверной. Однако подобная условность, свойственная и мультипликационному кино, не сказывается на реализме его языка, на его семиотической адекватности, поскольку задача автора – создать убедительную картину мира.

Возможность создавать образы, а не ретранслировать их определяет и разнообразие вариантов звукового сопровождения мультипликационного видео. В то же время музыкальный ряд может выступать в роли организующего звена той или иной сцены и подчинять себе визуальный ряд.

Такая вариативность выразительных средств анимационного кино определила его жанровое развитие и широкое распространение. В настоящее время анимация часто используется в образователь-

ных целях, для визуального представления данных, широкое распространение получила мультипликационная сатира.

В то же время следует отметить, что освоение анимационным кино новых сфер и тематик началось относительно недавно. Мультипликация долгое время считалась явлением несерьезным, близким к народной культуре. Действительно, средствами анимации воссоздано большое число фольклорных произведений, тогда как реалистические произведения крайне редко получали воплощение в мультипликационном кино. Однако следует понимать, что коммуникативный и семиотический потенциал мультипликационного кино значительно выше и не ограничивается воспроизведением произведений народного эпоса. Тематическая ограниченность, которая долгое время была свойственна анимационному кино, обуславливалась ассоциацией мультипликации со специфическими литературными формами.

Также следует отметить, что на заре существования анимационного видео, еще до становления диснеевской школы, разрабатывающей преимущественно фольклорную тематику, на Западе была распространена анимационная комедия положений и трюковые фильмы. Развитие получали многосерийные короткометражки с образом-маской, фигурирующим в каждой серии. Персонаж-маска наделялся характерными для своего типажа чертами.

Драматургия таких мультипликационных роликов была довольно прямолинейной, внимание акцентировалось на действиях героев. Жанр испытывал влияние стилистики комикса. Предполагается разделение серии на ситуации, совсем не связанные между собой. Каждый такой эпизод условно делится на три части: первая – знакомство с обстановкой и персонажами, вторая – само действие, в котором проявляется характер персонажей, и третья – переход к следующей ситуации. Как правило, драматургия подобных анимационных фильмов довольно строго вписывается в указанный шаблон. Режиссура же предполагает наличие ритмических рамок. Завязка, экспозиция ситуации и переход к следующей сцене должны иметь четкие пропорции, не должны быть затянуты. В то же время ускорение чревато тем, что зритель не успеет ознакомиться с ситуацией. Создается система «ожидание – разрушение ожидания».

Во многих аспектах советская анимация проходила через те же этапы развития, что и зарубежная. В анимации часто воплощались произведения народного эпоса, детские литературные произведения. Но на Западе на заре существования анимации данные жанровые формы превалировали, то советская анимация сразу же начала осваивать политическую тематику. В частности, широкое развитие получили анимационные фильмы плакаты («Межпланетная

революция», 1924²; «Результаты XXII съезда кооперации», 1925³; «Китай в огне», 1925⁴).

Наряду с фильмами-плакатами развивались и другие формы политической анимации, в частности, анимационный фильм-памфлет. Одной из первых таких работ был памфлет «Новый Гулливер» А. Птушко⁵. Политическая сатира в такой неожиданной форме имела значительный успех и привлекала внимание зрителей во многих странах. Полнометражная мультипликационная картина, снятая в 1935 году, получила ряд наград: II Международный кинофестиваль в Венеции, Международный московский кинофестиваль, а также грамота Сарры Мокиль «За выразительные типажи».

Значение мультипликационной политической сатиры возрастало. Появление ленты «Новый Гулливер» дало развитие всему жанру и вскоре начали выходить другие полнометражные и короткометражные политические анимационные фильмы. Вышли работы С. Юткевича, В. Ливанова. Функции анимации стали значительно шире пресловутого развлечения: анимация выполняла мобилизационную и обличительную роль. Визуальные выразительные средства осваиваются аниматорами как инструмент ретрансляции идеологии и выявления социального зла. Универсальность и декодируемость языка анимации стали залогом её успеха. «Мультфильм ищет себя как особый и самостоятельный вид искусства именно в таких областях, как психология, философия, пропаганда научных и политических идей»⁶.

Жанровые особенности современной западной мультипликации во многом обусловлены законами, по которым функционирует индустрия производства мультипликационного кино. Принято разделение на два основных течения: массовая, коммерческая анимация и так называемая «экспериментальная» или фестивальная анимация. Следует отметить, что к первой категории принято относить контент, созданный для широкого проката. Вторая группа не предполагает априорного наличия того или иного эксперимента в форме или содержании. В отечественной традиции такая форма скорее понимается как художественная.

² Межпланетная революция : [Электронный ресурс]. – Видеохостинг youtube.com. – <http://www.youtube.com/watch?v=PnDWeOiHNeA>

³ Результаты XXII съезда кооперации : [Электронный ресурс]. – Видеохостинг youtube.com. – http://www.youtube.com/watch?v=Td_ByQnvjQ

⁴ Китай в огне : [Электронный ресурс]. – Видеохостинг youtube.com. – <http://www.youtube.com/watch?v=jsNLxyYEW4>

⁵ Новый Гулливер : [Электронный ресурс]. – Видеохостинг youtube.com. – <http://www.youtube.com/watch?v=jhPaH002Xcc>

⁶ Тарковский А. А. Запечатленное время / А. А. Тарковский // Вопросы киноискусства. – № 10. – Наука, 1967. – С. 87.

Ситуация, обусловленная принципами проката и работы всей мультипликационной индустрии, явно не добавляет динамики развитию жанровых форм. Вероятно, это является причиной почти полного отсутствия острой социальной и политической анимационной сатиры на телевидении и в прокате.

Действительно, наибольшую популярность анимационного кино имели сказочные мотивы. Среди самых «кассовых» фильмов можно обнаружить ряд полнометражных фильмов различных мультипликационных студий именно такого рода. Мультипликационный метод ассоциируется у массового зрителя в первую очередь с развлекательной индустрией.

Мультипликационный метод плотно закрепился в культуре и системе массмедиа, объединив в себе возможность использования знакомых каждому человеку мотивов, большой набор выразительных средств, доступность для понимания. Все это позволило методу охватить широчайший спектр тем и воплотить на экране ряд произведений различных направлений искусства, в том числе и сатирических.

Важный этап развития коммуникативных ресурсов анимации начинается в 1940 году и связан с созданием студии UPA, специализирующейся по большей части на учебном контенте. Примечательна стилистика визуального ряда продуктов студии. Анимационные фильмы и ролики создавались в минималистичном стиле, со слабой детализацией. Новаторский подход студии разделил мультипликацию на два течения: лимитированная, то есть, минималистичная анимация и полная, то есть классическая, более реалистичная.

Решение аниматоров получило широкое развитие в прокате и, в первую очередь, на телевидении. Характерной для подобных лент была схожесть с карикатурами: при незначительной детализации подчеркивались наиболее характерные черты персонажей. Простота визуального ряда обуславливалась как авторским замыслом, так и прагматизмом создателей. Телеканалам было выгодно заполнять сетку вещания продуктом, производство которого было менее трудоемким и дорогостоящим. Анимационные сериалы в течение всего времени существования имели большую популярность. Многие сериалы выходили нескольких лет. Популярность мультипликационных сериалов закономерно возросла с развитием телевидения.

Открытие студии в области визуального ряда подготовило новый виток развития языка анимации. Описанное стилистическое решение стали использовать аниматоры социалистических стран: Иржи Трнка, Тодор Динов, Попеску-Гопо, Ян Леница. В это же время набирает популярность Загребская школа анимации. Развитие получила политическая и сатирическая тематики.

Выше мы уже говорили об освоении советскими аниматорами политической и сатирической тематик

еще в 20-х – 30-х годах. Несомненно, анимационная политическая сатира того периода стала важной вехой в развитии мультипликации, но не стала популярной у массового зрителя. По всей видимости, на тот момент коммуникативные возможности анимации еще не были в достаточной степени разработаны, отсутствовали и благоприятные условия для тиражирования подобного продукта.

Проблемная политическая и сатирическая анимация уверенно потеснила развлекательную только в середине XX века. Учреждаются международные премии в области серьезной анимации, в учебных заведениях по всему миру создаются специализированные факультеты.

Значимой вехой в развитии анимационного кино стал фильм английского режиссера Дж. Даннинга «Yellow submarine». Фильм обогатил набор стилистических средств аниматоров и тематический спектр. Жанровая форма была в наибольшей степени ориентирована на мюзикл, популярный в тот период. Фильм объединил в себе ресурсы анимации, актуальность затрагиваемых тем и популярность персонажей, участников группы «The Beatles». Основа тематической линии – идеалы культуры хиппи. Фильм был выполнен в ярких цветах, свойственных этой культуре. Также в фильме в ироническом ключе описывается современный уклад жизни на Западе. Успеху фильма поспособствовал остроумный отбор актуального материала. Фильм произвел фурор в прокате. После его выхода анимация набрала огромную популярность и даже начала массово использоваться в рекламе различных товаров, тогда как ранее применялась только для продвижения детских товаров.

Также в тот период широкую популярность в прокате получил ряд других проблемных анимационных фильмов. В частности, выходят сатирические анимационные фильмы Ральфа Бакши. Среди наиболее известных его произведений – фильм «Приключения кота Фрица»⁷, в котором главный герой – это антропоморфный кот, ведёт нездоровый городской образ жизни и исследует законы, по которым развивается социум. В частности, критике подвергается ряд идеалов шестидесятых годов. Ряд других произведений Р. Бакши также посвящен острым вопросам и изобличает негативные явления.

Проблемная анимация активно разрабатывает темы неофашизма, классового неравенства, левого движения, преступности. Новая для широкой аудитории форма разработки подобных острых вопросов способствует привлечению внимания к проблемам и вызывает у публики любых возрастов эмоциональный отклик. В семидесятых годах проблемная анимация окончательно закрепляется в прокате и сетке

⁷ Приключения кота Фрица : [Электронный ресурс]. – Видеохостинг youtube.com. – <http://www.youtube.com/watch?v=VOPXxBESMH0>

вещания телеканалов. Авторы осознали весь коммуникативный ресурс анимации, подходящий для реализации самых сложных тем. Свою роль в становлении мультипликации сыграла универсальность её коммуникативных средств, возможность применять метод анимации при переосмыслении любого материала, широкие возможности для эксперимента.

По всей видимости, на сегодняшний день, коммуникативный ресурс мультипликации не исчерпан. Анимация продолжает поиск новых форм, её всё чаще применяют неожиданным образом в новых сферах. В частности, анимационный контент всё чаще находит применение в образовании, в науке, а также в научно-популярных СМИ, создающих таким образом более наглядный иллюстративный материал. Однако последние годы все очевиднее становится, что этот вид коммуникативной связи обладает уникальными возможностями в сфере научного познания мира.

В 2012 году возможности анимационной сатиры заинтересовали информационное агентство «Reuters». Информагентство начало сотрудничество с компанией «Next Media Animation», создавшей приложение, позволяющее оперативно генерировать анимационный контент на основе шаблонов. Коммуникативные ресурсы анимации используются средством массовой информации в самых разных целях: как для освещения темы в сатирическом ключе или дополнения аналитики инфографикой, так и в качестве замены репортажного фото или видео. Так, аниматоры из NMA воссоздали в компьютерной графике автомобильную аварию, в которую попал знаменитый гольфист Тайгер Вудс. Также показателен пример использования анимации в качестве замены репортажного визуального контента во время освещения громкой новости об убийстве подруги известного паралимпийца Оскара Писториуса⁸. Во время расследования отработывалась версия спортсмена, согласно которой он перепутал девушку с грабителями. Эта версия и была детально проиллюстрирована в ролике⁹. В ролике наглядно воссоздан интерьер дома Писториуса, в котором произошла трагедия, и изложенный паралимпийцем ход событий.

Использование «репортажной анимации» позволяет СМИ проиллюстрировать текст в случаях,

⁸ Бегун Писториус обвиняется в убийстве : [Электронный ресурс]. – ИноСМИ. – <http://inosmi.ru/africa/20130215/205924006.html>

⁹ Next Media : Animation of Oscar Pistorius' affidavit : [Электронный ресурс]. – Видеохостинг youtube.com. – <http://www.youtube.com/watch?v=DRMK84VhzkA>

когда корреспонденты не смогли запечатлеть событие, либо не были допущены на место происшествия. Также мультипликационный контент позволяет схематично демонстрировать события, которые выглядели бы в СМИ неэтично.

Выше мы неоднократно говорили о решении посредством анимации утилитарных задач – мобилизация, агитация, обучение, сатирическое освещение, наглядная демонстрация. Разнообразие сфер применения мультипликации обуславливается универсальностью и интернациональностью её коммуникативных средств. Язык анимации в большинстве случаев не требует перевода и пояснения. Уникальный набор коммуникативных характеристик позволяет анимационному контенту формулировать тезис ёмко и наглядно. По нашему мнению, указанные характеристики метода обусловили его широкое распространение, в частности, в современных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестерина А. М. Проблемы формирования регионального интернет-телевидения / А. М. Шестерина // Вестник ВГУ. Серия Филология, журналистика. – 2014. – № 1. – С. 234.
2. Тарковский А. А. Запечатленное время / А. А. Тарковский // Вопросы киноискусства. – № 10. – Наука, 1967. – С. 87.
3. Межпланетная революция : [Электронный ресурс] : Видеохостинг Youtube.com. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=PnDWeOiHNeA> (дата обращения 20.01.2015)
4. Результаты XXII съезда кооперации : [Электронный ресурс] : Видеохостинг Youtube.com. – URL: http://www.youtube.com/watch?v=Td_ByQnvjQ (дата обращения 20.01.2015)
5. Китай в огне : [Электронный ресурс] : Видеохостинг Youtube.com. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=jNLxyYEW4> (дата обращения 20.01.2015)
6. Новый Гулливер : [Электронный ресурс] : Видеохостинг Youtube.com. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=jhPaH002Xcc> (дата обращения 20.01.2015)
7. Приключения кота Фрица : [Электронный ресурс] : Видеохостинг Youtube.com. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VOPXxBESMH0> (дата обращения 20.01.2015)
8. Бегун Писториус обвиняется в убийстве : [Электронный ресурс] : ИноСМИ : <http://inosmi.ru/africa/20130215/205924006.html>
9. Next Media : Animation of Oscar Pistorius' affidavit : [Электронный ресурс] : Видеохостинг Youtube.com. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=DRMK84VhzkA> (дата обращения 20.01.2015)

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию, краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подписуемая подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.